

Б. М. Бабаджанов,
А. К. Муминов,
А. фон Кюгельген

Диспуты
мусульманских
религиозных
авторитетов
в Центральной
Азии в XX веке

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES,
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE, KAZAKHSTAN
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, ACADEMY OF
SCIENCES, UZBEKISTAN
INSTITUTE OF ISLAMIC AND MIDDLE EASTERN STUDIES,
UNIVERSITY OF BERN, SWITZERLAND

Bakhtiyar M. Babajanov,
Ashirbek K. Muminov,
Anke von Kügelgen

**Disputes
on Muslim Authority
in Central Asia
in 20th Century**

Almaty "Daik-Press" 2007

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ИМ. Р.Б. СУЛЕЙМЕНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
БЕРНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ШВЕЙЦАРИЯ

Б. М. Бабаджанов,
А. К. Муминов,
А. фон Кюгельген

**Диспуты
мусульманских
религиозных
авторитетов
в Центральной Азии
в XX веке**

Алматы "Дайк-Пресс" 2007

ББК 86.2
Д 48

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«КАЗАХСТАНСКИЕ ВОСТОКОВЕДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»:**

И. Н. Тасмагамбетов (председатель)
М. Х. Абусентова (зам. председателя), Ю. Г. Баранова,
Б. А. Казгулов, Б. Е. Кумеков, А. К. Муминов,
К. Т. Талипов (Казахстан);
Б. М. Бабаджанов (Узбекистан);
С. Г. Кляшторный (Россия);
А. М. Хазанов (США);
Винсент Фурньо (Франция)

Д $\frac{0403000000}{00(05)-07}$

ББК 86.2

ISBN 9965-798-25-7

© А. К. Муминов, Б. М. Бабаджанов,
А. фон Кюгельген, 2007

© Дайк-Пресс, оформление, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова едва ли не с самого начала своего основания (1996 г.) ориентирован на изучение и издание рукописных источников, касающихся истории не только Казахстана, но и близлежащих стран и регионов. При этом мы, естественно, исходим из того, что история и исторические события на территории Казахстана были связаны с окружающей (в некоторых периодах единой) историко-географической ойкуменой. Именно поэтому издаваемые в последние годы в нашем институте рукописные и иные исторические источники написаны в разных регионах, на разных языках и, естественно, с неодинаковыми интерпретациями тех событий, которые касались истории Казахстана.

Исторические труды наиболее плодотворны, если они основаны на сравнительных (компаративных) исследованиях в самом широком смысле этого определения. И это тоже побуждает нас изучать историю похожих событий и явлений, имевших место в соседних странах, привлекать и издавать соответствующие источники. Поэтому мы стараемся активно сотрудничать с научными учреждениями и учеными ближнего и дальнего зарубежья. Хотелось бы особо отметить наше международное партнерство — работу с профессором Университета Берна госпожой Анке фон Кюгельген, которая руководит проектом под общим названием «Disputes on Muslim Authority in Central Asia (19th–20th Centuries): Critical Editions and Source Studies» [Диспуты мусульманских религиозных авторитетов (XIX–XX вв.): критические издания и исследования источников]. В настоящее время мы имеем все основания назвать этот проект казахско-швейцарско-узбекским, так как в нем принимают участие ученые этих трех стран. К тому же первая часть проекта — «Аноним жития Дукчи Ишана» — издана в рамках серии нашего института «Казахстанские востоковедные исследования» при финансовой поддержке фонда the Swiss National Science Foundation (Schweizerischer Nationalfonds). Конкретно для ученых, занимающихся новой историей Казахстана, это издание и исследования могут быть полезными в изучении похожих национально-освободительных выступлений, имевших место в Казахстане век и более

тому назад. В частности, можно проследить степень влияния религиозной и национальной составляющих в качестве стимула национально-освободительных выступлений (например, 1916 года).

Общность судеб народов Центральной Азии и Казахстана, прослеживаемая на протяжении тысячелетий, была обусловлена не только территориальной близостью, взаимными отношениями и сходными природно-климатическими условиями, но и тем, что весь регион периодически подпадал под влияние общих культурно-исторических процессов. Причем важную роль в этом феномене играло не только единство этнокультурных процессов, но и отсутствие внутренних границ, что послужило благоприятной почвой для постоянных и широкомасштабных связей внутри региона. Именно поэтому Центральная Азия всегда была самодостаточным и целостным территориальным образованием с четко выраженной спецификой культурно-исторических процессов.

Все сказанное еще раз подтверждает мысль о том, что нынешняя история или, скажем, политика Казахстана тоже не могут быть изолированными. И в этом отношении региональный контекст нашей истории и политики был отмечен недавними встречами президентов Казахстана и Узбекистана. Оптимальный путь понять и договориться с соседями — это как можно лучше знать историю друг друга. Тем более, повторяем, что эта история часто была для нас единой. Поэтому, надеемся, что предлагаемое задание будет полезно специалистам гуманитарного направления (историкам, востоковедам, политологам), а также вызовет интерес у широкого круга читателей.

М. Х. АБУСЕИТОВА,
директор Института востоковедения
им. Р. Б. Сулейменова МОН РК,
профессор

ВВЕДЕНИЕ:

религиозные тексты советского времени

Исследователи, изучающие историю ислама в бывших советских республиках Центральной/Средней Азии, как правило, сталкиваются с проблемой отсутствия письменных источников (сочинений, фетв/фатава, писем, дневников и т. п.), составленных в среде 'улама', внутри общины мусульман. Понятно, что в условиях советского режима с его политикой физической ликвидации носителей теоретического ислама ('улама'), жестким контролем, тотальной слежкой и официальной моноидеологией религиозных сочинений составлялось не так много. Тем не менее даже в таких неблагоприятных условиях религиозно-теоретическая мысль не погасла окончательно, и отдельные произведения 'улама' того времени можно еще обнаружить в частных архивах. Бесспорно, велико их значение для правильной оценки способов адаптации традиционной части населения к новым условиям исторических экспериментов большевиков по строительству «светлого коммунистического будущего без религии и наций» (1917–1991). Эти эксперименты не прошли бесследно для местных мусульман и 'улама', отражаясь в их риторике, стиле сочинений и даже в образах «врагов ислама и мусульман». Тем более именно в это же время появились зачатки той самой идеологии, которая потом (с началом реформ М. Горбачева, 1985–1991 гг.) станет основой бурного возрождения ислама в регионе, диспутов о формах этого возрождения, затем политизации религии, расколов и появления религиозно-экстремистских групп.

По крайней мере, без изучения письменных источников и общественного мнения среди верующих трудно корректно оценить сегодняшние проблемы, связанные с ренессансом ислама как составной части идеологии и духовности местных автохтонных социумов.

Определенную перспективу на этот счет дают так называемые официальные источники, то есть документы (в основном фетвы и распоряжения), которые стали результатом деятельности официально допущенных религиозных учреждений, вроде шари'атских/казийских судов или Среднеазиатского духовного управления мусульман (далее САДУМ, 1943–1992). Это же можно

сказать и о документах специальных «комитетов по религиозным культам» при местных правительствах. Даже предварительное ознакомление с этими источниками показало их важность в изучении такого феномена, как «советский ислам» на территории Центральной Азии¹. Эти исследования необходимо продолжать, тем более что указанные документы достаточно надежно хранятся в архивах и доступ ученых к их основной массе открыт².

Естественно, невозможно сделать корректную оценку сохранившихся в государственных архивах документов, преимущественно исходящих из официальных органов, без знания местной специфики³, исторической перспективы, борьбы идей и диспутов в среде 'улама', которые фактически в нелегальных условиях продолжали традицию конфессионального образования и участвовали в поддержании религиозного сознания. Таким образом, полноценную

¹ Anderson J. Islam in the Soviet Archives: a Research Note // *Central Asian Survey*. Vol. 13. No 3 (1994). P. 383–394; Бабаджанов Б. О фетвах САДУМ против «неисламских» обычаев // *Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри* / Под ред. Алексея Малашенко и Марты Брилл Олкотт. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. С. 170–184; он же. Бабахановы // *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь* / Под ред. С. М. Прозорова. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2003. С. 12–13; Бабаджанов Б. М., Олкотт М. Б. САДУМ // *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь* / Под ред. С. М. Прозорова. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2003. С. 69–72; Babadjanov, Bakhtiyar M. From Colonization to Bolshevization: Some Political and Legislative Aspects of Molding a «Soviet Islam» in Central Asia // *Central Asian Law: An Historical Overview. A Festschrift for The Ninetieth Birthday of Herbert Franke*. Edited by Wallace Johnson, Irina F. Popova. Topeka, Kansas: Society for Asian Legal History, The Hall Center for the Humanities, The University of Kansas, Lawrence, Ks., 2004. P. 153–171.

² Правда, менее доступными остаются документы, хранящиеся в архивах спецучреждений, которые вели расследования репрессированных «врагов народа», в том числе и так называемые религиозные дела.

³ Здесь имеется в виду устойчивость местных (в том числе и религиозных) традиций, отражавшихся в социальной жизни, во взаимоотношениях людей, семейном укладе, идентичности, менталитете и т. д. Эта среда не могла функционировать без «пастырей» (махаллинских мулл, 'улама' местного масштаба и пр.), которые, оставаясь частью общины, придавали необходимый смысл и даже сакральный статус сохраняемым обычаям.

перспективу на феномен «советский ислам» в Центральной Азии мы можем иметь в случае комплексного исследования всех видов источников.

Однако исследователям труднодоступны источники и иная (например, устная, с учетом ее пристрастности) информация обо всех условиях и обстоятельствах дискуссий. В восполнении одного из таких пробелов и заключается основная цель составителей и издателей настоящего сборника. Это, конечно, публикации первоисточников, из которых мы выбрали лишь часть. Они отражают диспуты и расколы среди местных 'улама', имеющие последствия до сих пор.

Хронология составления этих сочинений тоже выбрана нами не случайно — это начало и конец советской эпохи⁴. В этот период они появлялись в результате диспутов и расколов, происходивших в местной религиозной среде (об этом подробнее далее).

Некоторые материалы и статьи, отражающие те или иные аспекты такого рода диспутов, уже опубликованы⁵. Мы предлагаем лишь их краткий обзор на основе этой информации. Кроме того, мы добавим комментарии и критические замечания по каждому из публикуемых источников, используя также собранную нами устную информацию.

⁴ Исключение составляет сочинение Мухаммад-Садики Мухаммад-Йусуфа, написанное в 1995 г., которое, однако, задумывалось в конце советской эпохи и большей частью посвящено именно советскому периоду.

⁵ Babadjanov B., Kamilov M. Muhammadjan Hindustani (1892–1989) and the Beginning of the «Great Schism» among the Muslims of Uzbekistan / Transl. from Russian by Stephen Hegarty // Stéphane A. Dudoignon and Hisao Komatsu (Eds.). «Islam in Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries)». London, New York, Bahrain, 2001. P. 195–219; Бабаджанов Б. М., Муминов А. К., Олcott M. Б. Мухаммаджан Хиндустани (1892–1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании «советского ислама» в Средней Азии) // Восток (Oriens). № 5. М., 2005. С. 19–33; Muminov A. Chami-darulla et son rôle dans la constitution d'un «Islam soviétiques» // Islam et politique en ex-URSS (Russie d'Europe et Asie centrale). Sous la direction de Marlène Laruelle et Sébastien Peyrouse. Paris: l'Harmattan, 2005. P. 241–261; он же. The 'Ulama' and the Radicalization of Islam // Secularity and Religion in Muslim Countries: Searching for a Rational Balance / Ed. by Z. I. Munavvarov and R. J. Krurnm. Tashkent: Scientific and Educational Center of Imam al-Bukhari, Friedrich Ebert Foundation, 2005. P. 193–198.

«Советский ислам» между ритуальным консерватизмом
и «реформаторством»
(дискуссии, их догматические аспекты, внешние влияния)

Специалистам хорошо известны определения и заключения А. Беннигсена, касающиеся религиозной ситуации в союзных республиках бывшего СССР, в которых большая часть населения исповедовала ислам. Основные аспекты «советологической исламологии» (типичным представителем которой был А. Беннигсен) уже достаточно глубоко проанализированы в работе Д. ДеУиза⁶. С точки зрения наших задач, хотелось бы еще раз подчеркнуть отдельные упущения в работах А. Беннигсена, которые присущи в целом «советологической исламологии». Речь идет о письменных источниках и методах их интерпретации.

А. Беннигсен был лишен возможности изучать объекты своего исследования, так сказать, изнутри и пользовался преимущественно некоторыми официальными публикациями таких организаций, как САДУМ или советской пропагандистской прессой. И конечно, в силу понятных причин А. Беннигсену и его коллегам не были доступны неофициальные источники, дающие возможность дополнить картину и динамику развития религиозной ситуации в тех республиках, которые они изучали.

Эти и другие причины приводили к тому, что А. Беннигсен делал заключения и давал определения, которые были достаточно далеки от истинного положения дел. Несмотря на то, что в настоящее время исследования в названных направлениях стали значительно глубже и основаны на более обширной базе источников, многие определения А. Беннигсена продолжают использоваться даже теми учеными, которые имели возможность посетить изучаемые ими страны, регионы и знали восточные языки⁷. Кроме той справедливой критики в отношении работ А. Беннигсена более всего вызывают возражение такие его термины, как «официальный ислам» и «параллельный ислам» (соответственно, «официальные мулла/клерикалы» [clergy] и «параллельные мулла/клерикалы»). Под первым

⁶ DeWeese D. Islam and the Legacy of Sovietology: a Review Essay on Yaacov Ro'y's *Islam in the Soviet Union* // *Journal of Islamic Studies* 13:3 (2002). P. 298–330.

⁷ См., например, работу французского исследователя Оливье Руа: Roy, Olivier. *The New Central Asia. The Creation of Nations*. New York University Press, 2000. Chapter 8. P. 150–160.

определением подразумевается круг тех имамов и 'улама', кто служил в системе официально допущенных властями организаций вроде САДУМ и в его мечетях (на заре советской власти их называли «красные муллы»)⁸. «Параллельный ислам», по определению А. Беннигсена и его последователей, представляли те 'улама', кто был в скрытой оппозиции к советской власти. Однако такая характеристика ислама и позиций 'улама' в советский период выглядит слишком упрощенной, и тем более не отражает сути диспутов, которые имели место в среде религиозных ученых. Нужно сказать, что разрез противоречий и различий в этой среде пролегал не по линии «официальный» и «неофициальный» ислам. Мозаика противоречий и расколов была гораздо сложнее и зависела не от официального или неофициального статуса конкретных групп и лидеров, что видно и по представленным здесь сочинениям. Это же можно сказать и об особой позиции самого знаменитого муфтия региона Зияутдина Бабаханова (Дийа' ад-дин ибн Ишан Баба-хан, 1908–1982, муфтий САДУМ в 1957–1982 гг.), который повел борьбу против местных «неисламских» обычаев и обрядов и поэтому среди 'улама'-«консерваторов» считался либо марионеткой официальных властей, либо «первым официальным ваххабитом»⁹.

Естественно, что для корректной оценки религиозной ситуации советского периода важно понять не только политические и социальные аспекты адаптации и выживания религии, которые, кстати, не изучены в полной мере. Не менее значимой представляется оценка собственно религиозной ситуации, в частности, дискуссий в среде 'улама'. А для этого прежде всего необходимо привлечь максимум источников, к примеру, таких, которые мы представляем в данной работе.

Одна из характерных и бесспорных черт ислама заключается в том, что разногласия среди 'улама' по разнообразным вопросам и перманентные дискуссии в религиозной среде — явления естественные, происходящие из самой сути догматической системы и структуры этой религии. Отсутствие в ней такого «регламентирующего органа», как церковь в христианстве, повлекло за собой особое состояние с заложенным потенциалом дискуссионности. Это состояние, как правило, в определенные эпохи

⁸ Шайх Мухаммад-Садик называет их «государственные муллы» (см. далее).

⁹ Борьба за «чистый ислам» становится лозунгом деятельности САДУМ, большинство фетв (фатава) которого были как раз направлены против этих же «неисламских обычаев», характерных для системы 'урф и 'адат (Бабаджанов. О фетвах САДУМ против «неисламских обычаев»; он же. Бабахановы).

имеет тенденцию обостряться, переходя из догматической плоскости в социальную и затем — в политическую. В данном случае речь идет не только о межмазхабной полемике, которая в наши дни имеет своеобразное продолжение в движении за «безмазхабный ислам» (ал-фикх ал-мукарин). Следует заметить, что внутри мазхабов дискуссии тоже не редкость.

Такие же примеры можно наблюдать в религиозной среде Центральной Азии. Достаточно упомянуть известные по источникам такого рода дискуссии, проходившие в Бухаре и Самарканде в IX–X веках. Это было в начальный период, когда в религиозной жизни и в среде ‘улама’ устоялись нормы, идущие от практики и живой традиции ранней общины (умма). В основном это были каррамиты и широкая, многослойная общность, условно называемая «протоханафитской», формирование которой шло не в отрыве от остального мусульманского мира, но, в известном смысле, все же автономно. Были и другие группы, религиозно-идеологическую позицию которых необходимо еще изучать. Общим для всех них было то, что они старались отстаивать собственные воззрения, пользуясь поддержкой части населения, поскольку ‘улама’ этой среды достаточно терпимо относились к доисламской практике, культурным традициям и обычаям. В той или иной степени все эти группы и направления устоялись, каждая из них имела свою социальную опору. Видимо, похожая ситуация была и в других частях халифата (749–1258). Однако в это же время в халифате на первый план стали выдвигаться новые группы ‘улама’, которые подвергли сомнению легитимность существующего положения идеологического и религиозного разнообразия. Они известны под названием «Ахл ал-хадис» («Люди предания»). Путь, предложенный ими, на деле оказался ревизией устоявшихся норм бытования ислама на основе приведения в соответствие религиозной практики и жизни тем умозрительным положениям, которые вытекали из содержания «очищенных позже хадисов»¹⁰. Такой пуристический подход не был принят большинством ‘улама’ и верующих, хотя они нашли некоторую опору в среде политиков и купцов, занимавшихся транзитной торговлей. Новые идеи взбудоражили духовную (религиозную) жизнь, породили бурные дискуссии, нередко вынося их на политическое поле. Об этом свидетельствует, например, деятельность и творчество имама Мухаммада

¹⁰ Муминов А. К. Роль и место ханафитских ‘улама’ в жизни городов Центрального Мавараннахра (II–VII/VIII–XIII вв.). Автореф. дисс. ... д. ист. н. Ташкент: Ташкентский исламский университет, 2003. С. 19–20.

ибн Исма'ила ал-Бухари (810—870) — самого знаменитого в Бухаре собирателя и систематизатора хадисов¹¹. Обладая феноменальной памятью, он собрал и систематизировал огромное их количество. При этом его метод отличался от метода местных 'улама', не ставивших себе целью критику хадисов, их текстов (матн) и цепочки передатчиков (иснад). Они удовлетворялись тем, что предание соответствовало идее той школы (или группы), которую они представляли.

Между тем ал-Имам ал-Бухари делал основной упор на наличие у хадиса «опоры» (санад, иснад) в форме его «законных передатчиков». Очевидно, трудно было спорить с таким подходом, так как «Ахл ал-хадис» всегда апеллировали к сакральным первоисточникам и притязали на их «очищение». Имея в «дискуссионном арсенале» наборы «достоверных» и «подложных» хадисов, ал-Имам ал-Бухари мог приступать к ревизии любого учения и даже лишить его сакральной основы как далекой от «чистой религии». Его метод и дух его учения были использованы различными политическими силами в борьбе против неудобных им групп 'улама'. Такой подход ал-Имама ал-Бухари легко мог стать инструментом борьбы против устоявшихся религиозных традиций в Центральной Азии (носителей теоретического ислама, социокультурного комплекса в регионе), как, собственно, и произошло.

Однако потом далекие от реалий жизни (в том числе и духовной) «Ахл ал-хадис», абсолютизовав Сунну Пророка, оказались нежизнеспособными, проиграв дискуссии традиционным школам и позже растворившись в среде шафи'итов. Примечательно, что сам ал-Имам ал-Бухари умер в изгнании (село Хартанг под Самаркандом). И еще более примечательно то, что над его могилой ни один местный правитель не возвел даже мавзолея, не говоря уже о комплексе сооружений для паломничества. Это само по себе символично, если вспомнить, что любое строительство такого рода сооружений всегда имело не столько религиозный, сколько социальный и особенно политический контекст. Достаточно сослаться на пример обширного строительства у могил суфийских авторитетов, представителей знаменитых фамилий (саййидов и пр.). Ясно, что, вкладывая средства в такое строительство, правитель, кроме всего прочего, имел надежду на симпатии и поддержку населения, для которого духовными символами оставались те религиозные деятели, кто был близок к его тради-

¹¹ Проzorov С. М. Ал-Бухари // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Проzorова. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006. С. 78—82.

ции, духовным запросам и культуре. Не менее символичным кажется и тот факт, что спустя многие столетия к могиле ал-Имама ал-Бухари из Кашгара в 1910 г. совершает паломничество ярый противник местных форм бытования ислама и сторонник религиозного пуризма Шами-дамулла ат-Тарабулси (см. подробнее предисловие к его сочинению).

Примечательно также, что в советское время возрождение «священной памяти» ал-Бухари (с соответствующим пышным юбилеем в 1974 г. и изданием его «ал-Джами' ас-сахих») связано, скорее, с именем Э. Бабаханова, одного из самых политически удачливых учеников Шами-дамуллы¹².

Однако собственно метод ал-Бухари преимущественной апелляции к «достоверным» (чистым) хадисам оказался более жизнестойким и был воспринят в качестве самого надежного и в известной мере последнего аргумента в дискуссиях 'улама'. И этот метод перманентно оживляется, став основой большинства религиозных дискуссий в последующем и до настоящего времени.

Тем не менее наследие и методы ал-Имама ал-Бухари помогли в X–XIII вв. ханафитам, так сказать, навести порядок в собственном учении, особенно в области методологии *фикха* (усул ал-фикх). Кроме того, в ханафитской среде сохранилось осторожное отношение к наследию ал-Бухари, что выразилось в массе комментариев и в методике обучения. В средневековых ханафитских медресе изучение «ал-Джами' ас-сахих» на последних курсах проходило, когда студенты уже твердо знали основы ханафитского права и усвоили азы хадисоведения по своим авторитетным пособиям (например, «Мишкат ал-масабих» ал-Хатиба ат-Табризи).

В более позднее время наблюдается фактический застой в области законоведения. В постмонгольский период, и особенно к XVIII в., собственно законоведение и богословие в регионе Центральной Азии все более и более стали замыкаться в кругу проблем «внутренней» схоластики. В результате мы видим повсеместную утрату былой богатой традиции составления самостоятельных теологических и правовых работ, если не

¹² Бабаханов Шамсуддин. Муфтий Зияуддинхан ибн Эшон Бабахан. Жизнь и деятельность. Ташкент, 1999. С. 82. Что касается современного возрождения памяти ал-Бухари в Узбекистане, это тоже, видимо, следует рассматривать как акт политический. К тому же процесс постсоветской духовной переориентации и возрождения религиозных ценностей и символов проходит скорее неосознанно и неразборчиво, вопреки местным историческим и религиозным традициям.

считать обширных компиляций, комментариев и суфийских сочинений. Последние охватывали уже вопросы не только собственно суфийской тематики, но и «шари'атской оценки» некоторых ритуалов, особенно связанных с традициями.

Внутренние дискуссии сосредоточивались скорее вокруг ритуальных вопросов, например, по поводу легитимности тех или иных видов радений (зикр). Однако и эти дискуссии обязательно приобретали политический характер¹³. Эмоциональная выразительность частных полемик о богословии и культуре религиозного правоправедения порождала дискуссии межрегионального характера, что особенно ярко проявилось в редких, но очень показательных столкновениях 'улама' Бухары и Поволжья. Тем не менее вплоть до начала XX в. из Поволжья в Бухару (где сохранялись еще традиции систематического конфессионального обучения) прибывали новые поколения ученых. Некоторые из них, имея опыт жизни в составе технически более развитой Российской империи и уже ощущая пагубные последствия повсеместной стагнации и застоя исламских обществ, в том числе и в системе конфессионального образования, все более и более критично относились к статусу Бухары как столпу религиозных знаний, символов и установок¹⁴.

Наш краткий исторический экскурс не случаен, если иметь в виду, что главные проблемы религиозных дискуссий — «реформаторство» (таджид, ислах), его пределы, формы и легитимность с точки зрения догм. Естественно, что «реформация» в период, скажем, Шах-Мурад (Ма'сум)-

¹³ См. об этом: А. фон Кюгельген. Расцвет Накшбандийа-Муджаддидийа в Средней Трансоксании с XVIII — до начала XIX в.: опыт детективного расследования // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования) / Сост. и отв. ред.: А. А. Хисматулин. СПб., 2001. С. 275—330; См. также: Шайх Худайдад ибн Таш-Мухаммад ал-Бухари. Бустан ул-мухиббин / Подготовка критического текста: Б. М. Бабаджанов, М. Т. Кадырова. Туркестан: Научно-исследовательский центр йасавиеведения при Фонде помощи Международному Казахско-Турецкому университету им. Ходжа Ахмета Йасави, 2006. В предисловии к изданию (с. 6—36) изложена догматическая, социальная и политическая суть дискуссий в политических и суфийских кругах Бухарского ханства по поводу легитимности тех или иных видов суфийских ритуалов (прежде всего радений — зикра).

¹⁴ См. подробнее: Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789—1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998. S. 82—98, 172—313; он же: ал-Булгари // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 74—76.

хана (1785–1800) имела скорее форму восстановления норм шари'ата взамен «диких кочевнических нравов»¹⁵.

Позже, с момента русской колонизации, местная исламская община впервые, спустя многие столетия после монголов, вновь столкнулась с иными реалиями, «чужой», но более развитой цивилизацией. Это заставило некоторых местных ученых искать причины собственной отсталости от христианского мира. Именно этот непосредственный контакт с «иной цивилизацией» пробудил к жизни забытое новаторское начало среди части местных мусульманских лидеров. И как результат — мы видим попытки теоретических исканий, облеченные в целом в две формы поиска реформации. Некоторые представители «'улама'-консерваторов» (более устоявшееся, но дезориентирующее и ошибочное название — «кадимисты», от арабского корня «каф-дал-мим» — предшествующий, древний, старый, прежний) призывали отказаться от излишнего консерватизма в решении религиозных вопросов, особенно касающихся взаимоотношений с «иноверцами» (гайр-и дин), быть более лояльными, например, в использовании благ цивилизации «неверных» (куффар). Для этого, как они полагали, в исламе, и прежде всего в практической части мусульманского права (фуру' ал-фикх), имеются достаточно гибкие правовые прецеденты, которые могут найти подтверждение и в традиции (хадис). В другом крыле «консерваторов» были те 'улама', кто крайне отрицательно относился ко всем попыткам реформаторства¹⁶.

¹⁵ А. фон Кюгельген. Рассвет.

¹⁶ Dudoignon Stéphane A. Djadidisme, Mirasisme, Islamisme; *on же*. Le réformisme musulman en Asie Centrale. Du «premier renouveau» à la soviétisation (1788–1937) (Cahiers du Monde russe. № 37 (1996). P. 13–40; *он же*. Что такое кадимийа? Элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (с конца XVIII до начала XX вв.); Дюдуаньон С. А., Исхаков Д., Мухаметшин Р. Ислам в татарском мире: история и современность. Казань: Панорама, 1997. С. 54–68; Wennberg F. An inquiry into Bukharan qadimism — Mirza Salim-bik. Berlin, 2002 (ANOR. № 9). Мухаммад Йунус Х'аджа б. Мухаммад Амин-Х'аджа (Та'иб). Тухфа-йи Та'иб / Подготовка к изданию и предисловие: Б. М. Бабаджанов, Ш. Х. Вахидов, Х. Коматцу. Ташкент, Токио, 2002. С. 1–12; Babadjanov B. Russian Colonial Power in Central Asia as Seen by Local Muslim Intellectuals // Looking at the Colonizer. Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas. B. Eschment, H. Harder (eds.). Würzburg: Ergon Verlag, 2004. P. 75–90.

Кроме того, под влиянием реформаторов южных и западных районов исламского мира на территории бывшей Российской империи, в том числе и в Центральной Азии, стала нарождаться и другая форма реформаторского движения, которую позже назовут «джадидизм». Оговоримся, что в основе этого движения с самого начала были идеи за реформу религиозного образования (введение светских дисциплин, улучшение методики преподавания и т. п.) и далее, некоторые правовые реформы, в частности, очищение *фикха* от правовых уловок (*хйял*). Они также ратовали против засилья суеверия и связанных с ним ритуалов, за освоение современных наук и технологий. Тем не менее в разрешении ритуальных и догматических вопросов они апеллировали к тем же традициям и методам, которые были на вооружении местных 'улама' и к которым было приспособлено восприятие большей части местных мусульман. Именно этот традиционализм не был преодолен «джадидистами».

Несмотря на разнородность, «джадидисты» были наиболее активны в своем реформаторском порыве, хотя менее всего пользовались поддержкой властей и большинства населения¹⁷.

Бунты и революции 1916–1917 гг. привели к политической активности всех мусульман Российской империи. Только в Ташкенте и крупных городах региона за 2–3 месяца были созданы около 30 различных мусульманских партий, клубов, групп, печатных изданий¹⁸. Политическая активность практически отвела на задний план дискуссии по строго догматическим вопросам, или предписаниям, сосредоточившись на формах государственного устройства, взаимоотношений с метрополией, пределов использования шариатских установок в законодательной системе, в обычном праве и т. п. Бурные революционные события повлекли за собой политические устремления даже в крайне правом крыле «кадимистов» («консерваторов»). В этой среде формы «религиозной реформации»,

¹⁷ Dudoignon Stéphane A. «La question scolaire à Boukhara et au Turkestan russe, du premier renouveau à la soviétisation (fin du XVIIIe siècle-1937)» = *Cahiers du Monde russe*. № 37 (1996). P. 133–210; Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley, Los Angeles. London, 1998; Бабаджанов, Муминов, Олкотт. Мухаммаджан Хиндустанни.

¹⁸ Боровков А. К. Узбекский литературный язык в 1905–1917 гг. Ташкент, 1940; Агзамходжаев С. С. Газета «Хуррият» как источник по истории общественно-политической жизни Туркестана (март–октябрь 1917) // Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения. Ташкент, 1991. С. 40–53.

помимо политической, стали обретать значительную социальную и догматическую гибкость, удаляясь от застоявшегося фанатизма. Несмотря на консервативность, 'улама' этой среды проявили способность к адаптации, вылившуюся, например, в особое политическое кредо: государственное устройство «на началах исламского социализма» (идея, явно заимствованная у Джамал ад-дина ал-Афгани)¹⁹.

Однако вскоре все эти порывы к политической реформации были в самой жесткой форме пресечены большевиками²⁰. Реакция на большевизацию края в религиозной среде была неодинаковой. С одной стороны, мы видим всплеск многолетней борьбы так называемых «басмачей» (проводившейся под знаменем джихада). С другой — часть 'улама' (именно их будут называть оскорбительным прозвищем «красные муллы») сочла, что техническая оснащенность войск и силы слишком неравны, а следовательно, нужно искать компромисс с новыми властями, обещавшими в начале своей деятельности «свободу совести и религиозных вероисповеданий». Позже атеистическая политика и секуляризация всех сфер жизни поставили ислам в крайне неблагоприятные условия, вынудив значительную часть местных 'улама' прибегнуть к одному из легитимных способов самозащиты в случае «вынужденной необходимости» (*халат ал-идтирар*; местн. — *идтирари халат*), предполагавшей политическую и в известной мере идеологическую лояльность²¹.

Практически все религиозные учреждения и институты (мечети, мадраса, казыйские суды, вакфное управление и т. п.) были насильно закрыты или распущены. Репрессиям подверглись большинство 'улама', а затем, в 1930-е гг., и наиболее радикальные реформаторы из круга «джадидистов».

Вместе с этими мероприятиями советская власть, по сути, прервала попытки реформаторства и фактически «заковала» дискуссии о нем в пределы крайне консервативных форм. Тем не менее скрытые дискуссии

¹⁹ *Агзамходжаев С., Бабаджанов Б.* Шура-йн 'улама' // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2003. С. 98–99 (там же основная библиография).

²⁰ *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Ташкент ислом университети, 2006. С. 223–261.

²¹ *Ал-идтирар* схож с другим предписанием *ат-такийя* (= вынужденное скрывание своей веры). См. об этом: *Прозоров С. М.* Ат-Такийя // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 221–222 (там же литература).

внутри среды 'улама' продолжались. Похоже, что в первые десятилетия советской власти в большей степени они сосредоточились на второстепенных богословских, правовых и ритуальных вопросах. Хотя и эти проблемы ждут еще своего исследователя.

Представленные здесь источники дают нам ретроспективу на некоторые формы дискуссий (либо зачаточных форм реформаторства) раннего советского периода. Первый из этих источников принадлежит перу знаменитого в Ташкенте религиозного деятеля Шами-дамуллы ат-Тараблуси (сослан из Османской империи за ваххабитские взгляды; действовал в Центральной Азии в 1903–1932 гг.; см. подробнее во введении к изданию его сочинения).

Действия Шами-дамуллы и его дискуссии в Ташкенте выглядели скорее как крайне агрессивные нападки на местных 'улама'²². Неожиданным образом его позиции и методы напоминали пуристический порыв ал-Имама ал-Бухари. И в том, и другом случае мы видим острые выпады против сложившихся форм ислама и его носителей, максималистские оценки местных обычаев и традиций.

Немного забегаая вперед, отметим, что подобного рода максимализм и методы дискуссий не создавали альтернативной, целостной и жизнеспособной системы, соответствующей повседневным потребностям и запросам общины мусульман. В этом смысле можно сослаться на пример «огосударствления» ваххабизма в Аравии. Со временем резкий максимализм и ритуальный нигилизм естественным образом смягчились, фактически вернулись в рамки ханбалитского мазхаба.

С другой стороны, в современных условиях повторение исторических порывов «очищения ислама и мусульман» приводит к тому, что естественным образом создаются благоприятные возможности и почва для распространения и последующего временного успеха идеологий религиозно-политических групп, чьи действия принято характеризовать как «фундаментализм», «экстремизм», «исламизм» и «терроризм».

²² Муминов А. Шами-дамулла и его роль в формировании «советского ислама» // Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве. Материалы международной конференции «Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве: сравнительный анализ Центральной Азии и европейской части России». 1–2 апреля 2004 г. Казанский институт федерализма (Казань), Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAS, Ташкент), Франко-российский центр общественных и гуманитарных наук (Москва), 2005. С. 231–247 (Казанский федералист. № 1 (13). Зима, 2005).

Вернемся к 'улама' начала большевизации края. Аресты в этой среде (середина 1920-х гг.), дальнейший прессинг по отношению к религии сделали вопрос о дискуссиях неактуальным. Более важными для 'улама' стали адаптация к неблагоприятным условиям, поиск форм передачи религиозных знаний, которые обрели в основном нелегальную форму. Несколько позже религиозное преподавание было восстановлено в форме «худжра» (нелегальное конфессиональное образование)²³. Одним из самых знаменитых преподавателей *худжра* был Мухаммаджан Хиндустани Рустамов (1892–1989; см. подробнее во введении к его текстам).

Дискуссии и идеи о реформации и «обновлении/очищении» ислама вновь оживились примерно в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Это оживление связано преимущественно с деятельностью молодого поколения религиозно и традиционно воспитанных людей. Дискуссии вновь начались с обсуждения правомерности с точки зрения предписаний ислама утвердившихся среди местных мусульман ритуалов из области 'урф и 'адат. Как и прежде, дискутировались вопросы легитимности пилигримажа (*зийарат*) могил «святых» (*аулия'*) и некоторых «магических» действий во время паломничества, проведения местных устоявшихся ритуалов и собраний в мусульманские праздничные дни (например, *маулуд* — день рождения Пророка), национальных торжеств (*той*, 'акика и др.), которые уже обсуждались джадидистами, а позже, в 1950-х гг., стали предметом критики Шами-дамуллы и его сторонников, в том числе его ученика — муфтия Зияутдина Бабаханова. Однако причины и позиции этой критики и обсуждений были разными. Тем не менее эти же проблемы продолжали волновать мусульман (и особенно молодое поколение) Центральной Азии начиная с середины 1970-х гг. И именно часть этих вопросов была адресована Мухаммаджану Хиндустани²⁴.

Между тем большинство молодых 'улама' региона из новой волны, таких, например, как Рахматуллах 'Аллама (1950–1981), 'Абдували-кари Мирзаев (род. в 1950 г.), Саййид 'Абдаллах Нури (ум. 8 августа 2006 г.)²⁵,

²³ Бабаджанов Б. Худжра // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 428–429; Бабаджанов, Муминов, Олкотт. Мухаммаджан Хиндустани.

²⁴ См. эти вопросы в разделе 2 в конце введения к текстам Хиндустани.

²⁵ См. основную библиографию: Frank A. J. and Matatov J. Uzbek Islamic Debates: Texts, Translations, and Commentary. Springfield: Dunwoody Press, 2006. P. 441–442.

обучались именно у старшего поколения консервативных 'улама', в частности у того же Хиндустанни.

По сути, молодое поколение 'улама' к спорам подвигли не только их личные амбиции или неблагоприятная атмосфера атеистической идеологии. Серьезное влияние на молодежь оказали идеи «реформаторов» и «модернистов» разных направлений исламского мира. Несмотря на фактически полную международную изоляцию советского периода (т. н. «железный занавес»), все-таки существовали легитимные способы проникновения этих идей в республики бывшего СССР. В настоящее время нам известны четыре основных источника (канала) таких влияний.

Первый из них связан с общением со студентами из арабских стран, обучавшихся в учебных заведениях Узбекской ССР²⁶. Это были преимущественно студенты из Палестины, Сирии и реже Египта. Многие из них у себя на родине были членами религиозно-политических партий, влияние которых на молодых людей арабского мира было достаточно сильным. Ограниченные специальными инструкциями, регламентирующими нормы поведения и круг знакомств, эти студенты как-то находили способ общаться с местными молодыми людьми, особенно с теми, кто интересовался религиозной литературой.

Например, упомянутые Рахматуллах 'Аллама и 'Абдували-кари во второй половине 1970-х гг. приезжали в Ташкент примерно 5–6 раз в год и общались с арабскими студентами, заказывали им религиозную литературу, которую те привозили примерно по 5–6 экземпляров каждой книги. Именно эта литература (естественно, религиозно-политического характера) и стала вторым источником влияния на идеи молодых 'улама' новой волны.

Недавно нам удалось установить, что в библиотеках вышеназванных 'улама' благодаря студентам из арабских стран еще в середине 1970-х гг. появились произведения основателя группы «ал-Ихван ал-Муслимун» в Египте Хасана ал-Банна' (1906–1949), главного идеолога реформаторов-фундаменталистов («интегринистских реформаторов») 1950-х гг. Саййида Кутба (1912–1966)²⁷, а также самого влия-

²⁶ Об этом же пишет Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф. См. ниже его работу «О разногласиях». С. 6–7, 9–10.

²⁷ В одной из частных библиотек в Андижане (Узбекистан) мы зафиксировали знаменитый комментарий Корана Саййида Кутба («*Фи знала ал-Кур'ан*») с дарственной надписью на имя Рахматуллаха 'Аллама от имени некоего Файсала ал-Филастини.

тельного из пакистанских реформаторов-фундаменталистов Абу-л-'Ала' ал-Маудуди (1903–1979). Кроме того, они получали разного рода партийные журналы и прокламации (преимущественно «ал-Ихван ал-Муслимун»). Особое любопытство вызывают две брошюры (нам удалось их скопировать) с переложениями на русский язык идей Саййида Кутба²⁸ и ал-Маудуди²⁹. Эти брошюры изданы нелегально (в 1980 г.) и представляют собой примитивную интерпретацию некоторых идей названных 'улама'. Автор этого вольного перевода — бывший студент Московского государственного института международных отношений (МГИМО) — некто 'Ибади.

Идеи Саййида Кутба представлены в довольно упрощенном варианте и сводятся к его призывам о том, что мусульмане должны «вернуться» к существовавшему при Пророке и его первых сподвижниках (асхаб) «настоящему» исламу, когда было осуществлено «истинно справедливое правление». Здесь же имеется резкая критика как западного империализма, демократии, так и коммунизма (вместе с атеизмом). Идеальной политической системой назван халифат (с. 12–13). Кроме того, в одной из брошюр изложены призывы к джихаду «против колониализма, империализма и коммунизма», а также к борьбе против светских (секулярных) государств во всех мусульманских странах (с. 19–22, 75 и др.). Далее утверждается, что «исламское правление» — единственная политическая система, которая «способна обеспечить истинную справедливость и равноправие». Особое внимание уделяется знаменитой идее Саййида Кутба о странах «третьего мира», его тезисам о создании «третьего блока» в составе восточных стран, преимущественно мусульманских.

Что касается идей ал-Маудуди, то и здесь мы скорее видим крайне упрощенное (иногда и просто примитивное) их толкование. В публикации 'Ибади много внимания уделено моральным и этическим установкам, предписываемым мусульманам, основам ислама как поведенческих и моральных предписаний в их жизни. Автор (или интерпретатор), не скрывая, сокрушается, что принципы и предписания ислама его современниками-мусульманами не выполняются, и поэтому, как он полагает, на Индостанском полуострове из миллионов последователей ислама только 3–4% могут считаться «настоящими мусульманами», а остальные, по сути, являются «неверными». Основная причина, по его мнению, кроется в приверженно-

²⁸ Она названа «Несколько уроков ислама».

²⁹ Название на титуле «Основы ислама».

сти к «ненсламским обычаям и обрядам», против которых следует бороться, чтобы «очистить ислам от вредных 'адатов» (с. 78–90).

Далее излагаются взгляды ал-Маудуди на место и роль ислама в общественной и политической жизни народа. Автор полагает, что единственное эффективное политическое устройство для человечества — государство, основанное на исламских законах.

Пока не известно, какую роль играли эти переводы в распространении изложенных в них идей. Однако нет сомнения, что именно эти идеи стали догматической и идеологической основой того движения, которое возникло среди молодых 'улама' в Центральной Азии. По результатам наших полевых исследований все эти идеи зарубежных фундаменталистских («интегристских») реформаторов были серьезным стимулом для зарождения особого движения в среде молодых религиозных ученых, в первую очередь в Ферганской долине и Южном Таджикистане.

Об этом же пишет Шайх Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф (муфтий САДУМ и Управления мусульман Узбекистана в 1989–1993 гг.) в предлагаемой далее работе, при этом он уточняет, что арабские студенты в своих странах являлись членами различных религиозно-политических партий и, естественно, старались привить своим новым друзьям — молодым мусульманам из Центральной Азии — идеи и понятия об исламе в том виде, в каком они понимали его сами. А книги, привозимые ими, были большой новостью для верующих. Мухаммад-Садик резонно замечает, что излагаемые в них идеи и мысли зарождались в свое время в силу определенных причин, в определенных условиях, но никак не могли соответствовать местным традициям и стать путеводными для народов нашего региона.

Кроме того, религиозная и религиозно-политическая литература проникла к нам из арабского мира. Ее завозили официальные делегации, посещавшие мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока. Более широкое распространение такой литературы отмечено во времена муфтия САДУМ Зияутдина Бабаханова³⁰.

Четвертым источником внешних влияний на будущих местных реформаторов стали передачи радиостанций из Западной Европы и Среднего Востока (Иран, Афганистан), вещавшие на территорию бывшего СССР. Особо следует выделить Тегеранское радио, которое очень много

³⁰ Устная информация ряда 'улама' Ташкента и Ферганской долины (1997–2004 гг.).

времени уделяло религиозной тематике. Эти передачи были популярны особенно в Таджикистане (в силу доступности языка), и их живо обсуждали на первых нелегальных собраниях будущие лидеры Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Об этом пишет в своих воспоминаниях старейший член этой партии Каландари Садриддин, в доме которого в 1973 г. была основана первая партийная ячейка. Партия называлась тогда *Nahzati Javononi Islomi Tojikiston* (Партия исламской молодежи Таджикистана)³¹. Этот же автор упоминает о религиозно-политической литературе, поступавшей в Таджикистан из Ирана и Афганистана. Правда, он добавляет, что члены партии старались выделять из литературы только ту, которая соответствовала местному ханафитскому исламу (с. 149).

Итак, молодое поколение религиозно воспитанных людей в начале своей деятельности сочло необходимым бороться за «чистый ислам». Сторонники этих пока еще разрозненных групп стали именовать себя «обновителями» (*mujaddidiylar*), или «*Javononi Islomi*» («Исламская молодежь»), тогда как остальные мусульмане называли их «ваххабитами» (*wahhobiylar*)³². «Обновители», подобно Рахматуллаху 'Аллама и 'Абдували-кари и их таджикотанским единомышленникам из подпольной организации «*Javononi Islomi*»³³, сочли, что многие ритуалы и обычаи местных мусульман являются непозволительным новшеством (*бид'ат*). Это привело их к разногласиям с бывшими учителями (и не в последнюю очередь с Хиндустани), а также с большинством мусульман, предпочитавших придерживаться тра-

³¹ Каландари Садриддин. Шодам, ки ХНИТ дар манзили камина ба дунё омад (Я счастлив, что Партия исламского возрождения Таджикистана появилась на свет в моем доме) // Опубликовано в журнале «ХНИТ — зодан армуни мардум». Душанбе, 2003. С. 127–139. Мы передаем некоторые названия в латинском шрифте с целью отразить специальные фонемы таджикского языка.

³² Название «ваххабиты» стало употребляться в странах бывшего СССР (и употребляется до сих пор) по отношению не только к прямым последователям учения Ибн 'Абд ал-Ваххаба (1703–1792), но и ко всем формам нестандартного («непохожего», «чужого») проявления религиозного сознания или ритуала (Бобровников В. О., Ярлыкапов А. А. Ваххабиты Северного Кавказа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 84–91; *Klysh A. A Clear and Present Danger: «Wahhabism» as a Rhetorical Foil // Die Welt des Islams. 2004. № 44. P. 3–26.*

³³ О них см. в этой же статье К. Садриддина.

диционных форм ислама. Последовавшие затем конфликты фактически означали раскол среди местных приверженцев ислама³⁴.

Рахматуллах 'Аллама и Абдували-кари для своих нелегальных студентов в худжра организовывали чтения религиозной литературы. Эти собрания превращались в разные формы дискуссий. Уже в конце 1970-х гг. их участники стали говорить о том, что надо «обновить/реформировать» (*дждада*) местный ислам, ставили вопрос о политическом статусе ислама, обсуждали, например, революцию в Иране и палестинско-израильский конфликт³⁵.

Однако нельзя сказать, что их идеи и смутные политические порывы полностью копировали идеологию фундаменталистских реформаторов арабского мира. Местные традиции реформаторства (чаще всего в виде салафитских идей), дожившие до начала реисламизации региона в виде аморфных групп вроде *Ахл-и Кур'ан* или *Ахл-и хадис*³⁶, тоже повлияли на позиции местных молодых реформаторов. Тем более что у одного из самых видных религиозных деятелей региона, близкого общавшегося с *Ахл-и Кур'ан*, Хакимджана-кари Васиева (Маргелан, род. в 1905 г.), учились два лидера религиозного движения — Рахматуллах 'Аллама и 'Абдували-кари. Именно во время этого обучения они искренне прониклись идеей борьбы против целой системы обрядов и ритуалов ('урф ва-'адат), которые оказались весьма живучими в среде простых верующих.

За этими дискуссиями по ритуальным вопросам, однако, стояли тревоги старшего поколения 'улама', которые понимали, что попытки усомниться в легитимности некоторых устоявшихся для местных мусульман ритуалов приведут к расколам по другим, в том числе и догматическим вопросам. Видимо, опасения «старшего поколения» 'улама' исходили из того,

³⁴ *Babađjanov B., Kamilov M. Muhammadjan Hindustani (1892–1989) and the Beginning of the «Great Schism»; Бабаджанов Б. М., Камиллов М. М. Муджадидийа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 274–276; См. также упомянутую выше работу А. Франка и Дж. Маматова.*

³⁵ Из наших интервью с бывшими учениками и знакомыми 'Абдували-кари (Андижан, Узбекистан и Ош, Кыргызстан, 2003–2006 гг.). Интересно, что такие же вопросы обсуждались и в кружках молодых религиозных лидеров «новой волны» в Таджикистане. См. упомянутую статью Каландари Садриддина.

³⁶ *Muminov A. Traditional and Modern Religious-Theological Schools in Central Asia // Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia / Ed. by Lena Jonson and Murad Esenov. Stockholm: The Swedish Institute of International Affairs, 1999. P. 101–111.*

что большинство верующих были просто безграмотными в отношении ислама, предпочитая лишь следование за религиозными авторитетами (так-лид), а хорошо подготовленных 'улама' не доставало.

Надо сказать, что дискуссии молодых 'улама' со старшим поколением «консерваторов» начинались робко, почтительно-сдержанно и часто даже не всегда по богословским вопросам. Например, одна из самых показательных первых открытых дискуссий, возникшая между Рахматуллахом 'Аллама и Мухаммаджаном Хиндустани, касалась вопросов использования лекарственных средств. Этот спор имел следующую предысторию. Рахматуллах 'Аллама однажды, во время своего публичного выступления³⁷ на торжестве *суннат-той/'акика* в традиционной семье, сказал, что сейчас (то есть в конце 1970-х гг.) многие люди стали обращаться к имамам-муллам по всяким мелочам (истифта'). И если у кого-нибудь немного заболит живот или голова, они просят имамов или религиозно образованных людей прочитать молитву, *айят* или короткую *суру* из Корана и надеются, что это их вылечит³⁸. А сами эти «муллы» с удовольствием поддерживают такие настроения, так как за простое начитывание молитв берут деньги. *«Ведь проще пойти в аптеку и купить аспирин или другое лекарство и излечиться. Стоит ли просить помощи у Аллаха по таким пустякам, когда перед уммой стоят более важные вопросы, о которых мы вовсе не думаем?»* — сказал в заключение Рахматуллах 'Аллама³⁹.

Содержание этой речи было передано Дамулле Хиндустани — бывшему учителю Рахматуллаха 'Аллама. Хиндустани приехал в Андижан (лето

³⁷ Он сам это называет *амр-и ма'руф* (от «ал-амр би-л-ма'руф ва-н-нахй 'ан ал-мункар» — принцип «повеления одобряемого, отвержения порицаемого»).

³⁸ Речь идет об обряде «рукйа» (узбекское — «дам солмок»), т. е. излечение с помощью заговоров и молитв. См. об этом обряде: *Бабаджанов Б. М., Камиллов М. М. Рукйа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 336–337. Среди местных 'улама' есть мнение, что подобные обычаи и ритуалы исходят из интерпретаций принципа «таваккул» — предание себя воле Аллаха. Подобные поверья выразились, например, в поговорке среди местных верующих: «Alloh dardini bergan, shifosini ham berur» — «Аллах дал болезнь, Сам же даст и исцеление».*

³⁹ Реплики и суть дискуссий (во время них и после них) восстановлены нами на основе опросов, интервью и аудиокассеты того собрания. Использовано также интервью с 'Абдулатифом-кари Касимовым (май 2000 г.), присутствовавшим на том собрании.

1980 г.) и устроил известную среди местных 'улама' дискуссию с Рахматуллахом 'Аллама и его соратником 'Абдували-кари (записана на аудио-ленту). Там же присутствовали многие 'улама' Узбекистана и Кыргызстана. В частности, вышеназванный Хакимджан-кари Васиев был там же. Основным предметом дискуссии стал вопрос о легитимности этого и подобных обрядов среди местных мусульман.

Кроме того, Хиндустани в упомянутых репликах Рахматуллаха 'Аллама увидел признак отхода от местных религиозных установок и опасные, на его взгляд, прецеденты «ревизию», которую он считал неприемлемой⁴⁰.

Между тем Рахматуллах 'Аллама и его соратник 'Абдували-кари не решились вступить в открытый спор со своим бывшим учителем. И только Рахматуллах 'Аллама изредка вставлял некоторые реплики, скорее пытаясь оправдаться в глазах учителя. Поэтому дискуссия (судя по ее аудиозаписи) была монологом Хиндустани, и он, конечно, понимал, что за подобными «отходами» от традиции лежат более глубокие вопросы, поднимать которые еще преждевременно⁴¹, так как, по его выражению на этой же дискуссии, такие попытки вызовут «большую смуту» (катта фитна). Речь шла о способах сохранения ислама в условиях доминирования советской атеистической политики. Хиндустани и его соратники из круга консерваторов предпочитали искать способы компромиссов и адаптаций, прибегая к легитимному правилу *истираар/идтираар* (см. выше), не раздражая власти и занимаясь передачей знаний в *худжра*.

В действительности позиция Рахматуллаха 'Аллама в этом споре (точнее, в монологе Хиндустани) практически никак не озвучена, и он обронил только несколько реплик в том смысле, что его, дескать, неправильно поняли и искажали его слова. И это, очевидно, было действительно так. По всей вероятности, Рахматуллах 'Аллама хотел обратить внимание на более актуальные, по его мнению, вопросы, стоявшие перед уммой, и его намеки явно содержали политическую подоплеку.

Сразу после дискуссии ближайшие ученики спросили Рахматуллаха 'Аллама⁴², почему же он не вступил в спор с Хиндустани и не повторил

⁴⁰ В частности, Хиндустани спросил у Рахматуллаха 'Аллама, говорил ли он, что «предпочтительнее выпить лекарство, а не читать Коран». Рахматуллах 'Аллама явно оправдывался и сказал, что его неправильно истолковали, и он не говорил, что можно заменить лекарствами чтение Корана, а имел в виду, что нельзя разменивать Коран на всякие мелочи.

⁴¹ Намек на это содержится в его *рисала* (см. далее), где он ссылается на 183 аят второй сурь Корана.

⁴² Мы вновь пользуемся информацией некоторых учеников и знакомых Рахматуллаха 'Аллама (гг. Ош, Кара-суу, Кыргызстан; Андижан, Узбекистан).

тех аргументов, которые приводил им. Рахматуллах 'Аллама ответил, что он «не хотел раздражать старого и уважаемого человека». Но как бы сдержанно и почтительно он себя ни вел по отношению к учителю, конфликт все-таки усилился. После того как Рахматуллах 'Аллама еще в нескольких своих публичных выступлениях прямо обвинил представителей старшего поколения 'улама' в фанатизме (*мута'ассибчилик*), Хиндустани отрёкся от Рахматуллаха как от бывшего своего ученика за его «ваххабизм» и даже предал анафеме (*ду'а'-и бад*). Именно об этом Хиндустани пишет в самом конце своего послания (см. далее).

Даже те молодые 'улама', кто старался в то время занять «центристскую позицию» (это прежде всего Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф, претендовавший позже на роль посредника между сторонами), не решились на открытые попытки их примирения, хотя были в большей степени солидарны с новым поколением реформаторов, тоже полагая, что 'улама' старшего поколения излишне консервативны (см. публикуемое ниже сочинение Шайха Мухаммад-Садики). Позже «центристы» предприняли такую попытку, когда заняли ключевые посты в САДУМ. Однако, как ясно говорит Шайх Мухаммад-Садик, старое поколение 'улама', которое познало все ужасы атеистической политики и репрессий, опасалось новых карательных акций властей. С другой стороны, в своей публикации (см. далее) он называет приверженность «консерваторов» к тем ритуальным и догматическим установкам, которые приняты в ханафитском мазхабе, как «некоторую фанатичность» (консерватизм)⁴³. Автор рассматривает аргументы сторон, старается показать их одинаковую правомерность и заключает, что эти споры и позиции имеют древние корни и поэтому не должны быть предметом разногласий и расколов (см. подробнее ниже, во введении к переводу его сочинения).

По мнению Шайха Мухаммад-Садики, старое поколение 'улама' в Центральной Азии жило в другое время и приспособлялось к тем условиям, которые оно не выбирало. И в этих условиях абсолютизация положений мазхаба вполне себя оправдывала. Сейчас (в середине 1990-х гг.) время изменилось, и в современном мире давление на мусульман ощущается все сильнее и сильнее. Поэтому мусульманам не следует вступать в споры между собой и дискутировать, чей мазхаб правильнее и чьи 'улама' в большей степени следуют велениям Корана и Сунны⁴⁴. Эти споры

⁴³ См. наше введение к тексту его сочинения, публикуемого далее.

⁴⁴ Однако в представляемых далее текстах он сам опирается на идеи таких неоднозначно оцениваемых 'улама', как сириец Рамадан ал-Бути (род. в 1929 г.) и египтянин Йусуф ал-Кардави (род. в 1926 г.).

вновь и вновь раскалывают мусульман и делают их слабыми перед всем миром, а «неверные» пользуются этим положением⁴⁵. Автор кроме названных причин (религиозная безграмотность населения, слабость и малочисленность подготовленных 'улама') видит также влияние зарубежных миссионеров (*ду'ат/да'ватчилар*) из религиозно-политических (исламистских) партий и считает, что оно в определенной степени спровоцировало раскол среди мусульман нашего региона.

Итак, в течение трех столетий (XVIII–XX вв.) ислам в Центральной Азии пережил череду вызовов. Несомненно, самыми значительными испытаниями этого периода стали антирелигиозная политика большевиков и советская идеология. Мероприятия советского времени по контролю над исламом и снижению его влияния среди населения хорошо известны и в достаточной мере изучены.

Представленные далее тексты и другие наши наблюдения демонстрируют очень важные процессы, вызревавшие в недрах «центральноазиатского социалистического общества». С одной стороны, это выражается в стремлении мусульман сохранить собственные религиозные традиции, ощущении себя как верующих людей вопреки государственной идеологии. Это достаточно заметно в довольно быстром налаживании системы нелегальной передачи религиозных знаний (*худжра*) и местных центральноазиатских традиций. Можно также говорить о сохранении в массовом сознании преимущественно исламских нравственно-этических норм и повседневной обрядности, связанной с исламскими предписаниями, сферами индивидуальной и коллективной психологии.

С другой стороны, мы видим устремления нового поколения мусульман, которые не соглашались с консервативными принципами старшего поколения 'улама' и их квиетизмом и все более настойчиво говорят о «реформе», «очищении», «исправлении» местного ислама. Предложенная нами ранее историческая перспектива позволяет полагать, что эта реформа была осуществлена не на почве центральноазиатского ислама, хотя попытки адаптации под местные реалии здесь прослеживаются довольно четко. У нас есть все основания судить о том, что местные «реформаторы» в значительной степени предпочли заимствовать учения и идеологию разных мусульманских фундаменталистов Египта, Пакистана или Саудовской Аравии.

⁴⁵ Из его «Тafsир ал-Хилал», сура «ал-Бакара», айаты 118, 120, 147–148 и др. (*Shaykh Muhammad-Sodiq Muhammad-Yusuf. Tafsiri Hilol. Birinchi juz'. Toshkent: Movarounnahr, 2005*).

Выше мы также не случайно упомянули о самоназвании «реформаторов» нового поколения — *Муджаддидийа*. Парадоксальным кажется тот факт, что оно появилось, очевидно, без всякой связи с точно таким же самоназванием *Муджаддидийа* — индийским ответвлением суфийского братства *Накшбандийа*. Имеющиеся материалы не дают оснований говорить о непосредственной духовной или догматической связи нового поколения *Муджаддидийа*, так же как и с упомянутыми *джадидистами*.

Тем не менее «новых» *Муджаддидийа* и с теми, и с другими объединяет стремление к реформам, «обновлению» («очищению») ислама. Однако с существенными различиями. С суфийскими *Муджаддидийа* реформаторов новой волны сплотили открывая и бескомпромиссная борьба против «непозволительных новшеств» (*бида'*), неприятие тех норм в исламских социумах, которые они считают «чуждыми», а также критика местных консерваторов за излишнюю приверженность к рационалистическим методам (*ра'й*) при вынесении решений. Под «новшествами» они понимают преимущественно ритуалы из области *'урф ва-'адат*.

Что касается *джадидистов*, то «новые» *Муджаддидийа* скорее всего стихийно повторяют их критику относительно легитимности большей части суфийской практики (и особенно громких видов *зикра*). Хотя причины и стимулы такой критики неодинаковы. Если первые из них («*джадидисты*») видели в подобных ритуалах противоречие нормам рассудка и современных научных знаний, то «новые» *Муджаддидийа* опираются на *Коран* и *Сунну*.

Так появились в Центральной Азии три вида реформаторского движения — разного происхождения, непохожие и похожие одновременно друг на друга. И между ними (исключая разве что «*джадидистов*») до сих пор происходят разногласия и столкновения. Такое же противостояние наблюдается между ними и консерваторами, с одной стороны, и с секуляристами — с другой.

Об этом особенно ярко свидетельствует та функция «посредника» («центриста»), которую пытался взять на себя бывший муфтий САДУМ и УМУ Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф, о чем он пишет в своем сочинении «О разногласиях» (см. далее). В более поздней публикации он выделяет еще одну волну «реформаторов», связанных с проникновением в страны Центральной Азии «миссионеров», то есть представителей религиозно-политических партий и групп типа *Хизб ат-тахрир ал-ислами*,

Таблиги джама'ат и др.⁴⁶ Их позиции более близки к местным «реформаторам» новой волны *Муджаддидийа*, хотя выражены в более радикальных формах⁴⁷.

Настоящее издание осуществлялось с некоторыми перерывами в течение двух лет (2000–2002), корректировалось и дополнялось в последующем времени. Оно выходит в свет благодаря усилиям ряда специалистов. Поистине эта работа — плод коллективного творчества. Переводчики и исследователи текстов: Б. М. Бабаджанов, А. К. Муминов, Анке фон Кюгельген, Allen Frank, Stephen Hegarty, Асаль Аббасова.

В ходе работы издатели пользовались любезным участием ряда организаций и специалистов. Это фонд SNF (Schweizerischer Nationalfonds), SAGW (Schweizerische Akademie der Geistes- und Sozialwissenschaften), издательство «Дайк-Пресс». Мы искренне признательны за их помощь и внимание.

Указатели к настоящему изданию составлены Катипой Кусаиновой. Мы благодарны ей за добросовестный труд.

Нам также любезно помогали советами и предоставляли информацию Шайх Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф, Шайх 'Абдул'азиз Мансур, Муслим Атаев, Michael Keprege, Фатхиддин-кари Тойчиев, 'Абдулатиф-кари и Мухаммад-Садик-кари Касимовы, Рафик-джан-кари Камалов (1951–2006), Дурбек Рахимджанов, Шавасил Зийадов, Шарифджан Исламов и многие другие. Мы искренне благодарим их за содействие.

Б. М. Бабаджанов, А. К. Муминов, А. фон Кюгельген
(Ташкент—Алматы—Берн)

⁴⁶ *Shaykh Muhammad Sodiq Muhammad Yusuf. Din nasihatdir. Toshkent: Mowarounnahr, 2005.* О деятельности миссионеров в Центральной Азии см.: *Peyrouse Sébastien: Des chrétiens entre athéisme et islam: regards sur la question religieuse en Asie centrale soviétique et post-soviétique. Paris, 2003.*

⁴⁷ Часть этих текстов опубликована в упомянутой работе А. Франка и Дж. Маматова. Другие, мы надеемся, будут изданы в дальнейшем.

INTRODUCTION: Religious Texts of the Soviet Era

Researchers studying the history of Islam in the former Soviet republics of Central Asia as a rule are faced with the problem of a lack of written sources (treatises, fatwas, letters, diaries, etc.) compiled by the religious elite within the Muslim community. Obviously under the conditions of the Soviet regime, with its policy of liquidating physically the bearers of «theoretical» Islam, the religious scholars ('ulama'), aggressive control, total surveillance, and an official mono-ideology, few religious treatises were composed. Nevertheless, under these unfavorable circumstance religious thought was not completely extinguished, and various works by the 'ulama' of that era can still be found in private archives. Undoubtedly their significance is great for an informed understanding of the methods of adaptation of a traditional part of the population to the new conditions of the Bolsheviks historical experiments regarding the building of a «bright communist future without religion and nations» (1917–1991). These experiments left their marks for local Muslims and their religious elites, being reflected in their rhetoric, in the style of the treatises, and even in the images of «enemies of Islam and Muslims». Moreover, during this same era there appeared the seeds of the same ideology that later (starting during the reforms of Mikhail Gorbachev, 1985–1991) would become the basis for the stormy rebirth, and then politicization of religion, for rifts, and for the emergence of religious extremist groups.

At the very least, without the study of written sources and public opinion among believers, it is difficult to correctly evaluate present-day problems linked to the renaissance of Islam as a constituent element of ideology and spirituality of autochthonous societies. In this regard so-called «official sources» provide a limited perspective; that is, documents (mainly fatwas and circulars) that were produced by the officially permitted religious institutions, such as *shari'a* and *qadi* courts, or the Central Asian Muslim Religious Board (henceforth SADUM, 1943–1992). One can also mention the documents of special «committees for religious rituals», under the local administrations of that era. Even a preliminary investigation of this body of sources indicated their importance for the study of the phenomenon of «Soviet

Islam» in Central Asia¹. This sort of work should continue, as these documents are rather well-preserved and their access to scholars, for the most part, is open².

Naturally, is it impossible to make a correct evaluation of the documents preserved in the state archives, mainly originating from official bodies, without understanding the facts on the ground³, the historical context, the struggle of ideas, and the disputes among religious scholars, who in reality illegally continued the traditional of confessional education, and participated in supporting religious consciousness.

Thus, we can only have a complete overview of the phenomenon of «Soviet Islam» in Central Asia if there is a complete study of the fully variety of sources. However written sources and other (for example oral sources, admitting their partiality) information about all the circumstances and conditions of the discussions are difficult for researchers to access. Filling one of these gaps is the goal of the compilers and publishers of the present volume. This is, of course, the publication of primary sources from which we have only selected a portion. They reflect the

¹ *Anderson J. Islam in the Soviet Archives: a Research Note // Central Asian Survey. Vol. 13. No 3 (1994). P. 383–394; Бабаджанов Б. О фетвах САДУМ против «неисламских» обычаев // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. Алексея Малашенко и Марты Брилл Олкотт. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. С. 170–184; idem: Бабахановы // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2003. С. 12–13; Бабаджанов Б., Олкотт М. Б. САДУМ // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2003. С. 69–72; Babadjanov Bakhtiyar M. From Colonization to Bolshevization: Some Political and Legislative Aspects of Molding a «Soviet Islam» in Central Asia // Central Asian Law: An Historical Overview. A Festschrift for The Ninetieth Birthday of Herbert Franke / Ed. by Wallace Johnson, Irina F. Popova. Topeka, Kansas: Society for Asian Legal History, The Hall Center for the Humanities, The University of Kansas, Lawrence, Ks., 2004. P. 153–171.*

² An exception are documents preserved in the archives of the intelligence services, which conducted the prosecutions of repressed «enemies of the people», including the so-called «religious cases». They are less accessible.

³ Here we mean the vitality of local (including religious) traditions that were reflected in social life, in the interrelations of people, in family traditions, identity, mentality, etc. This milieu could not function without these very «shepherds» (neighborhood mullahs, local religious scholars and others), who, remaining part of society, supplied the necessary sense, and even sacred status to the rituals being preserved.

disputes and rifts among the local religious elite, and their consequences are felt to the present day.

We did not choose the chronology of these works' compilation randomly: it is the beginning and the end of the Soviet era⁴. At the same time, they were the products of disputes and rifts in the local religious milieu (this is to be discussed below in more detail).

Some materials and articles, reflecting some aspect or another of the disputes in the local Soviet-era religious milieu, have already been published⁵. Below we offer only a brief survey of these disputes based on published sources. In addition, we will add commentaries and critical comments for each of the sources being published, also making use of oral information that we collected.

**«Soviet Islam» between Ritual Conservatism and «Reform»
(the discussions, their doctrinal aspects, and external influences)**

The limitations and conclusions of the late professor Alexandre Bennigsen, touching upon the religious situation in the Union Republics of the former USSR, most of whose population adhered to Islam, are well known to specialists. The basic characteristic of «sovietological Islamology» (of which Bennigsen was a typical representative) has already been sufficiently analyzed in a profound manner

⁴ The exception being the treatise of Muhammad-Sadiq Muhammad-Yusuf, written in 1995, which, nevertheless, was conceived of at the end of the Soviet period, and for the most part is devoted specifically to the Soviet period.

⁵ Babadjanov B., Kamilov M. Muhammadjan Hindustani (1892–1989) and the Beginning of the «Great Schism» among the Muslims of Uzbekistan / Transl. from Russian by Stephen Hegarty // Stéphane A. Dudoignon and Hisao Komatsu (eds.). *Islam in Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries)*. London, New York, Bahrain, 2001. P. 195–219; Бабаджанов Б. М., Муминов А. К., Олкотт М. Б. Мухаммаджан Хиндустани (1892–1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании «советского ислама» в Средней Азии) // Восток (Orient). № 5. М., 2005. С. 19–33; Muminov A. Chami-darulla et son rôle dans la constitution d'un «Islam soviétiques» // Islam et politique en ex-URSS (Russie d'Europe et Asie centrale). Sous la direction de Marlène Laruelle et Sébastien Peyrouse. Paris: l'Harmattan, 2005. P. 241–261; idem: The 'Ulama' and the Radicalization of Islam // Secularity and Religion in Muslim Countries: Searching for a Rational Balance / Ed. by Z. I. Munavvarov and R. J. Krumm. Tashkent: Scientific and Educational Center of Imam al-Bukhari, Friedrich Ebert Foundation, 2005. P. 193–198.

in a work of Devin DeWeese⁶. For the purposes of our task, it would be useful to again underscore the various omissions in Bennigsen's works that are inherent in «sovietological Islamology» as a whole. Here we mean written sources and the methods of interpreting those of them that are available.

Bennigsen was deprived the possibility of studying the object of his research from within, so to speak, and primarily used a few official publications of organizations such as SADUM, or the Soviet propaganda press. Finally, for obvious reasons, the very «unofficial sources» that complement the portrait and the dynamic of the religious situation in the republics they were studying were inaccessible to Bennigsen and his colleagues.

These and other causes resulted in Bennigsen offering conclusions that were somewhat distant from the facts of the matter. Even though at present research in these topics has significantly deepened, and is based on a broader body of sources, many of Bennigsen's determinations continue to be employed even by scholars who have the ability to visit the countries and regions they are studying, and who know oriental languages⁷. In addition to this just criticism of Bennigsen's work, more than anything his use of terms such as «official Islam», «parallel Islam,» and correspondingly, «official clergy» and «parallel clergy» elicits objections. Under the first determination he has in mind the circle of imams and religious scholars who served within the system of organizations officially permitted by the authorities, such as in SADUM and its mosques (at the dawn of Soviet power they were also called «Red mullahs»)⁸. In the determination of Bennigsen and his students, «parallel Islam» consisted of religious scholars who were in hidden opposition to Soviet authority. But the characterization of Islam and the positions of religious scholars during the Soviet period comes off as too simplistic, and moreover does not reflect the essence of the disputes that took place among religious scholars. It should be stated that the contradictions and differences in this sphere did not follow the line between «official» and «unofficial» Islam. The mosaic of contradictions and rifts was much more complicated, and did not depend on the «official» or «unofficial» status of specific groups and leaders; this is also evident in the works being presented here. The same can be said about the

⁶ DeWeese D. *Islam and the Legacy of Sovietology: a Review Essay on Yaacov Ro'y's Islam in the Soviet Union* // *Journal of Islamic Studies* 13:3 (2002). P. 298–330.

⁷ See, for example, the work of the French researcher Olivier Roy: Roy, Olivier. *The New Central Asia. The Creation of Nations*. New York University Press, 2000. Chapter 8. P. 150–160.

⁸ Shaykh Muhammad-Sadiq calls them «State mullahs»; see below.

«unique position» of the region's most famous mufti, Ziautdin Babakhanov (Diya' ad-Din ibn Ishan Baba-khan, 1908–1982, mufti of the SADUM 1957–1982), who led a struggle against local «un-Islamic» rites and practices, and therefore among the «conservative» religious scholars was considered as either a puppet of the authorities, or as the «first official Wahhabi»⁹.

Naturally, for the correct evaluation of the religious situation during the Soviet era, it is important to understand not only the political and social aspects of the adaptation and survival of religion, which, incidentally, have not been sufficiently studied. A correct appreciation of the specifically religious situation is no less important, in particular discussions amongst religious scholars. And for that, it is most of all necessary to draw on the maximum number of sources, among them those we are presenting here.

One of the characteristic and unquestionable traits of Islam is the fact that disagreements among religious scholars on various issues, and permanent discussion in the religious milieu, are a natural phenomenon, flowing from the very essence of the doctrinal system and structure of this religion. Its lack of a «regulating body», like the church in Christianity, entailed a particular condition with an inherent potential for discussion. This condition, as a rule, in certain eras had a tendency toward becoming strained, shifting from the doctrinal plane to the social, and subsequently, to the political. Here it is not only a matter of inter-*madhhab* polemics, which today had a unique continuation in the movement for an Islam without *madhhabs*, (*al-fiqh al-muqarin*). It should be noted that within the *madhhabs* discussion because also the internal *madhhab* polemic is called like that is not a rarity either.

We can observe the same sorts of examples in the Central Asian milieu of the religious elite. One can mention early examples of such discussions evident in the sources, which took place in Bukhara and Samarqand in the 9th and 10th centuries CE. This was during the early period, when in religious life in general, and among the religious elite in particular, the norms deriving from the practice and living tradition of the early community (*umma*) settled out. Basically, these were the Karramites and the multi-layered environment that one can conditionally call «proto-Hanafi». This took place not in isolation from the rest of the Muslim world, but in a certain sense, autonomously. There were other groups as well, whose

⁹ The struggle for «pure» Islam became a slogan of the SADUM's activity, most of whose fatwas were directed against these «un-Islamic practices», which were characteristic for the system of 'urf and 'adat; see: Бабаджанов Б. О фетвах САДУМ против «ненсламских обычаев»; он же. Бабахановы.

religious and ideological position is still necessary to study. What was common among all of them was the fact that they tried to uphold their own positions, using the support of part of the population, to the degree that the religious scholars in that environment were sufficiently tolerant of pre-Islamic practices, and cultural traditions and practices. To some degree all of these groups and movements became established, and each of them had their own social support. Evidently, a similar situation existed in the other parts of the Caliphate (749–1258 CE). However, at the same time, in the Caliphate new groups of religious scholars began coming to the fore. They brought into question the legitimacy of the existing state of ideological and religious diversity. They are known under the name «*ahl al-hadith*» (people of tradition). The path they proposed was, in fact, a revision of the established norms of how Islam was practiced, on the basis of making religious practice, and life, conform to the speculative positions originating in the contents of the «subsequently purified hadiths»¹⁰. Such a purist approach was not accepted by the majority of religious scholars, even though they found some support among political figures and merchants involved in transit trade. The «new ideas» shook up religious life, engendering heated discussions that sometimes made their way into the political arena. For example, in Bukhara the most famous example was the activity and writings of imam Muhammad ibn Isma'il al-Bukhari (810–870 CE), the most famous collector and systematizer of hadiths¹¹. Possessing a phenomenal memory, he collected and systematized a massive quantity of hadiths. In addition, his method surpassed the method of local religious scholars, who did take upon themselves the aim of hadith-criticism, their texts (*matn*), or their chains of transmission (*isnad*). They were satisfied that the tradition corresponded to the conception of the school (or group) which they represented.

Meanwhile, al-Imam al-Bukhari emphasized that a hadith has «supports» (*sanad, isnad*), in the form of their «legal transmitters». Evidently, it was hard to argue with such an approach, since the claims of the «*ahl al-hadith*» always appealed to the sacred primary sources, and called for their «purification». Having in his «discursive arsenal» the texts of «genuine» and «spurious» hadiths, al-Imam

¹⁰ Муминов А. К. Роль и место ханафитских 'улама' в жизни городов Центрального Мавараннахра (II–VII/VIII–XIII вв.). Автореф. дисс. ... д. ист. н. Ташкент: Ташкентский исламский университет, 2003. Р. 19–20.

¹¹ Прозоров С. М. Ал-Бухари // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 78–82.

al-Bukhari could realize a revision of any teaching, and even deprive it of its sacred foundation, as being far from «pure religion». His method and the spirit of his teaching were used by various political forces in the struggle against religious groups that were opposed to the m. This approach of al-Imam al-Bukhari's could easily become an instrument of struggle against established religious traditions in Central Asia proper (the bearers of «theoretical Islam,» of the region's social and cultural complex), and did so.

However, subsequently, far from the realities of life (including the religious), the *ahl al-hadith*, having made the *sunna* of the Prophet absolute, became rigid, having lost the discussion to the traditional schools, and later dissolved among the Shafi'is. It is remarkable that al-Imam al-Bukhari died in banishment (the village of Khartang, near Samarqand). It is even more remarkable that not one local ruler raised any sort of noticeable mausoleum over his tomb, to say nothing of a complex of structures for pilgrims. In and of itself this is symbolic, if one recalls that the construction of such buildings has not so much a religious, as a social, and especially political context. It suffices to refer to the example of the extensive building at the graves of authoritative Sufis, and of the representatives of notable families (*sayyids*, and others). It is clear that, expending funds for such construction, a ruler, among other things, hoped for the consideration and support of the population, for whom those religious figures were religious symbols, and who were close to their traditions, to their religious needs, and their culture. It is no less symbolic that many centuries later, in 1910 a sharp opponent of local forms of Islamic practices, and a partisan of religious purism, Shami-damulla at-Tarablusi made (from Kashghar) the pilgrimage to the grave of al-Imam al-Bukhari (for more detail see the introduction to his work in this volume).

It is likewise remarkable that during the Soviet era the rebirth of the «holy memory» of al-Bukhari (in conjunction with the opulent anniversary in 1974, and the publication of his *al-Jami' as-Sahih*) was rather linked with the name of Ziauddin Babakhanov, one of Shami-damulla's most politically successful students¹².

Nonetheless, al-Imam al-Bukhari's legacy and methods helped the Hanafis of the 10th–13th centuries, so to speak, to «bring order» to their own scholarship, especially in

¹² *Бабаханов Ш. Муфтий Зияуддинхан ибн Эшон Бабахан. Жизнь и деятельность.* Ташкент, 1999. С. 82. Regarding the current rebirth of the memory of al-Bukhari in Uzbekistan, this too should be seen as a political act. Moreover, the process of post-Soviet religious reorientation and the rebirth of religious values and symbols is taking place rather unconsciously and indiscriminately, despite local historical and religious traditions.

the area of the methodology of *fiqh* (*usul al-fiqh*). Nevertheless, within the Hanafi environment their remained a cautious attitude toward al-Bukhari's legacy, which is reflected in a mass of commentaries and in the methodology of instruction. In the medieval Hanafi madrasas the study of the «al-Jami' as-Sahih» was left to the very last, when students had firmly assimilated the foundations of Hanafi law, and used the basis of hadith study for their own authoritative texts (for example, the «Mishkat al-Masabih» of al-Khatib at-Tabrizi).

Later, an actual stagnation of jurisprudence can be observed. During the «post-Mongol» era, and especially in the 18th century, jurisprudence and theology in Central Asia became withdrawn into a circle of problems of «internal» scholasticism. As a result we see an overall loss of the former rich tradition of composing independent theological and legal works, if one does not consider the broad compilations, commentaries, and Sufi works. The latter not only comprised issues of properly Sufi themes, but also issues of the «*shari'a* evaluation» of some rituals specifically linked with traditions.

Internal discussions were mainly focused around ritual issues; for example, regarding the legitimacy of one or another aspect of *dhikr*. However these discussions necessarily also took on a political character¹³. The emphasis on particular issues in local theology and in the culture of religious jurisprudence engendered discussions of an inter-regional nature, which especially distinctly took place in the rare, but very indicative conflicts between the religious scholars of the Volga-Ural region and Bukhara. Nevertheless, right until the beginning of the 20th century new generations of scholars were coming from the Volga-Ural region to Bukhara (where the traditions of systematic confessional education were still preserved). Some of them, having the experience of living in the more

¹³ On this see: von Kügelgen A. Die Entfaltung der Naqšbandiya muğaddidiya im mittleren Transoxanien vom 18. bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts: Ein Stück Detektivarbeit // Muslim Culture in Russia and Central Asia from 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2. Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations / Ed. by Anke von Kügelgen, Michael Kemper, Allen J. Frank. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1998. P. 101–152; See also: Шайх Худайдад ибн Таш-Мухаммад ал-Бухари. Бустан ул-мухиббин / Подготовка критического текста: Б. М. Бабаджанов, М. Т. Қадырова. Туркестан: Научно-исследовательский центр йасавиеведения при Фонде помощи Международному Казахско-Турецкому университету им. Ходжа Ахмета Йасави, 2006. In the introduction to the work (P. 6–36), the doctrinal, social, and political essence of the discussions in the political and Sufi circles of the khanate of Bukhara regarding the legitimacy of one or another aspect of Sufi rituals (mainly *dhikr*) are addressed.

technologically advanced Russian empire, and already sensing the pernicious consequences of an overall stagnation, and the backwardness of Islamic societies, including the system of religious education, they became ever more critical toward Bukhara's status as the capital of religious learning, symbols, and orientation¹⁴.

Our brief historical survey is not inadvertent, if one recalls that the chief issues in religious discussions are reform, (*islah, tajdid*), its boundaries, its forms, and its legitimacy from the perspective of dogma. Naturally, this «reformation» during the period, let's say, of Shah-Murad (Ma'sum)-khan (1785–1800), took on the form of reestablishing the shari'a, in place of «savage nomadic morals»¹⁵.

Later, from the moment of Russian colonization, local Muslim society for the first time after many centuries following the Mongol conquest, again found itself facing the realities of an «alien», but more technologically developed civilization. This compelled some local religious scholars to seek the causes of their own backwardness with respect to the Christian world. Specifically this direct contact with a «foreign civilization» brought to life the forgotten reformist principles among a segment of the Muslim leaders. As a result, we see their attempts restricted to two forms of seeking reform. Some representatives of «conservative religious scholars» (their more established, but misleading name is qadimists, from the Arabic root qaf-dal-mim, meaning «coming before, ancient, old, former») called for a rejection of excessive conservatism in resolving theological and legal issues, especially regarding interactions between those of other faiths (*ghayr-i din*), for being more open, for example in using the benefits of the civilization of the infidels (*kuffar*). As they suggested, in Islam, and most of all, in the practical part of Muslim law (*furu' al-fiqh*), there were sufficiently flexible precedents for this, and these precedents could find support in the hadiths. In another wing of the «conservatives» there were religious scholars who reacted extremely negatively to all attempts at reform¹⁶.

¹⁴ See: *Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998. P. 82–98, 172–313; Kemper M. Ал-Булгари // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006. С. 74–76.*

¹⁵ *Von Kügelgen A. Die Entfaltung.*

¹⁶ *Dudoignon Stéphane A. Djadidisme, Mirasisme, Islamisme // idem: Le réformisme musulman en Asie centrale. Du «premier renouveau» à la soviétisation (1788–1937) (Cahiers du Monde russe. 1996. № 37). P. 13–40; Dudoignon, Stéphane: Что такое кадимийа? Элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском*

Besides that, with the influence of reformists from the southern and western regions of the Islamic world on the territory of the former Russian empire, including Central Asia, a new type of reformist movement began to emerge, which was later called «jadidism». It would be mistaken to say that basically ideas for the reform of religious education (the introduction of secular disciplines, improvement of pedagogical methodology etc.), and further, some legal reforms, in particular the purifying *fiqh* of «legal stratagems» (*hiyal*) were the basis of this movement. They also fought against the dominance of superstition and rituals connected with it, and for acquiring modern sciences and technologies. Nevertheless, in resolving ritual and doctrinal issues they appealed to the very same traditions and methods that local religious scholars used, and to which the majority of the Muslim population was accustomed to accept. Specifically the jadidists were unable to eliminate this traditionalism.

Regardless of their diversity, the jadidists were the most active in their reformist impulse, even though they had the least support on the part of the authorities and the majority of the population¹⁷.

The uprisings and revolutions of 1916 and 1917 led to the political activity of all Muslims of the Russian empire. Around thirty different Muslim parties, clubs, groups, and publications were founded within two or three months only in Tashkent and in the region's major cities¹⁸. Political activity practically put discussions about

мире и в Мавераннахре (с конца XVIII до начала XX вв.) // Дюдоignon С. А., Исхаков Д., Мухаметшин Р. Ислам в татарском мире: история и современность. Казань: Панорама, 1997. С. 54–68; Wennberg F. An inquiry into Bukharan qadimism – Mirza Salim-bik. Berlin, 2002 (ANOR № 9). Мухаммад Йунус Х'аджа б. Мухаммад Амин-Х'аджа (Та'иб). Тухфа-йи Та'иб / Подготовка к изданию и предисловие: Б. М. Бабаджанов, Ш. Х. Вахидов, Х. Коматду. Ташкент, Токио, 2002. С. 1–12; Babadjanov B. Russian Colonial Power in Central Asia as Seen by Local Muslim Intellectuals // Looking at the Colonizer. Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas. B. Eschment, H. Harder (eds). Würzburg: Ergon Verlag, 2004. P. 75–90.

¹⁷ Dudoignon S. A. «La question scolaire» à Boukhara et au Turkestan russe, du premier renouveau à la soviétisation (fin du XVIIIe siècle – 1937)» = *Cahiers du Monde russe*. 1996. № 37. P. 133–210; Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, Los Angeles, London, 1998; Бабаджанов, Муминов, Олкотт. Мухаммаджан Хиндустанни.

¹⁸ Боровков А. К. Узбекский литературный язык в 1905–1917 гг. Ташкент, 1940; Алзамходжаев С. С. Газета «Хуррият» как источник по истории общественно-политической жизни Туркестана (март–октябрь 1917) // Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения. Ташкент, 1991. С. 40–53.

strictly doctrinal topics and prescriptions on the back burner, and was instead focused on the forms of state structure, the forms on relationships with the metropole, the limits of the uses of *shari'a* directives in the legal system and in customary law, etc. The turbulent revolutionary events brought with them political aspirations even in the extreme right wing of the «qadimists» («conservatives»). Within this environment the forms of «religious reformation», besides the political forms, began to acquire significant social and doctrinal flexibility, moving away from stagnant fanaticism. Despite their conservatism, religious scholars in this environment revealed an ability to adapt, expressing themselves, for example, in the form of a particular political credo: a state structure «on the principles of Islamic socialism» (an idea clearly borrowed from Jamal ad-Din al-Afghani¹⁹).

However, soon all of these impulses toward political reformation were in the harshest way severed by the Bolsheviks²⁰. In the religious milieu the reaction to Bolshevization was not monolithic. On the one hand, we see the splash of the Basmachis' many-year struggle (operating under the banner of jihad). On the other hand, a portion of the religious scholars (they would be referred to by the derogatory term «Red mullahs») felt that the technical equipment of the troops and the strengths were too unequal, and consequently it was necessary to find a compromise with the new authorities, promising at the beginning of their activity, «freedom of conscience and of religious confessions». Later the atheist policy and the secularization of all spheres of life put Islam in extremely unfortunate circumstances, compelling a significant portion of religious scholars to withdrawal to one of the legitimate methods of self-defense, in case of «compelling necessity (*halat al-ibtidar*, locally, *iztirari halat*), suggesting political, and to a degree, ideological loyalty²¹.

Practically all religious establishments and institutions (mosques, *madrasas*, *qadi/qazi* courts, *waqf* administrations, etc.) were forcibly closed or dissolved. The majority of the religious scholars suffered repression, and then, in the 1930's, even the most radical reformers from among «jadid» circles.

¹⁹ *Агзамходжаев С., Бабаджанов Б. Шура-ий 'улама' // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2003. С. 98–99 (it contains further bibliographical references).*

²⁰ *Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Ташкент ислом университети, 2006. С. 223–261.*

²¹ *Al-ibtidar* is similar to another prescription, *at-taqiya* (compelled concealment of one's religion). On this, see: *Прозоров С. М. Ат-Такия // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 221–222 (it contains further bibliographical references).*

Together with these initiatives, the Soviet authorities essentially interrupted the initials toward reform mentioned above, and «shackled» discussion surrounding it within the boundaries of the most conservative forms. Nonetheless, clandestine discussions within the religious elite continued. Similarly, during the first decades of Soviet power they focused on secondary theological, legal, and ritual issues. However, even these matters are awaiting their researchers, as well.

The sources presented here provide us with a retrospective on several forms of the discussion (or the embryonic forms of reformism) of the early Soviet period. The first of these sources belong to the pen of the religious scholar Shami-damulla at-Tarablusi, who was famous in Tashkent (he was expelled from the Ottoman Empire for Wahhabi views, and was active in Central Asia from 1903 until 1932; see the introduction to his composition).

Shami-damulla's activities and his discussions in Tashkent look to be extremely aggressive attacks against local religious scholars²². In an unexpected way Shami-mulla's positions and methods recall al-Imam al-Bukhari's purist impulse. In both cases we see severe attacks against evolved forms of Islam and its bearers, and maximalist evaluations of local practices and traditions.

Jumping a bit ahead, we will note that a similar sort of maximalism and methods of discussion did not create an alternative, intact, or workable system, corresponding to the everyday needs and demands of Muslims. In this regard one can refer to the «state» Wahhabism of Saudi Arabia. With time, the acute maximalism and ritual nihilism naturally moderated, effectively returning to the framework of the Hanbali *madhhab*.

On the other hand, within the current conditions, the repetition of the historical impulses toward «the purification and Islam and Muslims» leads to the fact that favorable conditions and soil are being naturally created for the spread and resulting temporary success of the ideologies of religious and political groups whose actions it is accepted to characterize as «fundamentalism», «extremism», «Islamism», and «terrorism».

²² Муминов А. Шами-дамулла и его роль в формировании «советского ислама» // Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве. Материалы международной конференции «Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве: сравнительный анализ Центральной Азии и европейской части России». 1–2 апреля 2004 г. Казанский институт федерализма (Казань), Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC, Ташкент), Франко-российский центр общественных и гуманитарных наук (Москва), 2005. С. 231–247 (Казанский федералист. № 1 (13). Зима, 2005).

Let's return to the religious scholars at the beginning of the region's Bolshevization. Arrests in this setting (the middle of the 1920's), and additional pressure with respect to religion, made the issue of discussions irrelevant. For the religious scholars adaptation to unfavorable conditions, and seeking ways to transmit religious learning, which had taken on an illegal character, was much more relevant. Somewhat later religious instruction was resurrected in the form of *hujras* (illegal confessional education)²³. One of the most famous *hujra* instructors was Muhammadjan Hindustani Rustamov (1892--1989, on him cf. the introduction to his texts).

Discussions and ideas about the reform and about the «renewal/purification» of Islam again revived around the end of the 1960's and the beginning of the 1970's. This revival is connected primarily with the activity of the younger generation of religiously and traditionally educated people. Discussions re-arose with the debate about the legality of, from the point of view of prescribed Islam, of the rituals ('*urf* and '*adat*) established among local Muslims. And again, as before, they discussed issues such as legitimacy of pilgrimage (*ziyarat*) to the tombs of saints, and some «magical» actions during pilgrimage and with respect to other established rituals and assemblies during Muslim holidays (for example, *Mawlid*, the Prophet's birthday), ethnic celebrations (*toy*, '*aqiqa*, and others), which the *jadids* had already discussed, and later became the subject of criticism on the part of Shami-damulla, including his student Ziautdin Babakhanov already in the 1950's. However, the causes and positions of this critique and debate varied. Nevertheless, these problems continued to agitate Central Asian Muslims (especially the younger generation), especially beginning in the early 1970's. Namely a portion of these issues were addressed to Muhammadjan Hindustani²⁴.

Moreover, the majority of the region's young religious scholars from the «new wave», such as Rahmatullah 'Allama (1950--1981), 'Abduvali-qari Mirzaev (b. 1950), and Sayyid 'Abdallah Nuri (d. 8 August 2006),²⁵ specifically studied under the older generation of '*ulama*', in particularly under Hindustani.

Essentially, the younger generation of religious scholars did not only advance their personal ambitions to the debates, but the unfavorable conditions of atheist

²³ Бабаджанов Б. Худжра // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 428--429; Бабаджанов, Муминов, Олкотт. Мухаммаджан Хиндустани.

²⁴ These issues are discussed in section 2 at the end of the introduction to Hindustani's texts.

²⁵ Cf. the main bibliography in: Frank A. J. and Mamatov J. Uzbek Islamic Debates: Texts, Translations, and Commentary. Springfield, Virginia: Dunwoody Press, 2006. P. 441--442.

ideology. The ideas of the «reformers» and «modernists» from the different parts of the Islamic world had a great effect on them. Despite the almost total international isolation of Soviet period (the so-called Iron Curtain), actually legitimate methods of their penetration into the republics of the former USSR did exist. Presently four main sources (channels) of such influences are known to us.

The first is connected with interactions among students from Arab countries who were studying in the institutions of learning in the Uzbek SSR²⁶. These were mainly students from Palestine, Syria, and more rarely, Egypt. Many of them had been members of religious political parties at home, the influence of which was rather strong on the youth of the Arab world. Although restricted by special instructions, and by those regulating norms of behavior and their circle of acquaintances, these students nevertheless found ways to talk with local young people, especially with those interested in religious literature.

The above-mentioned Rahmatullah 'Allama and 'Abduvali-qari in the 1970's, for example, would come to Tashkent five or six times a year and socialize with Arab students, and order religious literature, of which they would bring at least five or six copies of each book. Precisely this literature (naturally of a religious and political nature), can be regarded as a second source of influence on the ideas of the young religious scholars of the «new wave».

Recently we were able to establish that already in the mid-1970's in the libraries of these two religious scholars, there appeared, through students from Arab countries, the works of the founder of the group «al-Ikhwan al-Muslimin» in Egypt, Hasan al-Banna' (1906–1949), and of the chief ideologist of the reformist fundamentalists of the 1950's Sayyid Qutb (1912–1966)²⁷, as well as of the most influential of the Pakistani reformist fundamentalists Abu'l-'Ala' al-Mawdudi (1903–1979), and a series of party journals and proclamation (mainly from the «al-Ikhwan al-Muslimin»). Two pamphlets elicit particular curiosity (we were able to copy them), with translations into Russian of Sayyid Qutb's²⁸ and of al-Mawdudi's ideas²⁹. Both booklets were published illegally (in 1980), and present themselves as the exposition of some of their ideas. The

²⁶ Muhammad-Sadiq Muhammad-Yusuf writes about this. See his work presented below, «On Disagreements». P. 6–7, 9–10.

²⁷ In one of the private libraries in Andijan (Uzbekistan) we noted Sayyid Qutb's famous Qur'an commentary «Fi zilal al-Qur'an», which bears a dedication to Rahmatullah 'Allama from a certain Faysal al-Filastini.

²⁸ It has the title «Several Lessons of Islam».

²⁹ The title is «The Foundations of Islam».

author of this independent translation was a certain 'Ibadi, a student at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO).

Sayyid Qutb's ideas are laid out in a rather simplified way, and are joined to his appeals to the effect that Muslims must «return» to the «genuine» Islam that existed during the time of the Prophet and his first companions (*ashab*), when a «genuinely just rule» existed. And there is a sharp critique of «Western imperialism» and «democracy», as well as communism (together with atheism). The ideal political system is called the «Caliphate» (p. 12–13). Here appeals are made for jihad «against colonialism, imperialism, and communism», as well as for the struggle against secular governments in all Muslim countries (p. 19–22, 75, ff.) Later on it is established that «Islamic rule» is the sole political system that is «capable of providing genuine justice and equality». Particular attention is devoted to Sayyid Qutb's famous idea about the countries of the Third World, and his thesis on the creation of a «Third Bloc» consisting of Eastern, primarily Muslim, countries.

Regarding the exposition of al-Mawdudi's ideas, here we see an even more simplified (and sometimes just primitive) commentary. In 'Ibadi's publication much attention is devoted to moral and ethical aims, that are prescribed to Muslims, and to the foundations of Islam as behavioral and moral prescriptions in the lives of Muslims. The author (or the interpreter, 'Ibadi), is openly distressed that the principles and prescriptions of Islam are not being carried out by his Muslim contemporaries, and therefore, as he suggests, out of the millions of Muslims in the Indian subcontinent, only three or four percent are considered «genuine Muslims», and the rest are essentially «infidels». The main reason, as he suggests, is adherence to «un-Islamic practices and traditions», which must be fought against, in order to «purify Islam from harmful traditions» (p. 78–90).

In addition, al-Mawdudi's views on the place and role of Islam in social and political life are recounted in the booklet. The author suggests that the sole effective political system for humanity is a state founded on Islamic laws.

It is still not known what role these translations played in the dissemination of the ideas exposed within them. But there is no doubt that precisely these ideas became the doctrinal and ideological foundation of the very same movement that emerged among the young religious scholars in Central Asia. Our field work showed that these ideas of the foreign fundamentalist reformers («integrists») became a serious stimulus for the birth of a particular movement among the young religious scholars, above all in the Ferghana Valley and in southern Tajikistan.

Shaykh Muhammad-Sadiq Muhammad Yusuf (mufti of SADUM and of UMU, 1989–1993) writes about exactly this in the pamphlet presented below, noting that the Arab students were members of religious political parties in their

own countries and naturally tried to implant their ideas and concepts about Islam to their new friends among the local young Muslims. The books that they were bringing were a great novelty for the local Muslim believers. Muhammad-Sadiq justly notes that the ideas and thoughts presented there came into being for specific reasons, in specific conditions, and for local peoples.

The third path was the penetration into the region of religious and religious political literature published in Arab countries. Official delegations visiting Muslim countries in the Near and Middle East, especially during the time of the mufti of the SADUM Ziiiautdin Babakhanov, would bring it home³⁰.

The fourth source of foreign influence on the future local reformers became the transmissions of radio stations in Western Europe and the Middle East (Iran and Afghanistan), that reached the territory of the former USSR. Tehran Radio particularly stands out, which often covered religious themes. These transmissions were especially popular in Tajikistan (due to the accessibility of the language), and at their first illegal meetings the future leaders of the Islamic Renaissance Party of Tajikistan discussed them actively. The most senior member of this party, Qalandari Sadriiddin, in whose house the first cell of this party was founded in 1973, which then bore the name Nahzati Javononi Islomi Tojikiston (the Party of Islamic Youth of Tajikistan), wrote about this in his memoirs³¹. This author recalls the Islamic literature that reached Tajikistan from Iran and Afghanistan. Admittedly he adds that they tried to distinguish from this literature only those works that corresponded to local Hanafi Islam (p. 149).

Thus, at the beginning of their activity the younger generation of religiously educated people felt it necessary to fight for «pure Islam». The supporters of these initially uncoordinated groups began to call themselves «Renewers» (*Mujaddidiylar*), or *Javononi Islomi* (Islamic Youth), at the same time as the remaining Muslims called them «Wahhabis» (*Wahhobiylar*)³². The «Renewers», such as

³⁰ Oral information from a number of religious scholars from Tashkent and the Ferghana Valley (1997–2004).

³¹ Каландари С. Шодам, ки ХНИТ дар манзили камина ба дуҷомад (I am happy that the Islamic Renaissance Party of Tajikistan was founded at my house) / / published in the journal: «ХНИТ — зодан армуни мардум». Душанбе, 2003. P. 127–139. We are giving some of the names in the Latin script, in order to reflect the specific phonemes of the Tajik language.

³² The term «Wahhabi» began to be used in the countries of the former USSR (and is still used) regarding not only the direct followers of Ibn 'Abd al-Wahhab (1703–1792), but also for all forms of non-standard «unusual» or «strange» manifestations

Rahmatullah 'Allama, 'Abduvali-qari, and their like-minded Tajikistani colleagues from the underground organization *Javononi Islomi Tojikiston*³³, believed that many local rituals and practices among Muslims were impermissible innovations (*bid'at*). This led to arguments with their former teachers (and in his turn, with Hindustani), as well as with the majority of Muslims, who were inclined to adhere to traditional forms of Islam. The conflicts that followed in effect signified a schism among local Muslims³⁴.

Rahmatullah 'Allama and 'Abduvali-qari organized readings for their *hujra* students of the literature discussed above. These gatherings turned into various kinds of discussions. Already at the end of the 1970's they began talking about how it was necessary to «renew/reform» (*jaddada*) local Islam; they posed the question of Islam's political status, and discussed, for example, the revolution in Iran and the Palestinian-Israeli conflict³⁵.

However, it cannot be said that their ideas and their dim political impulses completely copied the ideology of the fundamentalist reformers of the Arab world. Local reformist traditions (most often in the form of Salafist ideas) that had survived down to the beginning of the region's re-Islamization in the form of amorphous groups like the *Ahli Qur'an* or the *Ahli Hadith*³⁶, also influenced the positions of the young local reformers. Furthermore, two of the leaders,

of religious consciousness or ritual *Бобровников В. О., Ярлыкапов А. А. Ваххабиты Северного Кавказа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 84–91; Klysh A. A Clear and Present Danger: «Wahhabism» as a Rhetorical Foil // Die Welt des Islams. 2004. № 44 P. 3–26.*

³³ On this see the article of Q. Sadridin.

³⁴ *Babadjanov B., Kamilov M. Muhammadjan Hindustani (1892–1989) and the Beginning of the «Great Schism»; Бабаджанов Б. М., Камиллов М. М. Муджаддидийа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 274–276; Cf. also the work of Frank A. and Mamatov J. cited above.*

³⁵ From our interviews with the former students and acquaintances of 'Abduvali-qari (Andijan, Uzbekistan, and Osh, Kyrgyzstan, 2003–2006). Interestingly, the same issues were also discussed in the circles of the religious leaders of the «new wave» in Tajikistan; cf. the article by Q. Sadridin cited above.

³⁶ *Muminov A. Traditional and Modern Religious-Theological Schools in Central Asia // Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia / Ed. by Lena Jonson and Murad Esenov. Stockholm: The Swedish Institute of International Affairs, 1999. P. 101–111.*

Rahmatullah 'Allama and 'Abduvali-qari, had studied under one of the region's most prominent religious figures, who was closely associated with the *Ahli Qur'an*. This was Hakimjan-qari Vasiev (from Marghilan, b. 1905). It was precisely at this time in their education that they sincerely adopted the idea of fighting against the entire system of customs and ritual ('*urf va 'adat*'), that appeared vigorous among ordinary believers.

Behind these issues surrounding topics of ritual stood the fears of the «old generation» of religious scholars, who understood that attempts to bring into question the legitimacy of some rituals established among local Muslims would lead to rifts regarding others, including doctrinal issues. Evidently the fears of the «old generation» of religious scholars stemmed from the fact that the majority of ordinary believers were simply religiously illiterate, preferring only to follow the religious authorities (*taqlid*), even though there were not enough well-trained religious scholars.

It must be said that the discussions of the young religious scholars with the older generation of «conservatives» were begun timidly and furtively and sometimes not even regarding religious issues. For instance, one the most telling examples of the first open discussions took place in particular between Rahmatullah 'Allama and Muhammadjan Hindustani surrounding the use of medicines. The background to this dispute is as follows: Once during his public speech³⁷ at the time of a circumcision celebration (*sunnat toy/'aqiqa*) in a traditional family, Rahmatullah 'Allama said that nowadays (that is, in the late 1970's) many people were starting to turn to imams and mullahs for the slightest thing (*istifta*). For example, if someone has a slight stomachache or a headache, they ask imams or a religiously literate person to read some prayer, *ayat*, or a short *sura* from the Qur'an, and they hope that this will remedy it³⁸. And these «mullahs» happily support these conceptions, since they get money for simply reciting the prayers. In conclusion Rahmatullah 'Allama said,

³⁷ He himself calls this *amr-i ma'ruf* (from the Arabic *al-amr bi'l-ma'ruf wa-n-nahy 'an al-munkar*), the principle of «commanding right and forbidding wrong».

³⁸ This is the *ruqya* ritual (Uzbek, *dam solmoq*), that is, the healing with the help of spells and prayers; cf. См. об этом обряде: Бабаджанов Б. М., Камбаров М. М. Рукья // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006. С. 336–337. Among local religious scholars the opinion exists that similar practices and rituals stem from the principle of *tawakkul*, delivering oneself to the will of God. Such beliefs, are expressed, for example in a spell used by local believers: «*Alloh dardini bergan, shifosini ham berur*». God gave the illness, and He will also provide the cure».

«Well, it's better to simply go to the pharmacy and buy aspirin or some other medicine to be cured. Is it really worth asking God's help for such insignificant matters, when more significant issues are facing the Muslim community, and about which we give no thought?»³⁹

The content of this speech was passed to Damulla Hindustani, Rahmatullah 'Allama's former teacher. Hindustani came to Andijan (in the summer of 1980) and arranged a discussion among the local religious scholars, with Rahmatullah 'Allama and his confederate 'Abduvali-qari. Many 'ulama' from Uzbekistan and Kyrgyzstan participated. In particular, the above-mentioned Hakimjan-qari Vasiev was there, too. The main topic of discussion was the question of the legitimacy of this and similar rituals of the local Muslims.

In addition, in the above-mentioned retorts to Rahmatullah 'Allama, Hindustani saw it as a sign of a withdrawal from local religious conventions, and, in his view, as dangerous precedents of «revision», which he considered unacceptable⁴⁰.

Incidentally, Rahmatullah 'Allama and his colleague 'Abduvali-qari had not decided to enter into open conflict with their former teacher. In fact, only Rahmatullah 'Allama rarely offered replies, rather hoping to justify himself in the eyes of his teacher. Therefore the discussion (judging from the audiocassette recording made of it), was a monolog on the part of Hindustani, who finally realized that behind such «withdrawals» from tradition lay deeper issues, that he considered still too premature to raise⁴¹, since, as he put it, during such discussions, such attempts will elicit «great sedition» (*katta fitna*). Here he was referring to the methods of preserving Islam under conditions in which Soviet atheist policies were dominant. Hindustani and his generation from among the conservatives preferred to seek means of compromise and adaptation, adhering to the above-mentioned legitimate rule of *iztirar/idtirar* (see above), without antagonizing the authorities, but still engaging in the transmission of learning in the *hujras*.

³⁹ We reconstructed the rejoinders and essence of the discussion (as it happened, and following it) on the basis of surveys, interviews, and audiocassettes of the gathering. An interview with 'Abdulatif-qari Qasimov (May 2000), who participated at this assembly, was also used.

⁴⁰ Specifically, Hindustani asked Rahmatullah 'Allama whether he had said it was more preferable to take medicine than to recite the Qur'an. Rahmatullah 'Allama patently justified himself, and said that they had incorrectly explained him, and that he had not said that one could replace Qur'an recitation with medicines. He explained to have meant only that they should not bother the Qur'an for every bagatelle.

⁴¹ A hint at this is contained in the *risala* he published, in which he cites the 183rd verse of the 2nd *sura* of the Qur'an.

In fact, Rahmatullah 'Allama's position in this dispute (rather, in Hindustani's monolog), was in now way amplified, and he only let drop a few replies, to the effect that he had been misunderstood and his words had been distorted. And this, evidently, was indeed the case. In all likelihood, Rahmatullah 'Allama wanted to draw attention to what were, in his opinion, more relevant problems facing the Muslim community, whose mention patently contained a political subtext.

Immediately after the argument, Rahmatullah 'Allama's closest students⁴² asked him why he did not speak out in the dispute with Hindustani, and did not repeat the arguments that he had told them. Rahmatullah 'Allamah answered to the effect that he «did not want to antagonize an old and respected person». However, later the conflict intensified. After Rahmatullah 'Allama in a few of his public speeches directly accused the representatives of the older generation of fanaticism (*muta'assibchilik*), Hindustani disowned Rahmatullah 'Allama as a former student because of his «Wahhabism» and even put a curse on him (*du'a'-i bad*). Hindustani writes specifically about that toward the end of his treatise that is presented here.

Even the young religious scholars who tried at that time to occupy a «centrist» position (this was, primarily, Muhammad-Sadiq Muhammad Yusuf, who later pretended to the role of mediator between the sides), did not agree among themselves at open attempts to pacify the two sides, although they were on the whole more in solidarity with the new generation of «reformers», also suggesting that the religious scholars of the older generation were overly conservative (see the work of Shaykh Muhammad-Sadiq published below). Later the «centrists» did make such an attempt, when they occupied key posts in SADUM. However, as Shaykh Muhammad-Sadiq clearly states, the older generation, who came to know all of the horrors of atheist policy and repressions, feared new repressions from the authorities. On the other hand, in his article presented below, he calls the «conservatives» adherence to the ritual and doctrinal arrangements that were accepted in the Hanafi school of jurisprudence «a certain fanaticism» («conservatism»)⁴³. The author examines the arguments of both sides. He tries to show their equal rightness, and concludes that these arguments and positions have very old roots, and should not be the subject of disagreements and disputes (see below, in the introduction to his article).

⁴² We again are using information from some students and acquaintances of Rahmatullah 'Allama (from the cities of Osh and Kara-suu, in Kyrgyzstan, and Andijan in Uzbekistan).

⁴³ See our introduction to his text below.

In Shaykh Muhammad-Sadiq's opinion the old generation of 'ulama' in Central Asia had lived in another time, and had adapted to the conditions they operated in. Under those conditions making the *madhhab*'s positions absolute was fully justified. Now (the mid-1990's) times had changed, and in the world today pressure on Muslims was being ever increasingly felt. Therefore Muslims should not start disputes amongst themselves, and argue whose *madhhab* is more correct, and whose religious scholars better follow the precepts of Qur'an and *Sunna*⁴⁴. These disputes divide Muslims again and again, and weaken them before the entire world, and the «infidels» profit from this circumstance⁴⁵. The author, besides the reasons already cited (the population's religious illiteracy, the weakness and paucity of trained religious scholars) also sees the influence of foreign missionaries (*du'at/da'vatchilar*) from religious and political (Islamist) parties as one of the causes of the rift among the region's Muslims.

Thus, in the course of three centuries (the 18th–20th centuries), Islam in Central Asia survived a whole sequence of challenges. Undoubtedly within this sequence the most significant challenge was the Bolsheviks' antireligious policy and Soviet ideology. The measures of the Soviet era for establishing control over Islam, and the reduction of its influence are well known and sufficiently studied.

The texts presented here and our other observations reveal very important processes within the depths of a «Central Asian socialist society». On the one hand, this is reflected in the attempts of Muslims to preserve their own religious traditions, and their sense of themselves as people with faith, despite the government's ideology. This is evident in the rather rapid establishment of a system for the illegal transmission of religious knowledge and local Central Asian traditions (*hujras*). One can also speak of the preservation in popular consciousness of primarily Islamic moral and ethical norms, and of daily ritual life connected with Islamic prescriptions in the realms of individual and collective psychology.

On the other hand, we see the attempts of a new generation of Muslims, who were not in agreement with the conservative principles of the older generation of 'ulama' or with their quietism, and who persistently talked about (and continue to talk about) the «reform», «purification», and «correction» of local Islam. The

⁴⁴ However, in the texts presented below, he relies on the ideas of such controversial religious scholars as the Syrian Ramadan al-Buti (b. 1929) and the Egyptian Yusuf al-Qardawi (b. 1926).

⁴⁵ From his «Tafsir al-Hilal», *sura al-Baqara*, *ayats* 118, 120, 147–148, and others. (Shaykh Muhammad-Sadiq Muhammad-Yusuf. *Tafsiri Hilol*. Birinchi juz'. Toshkent: Movarounnahr, 2005).

historical perspective that we have offered above permits us to say that this reform was realized not on the soil of Central Asian Islam, even though it tried to adapt to the local realities. We are fully justified in saying that the local «reformers» preferred to borrow the teachings and ideology of various Muslim fundamentalists from Egypt, Pakistan, and Saudi Arabia.

Above we also noted for a reason that the new generation of «reformers» designated themselves as «*mujaddidiyya*». It seems a paradox that it appeared without any precise connection to the self-designation «*mujaddidiyya*», that was used by the Indian off-shoot of the Naqshbandi Sufi brotherhood. Nor does the existing material provide the basis to establish a spiritual or doctrinal connection between the «*mujaddidiyya*» of the newer generation, and the above-mentioned *jadids*.

Nonetheless the desire to «renew» («purify») Islam united the new «*mujaddidiyya*» both the former and the latter. However, it is with substantial divergence. The following aspects united the «new» *mujaddidiyya* with the Sufi *mujaddidiyya*: the unconcealed and uncompromising struggle against prohibited innovations (*bid'a*), the rejection of standards in Islamic societies that they consider «alien», and the critique of local «conservatives» for their exaggerated adherence to rationalist methods (*ra'y*) in issuing decisions. As «innovations» they understand primarily rituals from *'urf* va *'adat*.

With respect to the *jadids*, the «new *mujaddidiyya*» spontaneously repeats their critique regarding the legitimacy of the bulk of Sufi practice (especially the loud varieties of *dhikr*). Nevertheless, the causes of the critiques are not the same. If the *jadids* saw in such rituals the contradiction of standards of reason and modern scientific knowledge, the «new» *mujaddidiyya* relied on Qur'an and Sunna.

This is how three varieties of reformist movements, simultaneously similar and divergent, and differing in their origins, appeared one after the other in Central Asia. And among them (except for the *jadids*) disputes and conflicts are still evident between them. The same conflicts can be seen between them and the «conservatives», on the one hand, and with the secularists, on the other.

The role of «mediator» that the former mufti of SADUM and UMU, Muhammad-Sadiq Muhammad-Yusuf tried to take upon himself, and which he wrote about in his treatise «On Disagreements» which is presented below, testifies clearly to this. In a later publication he distinguishes another wave of «reformers» connected with the penetration of «missionaries» into the Central Asian countries, that is, representatives of religious political parties and groups such as Hizb at-Tahrir

and Tablighi Jama'at, and others⁴⁶. Their positions are closer to those of the local «reformers» of the new wave of the *mujaddidiyya*, albeit in a more radical form⁴⁷.

This publication came into being with some interruptions over the course of two years (2000–2002), and was corrected and supplemented in the intervening period. The publication was brought about through the efforts of a series of specialists, and this work is truly the fruit of collective effort. The translators and researchers of the texts are B. M. Babajanov, A. K. Muminov, Anke von Kügelgen, Allen Frank, Stephen Hegarty and Assal Abbasova.

In the course of the work the editors benefited from the kind support of a series of organizations and individuals. These are the Swiss National Science Foundation (Schweizerischer Nationalfonds), the Swiss Academy of Humanities and Social Sciences (Schweizerische Akademie der Geistes- und Sozialwissenschaften) and the Daik-Press publishing house. We are sincerely grateful for their assistance and patience.

The indices for this edition were kindly compiled by Katipa Kusainova. We are grateful to her conscientious work.

The following individuals also kindly assisted us with advice, and provided information: Shaykh Muhammad-Sadiq Muhammad-Yusuf, Shaykh 'Abdul'aziz Mansur, Muslim Ataev, Michael Kemper, Fathiddin-qari Toychiev, 'Abdulatif-qari and Muhammad-Sadiq-qari Qasimov, the late Rafiq-jan-qari Kamalov (1951–2006), Durbek Rahimjanov, Shavasil Ziyadov, Sharifjan Islamov, and others. We are sincerely grateful for their cooperation.

B. M. Babajanov, A. K. Muminov, A. von Kügelgen
(Tashkent–Almaty–Bern)

(Translated by A. Frank, Takoma Park, Maryland)

⁴⁶ Shaykh Muhammad Sadiq Muhammad Yusuf. *Din nasihatdir*. Toshkent: Mowarounnahr, 2005. For missionaries in Central Asia see Sébastien Peyrouse: *Les chrétiens entre athéisme et islam: regards sur la question religieuse en Asie centrale soviétique et post-soviétique*. Paris, 2003.

⁴⁷ A portion of these texts has been published in the above-mentioned work of Frank A. and Mamatov J. Others still await their publishers in the future.

ΠΕΚΛΠΗ

РАЗДЕЛ 1.
СА'ИД ИБН МУХАММАД АЛ-'АСАЛИ
АТ-ТАРАБЛУСИ АШ-ШАМИ АД-ДИМАШКИ
(ШАМИ-ДАМУЛЛА)

«ал-Джумал ал-муфида фи шарх ал-джаухара ал-фарид»

Введение

Специфическое состояние исламской религии, сформировавшееся и существовавшее при Советском Союзе (1917–1991), исследователями условно называется «советским исламом». На его формирование сначала в Ташкенте, а затем на территории Средней Азии существенное влияние оказал 'алим-эмигрант из арабских провинций Османской империи (1453–1924) Са'ид ибн Мухаммад ибн 'Абд ал-Вахид ибн 'Али ал-'Асали ат-Тараблуси аш-Шами ад-Димашки (ум. в 1932 г. в Хорезмском оазисе), широко известный в местной мусульманской среде под именем Шами-дамулла¹.

Его деятельность, выгодно используемая советской властью наряду с другими методами антирелигиозной борьбы, послужила появлению двух желаемых эффектов — *внешнего*, при котором исламский социализм², «про-

¹ О нем и его деятельности см. нашу статью: *Muminov A. Chami-damulla et son rôle dans la constitution d'un «Islam soviétique» // Islam et politique en ex-URSS (Russie d'Europe et Asie centrale). Sous la direction de Marlène Laruelle et Sébastien Peyrouse. Paris: l'Harmattan, 2005. P. 241–261.* Русская версия данной статьи: *Муминов А. Шами-дамулла и его роль в формировании «советского ислама» // Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве. Материалы международной конференции «Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве: сравнительный анализ Центральной Азии и европейской части России». 1–2 апреля 2004 г. Казанский институт федерализма (Казань), Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC, Ташкент), Франко-русский центр общественных и гуманитарных наук (Москва), 2005. С. 231–247 (Казанский федералист. № 1 (13). Зима, 2005).*

² *Chigabdinov R. De la question du socialisme islamique au Turkestan: le parcours d'Arif Klevleev // Cahiers de l'Asie centrale. 2004. № 13–14. P. 23–241.*

грессивный улем» поддерживают идеологию советской власти и выступают против империализма и внутреннего, «содержательного», подрывающего общественное положение местных 'улама' и критикующего основы их учений. Прямым результатом второго действия стало появление фундаменталистского ислама, возвращенного на местной почве. В его формировании активное участие принимали группа «Ахл ал-хадис» и ученики Шами-дамуллы, ставшие руководителями САДУМ (1943–1992). Опосредствованное влияние деятельность Шами-дамуллы оказала на группу «Ахл ал-Кур'ан» и ваххабитов Ферганской долины.

Шами-дамулла происходил из известной сирийско-ливанской фамилии ал-'Асали/'Усайли³. Родился примерно в 1867–1870 гг.⁴ Образование получил в каирском университете «ал-Азхар». После возвращения на родину Шами-дамуллу правительство султана 'Абд ал-Хамида II (1876–1909) обвинило в ваххабизме, и он был вынужден покинуть пределы Османской империи.

После нескольких лет скитаний по Ирану, Афганистану и Индии (Кашмир) Шами-дамулла прибыл в Восточный Туркестан (Кашгар) и стал заниматься активной религиозной деятельностью⁵. С 1321/1903–04 г. он читает лекции о сборниках хадисов «ал-Джами' ас-сахих» ал-Имама ал-Бухари (ум. в 870 г.) и ал-Имама Муслима (ум. в 875 г.), а также сотрудничает с русским консулом в Кашгаре. Когда инициатива в политических делах в Кашгаре перешла к консулу Великобритании, тот постарался избавиться от Шами-дамуллы, отправив его в ссылку в Пекин⁶.

³ Общее название (ал-'Асали, ал-'Усайли) трех семейств, известных среди сирийско-ливанских ши'итов (в ас-Сарфанде, Рашафе и аш-Шихабийа), суннитов (в Тараблусе) и христиан (в Байруте). Из суннитов своей общественной деятельностью в новое время стал известен доктор Ахмад 'Усайли (Ахмад Абу Са'д. Му'джам асма' ал-усар ва-л-ашхас ва-ламахат мин та'рих ал-'а'ялат. Таб'а джалида, мунаккаха ва-музаййада. Байрут: Дар ал-'илм ли-л-малайин, 2003. С. 683–684).

⁴ По устной информации 'Абдуллы Насырова (1889–1985), знавшего его непосредственных учеников (Мулла Йунус Хакимджанов, 'Абд ал-Кадир Мурадов, Шах-Икрам Шах-Исламов) и работавшего вместе с ними в Институте востоковедения АН УзССР, Шами-дамулле в 1932 г., в год его ареста, было 65 лет (устная информация Ма'руфа Салимова, г. Ташкент, 2003 г.).

⁵ An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe. 1770–1912. Qurban-'Ali Khalidi / Ed. by Allen J. Frank and Mirkasym A. Usmanov. Leiden, Boston: Brill, 2005. P. 70, 148.

⁶ Бабур. Кай йерга барсалар тинч турмайдилар // Кизил Озбекистан. № 126. 17 мая 1925. С. 4.

Шаами-дамулла (пока неустановленным путем) прибыл из Пекина в Ташкент 13 февраля 1919 г. Советы решили использовать его в качестве «прогрессивного» (таракки-парвар) 'алима. Шаами-дамулла мыслил фундаменталистски — он полностью отвергал наследие средневековых 'улама', призывал при выработке новых решений основываться на истоках ислама — Коране и достоверных хадисах Пророка. Сам он по любым вопросам современности выносил свои фетвы⁷.

Вскоре власти стали использовать Шаами-дамулла в новой кампании. Он был привлечен к делу по преобразованию народных (шари'атских, казийских) судов. В его медресе в квартале Дегрез в июле 1922 г. был организован съезд (курултай) сотрудников юридических учреждений. Шаами-дамулла выступил с самостоятельным докладом в духе «исламского социализма». В нем он призывал богатых делиться с бедными⁸.

Отношение к нему со стороны властей стало меняться в 1925 г. В коммунистической прессе появилось несколько статей, осуждающих его прошлую и нынешнюю деятельность⁹. Среди его ранних учеников (1919—1923) прежде всего следует назвать Джамал-ходжа-ишана (убит в 1937 г.), Сайида Абу Насра Мубашшира ат-Тарази (1896—1977) и Мулла Йунуса Хакимджанова (1893—1974).

С 1924 по 1929 г. у Шаами-дамуллы обучалась вторая группа учеников (15—16 человек), среди которых особо отличался будущий муфтий САДУМ Зияутдин Бабаханов (1957—1982).

Из поздних учеников Шаами-дамуллы известны Мулла 'Абд ас-Самад (убит в 1937 г. в возрасте 26 лет) и Зайн ад-дин-кари (ум. в 1983 г.).

В 1932 г. политический нажим на Шаами-дамулла усилился. В этом особенно усердствовал бухарский 'алим-коммунист Маннан Румузи/Рамзи, обвинявший его в шпионаже в пользу Великобритании. После ареста Шаами-дамулла был отправлен в г. Турткуль (варианты: Хорезм, Каракалпакистан). Он умер в ссылке/тюрьме в 1351/1932 году¹⁰.

⁷ Рукописный фолиант со всеми его фетвами долгое время хранился в домашнем архиве Зайн ад-дина-кари, пока не был конфискован сотрудниками НКВД в 1930-е гг. (устная информация 'Абд ал-Джаббара 'Азимова, г. Ташкент, 2004 г.).

⁸ Аш-Шаами. Абу Зарр Гифари (ради Аллах 'анх) ва социализм // Кизил байрак. 20 июля 1922. С. 3.

⁹ Ч. Й. Шаами дамулланинг ак салла ташвикатчилари // Кизил Озбекистан. № 105. 16 апреля 1925 г. С. 4; Бабур. Указанное сочинение. С. 4.

¹⁰ Запись на титульном листе рукописи 'Абд ал-'Азиза Мансура № 1 со списком «ал-Джумал ал-муфида фи шарх ал-джаухара ал-фариди». Л. 1'.

Из его сочинений пока обнаружены пять: 1) «ар-Рисала фи асхаб ал-Кахф»¹¹; 2) «ал-Касида ал-джами'а ал-фарида» (второе название — «ал-Касида фи ахл аш-Шаш»); 3) «аз-Зухдийат»; 4) «ал-Джаухара ал-фарида»; 5) «ал-Джумал ал-муфида фи шарх ал-джаухара ал-фарида».

Стихотворное сочинение на арабском языке Шами-дамуллы «ал-Джамхара ал-фарида» посвящено восхвалению в 10 главах (фасл) личности ал-Имама ал-Бухари и достоинств его главного труда «ал-Джами' ас-сахих». Позднее сам автор прокомментировал свое стихотворение в прозе. При комментировании стихов Шами-дамулла добавил туда ценную информацию мемуарного характера. При этом он повторно приводит «ал-Джамхару ал-фариду». Комментарий был составлен в 1338/1919—20 г.¹² Шами-дамулла, видимо, в целях распространения своих идей просил учеников переписывать его. Это главное сочинение ученого пока¹³ известно в двух списках.

1. В составе сборной рукописи № 1 из частной коллекции 'Абд ал-'Азиза Мансура (г. Ташкент). Л. 1⁶—23⁶. Текст переписан и отредактирован 10 зу-л-хиджжа 1340/4 августа 1922 г. учеником автора, известным каллиграфом 'Абд ал-Кадир ибн Бирди-Мурад ал-Хаббаз ибн Шах-Нимат Аллах ибн Шах-Рустам ибн Шах-Хасан ибн Шах-Бадал-ахунд Хафиз-кухаки аш-Шаши ал-Муради/Мурадов (1893—1976)¹⁴. Рукопись была приобретена у ученика Шами-дамуллы — Шах-Икрама Шах-Исламова.

¹¹ Сайрами, Мулла Муса ибн Мулла 'Иса. Та'рих-и хамиди. Пекин: Миллатлар Нашрийати, 1986. С. 669—702; *Shinpen Y. The History of the Mausoleum of the Ashab al-Kahf in Turfan // The Memoirs of the Toyo Bunko.* 2003. № 62. P. 83—104.

¹² Са'ид ибн Мухаммад ат-Тараблуси аш-Шаши ал-Джумал ал-муфида фи шарх ал-джаухара ал-фарида. Рукопись № 1 из частной коллекции 'Абд ал-'Азиза Мансура. Л. 10⁶; рукопись № 2 из частной коллекции 'Абд ал-'Азиза Мансура. Л. 36⁶.

¹³ Сын Мулла Йунуса Хакимджанова — Максуд-'Али Хакимджанов, арабист, кандидат филологических наук — в беседе с нами признался, что в его частной коллекции хранится список этого сочинения, переписанный его отцом. Однако он отказался нам его показывать из-за желания самому издать это и другие сочинения Шами-дамуллы.

¹⁴ Он долгие годы преподавал арабский язык на восточном факультете Ташкентского государственного университета и работал научным сотрудником Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан. Им издана книга: *Мурадов А. Из истории каллиграфии в Средней Азии.* Ташкент: Фан, 1971 (на узбекском языке).

2. Рукопись № 2 из частной коллекции 'Абд ал-'Азиза Мансура (г. Ташкент). Л. 1⁶—36⁶. Текст по заказу Зияутдина Бабаханова переписан студентом САДУМ 'Абд ал-Хамидом Турсуновым (род. в 1952 г.) в более позднее время, вероятно, непосредственно со списка № 1. Список изобилует ошибками грамматического характера. Он хранился в библиотеке САДУМ, откуда во время известных событий 1989 г.¹⁵ был вынесен и выброшен в мусорный ящик. Там его нашел нынешний владелец.

На основе двух списков мы составили критический текст. При этом текст комментируемой касиды не был включен в него. Набор оригинального текста был осуществлен при содействии Д. О. Рахимджанова и Ш. Ю. Зийадова. Перевод с арабского на русский язык сделан А. Ш. Аббасовой.

А. К. Муминов

¹⁵ Тогда произошла смена руководства в САДУМ. Сторонники нового муфтия Мухаммад-Садика Мухаммад-Йусуфа (1989—1993) устроили разгром и пожар в центральном офисе и архиве САДУМ. По свидетельству прежнего муфтия Шамсиддин-хана Бабаханова (1982—1989), в этом пожаре сгорели многие документы, среди которых были ценные записи его деда — муфтия Ишана Бабахана 'Абд ал-Маджид-ханова (1943—1957).

سعيد بن محمد بن عبد الواحد بن علي العسلي الطرابلسي الشامي الدمشقي
الجمال المفيدة في شرح الجوهرة الفريدة

بسم الله الرحمن الرحيم

الحمد لله الذي اعز العلم والعلماء وجعلهم ورثة الرسل والانبياء والصلوة والسلام على افضل الفضلاء و اكرم الكرماء محمد المحمود في الارض و في السماء الهادي الى المحجة البيضاء و الحنفية السحاء المنقذ به من الضلالة العمياء و الجهالة الجهلاء و على اله الخيرة الانقياء و اصحابه البررة الاتقياء اما بعد فيقول هذه العبد المقتدر الى لطف مولاه العميم سعيد بن محمد بن عبد الواحد بن علي الملقب بالعسل العسلي الطرابلسي الشامي ثم الدمشقي عفى عنه انى لما وفقت في مدينة الشاش الفيحاء لافتتاح قراءة الجامع الصحيح للامام الهمام قدوة علماء الانام امير المؤمنين في الحديث ابي عبد الله محمد بن اسماعيل بن ابراهيم بن المغيرة بن بردزبه البخارى الجعفي بالولاء روح الله روحه ونور مرقدته و ضريحه و انتهيت الى اتمامه و فاح على الحاضرين مسلك خامه انشدت هذه القصيدة الفريدة مبديا بعض ما رأيت لزومه مما يجب علي و على المسلمين كافة من مدح هذا الكتاب المستطاب الذي هو كالبحر العباب و المسارم القرضاب ما تضمنه من الدرر الغالية المزينة بقرطى مازية ومدح مؤلفه الهمام و مسقط رأسه بخارى قبة الاسلام ذاكرا بقعة مرقدته الانوار التي هي روضة من رياض الجنان و تلك الديار المحموده الاثار الى غير ذلك من المقاصد و مما يتعلق بهذا العلم السامى المقام و رواية الفطاهلة الكرام و قد انطوت على جمل من بدائع النصائح و المواعظ و الحكم و الاداب و المعانى الرشيقة المستبيلة للمسامح و الالباب و شرفتها بذكر عدة من شيوخ المصنف و شيوخهم و شيوخ شيوخهم اساطين هذا الدين المتين الذين تنتزل عند ذكرهم الرحمة و يستجيب بالتوسل اليه بهم الدعاء رب العالمين و احتوت ايضا على ذكر بعض الوقائع و الامم الغابرة و مشاهير الملوك و قد ماء الرجال الذين ضربت بهم الامثال و بالجملة فاني قد تتبعت ما نقله الناقلون في هذا الباب مما قيل في مدحه و مدح صحيحه المبارك فلم يقع نظري على قصيدة طنانة شاملة لما اشتملت عليه هذه القصيدة و ذلك بين لكل من يتعاطى هذه الصناعة و انى لارجوان تكون حسنة من حسناتى الماحية للكثير من ذنوبى و سبائى التي هي كرمال عالج و يبرين و حصباء الدهناء عددا و البحار زبدا و مددا و كنت منذ اعوام اجيل قدام افكارى في انشاء قافية في مدح هذا الامام الهمام وكتابه الذي هو اصح الكتب بعد كتاب الله الملك العلام ليكون ذلك وسيلة الى النجاة في ذلك اليوم العبوس القمطير فلم تتيسر لى تلك البغية كما تيسرت لغيرى من اخوانى الشعراء و مما لا يخفى انى كنت و ردت في اثناء ايام سياحتى قرية خرتك و ذلك في الحادى و العشرين من جمادى الاولى من سنة ثمان و عشرين و ثلاثمائة و الف فشرفت بزيارة مرقدته المبارك مع نفر من اعزاء الاخوان فبتنا في جواره ليلة احببناها حتى الصباح بالذكر و الدعاء ثم قلنا راجعين و نحن نفج الحقايب من البركات و الفيوضات التي لم تحملها ركاتب همام بن غالب و مما كنت انشدته في ذلك المقام هذه القصيدة.

هذا ما وفقت في ذلك العهد لانشاده و ابدائه في مدح هذا الامام وراثته وان كان دون المرام و المقام و قد رأيت عدة قصائد ومقطعات وابيات معلقة على جدران خانقاه ذلك المزار الفانض الانوار علقها و قالها في هذا الموضوع بعض الزوار منها قصيدة للمرحوم الشيخ على الظاهري و كلها من قبيل حمول السيل اوضميم حبل حاطب الليل لا يليق ان تقال فردى و لا ان تنقل و تحكى ولهذا اضريت عن ذكرها في الرحل عند الكلام على تلك البقعة المتبركة وان هذه

القصيدة كما ذكرت غير شافية للسقام ولا مذهبية للآوام فلم ازل من اجل ذلك معملا فكرتي فيما توحيته من انشاء قافية سلسة القياد وجمّة المقاصد كثيرة الشعاب جامعة و مانعة تشهد بالتقدم والسبق في حلبة هذا المضمار وان كنت متأخر الزمان الى ان قدمت خامس مرة عاصمة ديار الترك الازيك مدينة الشاش الفيحاء حرسها و اهلها فاطر الارض و السماء و ذلك في ثاني عشر جمادى الاولى من عام سبعة و ثلاثين من التاريخ المزبور و افتتحت تدريس للكتاب المذكور في المدرسة الدستورخانية الواقعة في محلة "ديكريز" احدى محلات تلك المدينة و اشرفت على اتمامه فوفقت و لله الحمد النيل تلك الامنية و الامور مرهونة باوقاتها فعملت هذه القصيدة الفريدة الجامعة لاشتات الاساليب و المعاني الانيقة البديعة وقد وضعت على اسماء شيوخ الامام رضى الله عنهم علامة مميزة لهم و هي خط احمر يعلوه رقم عددهم وكان انشائها في صبيحة الاثنين ثامن من رجب الفرد من سنة ثمان و ثلاثين و هو اليوم الذى عقد فيه المحفل العالى لشرف ختم الكتاب و انشدت فيه و كان يوما مشهودا و عيدا للمؤمنين مسعود اجضره الجم الغفير من اشرف تلك البلدة و اعيانها وكبرائها و علمائها ورجال الحكومة المحلية وغيرهم و فيهم رجال سفارة الدولة الافغانية و قنصلها و هو عبد الرزاق خان و قاضى عسكراها و هو المولوى سيف الرحمن وكان ابتداء افتتاح تدريسه في الساعة الثانية ضحوة يوم السبت ثامن عشر شوال من العام الماضى و الفراغ منه في مثل تلك الساعة يوم الاثنين المذكور وقد القيت في ذلك المحفل الحافل عدة خطب باللغات الثلاث العربية و الفارسية و التركية و كلها متعلقة بوجود الاعتناء و الاهتمام بترقية العلوم و المعارف التى بها حفظ حياة الامة و الوطن و تتعلق ايضا بمدح العلم و العلماء و الترغيب و الحض على لزوم الشريعة المحمدية و احياء معالم الدين و الاقبال على علم الكتاب و السنة السنية و ذكرت فيها ايضا فضائل الصححين و الشيخين رضى الله عنهما و الحث على علم الرواية و قراءة الحديث و نقله و الاعتناء به ونشره مع اظهار الممنونية من هذا العبد الفقير الموفق لاحياء هذا الامر العظيم و اجرانه في تلك الاصقاع الشاسعة بعد ان قرعت منه منذ ثمانمائة عام ساحتها و ما ذاك الا خمود الهمم و انقراض علماء السنة منها و هي لعمر الله مصيبة يا لها من مصيبة و بالجملة فقد انقضى المجلس بالحمد و الثناء و الذكر و الدعاء و ترتيل الايات الربانية و الاحاديث النبوية و انشاد القصيدة و ترجمتها و القاء الخطب البليغة و اعترى الحاضرين من السرور و الحبور و التواجد و البكاء ما لا يكاد يوصف ثم مدت الاسمطة و بسطت الموائد بعد ان فرغ القوم من الطعام ارفضوا منقلبين بالسنن الشكر و الثناء ليعلم انى قد وفقت بحمده تعالى و عنابة لتدريس هذا الكتاب المبارك الى ان اتيت على آخره في الممالك الشرقية التركية لهذه الغاية مرتين احدهما في هذه البلدة و الاخرى في عاصمة ديار الايفور و الطغرغز و ذلك في اثناء سنة احدى و عشرين و اختتمته في سنة اثنتين و عشرين من التاريخ المذكور و تمت قراءته في احدى عشر شهرا و قرأت في تلك البلدة ايضا صحيح الامام ابى الحسين مسلم بن الحجاج القشيري النيسابورى رحمه الله تعالى فختم في سنة ثلاث و عشرين و حضر ختمهما الوف من اهالى تلك الديار المحمودة الاثار ولم يبق احد في تلك المدينة و ضواحيها يشار اليه الا حضره و حصل في ذلك اليوم من الفرح و السرور و الخشوع و البكاء و الانتحاب و الضجيج و الازدحام عند ختامه ما يعجزه القلم عن استيعاب تسطيره و تحبيره و كان ذلك اليوم احد الايام الغر التى سها عنها الدهر هذا و لا يخفى انه قد كرر الاحتفال المذكور في الشاش مرتين احياء لتذكاره و اجراء لهذه السنة الحسنة وكان الاحتفال الثانى في يوم الاحد الحادى و العشرين من رجب سنة اربعين لانى كنت في السنة التى قبلها محبوسا لسبب تهمة فلم يتيسر اجراء مراسم الاحتفال حسب العادة لهذا اخر فاجزى في السنة المذكورة فاجتمع الناس في تلك المدرسة على نحو

اجتماعهم فى المرة الاولى وكان افتتاح المحفل فى مثل ساعة افتتاحه فى العام الماضى و قرأت من الجامع الصحيح ما يتعلق بشمائل رسول الله صلى الله عليه و سلم و قررت للحاضرين ما كان عليه صلى الله عليه و سلم من علو الهمة و الغيرة و الحمية و مزيد الكرم و الجود و التواضع و الحلم و الاناة و صمالة الاخلاق و حسن المعاشرة و طلاقة المحيا و الشجاعة و الصبر على كوالح الحدثنان و فوادح الدوران و تقلبات الازمان و تحمل لاخلق العامة و العفو و الصفح عن ارباب الاساءة و البرّ و الشفقة بخلق الله و القناعة بالكفاف و التقلل من هذه العاجلة و الايثار و المواساة و المساوات لاصحابه فى المأكل و المشرب و المجلس و الملابس و ترك التكلّف و عدم ترفعه و تميزه فى شىء من ذلك على احد من أحاد أمته و مشاركتهم فى جميع الاعمال الخيرية و تقدمه فيها عليهم و انه صلى الله عليه و سلم توفى و لم يدع درهما و لا ديناراً و لا عبداً و لا امةً و لا شيئاً الا بغله البيضاء و هى لدول و سلاحه و ارضاً جعلها صدقة فى سبيل الله اى وقفاً و لم يورث الا العلم الذى هو ميراث الانبياء فاعظم من ميراث يزداد بالانفاق و لا يعتوره نفاق بد الاپاد الى غير ذلك من غرر صفاته و محامد محاسنه و محبوب شمائله التى تستغرق العد ولم يفق عليه فيها احد صلى الله عليه و على اخوانه من النبيين و المرسلين و سلم ثم عقبته ذلك بذكر الحديث القدسى الذى رويته باسانيدى المتصلة الى الامام ابى الحسين مسلم بن الحجاج القشبرى رضى الله عنه ومنه بسنده الى ابى ذر الغفارى زاهد هذه الامة رضى الله عنه عن النبى صلى الله عليه و سلم فى ما يرويه عن ربه عز و جل انه قال يا عبادى انى حرمت الظلم على نفس و جعلته بينكم محرماً فلا تظالموا يا عبادى كلکم ضال الا من هديت فاستهدونى اهدکم يا عبادى كلکم جائع الا من اطعمته فاستطعمونى اطعمکم يا عبادى كلکم عار الا من كسوته فاستكسونى اكسکم يا عبادى تخطنون بالليل و النهار و انا اغفر الذنوب جميعاً فاستغفرونى اغفر لكم يا عبادى انکم لن تبلغوا ضرى فتضرونى و لن تبلغوا نفعى فتتفعونى يا عبادى لو ان اولکم و آخرکم و انسکم و جنکم كانوا على قلب رجل و احد منکم ما زاد ذلك فى ملكى شيئاً يا عبادى لو ان اولکم و آخرکم و انسکم و جنکم كانوا على فجر قلب رجل و احد منکم ما نقص ذلك من ملكى شيئاً يا عبادى لو ان اولکم و آخرکم و انسکم و جنکم قاموا فى صعيد واحد فسئلونى فاعطيت كل انسان منهم مسئلته ما نقص ذلك مما عندى الا كما ينقص المحيط اذا دخل البحر يا عبادى انما هى اعمالکم احصيتها لكم ثم اوفيتکم اياها فمن وجد خيراً فليحمد الله عزّ و جل و من وجد غير ذلك فلا يلومن الا نفسه الحديث. و كان ابو ادريس الخولانى رضى الله عنه اذا حدث بهذا الحديث جثا على ركبتيه احتراماً و تعظيماً له فبينته و قررت ما تيسر من معانيه التى هى كالبحر العجاج الملائم الامواج و اعترى السامعين من الفيض و الخشوع و صب الدموع ما لا مزيد عليه يحق لهم ذلك و امتد هذا المحفل كالتى تقدمه الى عصر ذلك اليوم و صنعت فيه ضيافة حافلة اكل منها اللوف من الناس على اختلاف طبقاتهم و وزّع ما فضل منها على اهل المحلة فاشبعهم و عيالهم و كان ذلك اليوم من ابهج الايام و كان ابتداء الاحتفال الثالث فى ليلة الثلاثاء ثامن شهر الصيام عام احد و اربعين و اختتامه فى ليلة الثلاثاء سادس عشر الشهر و هذا الاحتفال ضم فيه الى قراءة الجامع الصحيح صحيح مسلم و ختم القرآن العزيز فى صلواة التراويح و حضر هذا الاحتفال الحافل تلك الليالى الغراء اكثره اهل المدينة من علماء و ائمة و قرّاء و غيرهم فتوزع القرّاء صلوات التراويح و القرّاء فيها ركعتين قرأ فيها اقل من نصف جزء و قام خلف كل قارئ ثلاثون قارئاً يسمعون و يضبطون عليه قراءته و هذا علاوة عما ذكرنا من الواردين و كان هذا الاجتماع احفل و اجمل و اجزل ثواباً لوقوعه فى ليالى رمضان المبارك و ختم القرآن الكريم و اجتماع اكثر قرّاء مدينة الديق يزيدون على خمسة الاف قارئ مرثل مجود مستحضر لجميع

القرآن على ظهر قبله و في طرف لسانه و قد ختمت تراويح كل ليلة بقراءة الصحيحين الشريفين و تفسير القرآن المجيد و ترجمة ذلك للحاضرين بلغتهم التركية العذبة المنهل و قد سطعت في تلك الليالي فكشفت ظلامها انوار التنزيل و انوار حديث البشير النذير صلى الله عليه وسلم مضافا اليها انوار وجوه اولئك القراء و مزاميرهم الدافدية الزاهية على الشمس و الاقمار و انوار المصابيح الكهربائية المتأنفة المتعلقة في ذلك الموضوع المحترم و هذا الاحتفال هو آخر احتفال اقيم في مدة لبثي في تلك المدينة حرسها الله تعالى و كان الناهض بمصارف تلك الاحتفالات اجمعها اهل المحلة فانهم قاموا بها بانفسهم لم يشاركهم فيها غيرهم و هكذا ينبغي ان تكون همم الكرام و افعالهم الجسام ببارك الله فيهم و في همهم الشامخة حيث انهم شمروا لهذا الامر الخطير عن قدم و ساق في مثل هذا السنين الغير مؤسفة التي ثم بعهد في عالم التاريخ لما مثال في القحط و الغلاء و الهرج و المحن و البلاء فسبقوا الى احراز هذا لشرف المخلد لهم حميد الذكر و جزيل الاجر المزلف لهم في علبين جزاهم خير الجزاء و فيهم اقول من قصيدة وهم بالمدح احفاء.

و قد زين القوم في الاحتفالات المذكورة المدرسة بانواع الزينة و فرشوها بالبسط و الزرابي العبقريّة و المغارش و النمازق الوثيرة المختلفة الاشكال والالوان و صفت الكراسي و جلس الناس على ترتيب درجاتهم و فاحت مجامر الند و اليلنجوج و عملت من نفوس الحاضرين حميا كنوس الافراح و المسرات اعمالها و كان ذلك اليوم يوما مشهورا و عيدا جديدا لم يعهد في تلك الشقة قبله نظيره و اثرت هذه الاحتفالات تأثيرا عظيما في تلك الديار هذا و اما نفقة مراسم افتتاح الكتاب المبارك و مصارفها فالقائم بها هو السردار محمد اسلم خان قنصل الدولة العلية الافغانية السابق فانه قام بجميع لوازم تلك المراسم و صنع ضيافة مخصوصة لمن حضر قراءة الكتاب المبارك من اهل العلم و الفضل فقام هو و رجال دائرته مياشرين للخدمة و وضع الموائد و الاسمطة بانفسهم ولم يزلوا مترددين بين ايدينا الى ان فرغ من الطعام و رفعت الموائد ثم خلع على هذا العاجز خلعة ثمينة و اهدى الى هدية تليق بالحال و كذلك خلع على بعض الحاضرين و القى في ذلك المحفل خطابا ابان فيه عن حسن معتقده و صفاء طويته و توجيه افكار دولته الى خدمة الدين المبين و تقويته في هذه الاصقاع و احترام العلماء الذين هم على الايمان و الهدى اولا و تكلم من هذا الباب بكلام طويل فسررنا و استبشرنا و دعونا له و لدولته بالعز المؤية و النصر السرمذ ثم جلس لاستماع الحديث في زمرة الحاضرين و عليه الملابس الشرقية الاسلامية و اخبرني ان نسبه في الترك و المغل الكرام و هو من بيت في المجد عريق معروف في الامة الافغانية ولم يزل له عاطفة نظر على هذا العاجز الى ان عزل لا اخلى الله الوجود منه و من نظرائه و كنت قد نظمت في مدح قومه الترك الكرام قصيدة و ذلك في يوم الخميس عاشر شهر رمضان المبارك من التاريخ المزبور بعد ان نزل عن منصبه و رجع الى وطنه و خلفه من بعده عبد الرزاق خان المذكور فاتبنتها ههنا احياء لذكره و هي هذه.

"الجوهرة الفريدة"

و قد سميت تلك القصيدة الجوهرة الفريدة و رتبته على عشرة فصول كل فصل منها كفريد في جيد راجيا من موج عجاج خضم سبيه تعالى ان يتلا فاني و جميع اخواني و من طالعتها بكرمه العم و طوله الجم و ليعلم ان تاريخ ختم الكتاب يستفاد من مادة قولنا "به غفران" برد الضمير اليه جعله تعالى سببا لغفران ذنوبنا و حط اثقالنا و انى اوصى الاخوان الكرام اصلح الله احوالهم بمطالعة هذه القصيدة المباركة و قراءتها اذ كانت مقولة في مدحه و مدح حديثه صلى الله عليه و سلم مدح الجامع الصحيح و مصنفه كما اوصيهم بمطالعة الرائية الكبرى المسماة بالعقود الدرية المتضمنة لمدح خير البرية و بالرائية الاخرى الملحقة بهذه الجوهرة

المتضمنة لذكر السنن و علم الحديث و رجاله و مدح العلم و العلماء و آداب المتعلم و شرائط التعليم و قد احييت ذكر نسخة بعض اسانيد هذا العاجز العالية للجامع الصحيح و اثباتها فى هذه المقدمة تيمنا للفائدة لكى ينقلها من احتاج اليها من افاضل الطلاب الذين سمعوه و حضروا على قراءته فى هذه الاقطار حفظهم الله العزيز الغفار و بلغهم فى الدنيا و الآخرة جزيل الاوطار و هى هذه.

بسم الله الرحمن الرحيم

الحمد لله بجميع محامده على جميع الاثنه و الصلاة و السلام الاتمان الاكملان المتلازمان تلازم الفرقدين على سيد خلقه و اكمل رسله و انبيائه و على اله و اصحابه المعادين لاعدته الموائين لاوذاته اما بعد فلا يخفى ان علم الحديث علم رفيع الذكر سامى المقام عظيم القدر لا يعتنى به من الناس الا الامائل فروع الكرام نوى الفضل و الفواضل اذ به يعرف المراد من كلام رب العباد و تنال به النجاة فى يوم المعاد و هو علم رسول الله صلى الله عليه و سلم و علم اصحابه الذى هو عبارة عن اقواله و طريقته و تقريره و افعاله فالأخذ به أخذ بحظ عظيم و المقبل عليه مقبل على امر جسيم و المستند اليه مستند الى ركن فخير قد تدفقت بحاره و انهاره و سطعت انوار و تفتحت ازهاره و جمت عوانده و عمت فوائده و قد وردت فى فضل استماعه و نشره و تلقيه و تبليغه الى العباد آيات بينات و احاديث نيرات يكفيننا منها قوله تعالى مخاطبا للازواج المطهرات امهات المؤمنين رضوان الله تعالى عليهن حيث قال و اذكرن ما يتلى فى بيوتكن من آيات الله الحكمة الآية اى من القرآن و السنة النبوية و من الحديث قوله صلى الله عليه و سلم اوتيت الكتاب و مثله معه يعنى القرآن المجيد و الحديث فمالم يذكر فى القرآن ذكر فى الحديث و القرآن كما لا يخفى مجمل و الحديث النبوى مبين و مفصل له و قوله صلى الله عليه و سلم عليكم بسنتى و سنة الخلفاء الراشدين المهديين من بعدى اى خذوها و الزموها و اعملوا بها و الامر للوجوب و قوله صلى الله عليه و سلم نصر الله امرا سمع مقالتي فوعاها فاذاها كما وعاهها الحديث حض صلى الله عليه و سلم فى هذا الحديث على تلقي كلامه و استماعه و حفظه و تبليغه كما سمعه الى من لم يسمعه و دعا لفاعل ذلك بالنصرة فى الوجه المنبثثة الحاصلة من سرور القلب و لا شك ان دعائه صلى الله عليه و سلم مستجاب و قوله صلى الله عليه و سلم بلغوا عنى و لواءية الحديث اى و لو حديثا واحدا و المراد بالآية هنا الحديث كذا فسره الطيبى و ذلك لان القرآن امره شائع بين جميع الخلق من صغير و كبير و حر و عبد و ذكر و انثى و تعهد الله تعالى بحفظه من الضياع و التبديل و التغيير فلا يحتاج الى تبليغ و فى هذا التفسير الذى ذهب اليه الطيبى رحمه الله نظر و من ذلك قوله صلى الله عليه و سلم اللهم ارحم خلفائى قيل و من خلفائك يا رسول الله قال الذين يأتون من بعدى يروون احاديثى و يعلمونها الناس الحديث او كما قال فقد دعا صلى الله عليه و سلم فى هذا الحديث للمحدثين ايضا و جعلهم خلفائه و امرائه و نوابه فى تبليغ شريعته و المحافظة عليها من الزيغ و التغيير و التبديل فآكرم بهم من خلفاء و نواب و امراء و لاجل هذا اقبل اهل السعادة على تعلمه و تعليمه و تلقيه و القائه و تبليغه و روايته و درايته و احبوا فى تحصيله اللبالي و الايام و اتبعوا فى تحريره الانامل و القراطيس و الاقلام و اسرفوا فى نفائسه الاعلاق و الذخائر و استعاضوا بواقبته و جواهره باليواقيت و الجواهر و لولم يكن فى هذا العلم الا انتظام اسم الراوى باسم الشارع فى سلك واحد على رغم كل جاحد معاند فينكر اذا ذكر و ينشر اذا نشر لكفى بذلك فخر المفخر و نحر المدخر و شرفا لطالبه و مجدا لخاطبه مع ما يناله فى هذه العاجلة من حياة الذكر و يحظى به فى الاجلة من مزيد الاجر و التحاقه فى عليين بزمرة الذين انعم الله عليهم من النبيين و الصديقين و الشهداء و الصالحين وفقا للبارى تعالى لنيل رضائه و سلوك محجة

اولياته هذا لما قدمت مدينة الشاش الفيحاء راجعا من بلاد الصين و عاصمتها باجين و ذلك فى اواسط سنة سبع و ثلاثين و ثلاثمائة و الف هجرية على صاحبها افضل الصلوة و التحية هرع الى كما ذكرت لرواية الحديث ثلثة من الفضلاء طلبا لاحراز ذلك الشرف و الفوز بتلك الطرف و بعد ان قرأ من قرأ و سمع من سمع و استجاز من استجاز منهم اجزتهم و اذنت لهم برواية الجامع الصحيح الذى حضروا قرأته على سماعه منى هذا السند المبارك رغبة فى نشر علوم الشريعة الغراء و احيائها فى احياء تلك الاجاء و مما لا يخفى ان السند من خصائص هذه الامة المحمدية اذ ما من امة من الامم الا قد انقطع سندها و قصمت عرى سلسلتها الى نبيها الا هذه الامة المرحومة فان سلسلتها اليه صلى الله عليه و سلم متصلة محكمة العرى لا تتفصم و لا تنقطع ابدا ان شاء الله تعالى و ذلك فضل و كرم منه تعالى افاضه عليها و هذا ذكر السند المبارك قد اتصل بنا سند الجامع الصحيح لابي عبد الله محمد بن اسماعيل البخارى رضى الله عنه عن ثلثة من علماء الهند و العراق و الشام و الحجاز و اليمن برواية متعددة الطرق بعضها يخالف بعضها فى السياق و الطول و القصر لسبب كثرة رجال الاسناد لقصر اعمارهم و لقلّة عددهم من جهة طول اعمارهم و ليس يحضرنى فى هذا الوقت من تلك الاسانيد المباركة غير سند الحجازيين و الشاميين الذى هو اعلى سند يوجد فيما أن و يقال له سند المعمرين.

و هو هذا انبأتى بالجامع الصحيح قراءة لاوله و اجازة بسانره الحسين النسيب العربى الفتح المعمر محدث دار الهجرة النبوية السيد الشيخ فالح بن محمد الظاهرى المدنى البدوى رحمه الله و ذلك فى عام اربعة و عشرين و ثلاثمائة و الف ايام رجوعى من الحج و قدومى طيبة على ساكنها اعطر الصلوة و السلام فى اوائل المحرم فتشرفت بزيارته فى داره و كان قد فلتج و ضعف بصره فلزم من اجل ذلك داره و كانت ولادته فى عام خمس و خمسين و مئتين و وفاته فى عام ثمانية و عشرين و ثلاثمائة و الف و عمره الشريف ثلاث و سبعين فاجازنى بجميع مروياته من المنقول و نفع الى ثبته قال رحمه الله حدثنى بالجامع الصحيح لابي عبد الله البخارى شيخ الاسلام و المسلمين ابو عبد الله محمد بن على السنوسى الشريف الخطابى السلفى و كان من المعمرين عن المعمر المازرونى عن المعمر ابراهيم الكوراني عن المعمر عبد الله اللاهورى الهندي ثم المندى عن المعمر قطب الدين النهروانى عن المعمر ابي الفتوح الطاوسى عن المعمر بابا يوسف الهروى و كان عمره ثلاثمائة سنة عن المعمر محمد بن شادبخت الفرغانى و كان عمره مائة و اربعين عن ابي لقمان يحيى بن عماد الختلاوى و كان عمره مائة و خمسا و اربعين عن المعمر محمد بن يوسف بن مطر بن بشر القيربى نسبة الى قيربى قرية من اعمال بخارى عن امام الدنيا و الدين و حجة الله على العالمين امير المؤمنين فى الحديث ابي عبد الله محمد بن اسماعيل بن ابراهيم بن المغيرة بن بردزبه البخارى الجعفى ولاء روح الله روحه و نور مرقده و ضريحه قال حدثنا الحميدى قال حدثنا سفيان قال حدثنا يحيى بن سعيد الانصارى قال اخبرنى محمد بن ابراهيم التيمى انه سمع علقمة بن وقاص الليثى يقول سمعت عمر بن الخطاب رضى الله عنه على المنبر قال سمعت رسول الله صلى الله عليه و سلم يقول انما الاعمال بالنيات و انما لكل امرئ نوى فمن كانت هجرته الى دنيا يصيبها او الى امرأة ينكحها فهجرته الى ما هاجر اليه الحديث و هكذا سائر اسانيد الكتاب و من المعلوم ان هذا العلم ينتهى الى رسول الله صلى الله عليه و سلم و هو وحى تلقاه عن رب العالمين قال تعالى و ما ينطق عن الهوى ان هو الا وحى يوحى الآية هذا ما لزم تحريره و انى اوصى كل من روى هذا العلم عنى من الاخوان ان لا ينسانى من دعوة سالحة و اشروطه عليه ما شرطه عليه انمة هذا العلم على متلقيه و حامليه من الشروط المعتبرة و هى الضبط و التثبت و الاحتياط فى رواية و الصدق و اجتناب الكذب و التدليس فيها و فى غيرها و التواضع و الحلم و حسن

الاخلاق و السماحة و الجود و السخاء و التحمل لاخلاق العامة و حسن المعاشرة و الصبر و المثابرة على الطاعات و لزوم جماعة المسلمين و خوف الله فى السر و العلانية و العمل بالشريعة المحمدية و نشر الدين و بث هذا العلم على الخاص و العام و الجد و السعى فى احياء معالمه و تعليمه خالصا لوجه الله الكريم و رغبة فيما عنده من الاجر العظيم و التقلل من الدنيا و الاقبال على الآخرة و الاشتغال بما يعينه عما لا يعينه و التخلق باخلاق الرسول الاكرم صلى الله عليه و سلم و التأدب بادابه و اتباع عقيدة السلف و الخلف و تعظيم هذا العلم و اهله و توقير الكبير و رحمة الصغير و الشفقة على خلق الله و اخلاص النية التى عليها مدار امور العباد شروع بالمقصود.

الفصل الاول

فى نكر ختم الجامع الصحيح و الاحتفال و شغف علماء الحديث و طلابه بروايته و سماعه و شدة ارتباط قلوبهم بالشارع الامين صلى الله عليه و سلم و فتانهم و تواجدهم بحسنه الباهر و جماله الظاهر و نكر ما اعترى عشاق ذلك الجمال من الوله و الدله و البكاء و الهيمان و الصبوة و النشوة التى لا تعاد لها نشوة و لا تماثلها صبوة و يحق لهم و لكل موحد ذلك اذ كان صلى الله عليه و سلم هو العروة الوثقى و السبب الاقوى الذى من تمسك به نجا و فاز بالدرجات العلى و نكر خمرة العشق و عدد ابيات هذا الفصل 89.

الفصل الثانى

فى ذكر مرتبة الجامع الصحيح و عند علماء الامة و تقدمه بعد القرآن العزيز على الكتب المصنفة فى العلم مع التفنن و الابداع فى مدحه و بيان انه حرز لحامله و قارنه و المتمسك به من المخاوف و الاخطار الدنيوية و الآخروية و ان به الهدى و الامان و النجاة من النيران و الفوز برضاء الرحمن الى غير ذلك مما يتعلق بهذا الباب و عدد ابياته 66.

حل بعض مبهمات هذا الفصل .

يقال الا عن كذا مخففة يألو اذا قصر ولم آل جهد الم قصر و الحسين بوزن شهبان مصدر كالحساب و المين بوزن عين الكذب مان يمين مينا فهو مائن كذب و الذبيح هو اسماعيل او اسحاق عليهما السلام و فى ذلك اختلاف مشهور و الكلوم الجروح واحدها كلم و التبجس التفجر و العوائد العطايا المكررة مرة بعد مرة و عمان مخففة ناحية و بلدة من جزيرة العرب واقعة على ساحل بحر فارس و فيه مفاص الدرّ و البلد المذكور متجر له و منه يجلب الى سائر الاقطار و البلدان و قول من دونهم عمان هو على تقدير حذف المضاف و اقامة المضاف اليه مقامه و الاصل فيه بحر عمان موسى هو ابن عمران عليه الصلوة و السلام و الفرقان ههنا التوراة و ابن متى هو يونس عليه السلام و متى ابوه و الذى ملك الورى و اطاعه الوحش و الطير و الجن هو سليمان ابن داود عليهما السلام و الجنان بالتشديد جمع جن و الذى لان الحديد بكفه هو داود عليه السلام و ابن مريم هو المسيح عيسى روح الله و كلمته عليه السلام و عازر و يقال عازار و عيزار ايضا هو رجل احياه المسيح بعد موته عندما طلبوا منه معجزة على صدق نبوته و العنزاء هى مريم بنت عمران عليهما السلام و سمعان هو احد الحوارين الذين نقلوا الانجيل و بيت نوح سفينة المعلومة و طور سيناء و لبنان جبلان فى الارض المقدسة معروفان و الارى بالفتح و التخفيف العسل و بوران هى بنت الحسن بن وهب زوجة المأمون و كانت عقيلة نساء زمانها و الخضرم بكسر اوله البحر و العاتق ههنا البكر التى لم يقع عليها سباء و تكمك الاقران تفرقوا و الرّبان بكسر اوله رئيس السفينة و هو القبطان و نو الفقار هو سيف رسول صلى الله عليه و سلم اعطاه عليا المرتضى و هو فى الاصل سيف نبيه بن الحجاج الجمحى اصابه رسول الله صلى الله عليه و سلم يوم بدر و سيف عمرو هو الصمصامة

المشهوره و عمرو هو عمرو بن معديكرب الزبيدي رستم العرب و رستم هذا هو رستم الثانى قائد الفرس يوم القادسية و تقمص اى تنب و الزبير هو ابن العوام حواري رسول الله صلى الله عليه و سلم و فارسه المشهور و ياسر هو اخو مرحب اليهودى ملك خيبر و العضب السيف القاطع و الاقل الذى فيه فلول و تلوم من كثرة الضراب و الذعقان السم القاتل كالذعاف و الذيفان و بسطام هو بسطام بن قيس البطل المشهور و شيبان قبيلة من بكر بن وائل و وائل هذا هو كليب بن ربيعة قائد معد يوم خزاز و السلان و القعقاع هو ابن عمرو التميمى احد فرسان الاسلام المغاوير و ابن زيد هو ربيعة بن زيد المكنم فارس العرب المشهور و فارس اليعموم و هو حسان الطائي و اليعموم فرسه و عامر ابن الظرب هو العدوانى احد حكام العرب و معمرهم و هو اول من قال البينة على المدعى و اليمين على من انكر و عامر الضحيان هو احد من اجتمعت عليهم العرب قبل الاسلام و هو اربعة كليب بن ربيعة و ربيعة ابوه و عامر بن الظرب و عامر الضحيان و لم تجتمع العرب على غير هؤلاء الى ان جاء الاسلام فاجتمعوا على رسول الله صلى الله عليه و سلم و عروة هو ابن الورد العيسى و يقال له عروة الصعاليك و حاجب و معبد هما ابنا زارة التميميان و حمزة هو ابن عبد المطلب عم الرسول صلى الله عليه و سلم و اسد الاسلام و هزان و معقل الهجالي و عمرو القنا و البراق بن روحان و روحان هم ابطال و فوارس معروفون و يوم ذى قار هو اول يوم انتصفت فيه العرب من العجم و كان لبكر على الفرس و بكر قبيلة من ربيعة و بنو الاحرار هم الفرس و ابن قيس هو بسطام بن قيس بن مسعود و النواحق الحمير و كسرى الملوك هو انوشيروان المشهور و الايون هو ايوانة المعروف و الطرساء الظلمة و البلايل الغيوم و الاحزان المتفرقة و الثبور الهلاك و العريان و العجمان جمعا عرب و عجم و سعد المنصور هو سعد بن ابي وقاص احد العشرة المبشرة و قائد الاسلام و فاتح بلاد فارس و الانتال جمع نتن اى متتن و المراد بهم ههنا الفرس المجوس ابدهم الله و فارس النحام هو سليك بن سلكة احد العدائين المشهورين و زيد القنا فارس مشهور و حمل هو ابن بدر الفزاري البطل المشهور و حارث هو ابن عباد مخففة فارس النعامه و هو احد حكام ربيعة او هو الحارث بن ظالم المرى البطل المشهور و عامر هو ابن الطفيل العامري احد الفرسان الاربعة و خالد هو ابن الوليد المخزومي احد مشاهير ابطال الاسلام و قاسم هو الامير ابو دلف العجلي احد امراء الاسلام و اجودهم و فرسانهم و شعرائهم المعدودين و زال هو ابو رستم بن زال بطل الفرس المشهور و طوغان هو رستم الترك و المغل بطل قديم و شجاع معروف من شجعانهم و ابطالهم المغاوير و مقامه فيهم كمقام رستم فى الفرس و عوف هو ابن محلم الشيباني الذى يقال فيه لآخر بوادى عوف و زيد هو ابن مهلهل النبهاني البطل الشهير و يقال له زيد الخيل و سماه رسول الله صلى الله عليه و سلم زيد الخير و عتيبة هو ابن الحارث بن شهاب اليربوعي احد فرسان العرب الاربعة و ابن واذ و هو عمرو بن واذ فارس قريش فى الجاهلية و يقال له فارس يليل قتله علي يوم الخندق و قند و قعنب و زهدم و ضمضم فرسان معروفون و كعب هو ابن مامة الايادى.

الفصل الثالث

فى مدح فخر الامة و علم الانمة امير المؤمنين فى الحديث ابي عبد الله محمد بن اسماعيل بن ابراهيم بن المغيرة بن بردزبه البخارى الجعفى نور الله مرقدہ و مدح مسقط رأسه بخارى قبة الاسلام و ذكر سمرقند و خرتنك و بقعة مرقدہ الانور التى هى روضة من رياض الجنان الى غير ذلك مما يتعلق بتلك الديار و ذكر ما غرسه لنا الشيوخان من العلوم الجنية الثمار و عدد ابيات هذا الفصل 63.

الفصل الرابع

فى ذكرف عدة من شيوخ الامام البخارى رحمه الله و مدحهه و بيان انهم هم و اضرايهه لاهل الاسلام اهله و مصابيه و معاقيل و قادة و ان هذا العلم ينتهى سنده و سلسلته بهه الى الشارع الاكرف صلى الله عليه و سلم فالروح الامين فرب العالمين جل ذكره و ان ما اتت به الانبياء من شرائع و حى لا مجال للهوى فيه و انهم كغيرهم فى عدم علمهم للغيب الا ما علمهم الله تعالى و ان كل من ادعى علم ذلك من منجم و كاهن و عراف و رمال و امثالهم كفره مستحقون للخلود فى النار و عدد ابياته ستون بيتا.

الفصل الخامس

فى ذكر الاجماع على ترجيح الجامع الصحيح و تقديمه على جميع الكتب المصنفة بعد القرآن المجيد و ذكر الوعيد لمن انكر ذلك او ارتاب فيه و بيان الحض على ملازمة القرآن العزيز و العمل بالكتاب و السنة و ذكر ان العلم النافع فى الدارين انما هو علم الدين فقط لا غير مع ذكر مدح العلم و العلماء و وجوب توقيرهم و الرجوع اليهم فى المهمات المدلهمات و ذكر عدة من ائمة الدين الذين اسسوا لنا قواعد و اوضحوا سبله و ذكر بعض شيوخ البخارى ايضا الى غير ذلك مما يتعلق بهذا الباب و عدد ابيات هذا الفصل اربعة و خمسون بيتا.

الفصل السادس

فى ذكر وجوب الاعتناء بامور الدين و ملازمة الشريعة المحمدية و بيان ان كل مصيبة غير المصيبة الدينية تسلى و تنسى مع مرور الايام و الليالى و كل كسر يمكن جبره و تلافيه اذا لم يكن واقعا فيه و ذكر حكم و مواظ لا يستغنى عن مطالعتها و التمثل بها و بيان ان قصارى امر بن ادم الحمام و الكفن و الجبان و ان عاقبة احوال الظالمين وخيمة و ان المرء يجب عليه البدار الى ما فيه نجاحه و نجاته من النار الى غير ذلك مما يتعلق بهذا الباب و عدد ابيات هذا الفصل مائة و ثمانية ابيات.

الفصل السابع

فى ذكر نبذة ممن تقدم من مشاهير الملوك و الامراء الذين ساعدهم الحظ و ما كانوا عليه من الترف و الغفلة و التهاوت على حطام هذه الدنيا و اغترارهم بزخارفها و ما انتهت اليه احوالهم مع الامام بذكر بعض الامم الخالية و الوقائع و الاثار القديمة و الحمام الذى ما عنه من محيد و بيان ما يلزم على العاقل ان يستحضره لسفر الآخرة الذى هو سفر لا مرجع منه الى هذه الدار المشوبة بالاكدار الى غير ذلك مما يتعلق بهذا الباب و عدد ابيات هذا الفصل ستون بيتا.

الفصل الثامن

فى ذكر الموت و جديد و اقتداحه المترعة و الايام و افعالها و الدهر و تلواته و اكباب ابنائه على هذه العاجلة و تهارشهم على حطامها و انهاهم كهم بالموبقات و اشتغالهم بجمع الاموال مع علمهم بقله المقام فيها و سرعة الارتحال عنها و ان طريق سفر الآخرة وعر مخوف لا ينفع فيه الا الاعمال الصالحة و بيان سعة رحمة الله تعالى الى غير ذلك مما يتعلق بهذا الموضوع و عدد ابيات هذا الفصل اثنان و خمسون بيتا.

الفصل التاسع

فى ذكر اتمام قراءة الجامع الصحيح و اظهار الحمد لله تعالى الموفق لاجراء هذه السنة السنوية فى تلك الارض و ذكر ما بذله هذ العبد من الجهد و الاجتهاد فى تقرير ما انطوت عليه سطوره من الاسرار و المعانى التى هى كالبهر الزخار فى ابان هجوم مجافل البلايل و قلاقل الزلازل المقيمة المقعدة التى عمّت تلك الاصقاع ايام افتتاحه و اختتامه ولم تزل حتى الان كذلك الى غير ذلك مما يتعلق بهذا الباب و عدد ابياته ستة و خمسون بيتا.

الفصل العاشر

في ذكر ما انطوت عليه هذه القصيدة من محاسن الاوصاف و الحث و الترغيب الى روايتها الترتيم بانشادها مع ذكر التضرع و الانتحاء الى باسط الارض و رافع السماء في حط اوزار هذا العبد و تلافيه بصيب بره الهامع و اسكوب طوله الواسع و قد ختم هذا الفصل الذي فاح مسك ختامها بمدح الرسول الاكرم صلى الله عليه و سلم و التوسل الى الله عز و جل بكتبه و انبيائه و سائر خلص عياده و بما احتواه الجامع الصحيح و غير من حديث ذلك السيد الاعظم صلى الله عليه و سلم الى غير ذلك مما يتعلق بهذا الباب و عدد ابيات هذا الفصل ثمانية و ستون بيتا.

يقول هذا العبد قد نجز بعون الله تعالى و توفيقه تحرير هذه القصيدة المباركة و عدة ابياتها ستمائة و احد و عشرون بيتا و هي كما ترى مع تجاذب اطرافها و ترامي اكنافها غزيرة المعاني سلسلة القيادة و المباتى منطوية على اساليب غريبة و افانين بدیعة عجيبة و عبارات رائقة و اشارات فائقة و جواهر حكم و آداب و مواظم موقظة للمسامح و الالباب و غير ذلك من المقاصد و المطالب الشهية الموارد و ظنى انه لم ينسج احد قبلى على منوالها ولم تكتحل مقلة متعاط لهذا الفن بمثالها و ذلك واضح كمنار على علم و برق تألق و ابتسم في حنادس الظلم فاحمده تعالى الموفق الى بلوغ هذه الامنية و انى لاطمع ان تكون احدى حسناتى المتكفلة بحط اثقالى و حت سيناتى المنيفة فى العد على نجوم السماء و رمال عالج و حصياء الدهناء هذا مع علمى بان حضتم كرمه تعالى لا يتوقف على مقدمات ابتتار ميراث او انشاء ابيات فهو تعالى كما يأخذ بالقليل يصفح عن الجليل و من قولنا فى هذا المعنى.

وهذا الذى نعتقده للحديث الذى رواه و هو قوله صلى الله عليه وسلم انه لن يدخل الجنة احدا عمله قيل و انت يا رسول الله قال و لا انا الا ان يتعمدنى ربي برحمة منه رواه مسلم فالامر فى الحقيقة هو كذلك ولكن الاسباب لا تنكر عند من تدبر وتفكر نسله تعالى وصل اسبابنا بطلابنا وجمع شملنا باحبابنا ومما زاد هذه القصيدة الفريدة حسنا ايضا كونها مفتوحة ومختتمة بذكره تعالى ومدح حبيبه ورسوله الاكرم صلى الله عليه وسلم ان تأريخ انشائها يفهم من قولى يغفر لى بها بالبناء للمجهول و منه يعلم تأريخ ختم الكتاب ومادت اعادة النظر فيها والشروع بكتابة شرحها المسمى بالجمال المفيدة هى قول القائل يغفر لك وهو تأريخ اقامة مراسم الاحتفال الثانى و لا حول و لا قوة الا بالله العلى العظيم تم تحرير هذه النسخة فى يوم الخميس عاشر ذى الحجة الحرام وهو يوم عيد الاضحى من سنة اربعين ثلاثمائة و الف هجرية بقلم احقر تلامذة مولانا المصنف عبد القادر بن برديمراد الخباز بن شاه نعمة الله بن شاه رستم بن شاه حسن بن شاه بدل اخوند حافظ كوهكى الشاشى كان الله له و لهم فى عسر و يسر.

СА'ИД ИБН МУХАММАД ИБН 'АБД АЛ-ВАХИД ИБН 'АЛИ
АЛ-'АСАЛИ АТ-ТАРАБЛУСИ АШ-ШАМИ АД-ДИМАШКИ

ал-Джумал ал-муфида фи шарх ал-джаухара ал-фарида

(Полезное изложение в комментариях
к «Единственному сокровищу»)

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Слава Аллаху, который полюбил науку и ученых и сделал их наследниками посланников и пророков! И да будет благословение и мир над достойнейшим из достойных, самым благородным из благородных — Мухаммадом, хвалимым на земле и небесах, предводителем людей по чистому пути и к высокому учению ханифия, избавителем от слепого заблуждения и невежества неучей, а также над его добрым незапятнанным родом и благочестивыми, верными последователями!

Далее говорит сей раб Божий, нуждающийся в милости своего Покровителя, Господа всех людей, Са'ид ибн Мухаммад ибн 'Абд ал-Вахид ибн 'Али, прозываемый от «ал-'Асал» ал-'Асали ат-Тараблуси аш-Шами, а затем ад-Димашки, да простит его Аллах!

Истинно, я остановился в просторном городе аш-Шаш, чтобы приступить к диктовке путем чтения (кира'а) книги «ал-Джами' ас-сахих» достойного имама, ставшего примером для подражания для всех ученых людей, повелителя правоверных в хадисе — Абу 'Абдаллаха Мухаммада ибн Исма'ила ибн Ибрахима ибн ал-Мугира ибн Бардаэбиха ал-Бухари ал-Джу'фи, под покровительством Духа Аллаха, его духа¹ и света его могилы и усыпальницы, и [когда] я подошел к завершению этого труда, то на всех, кто при этом присутствовал, распространился сильный аромат мускуса. И я прочел эту бесподобную касиду² впервые, после того, как увидел, что мне и всем мусульманам необходимо восхвалять эту прекрасную книгу, [которая], словно морская пучина или острый меч, заключает в себе драгоценные

¹ То есть духа ал-Бухари.

² То есть свое произведение — касиду «Единственное сокровище» (ал-Джаухара ал-фарида).

жемчужины, украшающие подвески Марийи, и превозносить похвалами ее достойного сочинителя и место его рождения — Бухару, «Купол ислама», вспоминая место его светлой усыпальницы, подобное одному из лугов райского сада, а также эти прославленные страны, памятники древности и прочие места, куда стремится душа.

Что касается этой высочайшей науки передачи (ривайа) от имен выдающихся, благородных людей³, то она таит в себе много редкостных наставлений и уроков, мудрость, нравственность (адаб) и изящный смысл, привлекательный для слуха и разума. Почтили ее упоминанием несколько шайхов-авторов, и их шайхи, и шайхи их шайхов — столпы этой прочной веры, при упоминании которых снисходит милость Божья и внемлет просьбам к Нему через их молитву Господин миров. И содержит она в себе также воспоминания о некоторых событиях, давно минувших народах и знаменитых царях, хотя нет уже тех людей, которых он⁴ приводил в пример.

Одним словом, я изучил все то, что передали рассказчики в этом роде из похвал, сказанных в его⁵ адрес, и прославлений его благословенного «ас-Сахиha». На какую бы знаменитую и совершенную касиду я ни взглянул, она содержала его в себе⁶. Это стало ясно всем, кто занимается этим искусством. И я хочу, чтобы это было самым лучшим из моих добрых дел, которое бы смыло многие мои грехи и проступки, коих числом столько, сколько песку в 'Алидже (Римал 'Алидж) и камней в пустыне Дахна', а протяженностью — сколько морской пены (во время прилива). Много лет я размышлял, высекая искры своих мыслей, над сочинением стихов (кафийа), превозносящих похвалой этого великодушного имама и его книгу, которая является самой лучшей [на свете] после Книги Аллаха — Царя миров, да станет она средством спасения в тот суровый и самый тяжкий День! Но никак не удавалось мне достигнуть этой желанной цели, подобно тому, как это удавалось другим моим собратьям-поэтам.

Известно, что во время одного своего путешествия я прибыл в село Хартанг. Случилось это 21 джумада I 1328/31 мая 1910 г. И я удостоился чести посетить его⁷ благословенную могилу (маркад) вместе с несколькими дорогими сердцу братьями, и мы провели ночь рядом с усыпальницей, оживляя

³ То есть наука о хадисах.

⁴ Ал-Бухари.

⁵ Ал-Бухари.

⁶ Содержала упоминание о «ас-Сахиha» ал-Бухари.

⁷ Ал-Бухари.

ее воспоминаниями (зикр) и молитвами до самого утра, а затем возвратились. И мы раскрыли такие мешки благословения и изобилия, которых никогда раньше не приносила ни одна достойная торжественная процессия победителя, и я продекламировал в том месте эту *касиду*.

Вот что мне посчастливилось в то время создать и исполнить во славу этого имама и оплакивая его.

И случайно я увидел много *касид*, стихотворений и *байтов*, прикрепленных к стенам обители (ханака) этого изобильного и пресветлого мазара⁸ и произнесенных в том месте (на эту тему) кем-то из паломников. Среди них была *касида* покойного шайха 'Али аз-Захири, вся подобная несущемуся потоку либо связке дров, собранных ночью, не достойная того, чтобы ее проносили, ибо она развалится, и чтобы ее передавали и пересказывали. Поэтому я и оставил ее без упоминания в речи в этом благословенном месте.

Эта *касида*, как я сказал, не исцеляла болезни и не утоляла жажды, и поэтому я все еще напрягаю свои мысли, стремясь сочинить стихи, послушные и легкие, цельные, многозначные и содержательные, которые бы свидетельствовали об опережении и победе в состязании на этом поприще. И я отставал во времени до тех пор, пока не приехал в пятый раз в столицу страны тюрков-узбеков, большой город аш-Шаш, от стражи и жителей которого раскалываются земля и небо. Произошло это 12 *джумада* I [13]37/2 февраля 1920 г. упомянутого летосчисления. И я начал изучение выше-названной книги⁹ в *мадраса* ад-Дастурханийя, расположенной в квартале (махалла) Дигриз¹⁰, в одном из кварталов того города. Приблизившись к ее завершению, я имел счастье достигнуть той благой цели — хвала Аллаху, [как говорится], «всякому овощу свое время!» — и сочинил эту не имеющую себе равной *касиду*, объединяющую новые изящные формы и смыслы. И были отмечены [в ней] имена шайхов имама, да будет доволен ими Аллах, отличительной меткой — красной чертой, над которой было [написано] их число. *Касида* была сочинена в понедельник утром, 8 *раджаба* [13]38/28 марта 1920 г., в тот день, когда было созвано высокое собрание в честь прочтения Книги (хатм ал-китаб), и я декламировал ее.

То был знаменательный день, счастливый день праздника для всех правоверных, на котором присутствовало множество знатных людей того города, его вельмож, старейшин, 'улама', представителей местной власти и

⁸ Мазара ал-Бухари.

⁹ «Джами' ас-сахих».

¹⁰ Деғреэ // Ташкент. Энциклопедия. Ташкент, 1992. С. 108.

других важных лиц, в том числе дипломаты из посольства Афганского государства, а также афганский консул 'Абд ар-Разаак-хан и кади ал-'аскар ал-Маулави Сайф ар-Рахман.

Торжество по случаю открытия чтения Книги началось во втором часу после восхода солнца, в субботу 18 шаввала прошлого (1337/17 июля 1919) года, а завершилось в том же часу в понедельник. Я произнес на этом многолюдном собрании несколько речей на трех языках — арабском, персидском и тюркском (турки), и все они касались необходимости заботливого отношения и внимания к развитию наук и знаний, в которых хранится жизненная сила *уммы* и родины. Также речь шла о восхвалении знания ('илм) и ученых, о поощрении и побуждении людей к обязательному следованию мусульманскому закону — *шари'ату*, о возрождении облика веры (ма'алим ад-дин) и интереса к изучению священной Книги ('илм ал-китаб) и *Сунны* (Сунна санийа). Еще я упомянул в речи о достоинствах двух «ас-Сахих» и двух (их авторов) шайхов, да будет доволен ими Аллах, а также о пробуждении интереса к науке передачи (ривайа), чтения и передачи хадисов, внимательном отношении к ним и их опубликовании, выразив признательность от имени сего счастливого, бедного раба Божьего¹¹ за возрождение и осуществление этого великого дела в столь отдаленных землях, после того как 800 лет назад оно исчезло на всем их пространстве, — и это было не что иное, как угасание деятельности и вырождение знатоков *Сунны* ('улама' ас-сунна). Клянусь Аллахом, то было несчастье — и какое несчастье!

Одним словом, собрание завершилось восхвалением, выражением благодарности, поминанием и молитвами, пением божественных *айатов* и чтением хадисов о Пророке, декламацией *касид*, их объяснением и красноречивыми проповедями. Присутствующие были охвачены радостью и ликованием, душевным волнением и плачем, почти неопикуемыми. Затем был накрыт стол и расставлены кушанья. После того как народ покончил с трапезой, возвращающиеся [домой] наградили [нас] глубочайшей благодарностью и похвалами.

Всевышний знает, как, прославляя Его и с особым вниманием относясь к изучению этой благословенной Книги, чтобы дойти до ее завершения, я успешно достиг этой цели дважды в восточных тюркских государствах: один раз — в этой стране, а второй раз — в столице страны уйгуров и (племен) тогуз-гуз в течение [13]21/1903—04 г., закончив чтение в [13]22/1904—05 г. указанного летосчисления. Книга была прочитана за 11 меся-

¹¹ То есть от своего имени, аш-Шаами.

цев. В том городе я диктовал также «ас-Сахих» имама Абу-л-Хусайна Муслима ибн ал-Хаджаджа ал-Кушайри ан-Нисабури, да помилует его Аллах! Изучение его завершилось в [13]23/1905–06 г. На чтении этих двух книг присутствовали тысячи людей — жителей тех прославленных деяниями стран, и в том городе и его окрестностях не осталось ни одного человека, на кого можно было бы указать, что он не почтил нас своим присутствием. Чего только ни происходило в тот день — и радость, и ликование, и благоговение, и слезы, и рыдание, и крики, и толкотня под конец. Этого невозможно ни пером описать, ни обрисовать! То был один из славных дней, к которым оказалась невнимательна судьба (дахр).

Известно, что празднество это повторилось в аш-Шаше дважды — в проведении памятного собрания и следовании этому благому обычаю (сунна хасана). Второе торжество прошло в воскресенье, 21 раджаба [13]40/20 марта 1922 г., потому что за год до того я был арестован по подозрению, из-за чего было невозможно провести праздничную церемонию как обычно, и она прошла в упомянутом году. Люди собрались в той самой *мадраса*, где они собирались в первый раз, и встреча открылась в такой же час, что и в прошедшем году. Я зачитал им отрывок из «ал-Джами' ас-сахих», где говорится о достоинствах (шама'ил) Посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, и показал присутствующим, какие ему, да благословит его Аллах и приветствует, были присущи высочайшие энергия, усердие и рвение, великодушие и щедрость, скромность и благоразумие, терпеливость и кротость характера, доброжелательность и открытость, храбрость и стойкость перед суровыми превратностями судьбы, чередой несчастий и переменами времени, терпимость к нравам людей, милосердие и всепрощение по отношению к преступникам (арбаб ал-иса'а), доброта и сострадание к созданиям Аллаха, умеренность и невзыскательность в миру, альтруизм и сочувствие к людям, равноправное отношение к своим сподвижникам в еде и питье, в положении (*маджлис*) и одежде, естественность в поведении и отсутствие высокомерия, а также то, что выделяло его среди кого бы то ни было из его *уммы* — общность с людьми во всех благих делах и первенство среди них в совершении этих дел. Он, да благословит его Аллах и приветствует, умер и не оставил после себя ни *дирхама*, ни *динара*, ни раба, ни рабыни — ничего, кроме своего белого мула [по прозвищу] Дулдул, оружия и земли, которую он пожертвовал на пути Аллаха, то есть сделал *вакфом*. Он не завещал людям ничего, кроме знания ('илм), являющегося наследием пророков, а это — величайшее наследие, которое становится больше, чем больше из него черпаешь, оно неиссякаемо и неистоцимо. И [я перечис-

лил] другие его лучшие черты, похвальные качества и любимые достоинства, коих бесчисленное множество. По этим достоинствам с ним никто не сравнивается, да благословит и приветствует Аллах его и его братьев — пророков и посланников!

Вслед за тем я привел священный *хадис*, который пересказал, ссылаясь на свою цепь передатчиков (асанид), связанную с имамом Абу-л-Хусайном Муслимом ибн ал-Хадждажем ал-Кушайри, да будет доволен им Аллах, ссылавшимся на Абу Зарра ал-Гифари — подвижника (захид) этой *уммы*, да будет доволен им Аллах, о Пророке, да благословит его Аллах и приветствует, где он¹² рассказывает, как Его Господь, Всемогущий и Великий, сказал ему:

«О люди, Я запретил притеснение души и сделал его запрещенным меж вами, не обижайте друг друга. О люди, каждый из вас, кто сбился с пути, просите Меня направить вас на истинный путь, и Я направляю вас! О люди, каждый из вас, кто голоден, лишен своей пищи, просите Меня накормить вас, и Я вас накормлю. О люди, каждый из вас, кто наг, лишен своих одежд, просите Меня одеть вас, и Я вас одену. О рабы мои, заблуждающиеся ночью и днем, Я отпускаю ваши грехи — просите Меня о прощении, и Я вас прощу. О люди, вы никогда не причините мне вреда, но вредите мне, и вы никогда не достигнете моего блага, но приносите мне пользу. О рабы мои, если бы только первый и последний из вас, людей и *джиннов*, имели самое благочестивое сердце человеческое, и только один из вас, то это не добавило бы ничего к тому, чем Я владею. О рабы мои, если бы только первый и последний из вас, людей и *джиннов*, имели самое нечестивое сердце человеческое, и только один из вас, то это не убавило бы ничего из того, чем я владею. О люди, если бы только первый и последний из вас, людей и *джиннов*, собрались в одном месте и просили меня, и я исполнил бы просьбу каждого из них, то это не убавило бы ничего из того, что у меня есть, разве что только так, как убавляется суша, когда прибывает море. О люди, истинно, только поступки ваши я вам засчитываю, а затем воздаю вам за них, и если кто-то находит добро, то пусть восхваляет Аллаха, Всемогущего и Великого, а кто находит нечто другое, пусть упрекает за это только самого себя!» Это *хадис*.

Когда Абу Идрис ал-Хаулани, да будет доволен им Аллах, рассказывал этот *хадис*, он преклонял колени в почтении и уважении к Его величию. И я разъяснил его и раскрыл, насколько было возможно, его смысл, подобный

¹² Пророк.

бурлящему волнуемому морю, и слушателей переполнили чувства, благоговение и слезы так, что большего и желать нельзя, как им и надлежит.

Это собрание длилось столько же, сколько и предыдущее, до самого вечера того дня. Было организовано угощение, которое отведали тысячи людей из различных слоев общества, а то, что осталось, раздали жителям квартала, накормили их и напоили. То был один из радостнейших дней.

Третье празднество началось в ночь на вторник, 8 числа месяца поста (рамадан) [13]41/24 апреля 1923 г., а закончилось в ночь на вторник 16 числа того же месяца (2 мая). На этом торжестве кроме чтения «ал-Джами' ас-сахих» читали «ас-Сахих» Муслима и провели хатм ал-Кур'ан во время дополнительной молитвы (салат ат-таравих — служба, совершаемая в месяц рамадан). Присутствовали на многолюдном празднестве в те памятные ночи большинство 'улама', имамов, чтецов Корана и других жителей города. Чтецы разделили дополнительные молитвы (салават ат-таравих) и рецитацию Корана во время молитв на два *рак'ата* и прочитали на них менее половины части (священной Книги), при этом за спиной каждого чтеца стояли по тридцать других чтецов, которые слушали и следили за точностью рецитации, — и это помимо упомянутых нами гостей.

Это собрание было самым торжественным, прекрасным и значительным благодеянием (сааб), потому что происходило в ночи благословенного рамадана (апрель—мае 1923 г.), а [также благодаря] чтению священного Корана (хатм ал-Кур'ан ал-карим) и стечению большинства городских чтецов числом более пяти тысяч человек, каждый из которых искусно читал нараспев Коран и воспроизводил его целиком по памяти, на кончике языка. Каждую ночь молитва (таравих) завершалась чтением двух благородных «ас-Сахих» (сахихайн шарифайн), толкованием прославленной Книги (тафсир ал-Кур'ан ал-маджид) и переводом ее (смысла) для присутствующих на их приятном и богатом тюркском языке. Те ночи ослепительно сияли, ибо темноту их рассеяли свет Откровения и свет хадиса о Пророке — вестнике радости и увещавателе, да благословит его Аллах и приветствует, а кроме того — свет лиц тех чтецов и свирели их [голосов], сияющих и летящих над солнцами и лунами, и свет изысканных электрических ламп, развешанных в том почитаемом месте.

Это было последнее торжество из тех, что я устроил во время своего пребывания в том городе, да хранит его Всевышний! Все расходы за эти празднества несли жители квартала, и делали они это сами, без участия кого бы то ни было другого. Таким образом, необходимо, чтобы старания этих великодушных людей и их важные деяния, да благословит их Аллах и их

превосходное усердие, ибо они взялись за это серьезное дело на полном ходу [засучив рукава] в такие трудные и печальные годы, завершившие эпоху в мире истории, в беспримерном голоде, дороговизне, сумятице, испытаниях, бедах, и добились в этом успеха ради того, чтобы почтить то, что для них вечно, — удостоились похвалы и великого вознаграждения, подходящего им, в эмпирии. Да наградит Он их лучшей наградой! О них я читаю *касида*, ибо заслуживают они воспевания.

Во время упомянутых празднеств народ украсил *мадраса* всевозможным убранством. Расстелили циновки, разложили сказочные ковры и покрывала, небольшие мягкие подушки разнообразных форм и цветов, расставили кресла. Люди расселись согласно своему положению и рангу. От курильниц распространялись запахи алов и ялангача (йаланджудж), и под их горячим воздействием души присутствующих превратились в чаши радости и веселья. Тот день стал памятным событием и новым праздником, которому еще не было равного в той местности. Празднество оставило огромное впечатление в тех землях.

Что касается расходов на проведение церемонии (марасим) открытия благословенной Книги, то все издержки взял на себя ас-сардар Мухаммад-Аслам-хан, бывший консул высокого Афганского государства. Он сделал все необходимое для этой церемонии и приготовил особое угощение для тех ученых людей, кто присутствовал на чтении благословенной Книги. Он вместе с людьми из его окружения стоял на службе, собственноручно расставляя столы и расстилая скатерти, и без усталости сновали они перед нами до тех пор, пока не закончилось угощение и не были убраны столы. Затем сему немощному¹³ ('аджиэ) была пожалована дорогая одежда и преподнесен подарок, достойный такого случая, а также были сделаны подарки некоторым из присутствовавших.

И на том собрании он¹⁴ произнес речь, в которой показал твердость своих убеждений и чистоту намерений, идейную направленность его государства на служение ясной религии и ее укрепление на этих землях, а также уважение к 'улама', которые являются первыми в вере и стоят на правильном пути. Он произнес в таком роде длинную речь, и мы обрадовались и были довольны, и пожелали ему и его стране столетнего процветания и вечной победы (наsr). Затем он сел, чтобы послушать *хадис* в кругу присутствующих. На нем была восточная исламская одежда. Он сообщил мне,

¹³ То есть самому рассказчику, аш-Шами.

¹⁴ Ас-сардар Мухаммад-Аслам-хан.

что он знатного тюркско-монгольского происхождения и принадлежит к благородному, древнему и известному семейству в афганской общине. И он не переставал с симпатией смотреть на сего немощного¹⁵ до тех пор, пока не удалился, да не даст Аллах исчезнуть ему и ему подобным! Я же сочинил касиду во славу его благородного тюркского народа, и произошло это на 15-й день благословенного месяца *рамадан* указанного года (1 мая 1923 г.), после того как он покинул свой пост и вернулся на родину, а его сменил вышеупомянутый 'Абд ар-Раззак-хан. И удостоверяют это приведенные здесь воспоминания о нем.

Эту касиду я назвал «ал-Джаухара ал-фарида» («Единственное сокровище») и расположил ее по десяти разделам (фусул), каждый из которых — словно бесподобная жемчужина, выходящая из бурных волн океана, куда ее забросил Аллах, чтобы она вернулась обратно. Истинно, я и все мои братья, и все, кто прочитал ее, благодаря своему великодушию и огромному терпению (би-карамах ал-'амм ва-тулих ал-джамам), да узнают, что дата завершения книги может быть извлечена из наших слов — «В нем прощение» (бих гуфран)¹⁶, где Всевышний путем возвратного местоимения (би-радд ад-дамири) сделал ее причиной (сабаб) для отпущения наших грехов и снятия нашего бремени. Я завещаю своим благородным братьям, да улучшит Аллах их положение, прочитав эту благословенную касиду, так как ее чтение было бы высказыванием похвалы ему¹⁷ и его, да благословит его Аллах и приветствует, хадису, восхвалением книги «ал-Джами' ас-сахих» и ее составителя. И еще я завещаю им прочесть «ар-Ра'ийа ал-кубра», называемую «ал-'Укуд ад-дуррийа» («Жемчужные ожерелья») и содержащую восхваление лучшего из созданий, а также другую (касиду) «ар-Ра'ийа», добавленную к этому «ал-Джаухара» («Сокровищу») и содержащую упоминание об источниках (санад), о науке хадиса и ее деятелях, о похвале знанию и 'улама', этических нормах, предъявляемых к обучающимся (адаб ал-мута'аллим) и требованиях обучения. И в этом предисловии (мукаддима) я хотел бы упомянуть об одном экземпляре [перечня] некоторых выдающихся цепей (асанид) сего немощного¹⁸ к (передаче) «ал-Джами' ас-сахих», намереваясь принести пользу, для того чтобы передавать (накл)

¹⁵ Аш-Шаами.

¹⁶ Это словосочетание в числовом значении дает дату окончания сочинения — 1340/1921—22 гг.

¹⁷ То есть ал-Бухари и его книге «ал-Джами' ас-сахих».

¹⁸ Аш-Шаами.

его (сочинения) тем, кто в этом нуждается из числа достойнейших слушателей (туллаб), которые прослушали его и присутствовали на его чтениях в этих странах, да сохранит их Аллах Могущественный и Всепрощающий и принесет им в этом мире и в ином исполнение всех желаний! И вот она:

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Слава Аллаху со всеми Его похвальными качествами за все Его благодеяния! И да будут благословение и мир, самые совершенные, полные и неразлучные друг с другом, как звезды бета и гамма в созвездии Малой Медведицы, над господином Его творений¹⁹, завершившим [цепь] Его посланников и пророков, а также над его семьей и сподвижниками, борющимися с его недругами ради его друзей.

Далее. Не секрет, что наука о хадисах — это наука выдающейся славы, высочайшего значения и великого достоинства, о которой заботятся только наилучшие из людей, потомки благородных родов, люди чести и благодеяний, так как она раскрывает смысл (мурад) слов Господина рода человеческого и дарует спасение в день Возвращения²⁰. Это наука Посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, и наука его сподвижников, которая объясняет его речи и путь (тарика), его решения и поступки. Принимающийся за эту науку получает великую участь, приступающий к ней берется за большое дело, опирающийся на нее находит превосходную опору. Уже разлились ее воды и реки, воссиял ее свет, распустились ее цветы, обильны ее плоды и огромна польза. И ниспосланы благодаря ее передаче, распространению, восприятию и сообщению роду человеческому ясные знамения (айат) и блестящие хадисы.

Достаточно нам будет привести из них его возвышенные слова, обращенные к чистым супругам и матерям правоверных, да будет доволен ими Аллах, где он²¹ сказал: «Вспомните же то, что читается в ваших домах из айатов Аллаха — мудрого знамения», то есть из Корана и Сунны Пророка, а также его слова из хадиса, да благословит его Аллах и приветствует: «Ниспослана Книга, а вместе с ней — подобная ей», то есть Коран и хадис. То, о чем не упомянуто в Коране, приведено в хадисе. Коран, как известно, это краткое изложение (муджмал), а хадис Пророка — разъяснение и подробное объяснение его.

¹⁹ То есть над Мухаммадом.

²⁰ Судный день.

²¹ То есть Пророк.

И его слова, да благословит его Аллах и приветствует: «Для вас — моя Сунна и Сунна праведных халифов, ведомых по правильному пути (махдин) после меня», другими словами: «Примите ее (Сунну), следуйте ей, поступайте согласно ей», и это — непреложная заповедь.

И его, да благословит его Аллах и приветствует, слова: «Да сделает Аллах цветущим человека, который прислушался к моей речи, ее наставлениям и смыслу, как вразумлял хадис!». Побуждал он, да благословит его Аллах и приветствует, в этом хадисе воспринять его слова, слушать его, хранить в памяти и сообщать в том же виде людям, которые никогда его не слышали. И пожелал он тому, кто делает это, [процветания и] свежести лица, исходящей и проистекающей из сердечной радости. Нет никакого сомнения в том, что это его, да благословит его Аллах и приветствует, пожелание будет исполнено.

И его, да благословит его Аллах и приветствует, слова: «Сообщайте обо мне [людям] хотя бы и любой хадис», то есть хотя бы один хадис. Здесь подразумеваемый аятом смысл этого хадиса таков, как разъяснил его ат-Таййиби: «И это потому, что заповедь Корана является общей для всех созданий от мала до велика, для свободного и раба, для мужчины и женщины, и Аллах Всевышний позаботился о том, чтобы сохранить ее (заповедь) от утраты, замены и изменения, и она не нуждается в сообщении». Но это толкование, к которому пришел ат-Таййиби, да помилует его Аллах, спорно.

И отсюда его (то есть Пророка), да благословит его Аллах и приветствует, слова: «О Боже! Смилуйся над моими преемниками!» Было сказано: «Кто же твои преемники, о Посланник Аллаха?» Он ответил: «Те, которые последуют за мной, будут рассказывать мои хадисы и сообщать их новым людям».

Или, как он, да благословит его Аллах и приветствует, сказал, а также призвал в этом хадисе благословение на мухаддисов, сделал их своими преемниками (хулафа'), амирами (умара') и заместителями (нувваб) в сообщении знаний о шариа'те и сохранении его от отклонений, изменений и замены и оказал им больший почет, чем халифам, амирам и наместникам. И поэтому люди счастья (ахл ас-са'ада) приступили к изучению хадисов, обучению им, получению знаний о них, чтению, сообщению, передаче, собиранию достоверных сведений (дирайа). Они проводили ночи и дни, собирая хадисы, трудились, не щадя пальцев, бумаги и перьев, истощали в себе все сокровища и запасы, заменяли их яхонты и драгоценности [подлинными] яхонтами и драгоценностями.

И даже если бы не было в этой науке ничего, кроме систематизации имен передатчиков [в соответствии] с именем основателя единой цепи

(аш-шари' фи силк вахид), вопреки всем упорствующим в неверии, — пусть себе рассказывают, если рассказывали, и публикуют, если публиковали, — то и этого было бы достаточно для самовосхваления гордящегося, для вклада [в науку] сберегателя, было бы честью для слушателя и величием для рассказчика вместе с прижизненной славой, которую он приобретает в этом мире, и многими наградами, которые он получает в загробной жизни, и вхождением в эмпирей в обществе тех пророков, правдивцев, мучеников и праведников, кого облагодетельствовал Аллах! Помог нам Всевышний Создатель получить Его благосклонность и путь паломничества к Его святым угодникам (аулийа').

Когда я прибыл в большой город аш-Шаш, возвращаясь из страны Китая (ас-Син) со столицей в Пекине (Баджин), в середине 1337 г. хиджры/начало 1919 г., да будет над ее зачинателем²² наилучшее благословение и пожелания, ко мне поспешла группа, как я упомянул выше, чтобы передавать хадисы по цепи достойных ученых, стремясь удостоиться этой чести и получить эту награду. И после того как прочел тот, кто прочел, и выслушал тот, кто выслушал, и попросил позволения тот из них, кто попросил, я дал разрешение (иджаза) и позволил (изн) им по этой благословенной цепи (санад мубарак) передавать «ал-Джами' ас-сахих», на чтении которого они присутствовали у меня, желая распространять удивительные науки шари'ата и возрождать их в таких сообщениях. И не секрет, что эта цепь (санад) — одна из отличительных особенностей уммы Мухаммада, ведь какую другую общину ни возьми, ряд передатчиков (санад) ее традиции прерван, а звенья цепи, восходящей к ее Пророку, разорваны, и только эта умма, к которой проявлено милосердие, сохранила цепь, связующую ее с Пророком, да благословит его Аллах и приветствует, прочными узами, неразрывными и нерушимыми на вечные времена, если Всевышнему будет угодно! Это милость и щедрость Его, Всевышнего, которые Он пролил на мусульман. И это упоминание благословенной цепи передатчиков хадисов (зикр ас-санад ал-мубарак) соединило с нами цепь (санад) «ал-Джами' ас-сахих» Абу 'Абдаллаха Мухаммада ибн Исма'ила ал-Бухари, да будет доволен им Аллах, со слов ряда 'улама' Индии, Ирака, Сирии, Хиджаза, Йемена в передаче многочисленных линий, не совпадающих между собой по своему изложению, длине и краткости из-за множества передатчиков хадисов (риджал ал-иснад), непродолжительности их века и немногочисленности тех из них, кто прожил долгую жизнь. И нет у меня в данное

²² То есть над Пророком, начавшем хиджру.

время из тех благословенных цепей (асанид) других передатчиков, кроме цепи хиджазских и сирийских (передатчиков), являющейся, как я полагаю, высочайшей цепью передатчиков хадисов, которую называют «цепью долгожителей».

И тот, кто возвестил мне о сборнике «ал-Джами' ас-сахих», прочитав его впервые и дав разрешение на все остальное, был человек, принадлежавший к знатному арабскому роду, чистокровный и старейший (му'аммар) мухаддис из Медины — «Дома хиджры Пророка», саййид шайх Фалих ибн Мухаммад аз-Захири ал-Мадани ал-Бадави, да помилует его Аллах! Было это в 1324/1906—07 г., в дни моего возвращения из хаджжа и прибытия в добром здравии к самому благоуханному жителю Медины, да будет над ним мир и благословение, в начале месяца мухаррам/феврале-марте 1906 г. И я удостоился чести посетить мухаддиса в его доме. Он уже был разбит параличом, плохо видел и поэтому оставался дома. Родился он в [1]255/1839—40 г., а умер в 1328/1910—11 г. в благородном возрасте 73 лет. Он дал мне разрешение на все передаваемое им (марвийат мин ал-манкул) и отдал мне свое подтверждение [их достоверности].

И он сказал, да помилует его Аллах: «ал-Джами' ас-сахих» Абу 'Абдаллаха ал-Бухари мне передал шайх ал-ислам ва-л-муслимин Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн 'Али ас-Сануси аш-Шариф ал-Хаттаби аш-Шалфи, один из долгожителей, тот — от долгожителя (му'аммар) ал-Мазаруни, со слов старейшего Ибрахима ал-Курани, со слов старейшего 'Абдаллаха ал-Лахури ал-Хинди, а затем ал-Мадани, со слов старейшего Кутб ад-дина ан-Нахравани, со слов старейшего Абу-л-Футуха ат-Тавуси, со слов старейшего Баба Йусуфа ал-Харави, прожившего триста лет, со слов старейшего Мухаммада ибн Шадбахта ал-Фаргани, жившего сто сорок лет, со слов Абу Лукмана Йахья ибн 'Имада ал-Хутталани, жившего сто сорок пять лет, со слов старейшего Мухаммада ибн Йусуфа ибн Маттара ибн Бишра ал-Фирабри, бывшего родом из деревни Фирабр в окрестностях Бухары, со слов имам ад-дунья ва-д-дин ва-хужжкат Аллах 'ала-л-'аламин²³, повелителя правоверных в хадисе — Абу 'Абдаллаха Мухаммада ибн Исма'ила ибн Ибрахима ибн ал-Мутира ибн Бардазбиха ал-Бухари ал-Джу'фи, под покровительством Духа Аллаха, его духа и света его усыпальницы и могилы. Он говорил: «Рассказал нам ал-Хумайди, а он говорил: «Рассказал нам Суфьян», и он говорил: «Рассказал нам Йахья ибн Са'ид ал-Ансари», и он говорил: «Сообщил мне Мухаммад ибн Ибрахим ат-

²³ Мир и религия, доказательство Аллаха для миров.

Тайми о том, что он слышал, как 'Алкама ибн Ваккас ал-Лайси говорил, что он слышал, как 'Умар ибн ал-Хаттаб, да будет доволен им Аллах, говорил с минбара, что он слышал, как Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Истинно, поступки — в намерениях. И подлинно, у каждого человека есть цель, и тот, чья хиджра — к тому, что достигается в мирской жизни, или к женщине, чтобы жениться на ней, переселяется туда, куда он стремился». Это хадис.

И таким образом [излагаются] все остальные опоры (асанид) книги.

Известно, что эта наука восходит к Посланнику Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, и это было вдохновение (вахй), полученное им от Господа миров. Сказал Всевышний: «Как говорят о любви (хава), это не что иное, как вдохновение (вахй), открывающее чудесное знамение (айа); это то, чему следует дать свободу». Истинно, я завещаю всем братьям, передающим это знание от меня, не забывать меня в добрых призывах и ставлю для них условием те уважаемые требования, которые предъявлялись имамами этой науки обучающимся ей и ее носителям, то есть точность, уверенность, осмотрительность в повествовании, правдивость, воздержание от лжи и обмана в нем²⁴ и во всем остальном, скромность, благоразумие, добрый характер, снисходительность, щедрость, великодушие, терпимость к нравам людей, общительность, терпение, прилежание в дисциплине и [выполнении] обязанностей мусульманской общины, боязнь перед Аллахом в душе и на людях, соблюдение мусульманского шари'ата, распространение религии и сообщение этой науки всем людям, усердие и старание в возрождении ее особенностей и в обучении бесплатно, ради Щедрого Аллаха, стремясь к Его великой награде, воздержанность в мирской жизни и интерес к иному миру, обеспокоенность тем, в чем есть смысл, а не тем, в чем его нет, подражание характеру благороднейшего Посланника, да благословит его Аллах и приветствует, и следование его примеру, а также убеждениям предшественников и преемников, возвеличивание этой науки и ее деятелей, почитание старших и милость к младшим, сострадание к творениям Аллаха и чистота намерений, в которой [сокрыт] стержень дел человеческих, целей и начинаний.

Часть (фасл) первая

О завершении изучения «ал-Джами' ас-сахих» и празднестве [по этому поводу]. О страстном увлечении знатоков хадиса и учащихся, стремящихся к повествованию и слушанию хадисов. Об их сердечной привязан-

²⁴ В повествовании, в изложении хадисов.

ности к верному Законодателю (шари' амин), да благословит его Аллах и приветствует, их тленности (фана') и соединении (тавадждуд) с Его ослепительной и ясной красотой, а также о том смятении, безрассудстве, плаче, безумной любви, порыве и упоении, которыми охвачены влюбленные в эту красоту и которым нет повторения ни в одном другом восторге и нет подобия ни в одной другой любви, — это и надлежит [пережить] им и каждому верующему в Единого Бога, так как Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, есть крепчайшая связь и сильнейшие узы, и тот, кто будет крепко держаться их, спасется и взойдет до высочайших ступеней. И во славу опьяняющей любви! В этой части [касиды] 89 байтов.

Часть вторая

О высоком положении «ал-Джами' ас-сахих», согласно мнению знатоков уммы, и ее предшествовании после Корана всем книгам, составленным (кутуб мусаннафа) по этой науке, осуществленным с мастерством и творческим совершенством. О восхвалении [этой книги] и разъяснении того, что она является твердой защитой для ее владельца, читателя и приверженца перед всеми мирскими и загробными страхами и тревогами, и о том, что в ней — правильный путь, безопасность, избавление от адского огня и спасение благосклонностью Милосердного!.. И прочее, что касается этой темы. В этой части 66 байтов.

Расшифровка некоторых неясных стихов этой части (фасл)

Говорится: ала 'ан каза, без удвоения согласной [в глаголе ала]. Это то же, что йа'лу иза касара, то есть «он проявляет небрежность, когда не в состоянии [сделать это]»²⁵.

И лам ал джахдан означает то же, что лам укассир, то есть «я не жалел сил, делал все возможное»²⁶.

И ал-хисбан по форме шихбан. Это масдар, отлагольное имя, как ал-хисаб²⁷.

И ал-майн, по форме «'айн», означает «ложь» (ал-киэб). Ман — йамин майнан — хува ма'ин²⁸.

²⁵ Ала 'ан каза — «он делал это небрежно», «он не радел об этом». Ала = касар — «делать небрежно», «делать упущение», «не радеть о деле». Касар также — «быть неспособным», «быть не в состоянии».

²⁶ Лам ал = лам укассир. См. также прим. 24.

²⁷ Ал-хисбан — «расчет», «предположение». Ал-хисаб — «исчисление», «расчет».

²⁸ Ал-майн — «ложь». Ман — йамин майнан — хува ма'ин: «он лгал — он лжет — он лжец».

*Аз-забих*²⁹ — это Исма'ил или Исхак, да будет над ними мир, и в этом — известное противоречие³⁰.

Ал-кулум и *ал-джурух* — и то и другое означает «ранения».

Ат-табаджжус — то же, что *ат-тафаджжур*, то есть «извержение, фонтанирование».

Ал-'ава'ид — «вознаграждения», дары, повторяющиеся раз за разом (*ал-'атайа ал-мукаррара*).

'Уман — без удвоения согласной — это *нахийя*³¹ и город на Аравийском полуострове, расположенные на побережье Персидского залива, где добывают жемчуг. В упомянутом городе ведется торговля жемчугом, и оттуда он доставляется в другие страны и города. И в выражении *мин дунихим 'Уман*³² предположительно опущено слово, определяемое родительным падежом (*мудаф*), а на его месте стоит определение (*мудаф илайх*)³³, и основанием в нем является *бахр 'Уман*³⁴.

Муса — это Муса ибн 'Имран, да будет над ним благословение и привет!

*Ал-Фуркан*³⁵ — здесь: Тора (*ат-Таурат*).

Ибн Матта — это Йунус, да будет над ним мир! Матта — его отец³⁶.

А тот, кто был царем рода человеческого и кому повиновались дикие звери, птицы и *джинны*, — это Сулайман ибн Давуд, да будет над ними мир!

Джиннан — с удвоенной согласной — это множественное число для *джинн*³⁷.

Тот, в чьей ладони гнулось железо (*лан ал-хадид би-каффих*), — это Давуд, да будет над ним мир!

Ибн Марйам — это Иисус Христос (*ал-Масих 'Иса*), Дух и Слово Аллаха, да будет над ним мир!

²⁹ *Аз-забих* — «жертва», «жертвоприношение».

³⁰ Согласно поздней мусульманской традиции, пророк Исма'ил был объектом упоминаемого в Коране «жертвоприношения Ибрахима» (37: 99–109), тогда как более ранние комментаторы считали, что это был другой сын Ибрахима — Исхак.

³¹ *Нахийя* — «волость», «район».

³² *Мин дунихим 'Уман* — «под ними (кроме них) — 'Уман».

³³ *Мудаф* — первый член *изафета* (*status constructus*), *мудаф илайх* — или второй член *изафета*.

³⁴ *Бахр 'Уман* — «море 'Уман», то есть Аравийское море, расположенное между Аравийским полуостровом, Ираном, Пакистаном и Индией.

³⁵ *Ал-Фуркан* — Священное Писание.

³⁶ Йунус — Иона, Матта — Матфей (библ.).

³⁷ *Джинн* — «дух», «джинн».

'Азар — и говорят еще: 'Азар и 'Айзар — это человек, которого Христос оживил после его смерти, когда от него потребовали чуда (му'джииза) в подтверждение его пророчества.

Ал-'Азра'³⁸ — это Марйам бинт 'Имран, да будет над ними мир!

Сум'ан — это один из апостолов, которые передавали Евангелие.

Байт Нух — известный корабль, Ноев ковчег.

Тур Сина'³⁹ и Ливан — две известные горы на Святой земле, в Палестине.

Ал-арй — с фатхой и без удвоения согласной означает «мед» ('асал).

Буран — дочь ал-Хасана ибн Вахба, жена ал-Ма'муна, которая была умнейшей женщиной своего времени.

Ал-хидрим⁴⁰ — с касрой после первой [согласной] — «море».

Ал-'атик⁴¹ — «девственница (бикр), которая никогда не была пленена» (лам йака' 'алайха сиба').

Така'ка' — «противники рассеялись [в страхе]» (ал-акран тафарраку)⁴².

Риббан — с касрой после первой [согласной] — «кормчий» (ра'ис ас-сафина), то есть «капитан судна» (ал-кубтан).

Зу-л-Факар — это меч Посланника, да благословит его Аллах и приветствует, переданный [Пророком] 'Али ал-Муртада. Первоначально меч принадлежал Набиху ибн ал-Хадждаджу ал-Джумахи, а Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, получил его в битве при Бадре.

Сайф 'Амр — знаменитый несгибаемый меч (ас-самсама). 'Амр — тот самый 'Амр ибн Ма'дикариб аз-Забиди⁴³, Рустам арабов. Рустам же — Рустам Второй, возглавлявший персидское войско в битве при ал-Кадисийи⁴⁴.

Такамис — то же, что тасиб, то есть «она скачет, бежит галопом».

Аз-Зубайр — это Ибн ал-'Авам⁴⁵, последователь (хавари) Посланника, да благословит его Аллах и приветствует, и его прославленный герой (фарис).

³⁸ 'Азра' — «дева».

³⁹ Тур Сина' — Синайская гора.

⁴⁰ Хиарим, мн. хазарим: 1) «обильный, щедрый»; 2) «колодец с большим количеством воды; море».

⁴¹ Ал-'атик — «молодая девушка».

⁴² Така'ка' = тафаррака — «рассеиваться, расходиться в разные стороны».

⁴³ 'Амр ибн Ма'дикариб аз-Забиди (ум. в 641 г.), джахилийский поэт-«рыцарь» из йеменского племени.

⁴⁴ Йаум ал-Кадисийа (14/635 г.) — битва, в которой персы были разгромлены арабами-мусульманами под руководством Са'да ибн Абн Ваккаса.

⁴⁵ Аз-Зубайр ибн ал-'Авам (ум. в 36/656 г.) — сподвижник Мухаммада.

Йасир — брат Мархаб ал-Йахуди, царя Хайбара⁴⁶.

Ал-'азб — «острый меч» (сайф кати').

Ал-афал — то, в чем есть отверстия и вмятины вследствие множества [нанесенных] ударов.

Аз-зу'фан — смертельный яд, как *аз-зу'аф* и *аз-эн'фан*.

Бистам — Бистам ибн Кайс⁴⁷, прославленный герой.

Шайбан — одно племя из союза племен Бакра ибн Ва'ила, а *Ва'ил* — это Кулайб ибн Раби'а⁴⁸, возглавивший [племена] Ма'адд⁴⁹ в битве Хаз-зав и ас-Салан.

Ал-Ка'ка' — Ибн 'Амр ат-Тамими, один из доблестных героев ислама.

Ибн Зайд — Раби'а ибн Зайд ал-Мукаддам, прославленный арабский герой.

Фарис ал-Йахмум — Хассан ат-Та'и, а *ал-Йахмум* — его конь⁵⁰.

'Амир ибн аз-Зарб — ал-'Удвани, один из арабских правителей и старейшин (му'аммар), первый, кто свидетельствовал (кал ал-баййина) против обвиняемого [на суде] и дал присягу (ал-йамин) против того, кто отрицал показания.

'Амир ад-Духйан — первый из тех [лидеров], вокруг которых объединились арабы до ислама. Их было четверо: Кулайб ибн Раби'а, его отец — Раби'а, 'Амир ибн аз-Зарб и 'Амир ад-Духйан. Арабы не объединялись вокруг кого бы то ни было другого до возникновения ислама, когда они сплотились вокруг Посланника, да благословит его Аллах и приветствует!

'Урва — Ибн ал-Вард ал-'Абси⁵¹, прозванный «Связью разбойников» ('урват ас-са'алик).

⁴⁶ Хайбар — оазис в Хиджазе, населенный иудейскими племенами и завоеванный мусульманами в 628 г.

⁴⁷ Бистам ибн Кайс (ум. ок. 612 г.), джахилийский герой.

⁴⁸ Бакр ибн Ва'ил — арабское племя из рода Раби'а, вступившее в войну ал-Басуса («война из-за верблюдицы Басусы») с сестринским племенем Таглиб. Ва'ил, или Кулайб ибн Раби'а (440 — ок. 492 г.), из племени Бану Раби'а, разжегший войну ал-Басуса между племенами Таглиб и Бакр. Он же погиб в этой войне первым и был оплакан своим братом, поэтом 'Ади ибн Раби'а по прозвищу ал-Мухалхил (ум. в 531 г.), который призвал соплеменников к мести.

⁴⁹ Ма'адд ибн 'Аднан — родоначальник северных арабских племен (то есть Бану Ма'адд, или 'аднанских арабских племен), в том числе Раби'а (через племя Низар).

⁵⁰ *Фарис ал-Йахмум* — «всадник Йахмума». *Йахмум* — «чернота, сажа».

⁵¹ 'Урва ибн ал-Вард — один из известных поэтов 'аднанского племени ал-'Абс.

Хаджиб и *Ма'бад* — сыновья *Зура* ат-Тамими.

Хамза — это *Ибн 'Абд ал-Мутталиб*, дядя Посланника, да благословит его Аллах и приветствует, лев ислама.

Хизан, *Ма'кил ал-Хаджжал*, *'Амр ал-Кина*, *ал-Баррак* ибн *Рухан* и *Рухан* — известные герои и рыцари.

Йаум Зи-Кар — битва [в местности *Зу-Кар*], в которой доисламские арабы впервые потребовали справедливости от персов. Ее вело племя *Бакр* против персов. *Бакр* — племя из рода *Раби'а*⁵².

Бану-а-л-Ахрар — персы.

Ибн Кайс — *Бистам* ибн *Кайс* ибн *Мас'уд*⁵³.

Ан-навахик — то же, что *ал-хамир*, то есть «ослы»⁵⁴.

Кисрай ал-мулук — прославленный *Ануширван*.

Ал-Иван — *Ивана*, известный дворец⁵⁵.

Ат-тарса' — то же, что *зулма* — «темнота, мрак».

Ал-балабил — то же, что *гумум* и *ал-ахзан*, то есть разнье «тревоги и печали».

Ас-субур — то же, что *халал* — «гибель».

Ал-'урбан ва ал-'уджман — собирательные [существительные] «арабы и неарабы».

Са'д ал-Мансур — *Са'д* ибн *Аби Ваккас*⁵⁶, один из десяти сподвижников, которым обещан рай (*ал-'ашара ал-мубашшира*), исламский военачальник, завоеватель страны персов.

Ал-антал (собирательное) — то же, что *натин*, то есть *мунтин* — «зловонный». Под тем и другим подразумеваются персы и маги, да отдалит их Аллах!

Фарис ан-наджжам — *Сулайк* ибн *Сулка*⁵⁷, один из прославленных бегунов.

Зайд ал-Кина — прославленный герой (*фарис*), напавший на знаменитого героя *Ибн Бадр* ал-Фазари.

⁵² *Зу Кар* — провинция на юге Ирака. В сражении в *Зу Кар* племя *Бакр* ибн *Ва'ил* нанесло поражение персам.

⁵³ См. выше.

⁵⁴ От *нахика* — «реветь», *ан-нахка* — «рев осла».

⁵⁵ *Иван Кисрай* — «Дворец Хосройа» [*Ануширвана*].

⁵⁶ *Са'д* ибн *Аби Ваккас* (ум. в 55/675 г.) — сподвижник *Мухаммада* и завоеватель, победивший *Рустама* в *ал-Кадисийи*. См. выше.

⁵⁷ *Ас-Сулайк* ибн *ас-Сулка* (ум. ок. 615 г.) — один из поэтов *джахилийской* эпохи, разбойник, убийца, известный бегун.

Харис — Ибн 'Убад⁵⁸ (без удвоения согласной), герой.

Ан-На'ама — один из предводителей (племени) Раби'а, то есть ал-Харис ибн Залим ал-Мурри⁵⁹, известный герой.

'Амир — Ибн ат-Туфайл ал-'Амири⁶⁰, один из четырех рыцарей (ал-фурсан ал-арба'а).

Халид — Ибн ал-Валид ал-Махзуми⁶¹, один из знаменитых героев ислама.

Касим — ал-амир Абу Дулаф ал-'Иджли⁶², один из великодушных амиров ислама, выдающихся героев и поэтов.

Зал — отец Рустама ибн Зала⁶³, известного персидского героя.

Туган — Рустам тюрок и монголов, их древний герой и один из знаменитых отважных людей и неустрашимых храбрецов. Он имеет для них такое же значение, как Рустам для персов.

'Ауф — Ибн Мухалим аш-Шайбани, про которого говорят: «Нет ни одной канавы в долине 'Ауф» (ла хурра би-вади 'Ауф)⁶⁴.

Зайд — Ибн Мухалкил ан-Набхани, знаменитый герой, про которого говорят: «Зайд-скакун» (Зайд ал-хайл)⁶⁵. Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, назвал его «Зайд-добряк» (Зайд ал-хайр).

'Утайба — Ибн ал-Харис ибн Шихаб ал-'Арбу'и, один из четырех арабских героев.

Ибн Вадд — он же 'Амр ибн Вадд, курайшитский герой времен джахилии. О нем говорят: «Рыцарь, Йалял, убитый 'Али в битве ал-Хандак» (фарис Йалял⁶⁶ каталах 'Али йаум ал-Хандак).

Фанд, Ка'наб, Захдам и Дамдам — известные герои.

Ка'б — Ибн Мама ал-Ййади⁶⁷.

⁵⁸ Харис ибн Убад (ум. ок. 570 г.) — один из предводителей племени Раби'а, джахилийский поэт, бывший свидетелем войны ал-Басусы.

⁵⁹ Ан-на'ама — «страус». Ал-Харис ибн Залим (ум. ок. 600 г.), один из саййидов племени Гатафан, знаменитый убийца.

⁶⁰ 'Амир ибн ат-Туфайл (ок. 555—635) — джахилийский поэт и герой.

⁶¹ Халид ибн ал-Валид (ум. в 21/642 г.) — сподвижник Мухаммада, руководил мусульманскими войсками при завоевании Персии и Сирии.

⁶² Абу Дулаф ал-'Иджли, или ал-Касим ибн 'Иса (ум. в 226/840 г.) — 'аббасидский амир, адиб, поэт, автор сочинения «Сийасат ал-мулук».

⁶³ То есть герой «Шах-наме» Фирдоуси, отец Рустама.

⁶⁴ Хурр — «канва, борсада» (ма хаддах сайл мин ал-ард). 'Ауф — «пустырь» (сахл).

⁶⁵ Зайд ал-Хайл (ум. в 630 г.) — поэт из южного арабского племени Таййи', получивший это имя из-за того, что имел много коней.

⁶⁶ Алял (IV порода глагола) — йула — «вступать в ночь» (= дахал фи-л-лайл).

⁶⁷ Ка'б ибн Мама ал-Ййади — благородный герой джахилийской эпохи, образец великодушия.

Часть третья

О восхвалении гордости *уммы*, главы имамов, повелителя правоверных в *хадисе* — Абу 'Абдаллаха Мухаммада ибн Исма'ила ибн Ибрахима ибн ал-Мугира ибн Бардазбиха ал-Бухари ал-Джу'фи, света Аллаха и его усыпальницы, и о прославлении его родины, Бухары — «Купола ислама». Упоминание о Самарканде, Хартанге и светлом месте его⁶⁸ успокоения, являющемся одним из райских лугов, и прочем, что связано с этой страной, а также о тех благодатных духовных знаниях, что привили нам два этих великих учителя (ал-Бухари и Муслим ан-Нисабури). В этой части 63 байта.

Часть четвертая

Во славу нескольких шайхов имама ал-Бухари, да помилует его Аллах, и в похвалу им, а также об очевидности того, что они сами и им подобные — это месяцы, светочи, твердыни и предводители для мусульман. И о том, что источник (санад) и цепь передатчиков (силсила) этой науки восходят к благороднейшему Законодателю (шари' акрам), да благословит его Аллах и приветствует, и к верному Духу (рух амин)⁶⁹ и Господу миров, велико Его поминание! И о том, что принесен пророки из законов, ниспосланных в откровении, в которых нет места для пропасти [сомнений], а также о том, что они и другие люди находятся в неведении о сокровенном, кроме того, чему научил их Аллах Всевышний, и каждый, кто потребует знания об этом от астролога, прорицателя, предсказателя, гадателя на песке и подобных нечестивцев (кафара), заслуживает вечного пребывания в огне. В этой части 60 байтов.

Часть пятая

Во славу единогласного решения (иджма') [имамов по вопросу] о предпочтении «ал-Джами' ас-сахих» и ее предшествовании после Корана всем книгам и об угрозах тем, кто отрицает это или сомневается в этом. Об очевидности побуждения к неотступному следованию Корану и исполнению [предписаний] Книги и Сунны, и о том, что эта полезная наука в мусульманских и немусульманских странах (фи-д-дарайн) есть не что иное, как знание религии. И вместе с тем о прославлении науки и 'улама', о необходимости их почитания и обращения к ним в важных и чрезвычайно серьезных делах (мудлахимат), о нескольких имамах религии, заложивших для нас правила и разъяснивших пути [веры], а также о некоторых шайхах ал-Бухари и прочем, что касается этой темы. В этой части 54 байта.

⁶⁸ Ал-Бухари.

⁶⁹ То есть архангел Джабра'ил.

Часть шестая

О необходимости внимательного отношения к делам религии и следования предписаниям мусульманского шариа́та. Разъяснение того, что всякое несчастье, не относящееся к вере, проходит и забывается с течением дней и ночей и любой надлом можно починить и исправить, если он не произошел в ней⁷⁰. О мудрости и наставлениях, которые непременно следует изучать и брать себе в пример. Разъяснение того, что, словом, «человек — это баня, саван и кладбище», что могущество притеснителей (залимун) чревато пагубными последствиями, и человек должен спешить к своему спасению от огня, и прочее, что касается этой темы. В этой части 108 байтов.

Часть седьмая

О некоторых предшествующих прославленных царях и амирах, которым сопутствовала удача, об их роскоши, беззаботности, увлечении проходящими благами и прельщении мирским изобилием и о тех несчастьях, которыми завершилось их состояние. О прошедших народах, событиях, преданиях древности и о неизбежной кончине. И разъяснение того, к чему должен готовиться разумный человек перед своей дорогой в иной мир, являющийся путешествием, из которого нет возврата в эту запятнанную грязью обитель, и прочее, касающееся этой темы. В этой части 60 байтов.

Часть восьмая

О смерти и вновь о ее переполненных кубках, о днях и дежниях, о судьбе, ее изменчивости и поглощении ее детей жизнью на этом свете, об их грызне за ее проходящие блага, что подобно совершенно смертных грехов, о том, что они занимаются накоплением богатств, зная о быстротечности своего пребывания в этом мире и скором отбытии из него, и что путь в иной мир труднопроходим и опасен, так что все бесполезно в нем, кроме добрых дел. И разъяснение широты милосердия Аллаха Всевышнего, а также прочее, касающееся этой темы. В этой части 50 байтов.

Часть девятая

О завершении чтения «ал-Джами' ас-сахих» и обнаружении — слава Аллаху Всевышнему! — успешного исполнения *Сунны* на этой земле. И о тех стараниях и усилиях, что щедро растрчивал этот раб божий для того, чтобы раскрыть таящиеся в его строках смыслы и значения, подобные перепол-

⁷⁰ То есть в вере, религии.

ненному морю, во времена натиска треволений и потрясений, всполошивших и взбудораживших [мир], которые охватили эти земли в дни открытия и завершения [изучения «ал-Джами' ас-сахих»] и продолжаются до сих пор. И прочее, что касается этой темы. В этой части 56 байтов.

Часть десятая

О достоинствах описаний, заключающихся в этой *касида*, возбуждении интереса и побуждении к ее изложению с напевной декламацией. И, кроме того, о смирении и спасении этого раба Божьего на земле и небе во всех его прегрешениях и его исправлении благодаря пролитому дождю Его праведности и ливню Его могущества. Эта часть *касиды*, заключение которой благоухает мускусом, завершилось восхваленнем благороднейшего Посланника, да благословит его Аллах и приветствует, и просьбами к Аллаху, всемогущ Он и славен своими писаниями, пророками и остальными искренними рабами Божьими, а также тем, что содержит в себе «ал-Джами' ас-сахих» и другие хадисы этого величайшего Господина, да благословит его Аллах и приветствует! И прочее, что касается этой темы. В этой части 68 байтов.

Говорит сей раб Божий:

«Завершилась, с помощью и с согласия Аллаха Всевышнего, эта благословенная *касида*. В ней 621 байт. И она, как видно, с содержащимися в ней беседами (ма' таджазуб атрафиха) и охватом (тарами акнафиха), богата смыслом, послушна (силсилат ал-кийад), стройна и заключает в себе незнакомые стили и новое, удивительное разнообразие, блестящие выражения и превосходные намеки, драгоценные зерна мудрости и нравственности (адаб), наставления, пробуждающие слух и разум, а также прочие желанные цели и темы. Я думаю, что никто до меня еще не соткал ничего подобного этой *касида*, и никто, занимающийся этим искусством, не имел счастья увидеть что-либо подобное. Это очевидно, как огонь на вершине горы, и молния, сверкающая и улыбающаяся в густом мраке. И я, счастливый, благодарю Его, Всевышнего, за достижение этой надежности и жажду, чтобы одно из моих добрых дел стало гарантией уменьшения моего бремени и помогло очиститься от моих прегрешений, превосходящих числом звезды в небе, песок в 'Алидже и камни в пустыне ад-Дахна'. Вместе с тем я знаю, что щедрота Аллаха Всевышнего не основывается на совершении добрых дел тайне или сочинении байтов. И это Всевышний наказывает ничтожного и прощает великого. [Это одно] из наших высказываний в этом смысле».

Вот в чем убеждает нас хадис, который мы передавали, — это высказывание [Посланника], да благословит его Аллах и приветствует, о том, что

никогда не войдет в рай кто-либо, прилагающий для этого старания. Спросили: «А ты, о Посланник Аллаха?» — и он сказал: «Даже я, если только Аллах не будет ко мне милосерден из своего сострадания». Этот хадис передал Муслим. И это на самом деле так.

Однако средства [к жизни] (асбаб) для того, кто раскидывает умом и размышляет, не остаются неопределенными, и мы просим Его, Всевышнего, чтобы Он дал нам средства по нашим потребностям и объединил нас всех с любимыми.

И еще придает этой бесподобной касиде красоту то, что она открывается и завершается поминанием (зикр) Всевышнего и восхвалением его благороднейшего Друга и Посланника, да благословит его Аллах и приветствует!

Да будет известно, что дата ее сочинения понятна из моих слов: *йугфар ли биха*⁷¹ с глаголом в страдательном залоге. Отсюда становится известной дата завершения изучения книги⁷².

Редактирование *касиды* совпало с началом написания этого комментария к ней под названием «ал-Джумал ал-муфида».

Высказывание рассказчика: *йугфар лак*⁷³ — это дата проведения второй торжественной церемонии.

Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха! Редактирование этой копии было завершено в четверг, 10 запретного месяца зу-л-хиджжа, то есть в священный день принесения жертв *Ид ал-адха* 1340/4 августа 1922 г., рукой самого презренного ученика нашего покровителя (маулана) составителя — 'Абд ал-Кадира ибн Бирди-Мурада ал-Хаббаза ибн Шах-Ни'маталлаха ибн Шах-Рустама ибн Шах-Хасана ибн Шах-Бадал-ахунда Хафиз-кухаки аш-Шаши, да пребудет Аллах с ним и с ними в тягости и в легкости (фи 'уср ва-йуср).

(Перевод А. Аббасовой)

⁷¹ *Йугфар ли биха* — «мне простительно...» или «да простится мне за нее!». Это словосочетание в числовом значении дает дату 1338/1919—20 г.

⁷² «Ал-Джами' ас-сахих».

⁷³ Это словосочетание дает дату 1340/1921—22 г.

РАЗДЕЛ 2. МУХАММАДЖАН ХИНДУСТАНИ

Два трактата о диспутах

Введение

Биография или анализ деятельности Мухаммаджана Рустамова (Дамулла Хиндустанани) в последние годы публиковались неоднократно¹. Как сказано выше (см. предисловие к настоящему изданию), особое внимание исследователей к этой личности вызвано тем, какое место Мухаммаджан Хиндустанани занимал в возрождении нелегального способа конфессионального образования (*худжра*). Интерес к Хиндустанани связан также с признанием его особой роли в формировании такого феномена, как «советский ислам», предполагавшего политическую и идеологическую лояльность или компромисс с атеистическими властями, максимальную адаптацию во имя сохранения возможности передачи религиозных традиций и знаний. Не меньший интерес представляет его роль в тех дискуссиях религиозной среды, в которых он символизировал традиционную локальную богословско-правовую школу.

Большинство исследователей, писавших о Мухаммаджане Хиндустанани, пользовались преимущественно устной информацией о нем, почерпнутой из воспоминаний его бывших учеников и близкого окружения. Однако, как это часто бывает, ученики и почитатели Хиндустанани в силу понятных причин предлагают не всегда корректную (а во многих случаях субъективную) информацию о словах и деяниях своего кумира². В таких случаях, естественно, предпочтительнее обращаться к оригинальному письменному наследию религиозного деятеля, чьи труды пристрастно переосмысливаются не только его почитателями, но и вчерашними оппонентами.

Имея в виду такие обстоятельства, мы включили в настоящее издание два произведения Мухаммаджана Хиндустанани, в которых, на наш взгляд, отражена его позиция обширной (но часто скрытой) дискуссии, проходившей в местной религиозной среде с конца 70-х гг. XX века.

¹ См. основную библиографию в цитированной выше статье Бабаджанов, Муминов, Олкотт. Мухаммаджан Хиндустанани.

² Там же. С. 19.

Оба произведения/послания (рисала) составлены в одно и то же время — примерно к концу 1988 г., то есть перед самой смертью автора (1989). Перед этим Мухаммаджан Хиндустанни пережил два инфаркта и инсульт, что отразилось на его почерке. Уже при первом взгляде заметно, что запись была сделана в постинсультном состоянии (см. прилагаемое факсимиле текстов).

Представляемые послания Хиндустанни написал в обыкновенной ученической тетради советского образца, состоящей из 12 листов (24 стр.). По словам бывшего владельца рукописи 'Абдулатифа-кари, эту тетрадь Хиндустанни он обнаружил на своем столе, и она, как оказалось, была подброшена кем-то из его посетителей³. На ее первой странице каллиграфическим почерком были написаны несколько вопросов на узбекском языке в арабской графике. Именно эти вопросы, по словам учеников Хиндустанни, побудили его приступить к написанию представленных посланий.

Вот эти вопросы:

مازارني زيارت قيلماق اولوكلاركه فاتحه قيلماق قرآن اوقوب اجرت ألماق جاننمو؟
 قرآن نى ميت لاركه ثواب[ى] بارمو؟ قرآن نى معنى سیده ن بى خبر اوقوغانده فأنده
 سى بيمارغه دم سالسه شفا بولورمو؟
 نبى لار ياكه ولى لارنى وسيله قليب الله ده ن حاجت سوراسه بولورمو بران عالم غه
 تعظيم قليب قيام قيلماق درستمو؟

— Уместно ли совершать зийарат (= пилигримаж) мазаров, читать там «Фатиху» над мертвецами и, читая Коран, брать за это маду?

— Воздастся ли чтение Корана мертвым? Есть ли польза от чтения Корана без знания его смысла, когда он читается больным при совершении (обряда) дам салмак⁴?

— Уместно ли обращаться к поддержке пророков или «святых» (вали), чтобы просить у Аллаха удовлетворения просьб? Уместно ли поклоняться какому-либо ученому ('алиму) и стоять перед ним в позе «кийям»⁵?

Однако в представленных посланиях прямых ответов на эти вопросы нет. В действительности Хиндустанни понимал, что за этими вопросами

³ В настоящее время эта тетрадь передана мне 'Абдулатифом-кари и хранится в моем архиве.

⁴ Речь идет о ритуале «рукйа», во время которого читаются определенные суры или айаты Корана. Как считалось, они могут привести к физическому оздоровлению. Об этом ритуале подробнее см.: Бабаджанов, Камилов. Рукйа.

⁵ Поза во время молитвы, при которой голова склонена и руки сложены перед собой. Далее в тексте начало какого-то стиха.

относительно устоявшихся среди местных мусульман ритуалов стоят более обширные проблемы, которые прямо или косвенно ему адресовали оппоненты из поколения «новой волны» 'улама', кто уже находился под влиянием религиозно-политических идей зарубежных реформаторов.

Сформулированные выше вопросы были фактически обвинением в адрес Хиндустани, который, следуя местной традиции, считал названные ритуалы уместными с точки зрения шари'ата. Здесь мы не разбираем действительную уместность (или наоборот) этих и подобных ритуалов среди мусульман нашего региона, равно как и не можем судить — кто больше прав. Разбор таких дискуссий в большинстве случаев просто бессмыслен, так как обе стороны по традиции обращаются к одним и тем же источникам — Корану и Сунне, которые позволяют выносить неодинаковые решения по схожим вопросам. Иными словами, такие споры не могут иметь однозначного разрешения в силу указанных выше особенностей догматической системы в исламе (см. предисловие к настоящему изданию). Тем более что стороны используют разные методы в аргументации собственных решений и позиций, исходящих из личного понимания священных текстов или особенностей своего мазхаба.

Гораздо более важным нам представляется обратить внимание на социальную и отчасти политическую суть предъявляемых Хиндустани претензий, тем более что они не ограничивались названным кругом вопросов по «сомнительным» ритуалам.

В контексте дискуссий и проблем, касающихся «правильных» и «неправильных» ритуалов, в своем первом послании не случайным выглядит обращение Хиндустани к истории ваххабизма. Критику местных «реформаторов» Хиндустани сравнивает с идеями ваххабитов. Следуя определенной традиции, он воспринимает ваххабизм как некое чужеродное явление в исламе («заблуждение», «учение сатаны» и пр.).

Автор пишет о ваххабитах как о раскольниках (*хаваридж*), «которые считают всех мусульман неверными» (с. 2 оригинала). При этом Хиндустани подкрепляет свою мысль цитатой из Корана (18: 103)⁶. К моменту написания произведения ярлык «ваххабий/ваххабит» прочно укрепился в качестве названия движения местных «реформаторов». Поэтому произведение «Об истории ваххабизма» и его фабула имеют явно локальный кон-

⁶ Вот этот аят: «Скажи: "Не сообщить ли мне вам о потерпевших наибольший убыток в делах, — тех, усердие которых заблудилось в жизни ближней, и они думают, что они хорошо делают?"» (пер. И. Ю. Крачковского: Коран / Пер. и комментарии И. Ю. Крачковского. 2-е издание. М., 1986).

текст. В нем ясно показана агрессивность «нового» учения и его лидера, подчеркивается острый конфликт с наставниками и ближайшими родственниками, с остальными членами общины, политические притязания «нового маххаба». То есть те самые реалии, которые к моменту составления послания уже ясно проявились в зарождающемся движении местных «ваххабитов» (или «неоваххабитов»). Особенный акцент Хиндустани делает на крайне агрессивном поведении ваххабитов Саудовской Аравии, подчеркивая демонстративно враждебное отношение их лидера Ибн 'Абд ал-Ваххаба и его последователей к другим членам общины («остальным мусульманам»), даже с призывами убивать своих единоверцев (с. 3).

Акцент на этой стороне в истории возникновения ваххабизма (т. е. конфликте с общиной) имел особый смысл и для автора, и для посвященного читателя⁷, так как здесь тоже очевиден локальный (центральноазиатский) контекст дискуссий с «неоваххабитами», которые сочли местных мусульман «неправильными» либо большинство устоявшихся ритуальных действий характеризовали как отступления от «чистого ислама».

Другое произведение Хиндустани (условно — «*Ответы вносящим недопустимые новшества в религию*») адресовано оппонентам. К ним он обращается в единственном числе, используя местоимение «ты». По информации упомянутых выше учеников Хиндустани, ему было передано анонимное письмо с прямыми претензиями (тоже часто сформулированными в виде риторических вопросов), предъявленными от имени некоего «Благочестивого» (мутадаийин)⁸. Хиндустани, как передавали его ученики, перефразировал это автопрозвище в форме «Мубтади'» (начинающий, новичок, либо как термин «Мубтади'» — «вносящий новшества»)⁹ и написал публикуемые ниже «*Ответы*».

Собственно, вопросы «Благочестивого» (и тех, кого он представлял), очевидно, выглядели как обвинение, граничащее с прямыми оскорблениями. Это видно и по «*Ответам*» Хиндустани, которые содержатся в публикуемом произведении¹⁰. Обвинения носили очень резкий характер. Судя по

⁷ По словам учеников Хиндустани, он рассчитывал на размножение и распространение этого послания среди 'улама' региона.

⁸ Мутадаийин имеет также значение — «верующий, приверженец».

⁹ Мубтади' (мн. число «мубтади'ун») как термин имеет значение «вносящий новшества в религию». Именно это определение Хиндустани мы ввели в условное название его послания.

¹⁰ По нашей информации, Хиндустани демонстративно сжег это письмо после того, как написал свое второе послание («*Ответы*»).

публикуемым «Ответам» Хиндустани, эти обвинения можно разделить на собственно религиозные (догматические) и политические.

Что касается религиозного контекста обвинений, автор (авторы) писем утверждал, что Хиндустани, «*выучив поверхностно Коран от начала до конца ... по-настоящему не уверовал*», и что у него «*отсутствует истинная вера*». Прямые оскорбления «обвинителей» заключали еще более резкие характеристики Хиндустани, которого они сравнивали «*со слепцом, носящим факел, либо с ослом, навьючившим на себя книги*».

Подобные оскорбительные нападки содержали обвинения в излишней терпимости Хиндустани к упомянутым ритуалам, которые, как считали его оппоненты, являются непозволительными новшествами в исламе (*бид'а[т]*) и в резкой форме противоречат Корану и хадисам.

К тому же Хиндустани по местной традиции полагал, что «словесное признание» (икрар би-л-лисан) человека себя мусульманином — достаточное условие считать его таковым. Между тем оппоненты Хиндустани под влиянием упомянутых выше идеологов других регионов исламского мира (см. предисловие к настоящему изданию) полагали, что словесного признания недостаточно¹¹ и что единственное условие считать человека мусульманином — его отношение к предписаниям, строгое исполнение их, то есть образ действия ('амал). Подтверждением этой информации может служить недавно изданный комментарий Корана, автором которого является 'Абдували-кари Мирзаев¹² — один из оппонентов Хиндустани. Автор комментария тоже резко осуждает либеральную позицию в характеристике «мусульманин — немусульманин». Он также в крайне нетерпимых тонах критикует названные «недозволенные» ритуалы и либеральную позицию по отношению к ним местных 'улама'¹³.

Таким образом, обвинения в адрес Хиндустани отражают фактическое различие сторон в методах аргументации «благочестивого» и «неблагочести-

¹¹ Такой строгий религиозный пуризм «неоваххабитов» можно рассматривать и как реакцию на фактическую «атеизацию» общества в советское время. Возникновение такого рода дискуссии в советской Средней Азии естественно, так как, во-первых, существовали ограничения в оправлении предписанных ритуалов. А во-вторых, большинство населения, сохраняя свою религиозную идентификацию, действительно не исполняло ритуальных предписаний.

¹² *Тафсир ул-фуркон*. Биринчи пора. Медина, 2005. Издатель: 'Abd ul-Quddus (сын 'Абдували-кари).

¹³ Там же авторское предисловие (с. 10–17 и др.), а также комментарий айатов 4–10, сурь «ал-Фатиха», айатов 7–10 и далее в суре «ал-Бакара».

вого» либо в обосновании тех или иных решений (положений) по поводу разных прецедентов в жизни общины. Известно, что в теоретических суждениях сложились два течения (подхода), названные «рационалистическим методом» (*ар-ра'й*) и «хадисным методом». В последнем за основу был взят принцип: «В жизни благочестивых мусульман не должно быть того, чего нет в Коране и хадисах»¹⁴. Именно второй метод, то есть исключительная опора на Коран и хадисы в суждениях и заключениях, был избран представителями «неовахабитов». При этом в довольно резкой форме отвергались другие источники права (прежде всего рационалистические)¹⁵, что, естественно, привело к конфликту с 'улама', придерживающимися местных форм ханафизма (например, с Хиндустаном и его последователями).

Нельзя сказать, что местные «реформаторы» («неовахабиты») в совершенстве освоили этот самый «хадисный метод» в вынесении решений с исключительной опорой на Священные тексты, особенно в том виде, в каком он сложился до них. Их «реформаторский» порыв был скорее основан на эмоциях и антисоветской реакции, чем на фундаментальных знаниях прежде всего истории собственной страны и ислама в целом¹⁶. К тому же, как сказано, на сложение их позиций повлияли идеи как модернистов, так и «антимодернистов» других частей исламского мира¹⁷, что стало причиной эклектики и определенной бессистемности их взглядов.

Итак, вековые установки местных «консерваторов» в следования «махабным традициям» стали основным предметом обвинений в их адрес со

¹⁴ О возникновении и сути этого метода см.: Романов М. Г. Парадигма науки о хадисах ('илм/'улум ал-хадис) // Восток-Oriens. № 5. 2005. С. 5–11. Там же основная литература.

¹⁵ И вновь сошлемся на дух и стиль упомянутого тафсира 'Абдували-кари Мирзаева, который почти на каждой странице своего толкования пишет: «Посмотрите, что же в нашей жизни соответствует Корану и хадисам? — Ведь почти ничего!» Сошлемся также на массу религиозной литературы, легально и нелегально выпущенной в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого века и написанной в таком же духе. См., например: Ислам ики ут орасида (Ислам меж двух огней). Аноним. Тошкент: Мовароуннахр, 1989.

¹⁶ Восприятие истории региона и истории ислама в целом в среде «неовахабитов» имеет сакральные формы.

¹⁷ В своих более ранних работах мы придерживались мнения, что говорить о «зарубежном влиянии» на местных «неовахабитов» нет серьезных оснований. Теперь, изучив более значительный круг источников, мы полагаем, что такое влияние было, и оно заметно как в официальной, так и в нелегальной религиозной литературе.

стороны оппонентов, которые полагали, что «игнорирование» Священных текстов и есть источник всех бед мусульман. В ответ они пытались и до сих пор пытаются доказать, что в положениях ханафитского мазхаба Коран и хадисы отнюдь не чужды. Напротив, Священные тексты составили основу правил мазхаба. И это видно в произведении Хиндустанни.

Политический аспект дискуссий тоже отражен в представленных посланиях Хиндустанни, особенно во втором из них. Прокомментируем некоторые подобные места в тексте. Отвечая оппоненту, Хиндустанни пишет: «И еще, в силу своего бесстыдства и неразумности, ты сказал, что следует (за это все) благодарить только государство. Ты считаешь, что это не милость Бога? Разве ты не веришь изречению: "И благодать, и бедствия от Всевышнего Аллаха"? Я столько пережил, что воздаю благодарность (Богу) за нынешние дни».

В этом ответе отражен еще один из аспектов дискуссии Хиндустанни со своими оппонентами. Спор имел очевидный политический контекст. Суть его заключалась в следующем. Либерализация религиозной политики времен М. Горбачева в кругу «консерваторов» воспринималась согласно традициям мусульманской эсхатологии с искренней верой в предначертанность именно такого исхода, как вознаграждение за многолетние гонения на религию и 'улама' во времена Сталина, сменившиеся затем перманентным прессингом и жестким контролем. Между тем оппоненты Хиндустанни в своем упомянутом письме с обвинениями в его адрес полагали, что фактически либерализацию религиозной политики следует воспринимать как результат изменения государственной политики, а не как «волю Бога», и тем более не как результат активности самих верующих. Ответ Хиндустанни, как видно, вполне согласуется с верой в эсхатологические традиции предопределения судеб мира и людей.

По словам его бывших учеников, в своих последних беседах с последователями реформу времен перестройки он комментировал более пространно. Комментарий, как и положено, основывался на предписанных традициях (накли/наклан) и формальной логике ('акли/'аклан). К первой из них Хиндустанни обратился в приведенном отрывке своего послания. Что касается второй традиции, то, согласно информации некоторых его учеников¹⁸, он резонно замечал, что если бы мусульмане за советское время не сохранили своей веры и традиций и если бы все стали безбожниками, то смысла в

¹⁸ Это Мухаммад-Садик-кари (Андижан, Узбекистан), Исма'ил-кари (Коканд, Узбекистан) и др.

реформах религиозной политики просто не было бы. При этом особую роль в верности религиозным традициям он видел в деятельности тех 'улама', кто на свой страх и риск фактически восстановил религиозное обучение, продолжал проводить религиозные проповеди среди населения (амр ал-ма'руф ва-нахй 'ан ал-мункар) и т. п. Такие действия Хиндустаны характеризует как «джихад языка».

Лояльное отношение Хиндустаны к государству¹⁹ — еще одна из претензий к нему со стороны оппонентов, то есть «неоваххабитов». Позиция Хиндустаны в этом вопросе тоже исходит из тех самых традиций, по которым либеральное отношение государства к верующим и отсутствие препятствий в исполнении религиозных ритуалов признаются достаточным основанием, чтобы признать легитимным такое государство, даже если оно управляется «неверными». В качестве символа «справедливого правителя» из неверных Хиндустаны (опять же следуя традиции) обращается к примеру Сасанидского царя Нуширвана, то есть Хосрова I Ануширвана, сына Кубада (531—579). За традиционным примером легко угадывается намек Хиндустаны на современную ситуацию, связанную с либеральным отношением к религии времен М. Горбачева. С другой стороны, в его ответе можно заметить и точку зрения его оппонентов, для которых легитимным правителем может быть только мусульманин, исполняющий религиозные предписания. Здесь мы вновь можем сослаться на упомянутый *тафси́р* 'Абдуваликари, который в этом вопросе занимал достаточно категоричную позицию. То есть, по его представлению, для мусульманской общины легитимен только правитель-мусульманин²⁰.

Таким образом, политический контекст разногласий, основанный на разной оценке отношения к форме правления, довольно открыто проявился уже в то время, то есть перед развалом СССР.

За взаимными обвинениями, сопровождаемыми названиями-ярлыками или самоназваниями дискутирующих сторон («ваххабит», «настоящий» ха-

¹⁹ Это выражено, например, в таких фразах: «...ты обвиняешь меня в том, что я верен государству и в дружеских отношениях с ним ... если я хвалил государство, то, стало быть, сделал правильно! Ведь выше я уже упоминал, что они открыли мечети, которые были у нас отняты и превращены в места пребывания неверных. Господин Посланник Аллаха с гордостью соизволил сказать: «Я родился в эпоху справедливого правителя». Воздавать справедливую хвалу неверному можно» (л. 3^в).

²⁰ См., например, толкование суры «ал-Фатиха» (толкование 3, 7, 8-го айатов), ряд айатов в суре «ал-Бакара».

нафит, «мушрик/многобожник» и пр.), уже проглядывалось взаимное отчуждение, имеющее последствием изолированную самоидентификацию дискутирующих сторон. Это породило довольно бурные обсуждения, выплеснувшиеся далеко за пределы мечетей и среды 'улама'. И значит, конфликт имел социальный контекст. Как следствие, следующим шагом стало вынесение соответствующих проблем в политическую плоскость, что достаточно ясно выразилось в последовавших затем открытых столкновениях с государством²¹.

Некоторые замечания к текстам. Оба сочинения написаны на таджикском (персидском) языке. В текстах автор иногда использует тюркские (узбекские) слова. По рассказам множества его учеников, таков был и стиль его лекций (уроков), во время которых он часто незаметно для себя использовал тюркские слова и обороты, свободно переходя с таджикского на узбекский, и наоборот. В целом стиль изложения довольно прост и приближен к разговорному языку.

Как сказано выше, тексты были написаны в постинсультном состоянии, и поэтому отдельные слова, которые было трудно разобрать, заменены многоточиями. Так как тексты были рассчитаны на круг посвященных читателей, неясные места в них мы сочли необходимым прокомментировать в виде примечаний.

Б. М. Бабаджанов

²¹ См. нашу статью: Islam in Uzbekistan: From the Struggle for «Religious Purity» to Political Activism // Central Asia a Gathering Storm? / B. Rummer (ed.). New-York, London, 2002. P. 299–332.

الشیخ محمد بن رستم الہندستانی

[I]

الحمد لله الذی هدانا لهذا وما كنا لنهتدی لو لا ان هدانا الله والصلوة والسلام علی رسول الله
اما بعد برادران اهل اسلام را معلوم باشد که وهابیه از جهلای عرب در سال 1200 در
شرقی مدینه منوره در کوهستان نجد پیدا شده اند انهارا نسبت داده میشوند به رئیسشان محمد
ابن عبد الوهاب النجدی گمراه که مذهب خوارج دارد این فرقه را وهابی ازین جهت کوفته
میشود که در عقاید باطله قبیحه محمد ابن عبد الوهاب را تابع هستند بیان عقاید آنها را ذکر
کرده میشود این شاء الله تعالی بهد از ان عقاید آنها در اطراف کوهستان نجد مشهور برای
برکسی که موافقت آنها در عقاید ایشان باشد وهابی گفته میشود واین کس در اهل ان قبیله
بنی تمیم ست این شخص در ابتدای کار طلب علم کرده در مدینه منوره آمده بود بعد از مدت
قلیله به مکه مکرمه رفته از علماء آنجا تعلیم گرفت واز پیش شیخ سلیمان الکردی واز شیخ
محمد حیات سندی حنفی اندک مدت کسب علوم نمود واین استادان در نفس محمد ابن عبد
الوهاب الحاد وگمراهی را احساس میکردند ازین جهت که بسیار از اقوال و افعال او وسواوس
شیطانی را مشاهده میکردند واین استاذها محمد ابن عبد الوهاب را بسیار سراویش میکردند
ودیگر هارا از اختلاط او منع میکردند و میگفتند که این عنقریب گمراه میشود وبواسطه این
بسیار جهلا به شقاوت مبتلا میشوند آخر کار همچنان شد فراست این استاذها خطا نکرد پدر او
از علمای صالح بوده فرزند خودرا ملامت میکرد دیگران را از مخالطت او منع میکرد برادر
او سلیمان ابن عبد الوهاب نیز از اعتقادات برادر خود انکار میکرد وبه برادر خود اتفاق
نمیکرد بیکروز به برادر خود محمد گفت که یا محمد ارکان ایمان و اسلام چندست جواب داد
که پنج ست پس سلیمان گفت که تو انرا شش گردانیدی کو چونکه تو اعتقاد میکنی که هر کس
به تو تابع نشود مسلمان نیست وقتیکه دربین دو برادر مناقره شدن گرفت آخر سلیمان ابن
عبد الوهاب ترسیده این محمد مارا میکشد گفته به طرف مدینه منوره رفت از آنجا درید ان
یک رساله نوشته روانه کرد درین رساله بسیار نصیحت نموده لکن فایده نکرد واینچنین
علمای حنبلی در رد او بسیار رساله نوشتند چونکه او خودرا در مذهب حنبلی هستم گفته
شهرت میدارد یکروز یک عالم از او پرسدکه در شب رمضان چند کس را خدای تعالی از
دوزخ آزاد میکند جواب داد که صد هزار کسرا آزاد میکند در یک روایت در آخر شب
رمضان در برابر تمام روزه رمضان آزاد میکند ان عالم گفت که تابعان تو به عشر عشیر ان
غیر ست وحالانکه تو غیر تابعان خودرا مسلم نمیدانی پس آنها کیستند حیران شده جواب داده
توانست محمد ابن عبد الوهاب در سال یک هزار و دو صد و شش هـ وفات یافته وقتیکه اراده
کرد ان عقیده خودرا که همه از وسواوس شیطان بود به خلق ظاهر کرده خلق را گمراه کند
از مدینه منوره رفته به طرف نجد آمده خلق را دعوت میکرد که شرک را ترک کنید وتوحیدرا
اختیار کنید خلق را میفهمانید که همه انسان مشرکند کم کم عقاید خودرا تبلیغ میکرد درین باب
یک رساله هم تصنیف کرد به نام «کشف الشبهات عن خالق الأرض والسماوات» ودرین
رساله جمیع مسلمانهارا کافر کرده در قرآن آیتها که در حق کفار نازل شده باشد در حق اتقیاء
امت تأویل کرده بسیاری از اوباشهای مردم وعوام بادیه نشین خلق تابع شدند خودرا مجتهد
مطلق میدانست اما استاذ او شیخ محمد ابن سلیمان الکردی رد کرده بقول اورا و میگفت این از
خوارج ست چونکه جمیع مسلمانهارا کافر میشمارد از حضرت علی کرم الله وجهه روایت

ست كه آن جناب این آیت را كه قوله تعالی «قُلْ هَلْ نُنَبِّئُكُمْ¹ بِالْأَخْسَرِينَ أَعْمَالًا...» الآية² حمل نمودند در حق خوارج امت كه همه را كافر میگویند و ابتدای ظهور مذهب محمد ابن عبد الوهاب در سنه 1143 بوده و مذهب او شهرت یافته بعد سنه 1150 ه در اطرف مملكت نجد بین داشته امیر قریبه در عیبه به مذهب او تابع شد و امیر در عیبه محمد ابن سعود برای رواج دادن مذهب و هابیه پادم كرد تمام اهل در عیبه را به مذهب و هابیه در آورد و این محمد ابن سعود از قوم مسیلمه الكذاب بوده پس اهل الدرعیه و اطراف آن محمد عبد الوهاب را تابع شده اند و اهل بادیه تمام در مذهب او درآمدند اینها جاهل بودند از امور دین هیچ چیزی نمیدانستند محمد ابن عبد الوهاب به مردم گاهها میگفت كه من شمارا به توحید دعوت میكنم گاهها میگفت كه من شمارا از شرك نگاه میدارم بدین نو دعوت میكنم گفته خلق را فریب میداد و دیگر خلق را مشرك گفته هر كس مشرك را میکشد به جنت داخل میشود گفته بر كشتن مردم ترغیب میكرد این جاهلها محمد ابن عبد الوهاب را مثل پیغمبر میدانستند هیچ کاری را بی امر او نمیكردند هر امری كند محمد ابن سعود بجا میآورد و قتیكه يك مسلم را میکشستند مال او را غنیمت میگریفتند خمس او را محمد ابن سعود را میدادند باقی را بین خود تقسیم میكردند يك قبیله را تابع میگیرد به دیگر قبیله متوجه میشد آخر مملكت اینها وسیع شد لشكر اینها بسیار شد موسم حج رسید این گمراه ها اراده حج كردند در آن وقت امیر مكه المكرمه سعود ابن سعید بود به امیر مكه ایچی فرستاده برای حج رخصت طلب كردند مقصدشان نه فقط حج كردن بود بلكه عقیده باطل خود را به اهل حرمین تبلیغ كردن بود پیشتر سی نفر از علمای خود به حرمین روانه كردند تاكه اینها آمده عقاید آنها را فاسد كردند و اهل حرمین ظهور آنها را بطرف نجد شنیده و لكن³ حقیقت آنها را نمیدانستند و قتیكه اینها بمكه رسیدند امیر مكه شریف مشهور امر كرد كه علماء حرمین با اینها مناظره كند پس مناظره كردند آنچه حجت و هابیهها شنیدند همه آنها خنده آور مسخره كیبیت العنكبوت ضعیف بود دیگر مسلمانها را كافر میكردگی مسئله هارا مشتمل بود⁴ پس علماء حرمین بر بطلان آن براهین قایم كردند اینها از دفع آن عاجز آمدند برای علما حرمین گمراه بودندشان ظاهر شد به امیر معلوم كردند امیر مكه مكرمه به قاضی شرع گفته به كفر آنها فتوی میدهند⁵ تا خلق بدانند بعد از آن امر كرد كه و هابیهها را به حبس كنند پس يك جماعه آنها را گرفته زندان كردند يك جماعه گرتحیه اند به در عیبه رفتند آنچه مشاهده كردند خلق و هابیه را خبر دادند اینها انتظار كردند تا مقصدشان حاصل شود و قتیكه شریف مكه در سنه 1184 وفات كرد برادر آن سعود ابن سعید امیر شد باز و هابیهها برای حج بیت الله رخصت طلب كردند امیر مكه رخصت نداد و هابیهها حیران شدند تا دولت شریف مكه به آخر رسید برادرش احمد ابن سعید شریف مكه شد بعد از آن امیر در عیبه محمد ابن سعود يك جماعه علمای و هابیه را بطرف مكه روانه كرد باز برای حج رخصت طلب میكرد شریف مكه علمای حرمین را فرمود از دین و دیانت اینها آزمایش كنیشان گفته پس سوالات کرده آزمودند در یافته ند كه همه آنها زندق بی دین بودند پس امیر مكه به حج كردن رخصت نداد همه و هابی محروم شده گشته رفتند بعد از چند مدت امارت

1 اصل متنده: نُنبئكم

2 سورة الكهف 103

3 اصل متنده: لكن

4 اصل متنده: بو

5 یاكه بنویسند

مکه را برادرزاده احمد ابن سعید مسرور ابن مساعد تصرف کرد باز وهابها در روز حکومت ابن به حج اذن طلب کردند شریف مکه جواب داد که به شما این به این شرط رخصت میدهم که آن قدر باج و خراجی که از رافضی ها گرفته میشود بما تسلیم میکنید علما ده صد دانه اسپ نغز میدهید وهابها از دادن اینقدر اشیا عاجز آمدند و قتیکه شریف مکه در سنه 1202 وفات یافت برادر او غالب ابن مساعد امیر مکه شد شولودره⁶ در ترکیا سلطان سلیم خلیفه بود شریف مکه به اطراف حجاز حکمران کرده بود باز وهابها به مکه ایلچی فرستاده به⁷ حج رخصت طلب کرد شریف مکه باز رخصت نداد بلکه لشکر جمع کرده به جنگ وهابیه روانه کرد این جنگ در سنه 1205 بود تا سنه 1220 آخر از دفع وهابیه عاجز آمده چونکه وهابها در این مدت بسیار قوت گرفته بودند حتی حرمین و یمن و دیگر جزیره عرب را تصرف کردند چهار طرف قبیله هارا در ملک خود در آوردند کلان سالها بر صغیره هارا رحم نمیکردند قتل میکردند از ظلم اینها هیچ کس خلاص نیافت مردم را از وسیله کردن به انبیا منع میکردند و از زیارت قبور نیز منع کردند و از طرف شام و از طرف مصر به حج میامنگی خلق هارا مانع شدند تا سنه⁸ سنه 1227 دوام درین روز بعد از سلطان سلیمان محمود غازی خلیفه شده برای سلطان محمد علی پادشاه مصر را فرمان داد که لشکر جمع کرده به سر وهابها هجوم کرده آن گمراهان را از حرمین بیرون کند پس سلطان محمد علی لشکر کشیده وهابیهارا زده از حرمین برآورده محمد ابن عبد الوهاب را اسیر کرده به⁹ پیش خلیفه روانه کرد خلیفه این گمراه را به دار آویخته کشت حرمین را از سوت این گمراهان تازه کرد...

اوزبیکچه سوز ایشلاتیلکان. بو مؤلفینک اول اوزبیکچه فکرلاب سونک تاجیکچه کا ترجمه قیلکانین⁶ درک بیرادی. بوندان باشقه بر نیجه اورینلارده هم مؤلف تامانین بی اختیار اوزبیکچه سوزلارنی ایشلاتیش حالتلاری کوز اتیلادی.

اصل متنده: به سوزی توشیب قالگان⁷

اصل متنده بته "سنه" سوزی زیاده یازیلکان⁸

اصل متنده بته "به" سوزی زیاده یازیلکان⁹

رساله گرچه شکلا توگاللانمگان کبی بولسه هم اصلیده نهاییه سوکا بیتگان زیرا رساله دن کوز لانگان¹⁰ مقصد وهابیلک نینگ وجودگا کیلیشی، محمد بن عبد الوهاب و طرفدار لارینینگ حجازده تارقالبشی و نهایت اولار نینگ مغلوبیت گا اوچراب تار - مار قیلینیشی تاریخیی بیان قیلینیش بولگان.

АШ-ШАЙХ МУХАММАД ИБН РУСТАМ АЛ-ХИНДУСТАНИ [История ваххабитов]

Слава Аллаху, Владыке, нашему Путеводителю, который направляет нас. Поистине Ты наш путеводитель! Благословение и приветствия Посланнику Аллаха!

И затем. Да будет известно братьям из мусульман то, что ваххабизм появился в 1200/1785–86 году [хиджры]¹ среди арабских невежд (джу-хала'), обитавших в горах Неджда к востоку от пресветлой Медины. Их эпоним (нисба) появился от имени их заблудшего руководителя Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба ан-Наджди, который исповедовал учение раскольников (мазхаб-и хаваридж). Эту общину (фирка) можно называть «Ваххабийя» по той причине, что они исповедуют гнусное лжеучение заблудшего Ибн 'Абд ал-Ваххаба. Мы расскажем об их убеждениях ('ака'ид), если будет угодно Аллаху. Каждого, кто [живет] вокруг этих знаменитых гор Неджда и кто верен этим убеждениям, следует называть «ваххаби». Этот человек [= Ибн 'Абд ал-Ваххаб] — из [арабского] племени Бани Тамим. Для получения начальных знаний он прибыл в пресветлую Медину. Через некоторое время он перебрался в священную Мекку и учился у тамошних 'улама'. Сначала он немного поучился у шайха Сулаймана ал-Курди и у шайха Мухаммад Хайат-и Синди [ал-]Ханафи. После небольшого срока обучения эти учителя поняли, что в душе Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба появились мерзкие [мысли] и заблуждения, так как в его словах и поведении проявлялись наущения (васвас) сатаны. И эти учителя Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба долго совещались и запретили остальным [своим ученикам] общаться с ним. И они сказали, что в ближайшее время он окажется в заблуждении и из-за него много невежд впадут в бедствие. В конце концов так и произошло, и те учителя не ошиблись.

Его отец был из благочестивых 'улама'. Он порицал своего сына [Ибн 'Абд ал-Ваххаба] и предупреждал остальных детей от общения с ним. Его брат Сулайман ибн 'Абд ал-Ваххаб отвергал учение своего брата и не присоединился к нему. Однажды он спросил своего брата: «Эй, Мухаммад, сколько

¹ 1785–1786 г. Строго говоря, к этому времени Ибн 'Абд ал-Ваххаб уже умер. Здесь и ниже даты, приводимые Хиндустаном, приближительны.

опор (аркан) в вере и в исламе?»: Тот ответил: «Пять». Тогда Сулайман сказал: «Ты же превратил их в шесть [опор], так как ты веришь — если человек не является твоим приверженцем, значит, он — не мусульманин».

В то самое время, когда между двумя братьями шел такой спор, Сулайман ибн 'Абд ал-Ваххаб, испугавшись, подумал: «Этот Мухаммад может убить меня». И он направился в пресветлую Мекку. Оттуда он тотчас же написал и отправил одно письмо [брату]. В нем он изложил множество наставлений [в адрес брата]. Но пользы от этого не было. По той же причине [Ибн 'Абд ал-Ваххабу] отправили множество посланий с опровержениями [его позиции] ханбалитские 'улама', ибо он прославился тем, что заявлял о своей приверженности к этому мазхабу.

Однажды один ученый спросил у него: «Сколько людей Всевышний Бог спасает от ада за [одну] ночь месяца *рамадан*?»². Он ответил: «Будет спасено сто тысяч. [Как] сказано в одной передаче (ривайа), они будут спасены в самый последний день поста на месяц *рамадан*». Тот ученый сказал: «Твоих приверженцев около тысячи³. У других — нет. Между тем ты остальных не признаешь мусульманами. Так кто же ты после этого?». [Ибн 'Абд ал-Ваххаб] поразился и не смог ничего ответить. Мухаммад ибн 'Абд ал-Ваххаб умер в 1206 году хиджры [= 1791—1792].

Однажды он⁴ решил провозгласить людям свое учение, полное наущений сатаны, и ввел он людей в заблуждение. Он отправился из пресветлой Медины в Неджд и стал призывать людей отказаться от многобожия (ширк) и придерживаться единобожия. Он старался убедить людей, что все люди многобожники.

Постепенно он сумел довести свое учение до людей. Он даже написал одно послание, название которого «Кашф аш-шубахат 'ан Халик ал-ард ва-с-самават» («Раскрытие сомнений от Создателя земли и небес»). В этом послании он объявил неверными всех мусульман. Аяты Корана, которые были ниспосланы в отношении неверных, он толковал в отношении [качеств] богобоязненных членов общины. Ему подчинилось множество бродяг и пьяниц. Он выдавал себя за исключительного *муджтахид*, но его учитель Мухаммад ибн Сулайман ал-Курди отверг его и сказал относительно его призывов: «Он из раскольников (хаваридж), ибо считает всех мусульман неверными».

² Имеется в виду богоугодность ночных бдений и молитв в месяц *рамадан*.

³ В тексте написано неясно: '*ашара* 'ишрин. Видимо, здесь допущена ошибка.

⁴ Здесь и ниже под местоимением «он» имеется в виду Ибн 'Абд ал-Ваххаб.

От Хадрат 'Али⁵ — да возвеличится лик его! — осталось такое предание. Этот господин сказал, что слова Всевышнего, изложенные в аяте [Корана]: «Скажи: "Не сообщить ли мне вам о потерпевших наибольший убыток в делах..?"»⁶, приведены по поводу раскольников, которые считают всех мусульман неверными.

Первоначально *мазхаб* Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба стал проявляться в 1143 году хиджры [= 1730—1731] и затем стал известным в округе. После 1150 года хиджры [= 1737—1738] амир селения ад-Дир'ийа из округи государства (мамлакат) Неджд стал последователем *мазхаба* [Ибн 'Абд ал-Ваххаба]. И этот амир селения ад-Дир'ийа, которого звали Мухаммад ибн Са'уд, в целях развития *мазхаба* Ваххабийа ввел в этот *мазхаб* всех жителей селения ад-Дир'ийа. Этот амир Мухаммад ибн Са'уд был из племени Мусайлима ал-Казаба. Через некоторое время все население ад-Дир'ийа и его округи стало приверженцами Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба. Все население окружающей пустыни тоже стало приверженцами его *мазхаба*. Все они были невеждами и не знали ничего из религиозных предписаний.

Мухаммад ибн 'Абд ал-Ваххаб говорил иногда [этим] людям: «Я вас призываю к единобожию (таухид⁷)». А иногда он говорил: «Я своими призывами оберегаю вас от многобожия (ширк)». Говоря так, он одних людей вводил в заблуждение, других объявлял многобожниками. Он говорил, что тот, кто убьет многобожника, войдет в рай. Таким образом, он поощрял убийство людей. И эти невежды воспринимали Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба как пророка и не делали ничего без его приказа. И все, что бы он ни приказал, Мухаммад ибн Са'уд тотчас же исполнял.

Когда они убивали кого-нибудь из мусульман, они сразу захватывали их имущество. Пятуго часть отдавали Мухаммад ибн Са'уду, остальное делили между собой. Подчиняя одно племя, они обращались к другому. В конце концов их государство стало обширным, войска их многочисленными. Пришло время хаджжа. Эти заблудшие решили совершить хаджж. В то время амиром возвеличенной Мекки был Са'уд ибн Са'ид. Они [= вах-

⁵ Имеется в виду четвертый праведный халиф 'Али ибн Абн Талиб (ум. в 661 г.).

⁶ Коран, 18:103 (по переводу И. Ю. Крачковского). В тексте приведена сокращенная форма полной цитаты, которая завершается в следующем, 104-м аяте. Полный текст должен выглядеть так: «Скажи: "Не сообщить ли мне вам о потерпевших наибольший убыток в делах — тех, усердие которых заблудилось в жизни ближней, и они думают, что они хорошо делают?"».

⁷ Учение о единобожии — основа учения Ибн 'Абд ал-Ваххаба.

хабиты] послали в Мекку посланника с требованием разрешения совершить хаджж. Но их целью было не только совершить хаджж, но и распространить свое ложное учение среди населения двух священных городов [Мекки и Медины]. До этого они послали тридцать своих 'улама' в эти два священных города, дабы до их прихода [на хаджж] они развратили их население. Жители двух священных городов слышали о возникновении этого [учения] в округе Неджда, но ничего не знали об их истинных намерениях. Когда эти ['улама'] прибыли в священную Мекку, амир города велел, чтобы 'улама' двух священных городов вступили в диспут с теми 'улама' [из ваххабитов]. После того как они послушали аргументы ваххабитов, они подняли их на смех, доказав слабость их доводов. Вопрос об объявлении мусульман неверными тоже был среди обсуждаемых вопросов.

Затем 'улама' двух священных городов, проявив слабость, не смогли твердо противостоять им. Об этом был уведомлен амир Мекки. Тогда амир сказал кадийю *шари'ата*: «Дайте фетву о том, что они [= ваххабиты] из неверных, дабы народ узнал это». После этого он приказал арестовать ваххабитов. После этого группа людей схватила ваххабитов и бросила в тюрьму. Затем группа людей была послана в ад-Дир'ийю, и они убедились, что тамошний народ предупредил ваххабитов и что те добились здесь своей цели.

После смерти амира Мекки в 1184 году хиджры [= 1770—1771] амиром стал его брат Са'уд ибн Са'ид⁸. Ваххабиты вновь потребовали разрешения совершить хаджж. Амир Мекки разрешения не дал. Ваххабиты пришли в смятение.

Затем правление (этого) владельца Мекки кончилось, а на его место воссел его брат Ахмад ибн Са'ид. После этого амир ад-Дир'ийи Мухаммад ибн Са'уд посылает группу 'улама' из ваххабитов в Мекку, для того чтобы вновь востребовать разрешение на хаджж. Владелец Мекки приказал 'улама' двух священных городов подвергнуть их [= ваххабитов] испытанию и допросам с точки зрения веры, чтобы показать их дуализм (заңдака). После этого [спора] амир Мекки не дал разрешения [ваххабитам] на хаджж и не позволил им вернуться.

Через некоторое время управление Меккой перешло к потомку дяди Ахмада ибн Са'ида — Масруру ибн Муса'иду. В его правление ваххабиты вновь стали просить разрешение совершить хаджж. Владелец Мекки ответил, что даст им разрешение с таким условием, что они выплатят ему налоги, пошлину, которые взимаются с ши'итов (рафиди). 'Улама'

⁸ Возможно, автор перепутал имена амиров Мекки.

(посоветовали)⁹ взять (с них) десять сотен хороших лошадей¹⁰. Ваххабиты не смогли выполнить все эти требования.

После смерти этого правителя Мекки в 1202 году хиджры [= 1787–1788] амиром стал его брат Галиб ибн Муса'ид. В это время в Турции был правителем (халифа) Султан Салим¹¹. Правитель Мекки правил округом Хиджаза. И снова ваххабиты посылают в Мекку своих послов с требованием разрешения на хаджж. И вновь правитель Мекки не дал разрешения на хаджж. Более того, он собрал войска и отправил их воевать с ваххабитами. Но это борьба, продолжавшаяся с 1205 и до 1220 года хиджры [= 1790–1806], не была в состоянии уничтожить ваххабитов, так как к этому времени они обрели значительную силу. Им даже удалось захватить оба священных города, Йемен и другие территории в арабской пустыне. Они включили в состав своего государства племена округи. Старшие не жалели младших, уничтожали их. От гнета ваххабитов никто не мог найти спасения. Людей (лишали) возможности к оправданию, не разрешали почитать пророков, не позволяли совершать посещение могил (известных личностей в исламе; зийарат-и кубур). Приезжающим на хаджж людям из Малой Азии или Египта чинились всякие запреты.

Это положение продолжалось с 1227 [= 1812–1813] года. Тогда халифом вместо Султан Салима стал Султан Махмуд Гази¹². Он отдал приказ правителю Египта Султан Мухаммад-'Али¹³ собрать войска и напасть на этих заблудших, дабы изгнать ваххабитов из двух священных городов. Султан Мухаммад-'Али собрал войска и ударил по ваххабитам, прогнал их из двух священных городов. Он захватил Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба в плен и отправил к халифу [Султану Махмуду Гази]¹⁴. Халиф умертвил этого заблудшего через повешение и очистил от скверны два священных города.

(Перевод Б. М. Бабаджанова)

⁹ Это слово в тексте пропущено и восстановлено по смыслу.

¹⁰ Цифры и названия других требуемых вещей написаны неясно.

¹¹ Султан Салим III правил в 1203–1222/1789–1807 гг.

¹² Султан Махмуд II правил в 1223–1255/1808–1839 гг.

¹³ Мухаммад-'Али-паша — правитель Египта (1220–1264/1805–1848).

¹⁴ В действительности в 1233/1818 г. сын Мухаммад-'Али — Ибрахим — взял столицу ваххабитов ад-Дир'ийю, сровнял ее с землей, затем отправил са'удитского эмира в Стамбул, где его казнили (Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и прим. П. А. Грязневича. М., 1971. С. 120–121).

بسم الله الرحمن الرحيم

الحمد لله الذي شرفنا بالإيمان والإسلام والصلوة والسلام على محمد عليه الصلوة والسلام
 اما بعد ايها السامعون¹ الكرام درين تقريرها گوش انداخته تأمل كنيد صاحب اين تقرير را از
 بيانش معلوم ميشود كه طالب علم بوده ست ولاكن از ادب و اخلاق بدى هم به سنابش نرسيده
 وهم اعلى درجه بى حيا بوده باين خبر روافتاد كه **إِنَّمَا سُنُّعٌ فَاصْتَعَمْتُ مَا شِئْتُ وَقُلْتُ مَا تَخَيَّلْتُ**²
 افسوس كه ترجمهء حال مارا تو ندانستى اگر ميدانستى انصاف ميكردى من سه بار محبوس
 شدم به جرم آنكه گويا بر خلاف دولت در بين مردم تشويقات کرده باشم در مرتبهء اول يك
 سال در مرتبهء ثانيه سه سال داده ودر مرتبهء ثالثه 25 سال داده بر خلاف دولت جهاد کرده
 اين قدر كلفت و مشقت كشيده م باز به جهاد كردن تشويق كردى تو مرا جاهل گفته خطاب
 ميكنى من بيست سال در مسافرى علم حاصل كردم تو در كجا خاندى باز مارا جاهل ميگوئى
أَفَأَنَّكَ وَآمِنٌ أَدْبِكَ³ باز مارا مستحق غضب الهى شدى گفته خطاب ميكنى تو دعواى علم غيب
 ميكنى مستحق غضب الهى تو بودى نه من گاه مارا به كور شعفه دار مانند ميكنى گاه كتاب
 بار كردگى خر مثال ميكنى انسان به كافر هم اين خطاب نميكند معلوم ميشود كه تو مارا
 مسلمان هم نميدانى كفر و اسلام در نزد پروردگار معلوم ميشود من الحمد لله پنج بنای اسلام
 را بجا آورده م اما از تو هنوز باقى مانده تو در اول تقرير خود شروع كردى به الحمد لله
 الذى هدانا به جاي أن الحمد لله الذى أضلنا شروع ميكردى بسيار مناسب ميبود از كمال بى
 حيايى مارا به علم خود عمل نه كردى گفته خطاب ميكنى تو اين قدر بى اخلاقى و بى آدابى
 خود را عامل ميشمارى باين عقل و دانش بيبايد گرسست اى مجاهد بدانكه ما از سر خود اينتو
 زمان را گذرانديم كه مسجدهاى ما مكان كافران بود كسى آشكارا نماز خوانده نميتوانست
 مرده هاى سرسان بود هيچكس امام شده جنازه نميخواند اگر امام شود همان روز به حبس
 ميگرفتند حاضر خداوند تعالى احوال خلق را ديگر گون ساخته همه خلق ناترسيده به مسجد
 ميروند نماز خود را به جماعت ميگذرانند اين نعمت الاهى نبود تو مارا الحمد لله گفته عيبدار
 ميكنى تو آنزمان را ننديدى ممكن كه به دنيا هم نيامدى باز از كمال بى حيايى و بيعقلى به دولت
 شكر گذار شك گفتى آيا تو اين نعمت را از خدا نميدانى خيره و شره من الله تعالى كه ايمان
 ندارى من آن كلفت هارا ديدم به حاضر زمان شكر گذاريدم عجب كه تو دو كچى ايشان را به
 جهاد تعريف ميكنى كاشكى اين جهان را ترك ميكرد بسيار خوب بود تو آن وقت به دنيا نه آمده
 بودى آن جهاد را من خوب ميدانم آن بيچاره را مثل تو جاهل مريدان مغرور کرده گفته ند
 تقصير خروج كنيم ارميهء ما به هفتاد هزار رسيده يك هجوم کرده اندجان را ميگريم
 و حالآنكه اسباب غزات اينها تيق و تير و تيشه بوده نصف شب از مينگ تيفه برآمده به
 كزرمهء اندجان هجوم آورده دروازه بان قراول را كشته دروازه را كشاده به كزرمه داخل شده
 اند درون كزرمه دو صد نفر صالحات خوابيده بودست يك بار بيدار شده تفنگ هارا گرفته به

1 اصل متنده: السامعين

2 ترجمه سى «اگر اويلماسانگ ايستگانينگ نى قيل، خيالينگ كا كيلكاتينى گاپير اوير»

3 ترجمه سى «اويات سнга وسنگا ادب بير گنگا»

طرف آسمان تیر خالی کردند و این هفتاد هزار مجاهد سراسمه شده گریز گریز گفته این مجاهدان ایشان بیچاره را در بلا مانده غزات نا تمام شد گفته تفرق شده ایشان دیدکه هفت نفر خلیفه مردش مانده دیگر هیچکس نی ایشان هم فرار کردن را غنیمت شمرده به طرف راه کاشغر گریخت آخر نتیجه این جهاد چه انجامید حکم آق پادشاه آمد که اهالی مینگ تیغه را قتل عام کنستاده از اندجان عسکر برآمده از بالای تیغه مینگ تیغه را تیر باران کرده زن و بچه را نگاه ناکرده هزاران آدم را کشته اند ده را آتش دادند علمای اندیجان از آق پادشاه عریضه نوشته باقی مانده بیچاره هارا عفو کردن در خواست نمودند از بهاسکاو عذرنامه آمد دیگر این ده را مرحمت گفته نام مانده ند شما تأمل کنید هم تو جهاد را خدا فرموده ست هرگز نی این کورکورانه خود کشتی ست در این آیت قرآنی فکر کنید استعید بالله و أعدا لهم ما استطعتم من قوة و من رباط الخیل ترهبون به عذو الله و عذوکم⁴ یعنی شما کورکورانه جهاد میکنم گفته به تیاق و تیر جنگ کرده مانند دوکچی ایشان به هلاکت چندین بیگناه سبب شده و خود را نیز هلاک مکن خدا و لا تلقوا بأیدیکم إلی التهلكة⁵ گفته بلکه به مقابل کافران اسباب جنگ طیار کنی میدانی که جهاد برای دین چند قسم میشود يك قسم جهاد در میدان جنگ به کافرها مقابله کنی دیگر نفس اماره را از اخلاق رزیه و جهالت پاک کنی جناب رسول الله ثانی قسم جهاد را جهاد اکبر نامیده اند من الحمد لله به زبان جهاد کرده در نتیجه محبوس شدم و دیگر خلق را تعلیم داده بسیار کس را از جهالت پاک کرده و از اخلاق رزیه رود نموده ام به خیالم تو از صحبت من محروم ماندی نسبت تماما به اخلاق رزیه مزین بوده افسوس که به رو بروی من آمده یا منافسه مجادله نکردی جوابهای دندان تسکین میکردم از چه میترسی مثال تو مانند سگی ست که از پس دیوار عاو عاو میکند تو چشم پوشیده در نفس خود يك تفکر میکردی همون اخلاقی که تو مرا ترغیب میکنی در نفس تو هست به خیال من ازین بری هستی بیا مرد باشی به کوچه برآمده مردم را به غزاة ترغیب کن هرگز این مردی از تو صادر نمیشود من گفتم که از پس دیوار صدا میکنی من از حماقت تو تعجب میکنم که این بیهوده هزینات خود را به بسم الله والحمد لله ابتدا کردی گویا که تو قرءان میخوانی تو مارا به صداقت دروستی دولت عیب دار کردی در آن مجلس که من استاده بودم از کسافت و فتنه شمایان بودکه مارا سردار فرقه خود نشان دادی من و هابی نیستم گفته برانت خود را ظاهر کردم من دولت را تعریف کرده باشم خوب کردم چونکه من بیان کرده گذشتم که يك وقتی مسجدهای مارا گرفته برای کافران مسکن ساخته بودند اکنون همون مسجدهای مرا کشاده دادند جناب رسول الله صلی الله علیه وسلم فرموده بودندکه انا و ائمت فی زمن الملک العادل گفته تباخر کردند کافران را به عدالت تعریف کرده میشود چنانکه شیخ سعدی فرموده «سزنگر بندرویش بنازم چنان که سید به دوران نوشیروان»

این عبارت از تو صادر شده خوب فکر کن که چه گفتمی نوشتی که یا مگر قرآن⁶ را از فاتحه تا خاتمه از ظاهر قلب از بر نمودی ایمان را⁷ از قرءان پیش نیابوردی ازین رو نمیدانی که حلال و حرام ونهی منکر او چیست نعوذ بالله من شرور أنفسنا ومن سیئات أعمالنا مارا بی ایمان گفتمی *کفر چو منی گزاف مراسان نبود *محکم تر از ایمان من ایمان نبود* این حدیث رسول الله نشنیدی که فرمودند من کفر المسلم رجع الکفر إلیه به مضمون این حدیث خودت

⁴ سورة الأنفال 60

⁵ سورة البقرة 195

⁶ اصل متلده: قرءان

⁷ اصل متلده مؤلف تاسانیدن چیزیک تارتیلگان

کافر شدی نمود با الله من ذلك⁸ تو مجاهدین افغان جهاد مقدس میبردند گفته تعریف کردی و حالانکه جهاد اینها برای مسجدهای مسلمانان را ویران کردن و نماز خوانانرا قتل کردن مال مردم را غارت کردن زن و گودکنانرا کشتن و از کافران فول بسیار گرفته برادران را کشتن آیا این جهادست به چند اماکن مقدسه را ویران کردن خصوصاً عیای رسول الله صلی الله علیه وسلم در شهر قندهار بود آتش زدن آیا این جهاد مقدس ست هرگز نی اگر اینها مسلمان باشند نجیب الله اینها را به مصالحه تکلیف کرده استاده ست چرا قبول نمیکند خدا در قرآن مجید فرمود که «وَأِنْ جُنَحُوا لِنَسْلَمْ فَأَجْتَحْ لَهَا»⁹ یعنی اگر کافرها به مصالحه مایل شوند ای محمد تو هم مایل شده مصالحه کن اگر شمایان اهل افغانستان را کافر شماری هم حکم همین ست قوله تعالی وَقَاتِلُوا فِي سَبِيلِ اللَّهِ الَّذِينَ يُقَاتِلُونَكُمْ وَلَا تَعْتَدُوا إِنَّ اللَّهَ لَا يُحِبُّ الْمُعْتَدِينَ¹⁰ ای ناصح تو بر من نصیحت گوی شده گاه مارا ازین کار ها توبه کن که آخر پشیمان میشوی بر خطابیت اعتراف نما گفته سرزنش میکنی گاه ازین زیاده افساد مکن گفته خطاب میکنی گاه روز قیامت از عذاب مبتلا شده من خیر داره به کارخانه پرورنکار مداخله میکنی اکنون بگویی که تو از گناه پاک و معصوم هستی گویا که تو به خیال خود پیغمبر شده هستی به تو وحی الاهی آمده باشد تو از خاتمه مردمان خیردار باشی اول به این نصیحت ها خودت عمل میکردی خوب میبود این دعوی غیب دانی مسلمان هستی خداوند تعالی میفرماید «لَا يَعْلَمُ الْغَيْبَ إِلَّا اللَّهُ»¹¹ مارا باز باز از عذاب الاهی میترسانی

تو منتظر باش که عذاب الاهی به تو میاید و یا به من

«فَقَرَّبْتُمْ حَتَّى يَأْتِيَ اللَّهُ بِأَمْرٍ»¹² کلماتی که از دست کافران به رسیده افسوس که تو ازینها بی خبر هستی اگر با خبر میشوی به من رحم میکردی اینقدر بهتان و سوء ظن نمیکردی خدا میفرماید «إِنَّ بَعْضَ الظُّلْمِ إِثْمٌ» جناب رسول الله میفرماید ظنوا المؤمنین خیراً به او خیریت رسول الله عمل نموده سخنهای مارا تأویل نیک میکردی لکن مثال توبه همون آدم میماند که شیطان را به خواب دیده بونست بسیار صاحب جمال ست گفته که تو اینقدر صاحب جمال بودی مردم ندانسته صورت ترا در دیوار حمام ها کشیده اند بسیار به هیبت و بدصورت ست شیطان در جواب گفته که آن صورت من نیست لکن نمیدانی که قلم در دست دشمن ست* من خواستم که * جواب احمق سکوت ست گفته هیچ جواب ندهم باز فکر کردم که سکوت علامت رضا هست اکنون سخن را کوتاه میکنم و در آخر میگویم که تو مرا چند جای به قرآن ایمان نداری گفته شهادت به کفر ما دادی به همین سخن تو خود از دین برآمدی اکنون من به توفیق تو دعا نمیکنم چنانکه تو مارا به غضب الاهی دوچار میشوی گفتی در حق تو همین دعا را میکنم که الاهی به غضب الاهی تو در همین دنیا مبتلا شوی تا که مردم بگیرند و نرجو من الله ان یجیب دعائنا ویقبل أملنا آمین بحرمة سید المرسلین والأخیرین در خاتمه باین بیت بیدل تمام میکنم

از مکافات عمل غافل نباید زیستن

میرسد از پشت دست آخر به دندان پشت دست

اصل متن: ذلك⁸

سورة الأنفال 61⁹

سورة البقرة 190¹⁰

سورة النمل 65، آیت نینگ تولیعی «قُلْ لَا يَعْلَمُ مَنْ فِي السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضِ الْغَيْبَ إِلَّا اللَّهُ وَمَا

يَشْعُرُونَ أَيَّانَ يُبْعَثُونَ»

سورة التوبة 24¹²

هر طلبی که از خدا خاستم چروردگار ما را نومید نکرده میسر نمود اول از خداوند حفظ کلام الله میسر نمود ثانی علم طلب کردم خدا عطا کرد دیگر حج بیت الله را طلب کردم آنهم میسر نمود الحمد لله اکنون عمر دراز را از سر خود گذرانده استنادم این را من طلب نکردم پدر بزرگوارم دعا کرده بودند دیگر من هیچکس را دعای بد نکردم مگر رحمة الله علامه را چونکه بی ادابی او مثل شما از حد گذشته بود آنهم جوان مرگ شد دیگر در حق شما هم امید دارم که اجابت شود این الله عزیز نو انتقام ومن الله التوفیق.

АШ-ШАЙХ МУХАММАД ИБН РУСТАМ АЛ-ХИНДУСТАНИ [Ответы вносящим недопустимые новшества в религию]

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Слава Аллаху, Преславному Владыке Нашему с (нашими) верой, приветствиями и благословением! Приветствия (Пророку) Мухаммаду — благословения и мир ему!*

Затем. О те, кто внимает благородным! Послушайте эти рассуждения (такфир-ха) и поразмыслите над ними! Из заявлений автора этих рассуждений становится известно, что для характеристики того, кто ищет знаний², но даже не вдохнув правил и норм поведения³, и к тому же в высшей степени нескромен, подходит следующий хадис: «Если не стыдишься, делай что хочешь и говори, что взбредет в голову».*

Жаль, что ты⁴ не знаешь нашей биографии; если бы знал, был бы более разборчив и справедлив. Я в жизни трижды был лишен свободы по обвинению в том, что среди людей я будто бы занимался подстрекательством против [Советского] государства. Первый раз я был осужден на год, второй раз — на три, и в третий раз — на двадцать пять лет⁵. За эту свою антигосударственную деятельность я вынес столько лишений! А ты призы-

¹ Фразы, отмеченные знаком *, на арабском языке. (хадисы, фрагменты из Корана или обычные словословия).

² Здесь — 'илм (мн. число 'улум), то есть комплекс теологических знаний.

³ Адаб и ахлак — правила и нормы личного поведения и взаимоотношений людей, регламентированные религиозными нормами и понятиями об этикете.

⁴ По мнению некоторых учеников Мухаммаджана Хиндустанани, здесь и далее он обращается к автору (либо авторам) приходивших к нему в 1984—1989 гг. анонимных «писем с претензиями и обвинениями». Часть учившихся тогда у Хиндустанани 'улама' подозревают, что авторами этих писем были таджикские «ваххабиты».

⁵ Во время последнего срока, примерно через год после смерти Сталина (5 марта 1953 г.), Хиндустанани был амнистирован. Таким образом, общий срок его тюремного заключения составил 9,5 лет.

ваешь меня вершить *джихад*⁶. Ты делаешь мне наставления, словно я нахожусь в неведении (*джахил*). Между тем я за двадцать лет странствий обрел знания; сколько же учился ты, называя меня «неведающим»? Тыфу тебе и тому, кто учил тебя!»*.

И еще ты провозглашаешь, что я достоин гнева Аллаха. Однако, претендуя на знание сокровенного⁷, ты сам стал достойным гнева Аллаха, но не я. Иногда ты сравниваешь меня со слепцом, носящим факел, либо с ослом, навьючившим на себя книги. Даже к иноверцу человек не станет так обращаться. Да будет известно, что ты меня не считаешь мусульманином. Неверие и ислам станут известны перед Создателем [только в Судный день]. Я, слава Аллаху, исполнил и исполняю все пять требований Аллаха⁸, а у тебя еще остался долг [перед Ним]⁹.

Ты начинаешь свои рассуждения со славословия «Слава Богу, ведущему нас [по истинному пути]»*. Вместо этого тебе весьма уместно было бы начать так: «Слава Богу, сбившему нас с [истинного] пути»*. Только из-за своего исключительного бесстыдства ты провозглашаешь в мой адрес: «Ты не действуешь согласно своим знаниям»¹⁰. Уж не считаешь ли ты

⁶ *Джихад* (араб. — усилие, усердие). Согласно суннитским концепциям, разработанным на протяжении столетий мусульманскими учеными, помимо объекта вооруженной борьбы («*Джихад меча*») во имя сохранения безопасности *уммы* и т. п.), существовали и другие виды *джихада*: «*Джихад руки*» (меры наказания преступников и отступников от веры), «*Великий джихад*» (усердие в освоении знаний, духовное самосовершенствование, борьба против собственных плотских привязанностей) или «*Джихад языка*», который считался прерогативой 'улама', обязанных заниматься «повелением одобряемого и запретом порицаемого». Как видно из этого и других фрагментов текста «*Ответов...*», последний вид *джихада* был для Хиндустани более предпочтителен.

⁷ То есть «Сокровенное знание». Концепция (появившаяся в исламе, видимо, под влиянием исмаилитских и суфийских «философских исканий») признает за пророками, «святыми», предсказателями и др. «сокрытое знание». Однако среди традиционалистов суннитских *мазхабов* (особенно у ханбалитов) считается, что только Аллах обладает истинными знаниями, чтобы оценить поступки людей, и только Он может о них судить.

⁸ То есть пять столпов ислама: исповедание веры (*шахада*) с признанием Аллаха единым божеством, Мухаммада — Его Пророком, обязательная молитва, пост, выплата налога бедным и при наличии возможности паломничество.

⁹ Возможно, Хиндустани намекает на то, что его оппонент не исполнил хаджжа в Священный город.

¹⁰ Здесь намек на известный мусульманский постулат о тесной взаимосвязи традиционного религиозного знания ('илм) и образа действия ('амал) согласно этим знаниям.

себя «исполняющим предписания веры» ('амил) после подобной беспредельной неучтивости, невоспитанности? По поводу таких (твоих) знаний и разуменней следует только поплакать.

О муджахид! Знай, что нам пришлось пережить такое, когда наши мечети стали местом для неверующих, мы не могли открыто читать молитву (намаз). Даже наши покойники страдали, ибо кто-либо, даже будучи имамом, не мог прочитать над ними заупокойной молитвы (джаназа), а если кто и становился имамом (на джаназа), то его в тот же день подвергали аресту.

Теперь¹¹ Всевышний Бог сделал положение людей иным: все без боязни идут в мечеть, читают вместе с общиной молитвы. Разве это не милость Аллаха? А ты обвиняешь нас в том, что мы по этому поводу говорим: «Слава Аллаху!». Ты не жил в те времена, возможно, даже и не родился на этот свет. И еще, в силу своего бесстыдства и неразумности, ты сказал, что следует (за это все) благодарить только государство¹². Ты считаешь, что это не милость Бога? Разве ты не веришь изречению: «И благость, и бедствия от Всевышнего Аллаха?»*. Я столько пережил, что воздаю благодарность (Богу) за нынешние дни.

Еще удивительно, что ты восхваляешь Дукчи Ишана¹³ за его джихад. Лучше, если бы этого джихада не было совсем! В то время тебя

¹¹ Речь идет о 1988–1989 гг., когда реформами Горбачева были даны послабления религии.

¹² Очевидно, автор обвинительных писем намекал на то, что в действительности свободное отправление религиозных культов — результат государственных реформ (перестройка), а не воля Бога или плод усилий 'улама' вроде Хиндустани).

¹³ Дукчи Ишан — прозвище одного из суфийских лидеров Ферганской долины конца XIX в. Мухаммад-Али (Мадали) ибн Мухаммад-Сабира. Известен как предводитель Андижанского восстания 18 мая 1898 г. Повстанцы разрозненными и плохо вооруженными группами около двух тысяч человек атаковали казармы царских войск в Андижане, правительственные учреждения в Ошском уезде. Были убиты 22 и ранено 18 солдат русской армии; имелись жертвы среди чиновников и гражданского населения русской национальности. Восстание не было серьезно подготовлено; лишь небольшое число повстанцев были в лучшем случае вооружены старыми кремневыми ружьями. Дукчи Ишан вполне осознавал, что это выступление обречено на провал. Несколько раз ему удавалось удержать своих сторонников от преждевременных действий, но в конце концов он был вынужден уступить наиболее радикальному крылу участников восстания, надеясь на «всеобщий газават». Значительная часть групп не подчинилась приказу Дукчи

еще не было на свете. Я же этот *джихад* знаю хорошо. Подобные тебе невежественные *муриды* этого бедняги (= Дукчи Ишана) ввели его в заблуждение и сказали ему: «О господин, давайте выступим! Численность нашей армии достигла 70 тысяч. Мы можем одной атакой взять Андижан!». Однако на вооружении у них были лишь палки, топоры и тому подобные вещи. В полночь они вышли из селения Минг-типа и атаковали казармы [русских] в Андижане. Убив охрану и открыв ворота, они ворвались в казармы, где спали двести (русских) солдат. Они проснулись и стали стрелять. Те семьдесят тысяч участников *джихада* побежали вспять и, оставив несчастного (Дукчи) Ишана в беде, рассеялись. Оглянувшись, он обнаружил, что рядом с ним остались только семеро его *халифа*¹⁴. Он счел, что пора бежать, и ринулся в сторону Кашгара¹⁵.

Ну и к чему же привел этот *джихад*? Появилось повеление белого царя¹⁶, согласно которому устроили поголовную резню в Минг-типа¹⁷; из Андижана вышли (русские) войска стали расстреливать население Минг-типа, в том числе детей и женщин. Были уничтожены тысячи людей, сожжено все селение.

Ишана направиться на Андижан, а устремилась на расправу в ближайšie поселения русских переселенцев, которые были расположены на местах традиционных пастбищ (Ош, Маргилан и др.). Как видно, участие в газавате некоторых групп повстанцев было стимулировано не столько стремлением отстоять устои веры, сколько желанием расправиться с ближайшими «врагами-обидчиками», то есть русскими переселенцами. Активные организаторы восстания (шесть человек) были казнены, около 700 осуждены и сосланы. См. подробнее: Babadžanov B. *Dūkčī Īšān und Aufstand von Andīžan 1898 // Muslim Culture in Russia and Central Asia from 18th – to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Berlin, 1998. S. 167–191.*

¹⁴ Халифа — буквально — заместитель. В суфийской иерархии особо приближенный ученик, получивший право самостоятельно набирать учеников.

¹⁵ Дукчи Ишан был схвачен на пути в Кашгар вечером 19 мая того же года (Babadžanov, *Dūkčī Īšān*, S. 170).

¹⁶ Имеется в виду царь Николай Романов II (1894–1917).

¹⁷ Селение расположено в 30 км. от Андижана. Здесь был комплекс сооружений (мечеть, помещение для приема гостей, школа и т. д.), принадлежащий суфийской общине Дукчи Ишана. После подавления восстания комплекс и стоящее рядом селение были уничтожены колониальными властями (см. подробнее: Babadžanov B. *Dūkčī Īšān*. S. 177–181).

'Улама' Андижана написали белому царю письмо с просьбой помиловать остальных. Из Москвы в конце концов пришло помилование, после чего то селение (Минг-типа) было названо Мархамат¹⁸. Подумайте, разве такой джихад нам повелел Бог? Нет, не велел! Это было равносильно самоубийству. Подумайте же над таким аятом Корана:

И наготове против них держите
Всю вашу мощь и конные войска,
Чтоб утратить врагов Аллаха
И ваших недругов страшить¹⁹.

Иными словами, вы вслепую призываете к джихаду, воевать топором. Не становитесь, подобно Дукчи Ишану, причиной гибели своей и других, ни в чем не повинных! Ибо Бог повелел: «... и чтоб деяния ваших рук к гибели вас не влекли» (Коран, 2: 195). Поэтому приготовь вначале оружие против врага!

Знаешь ли ты, из скольких частей состоит джихад за веру? Если одна часть его — это джихад против неверных на поле битвы, то другая — очиститься от дурного нрава и избавиться от неведения. Господин Посланник Аллаха назвал эту вторую часть «Джихад-и акбар» (Великий джихад). Я, слава Аллаху, делал (еще) «Джихад языка»²⁰, и сколько раз за это был лишен свободы. И еще, давая (религиозные) знания людям, скольких из них я избавил от неведения (джахалат) и отвратил от дурного поведения.

По-моему, ты лишился моих бесед²¹, ибо к твоей плоти примешаны дурные наклонности. Жаль, что ты не был со мной лицом к лицу и не вступал в прения. Я бы тебе дал весьма убедительные ответы!²² Чего же ты боишься? Ты похож на пса, лающего из-за ограды. Закрой однажды свои глаза и подумай о своих дурных наклонностях. Все обвинения и проступки, которые ты возложил на меня, найдешь в себе! Ну давай! Если ты мужчина, выйди же на улицу и призывай людей делать газат!²³ Но в любом случае такая смелость тебе не присуща, и ты так поступить не способен.

¹⁸ То есть буквально — помилование.

¹⁹ Коран, 8: 60. Здесь использован комментированный перевод Корана, выполненный В. Пороховой (М., 1993).

²⁰ См. выше.

²¹ Здесь *сухбат* (*сухба*) — вербально-духовное общение с учителем или 'улама', которое использовалось для нравственного воспитания, диспутов, обучения и т. п.

²² Здесь буквально: «Я бы дал тебе ответы, ломающие зубы».

²³ *Газат* (*газават*) — война во имя веры.

Я сказал, что ты подаешь голос только из-за ограды. Удивляюсь твоей глупости, ибо свои бестолковые речи ты начинаешь со слов: «Во имя Аллаха...», «Слава Аллаху...», будто читаешь Коран. Так (например), ты обвиняешь меня в том, что я верен государству и в дружеских отношениях с ним. Между тем мое пребывание на том собрании²⁴ произошло из-за вашей подлости и вашей (к нам) вражды²⁵. Ведь это вы им дали показания, представив меня в качестве руководителя вашей секты (фирка). «Я не ваххабит», — сказал им я, проявив тем самым свое (ханафитское) основание. И если я хвалил государство, то, стало быть, сделал правильно! Ведь выше я уже упоминал, что они открыли мечети, которые были у нас отняты и превращены в места пребывания неверных. Господин Посланник Аллаха с гордостью соизволил сказать: «Я родился в эпоху справедливого правителя». Воздавать справедливую хвалу неверному можно. Так, Шайх Са'ди писал²⁶:

Достоин похвалы такое время, когда
Господин эпохи — Нуширван²⁷.

То есть если Посланник Аллаха гордился эпохой Нуширвана, то и мне стоит гордиться его эпохой.

Теперь хорошенько поразмысли над тем, что же ты (мне) написал. Ты пишешь мне: «Выучив поверхностно (захир-и калб) Коран²⁸ от начала до конца, ты по-настоящему не уверовал». (Ты) все это (пишешь) потому, что ты не знаешь, что обозначают в Коране понятия о дозволенном и запрет-

²⁴ Видимо, Мухаммаджан Хиндустани был вызван и допрошен органами КГБ. По информации его последних учеников (Мухаммад-Садик Андиджани, Исма'ил-кари Куканди и др.), в период с 1986 г. и почти до конца жизни Хиндустани несколько раз был допрошен в милиции и КГБ. О каком из этих допросов идет речь в эпизоде, сказать трудно.

²⁵ Имеются в виду начавшиеся тогда разногласия между Хиндустани и теми религиозными деятелями, кого он назвал «ваххабитами».

²⁶ Имеется в виду знаменитый персидский поэт Абу 'Абдаллах ибн Мушриф Са'ди Ширази (1184—1262).

²⁷ В мусульманской поэзии и житийной литературе сасанидский правитель Хосров I Ануширван, сын Кубада (531—579) — образец справедливого правления. Его прозвище *Нуширван* стало синонимом слова «справедливый». Существует предание о том, что Пророк Мухаммад «гордился Нуширваном и возносил его».

²⁸ Автор «Обвинения» имеет в виду механическое чтение сур, без соблюдения «повелеваемого в Священной книге».

ном, о предписанном и запретном²⁹. «Да убережет Аллах от порчи нашего нрава и от греха в поступках наших»*.

Ты нас обвинил в отсутствии истинной веры. (Но знай):

Сделать неверным такого, как я, очень трудно,

Ибо нет веры крепче моей!

Разве ты не слышал такой *хадис* Посланника Аллаха: «Тот, кто (назовет) неверным верующего, тот сам обратится в неверного»*. В соответствии с этим *хадисом* ты стал сам неверным.

Ты похвалил афганских *муджахидов*, считая, что они делают настоящий *джихад*. Однако их *джихад* — это разрушение мечетей мусульман, убийство тех, кто читает намаз, грабеж имущества, убийство женщин и детей, поборы денег у неверных и убийство братьев. Неужели это *джихад*? Это не что иное, как только разрушение святых мест и уничтожение священных вещей. В частности, в Кандахаре хранился старый халат Посланника Аллаха³⁰ — да благословит его Аллах и да приветствует! — Они сожгли его! Разве это священный *джихад*? В любом случае — нет! Если это мусульмане, то ничего на свете нет достойного! Почему они не принимают мирные предложения Наджибуллаха?³¹ Ведь в Коране сказано: «Но если они будут скло-

²⁹ Это место в оригинале Хиндустани подчеркнул. Очевидно, подобное обвинение для него было особенно неприятным, поскольку к этому времени он уже завершил обширное (шесть томов) толкование к Корану на узбекском языке.

³⁰ 'Аба — верхняя одежда, халат. В большинстве мусульманских стран (с развитием культа святых в исламе) появилось множество «священных предметов» (волос с бороды Пророка, его халат, Коран халифа 'Усмана и т. п.), которые стали предметом особого почитания и даже поклонения. Такой своеобразный фетишизм (тесно связанный с так называемым «бытовым исламом») был осужден многими богословами и особенно ханбалитами, а позже салафитами. Они относили подобное явление к одному из видов многобожия — *ширк ал-'ибада* (=поклонение кому-либо или чему-либо, кроме Аллаха). Ханбалитские (салафитские) теории о категориях *ширк* нашли применение в программных установках мусульманских религиозно-политических движений XX в. Эти же установки восприняты и местными (центральноазиатскими) «ваххабитами».

³¹ Наджибуллах — с мая 1986 г. лидер Народно-демократической партии Афганистана. По его инициативе в начале 1987 г. для нормализации обстановки в стране была создана Высшая чрезвычайная комиссия по национальному примирению, куда вошли около 300 представителей противоборствующих сторон. Комиссия выработала мирные предложения, которые, однако, по разным причинам не были приняты лидерами *можжахедов* [*Haqiqat-e inqilab-e saur*, 12 (67), X]. Судя по замечанию Хиндустани, он черпал сведения не только из советских средств массовой информации.

няться к миру, склонись и ты к нему*» (Коран, 8: 61). То есть в этом аяте, обращенном к (Пророку) Мухаммаду, говорится о том, что если неверные склонны к миру, то и вам следует пойти на мир. Но если даже вы признаете жителей Афганистана неверными, то (упомянутое) решение неизменно! Ибо (в Коране) сказано (2: 186):

Сражайся за Господнее дело
Лишь с тем, кто борется с тобой,
Дозволенного грань не преступай.
Господь не любит тех, кто преступает.

Эй, советчик! Наставляя меня, ты призываешь меня раскаяться в своих делах, утверждая, что я в конце концов обо всем пожалею. Иногда призываешь, чтобы я более не делал ошибок и что в Судный день я удостоюсь мучений от Аллаха. Но ведь этим самым ты вмешиваешься в дела Аллаха! Теперь скажи, ты совершенно очищен от греха? Ты представляешь себя пророком, будто на тебя снизошло откровение и ты имеешь известие о завершении дел людей (в Судный день). Если бы ты сам следовал этим (своим) призывам, было бы лучше. Ты, своей претензией на знание сокровитого, считаешь себя мусульманином? Ведь Всевышний Бог повелевает: «Никто не знает о сокровенном, кроме Аллаха*». А ты постоянно пугаешь меня мучениями от Аллаха. Будь же осмотрителен; на кого из нас падут муки от Аллаха — на тебя или на меня? (Ибо сказано): «...Ждите до тех пор, пока свой приговор Аллах вам не объявит*» (Коран, 9: 24).

Вначале я натерпелся от неверных, жаль, но ты об этом не знаешь. Если бы знал, то пожалел бы меня и не клеветал бы так на меня, и не презирал бы. Ибо Бог повелел: «...Ведь часто подозрительность становится грехом*». А господин Посланник Аллаха повелел: «Думайте о верующем хорошо*!». Было бы лучше, если бы ты следовал этому хадису и правильно истолковал бы мои слова.

Твой пример похож на случай с одним человеком, увидевшим во сне сатану. Сатана оказался весьма красивым созданием. Тот человек сказал: «Ты, оказывается, очень красив. Люди, не зная этого, изображают тебя отвратным и страшным». Сатана ответил: «Это не мое изображение. Но разве ты не ведаешь, что рисующее меня перо в руках врага?».

Вначале я не хотел писать тебе ответ, ибо сказано: «Молчание — ответ глупцу». Но потом подумал, что молчание — знак согласия. Теперь буду краток и в конце скажу тебе следующее. Ты обвинил меня в том, что у меня нет веры в Коран, и свидетельствуешь, что я неверный. Именно этими

своими словами ты отошел от религии. Я не буду молиться за твой успех. А поскольку ты сказал, что я удостоюсь гнева Аллаха, то я прочитаю тебе такую молитву (ду'а')³²:

«Ты в этом мире будешь так бедствовать, что это станет примером людям, ибо сказано: "Просим Аллаха, чтобы Он возлюбил и принимал молитвы (ду'а') наши! — Аминь, с милостью Господина Посланных*!"».

В заключение приведу этот байт Бедия³³:

Не следует оставаться в неведении относительно воздаяния
за содеянное,

Настигнут тебя в конце концов деяния рук твоих.

Все, что я искал, я находил от Бога; Он не лишил меня надежды и воплотил все, что я просил. Сначала я просил у Бога содействия в освоении Корана наизусть. Слава Аллаху, Он содействовал! Затем я просил знаний. Бог удостоил меня освоить их. Затем я просил ниспослать возможность совершить хаджж. И этого я был удостоен, слава Аллаху! Теперь я не просил у Бога долгой жизни, просил за меня и молился мой великий отец.

Я никого другого не проклинал³⁴, кроме Рахматуллаха 'Аллама'³⁵. Ибо, подобно тебе, его неучтивость превысила терпение Бога. Он умер молодым. Теперь я надеюсь, что Ваши³⁶ дела решатся положительно. «Аллах, поистине, могуч, возмездия блюститель*» (Коран, 5: 95). И помощь от Аллаха!

Завершен (трактат).

(Перевод Б. М. Бабаджанова)

³² Ду'а' — особые молитвенные формулы с цитатами из Корана и благожеланиями, читаемые именитыми 'улама', шейхами по просьбе какого-нибудь лица для благополучного завершения задуманного им предприятия. Существовал, однако, и другой вид ду'а' (ду'а'-и бад — буквально «плохая молитва»), то есть молитва за неудачу в таких делах, которые, с точки зрения ее провозглашающего, не согласуются с нормами шар'ата. Молитву Хиндустани в этом эпизоде можно квалифицировать как ду'а'-и бад, которая часто равносильна проклятию.

³³ О нем см. выше.

³⁴ Здесь буквально — «прочитал ду'а'-и бад», то есть фактически предал анафеме (см. также прим. 32).

³⁵ О нем см. выше.

³⁶ Здесь автор единственный раз применил по отношению к своим оппонентам местоимение в третьем лице множественного числа (шума), которое в таджикском языке часто используется в обращении к двум и более лицам.

ASH-SHAYKH MUHAMMAD IBN RUSTAM AL-HINDUSTANI [Answers to those who are introducing inadmissible innovations into religion]

In the name of God, the Merciful, the Compassionate.

Praise belongs to Allah, our Lord and Protector, greetings and blessings. Greeting to the Prophet Muhammad, blessings and peace to Him*¹

Then. O, you who heed righteousness! Listen to these arguments (taqir-ha) and think them over! It is known that for the character of one who seeks knowledge², but has not breathed in the rules and norms of behavior³ and is immodest to the highest degree, the following *hadith* is appropriate: «If you are not ashamed, then do as you wish and speak whatever comes into your head»*.

It is a shame that you⁴ do not know our biography; if you knew, you would be more discriminating and just. In my life, I have been deprived of my freedom three times on the charge that I was inciting the people against the Soviet government. The first time I was sentenced to a year in prison, the second time to three years, and the third time — to 25 years⁵. I suffered such deprivations for this anti-government activity! And yet you call on me to take up the *jihad*⁶. You

¹ Passages marked with * are in Arabic (*hadith*, fragments from the Qur'an, customary prayers) in the original text.

² Here: *'ilm* (plural: *'ulum*), that is, the complex of theological knowledge.

³ *Adab va akhlaq*: the rules and norms of personal behavior and interpersonal relations, regulated by religious norms and understanding of ethics.

⁴ In the opinion of many of Muhammadjan Hindustani's students, here, and further on in the text, Hindustani is addressing the author (or authors) of the anonymous «letters of complaint and accusation» sent to him over the course of 1984 to 1989. Some of the *ulama* who studied with Hindustani at the time believe the authors of these letters were the Tajik followers of Rahmatullah 'Allama.

⁵ During the last period, Hindustani was rehabilitated approximately one year after the death of Stalin, in March 1953. Thus, he spent a total of 9,5 years in prison.

⁶ *Jihad* (in Arabic, striving, exertion): According to the Sunni conception, developed over the course of centuries, other forms of *jihad* co-existed with the understanding of *jihad* as armed struggle («*jihad* of the sword»): «*jihad* of the hand» (punishment of criminals and apostates); «the greatest *jihad*» (struggle for the mastery of knowledge, perfection of faith, against the «lower soul principle that instigates to evil»); «*jihad* of

admonish me, as if I were lost in ignorance (*jahil*). But I have searched for 25 years to find knowledge. How long have you studied, to call me «ignorant»? «Shame on you, and on those who taught you!»*

And still you proclaim that I deserve the wrath of Allah. However, in claiming pretensions of secret knowledge⁷, you, not I, have become deserving of the wrath of Allah. Sometimes you compare me to a blind man carrying a torch, or to a donkey loaded down with books. One should not treat even the heterodox in such a manner. Yes, it is clear that you do not consider me to be a Muslim. Unbelief and submission will become known only to the Creator [on Judgment Day]. I, praise be to God, have fulfilled and will continue to fulfill the five demands of Allah⁸, and you still remain in debt [before Him]⁹.

You begin your arguments with the glorification «Praise be to God, who leads us [on the true path]»*. It would have been more appropriate for you to begin instead with «Praise be to God, who knocks us down from the [true] path»*. Out of your extraordinary impudence, you proclaim to me: «You are not acting in accordance with your knowledge»¹⁰. Do you really consider yourself to be «fulfilling the prescriptions of faith» ('amil) with such boundless incivility and ill manners? One can only weep at such knowledge and understanding as yours.

O you *mujahid*! Do you not know that we survived the times when our mosques were places for unbelievers, when we could not recite our prayers (namaz)? Even our dearly departed suffered, because no one, not even an imam,

the tongue» (considered a prerogative of the 'ulama', who were obligated to «command that which is approved and reprimand that which is banned»). It is even here, and elsewhere in the text, that Hindustani considered the last of these to be most preferable.

⁷ *'Ilm-i ghayb*: secret, concealed knowledge. Gnosis, which appeared in Islam under the influence of Ismailist and Sufi «philosophical searching», is said to impart this «concealed knowledge» to prophets, «saints», and «seers». However, traditional Sunni schools of thought (especially the Hanafites) believe that only Allah possesses the true and perfect knowledge needed to evaluate people's deeds and only He can judge them.

⁸ That is the five pillars of Islam: the profession of faith (shahada) confessing that there is no God but Allah (tawhid) and Muhammad is his Prophet (nubuwa); the ritual prayer (salat); fasting during Ramadan; paying the alms tax (zakat); and, if one is able, performing the pilgrimage to Mecca (hajj).

⁹ It is possible that Hindustani is referring to the fact that his opponent had not yet performed the *hajj*.

¹⁰ This is an allusion to the well-known Muslim postulate on the close mutual interaction of traditional religious knowledge ('ilm) and forms of behavior ('amal) based on that knowledge.

could pray over them (janaza), and if someone did, he would be arrested that very day.

Nowadays¹¹, the Most High God has made the situation different for our people: anyone can go to the mosque without fear, we can pray together openly. Can this not be the mercy of Allah? But you accuse us for saying «Praise be to Allah» for this! You did not live through those times, perhaps you were not yet even born into this world. But still, out of your shamelessness and ignorance, you say that we have only the government to thank for this¹². Do you think that this is not the mercy of God? Do you really not believe the saying: «Both fortune and misfortune come from the Most High Allah?»* I have survived so much, so that I can still render gratitude [to God] to the present day.

It is even more surprising that you extol Dukchi Ishan¹³ for his *jihad*. It would have been better if this *jihad* had never happened! You were not even born at that time. But I know that *jihad* very well. It was ignorant disciples like you who led this poor man [Dukchi Ishan] into error and delusion, saying to him: «O sir, let us attack! Our army numbers 70,000 men. We can take

¹¹ That is, 1988–1989, when Gorbachev's reforms eased restrictions on religion.

¹² Apparently, the author of the accusatory letters implied that, in reality, the new religious freedoms were the result of state reforms (*perestroika*) and not the will of God, or the product of the efforts of '*ulama*' like Hindustani.

¹³ Dukchi Ishan was the nickname of Muhammad-'Alī (Madali) ibn Muhammad-Sabir, one of the most prominent Sufi leaders in the Ferghana Valley at the end of the 19th century. He is most famous as the leader of the Andijan uprising of 18 May 1898, in which a poorly armed group of around 2,000 men attacked a Tsarist garrison in Andijan, the administrative center of Osh uezd. 18 Russian soldiers were killed and 22 wounded; there were also casualties among Tsarist official and the Russian civilian population. The uprising was not well planned and only a few of the rebels were armed with old weapons. Dukchi Ishan understood completely that this ill-prepared insurrection was doomed to failure. He succeeded several times in preventing his followers from launching an attack, but was finally forced into action by a more radical group of followers. A significant faction of the rebels did not follow Dukchi Ishan's orders to move directly on Andijan, choosing instead to exact reprisals on Russian settlers, who had occupied traditional local pastures in Osh and Marghilan. The uprising was clearly motivated not so much by the desire to defend the foundations of the faith, as by the desire to deal with the «offending enemy», the Russian settlers. The leaders of the uprising, 6 men in all, were executed, and approximately 700 others were exiled. See B. Babadžanov. «Dūkčī Išan und Aufstand von Andžan 1898», *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries*, Berlin, 1998. P. 167–191.

Andijan in one attack!» But for weapons they had only sticks and axes and the like. At midnight they left the village of Ming-tepa and attacked the barracks, where 200 Russian soldiers were sleeping. They awoke and began to shoot. Those 70,000 participants in the *jihad* scattered and retreated, leaving the unfortunate [Dukchi] Ishan in trouble. Looking around, he gathered that only seven of his deputies (*khalifa*) stood with him¹⁴. He decided it was time to retreat and started in the direction of Kashghar¹⁵.

And what did this *jihad* lead to? Thus began the domination of the White Tsar¹⁶, and the awful slaughter in Ming-tepa¹⁷; Russian troops arrived from Andijan and opened fire on the people, including women and children. Thousands were killed, and the village was burned.

The '*ulama*' of Andijan appealed to the White Tsar to spare the rest. A pardon finally was issued from Moscow, after which the village was renamed Marhamat¹⁸. Think about it, was this *jihad* really commanded by God? No, it was not commanded! This was equivalent to suicide. Consider this *ayat* from the Qur'an:

And hold in readiness against them
All your men and cavalry,
To strike terror into the enemies of Allah
And terrify those who are not your friends¹⁹.

In other words, you blindly proclaim *jihad*, and fight with axes. Do not become, like Dukchi Ishan, the cause of your own annihilation, and that of others who are guilty of nothing! God commands: «...and do not with your own hands cast yourselves into ruination». (Qur'an, 2: 195). Therefore, first prepare weapons against the enemy!

Do you know how many parts the *jihad* for the faith consists of? If one part is the *jihad* against unbelievers on the field of battle, then another is to cleanse oneself of evil thoughts and deliver oneself from ignorance. The Lord Prophet

¹⁴ *Khalifa* (literally, deputy): in the Sufi hierarchy they are the closest to the leader, and have the right to teach their own students.

¹⁵ Dukchi Ishan was captured on the way to Kashghar on the evening of 19 May. Babadžanov, *Dūkčī Īšān*. P. 170.

¹⁶ Nicholas II (1894–1917).

¹⁷ The village of Ming-tepa, located 30 kilometers from Andijan, contained a mosque, school and guest house belonging to Dukchi Ishan's Sufi community. After the uprising was suppressed, these buildings, along with much of the surrounding village, were destroyed by the colonial authorities. See, Babadžanov, *Dūkčī Īšān*. P. 177–181.

¹⁸ Literally, «Pardon, Forgiveness».

¹⁹ Qur'an, 8: 60.

of Allah called this second part *jihad-i akbar*, the greatest *jihad*. I, praise be to Allah, have also waged the «jihad of the tongue»²⁰, and for this have been deprived of my freedom many times. And I have also imparted [religious] knowledge to so many people, delivering them from ignorance and turning them away from evil behavior.

It seems to me that you excused yourself from my many discussions²¹, or that evil inclinations have invaded your flesh. It is too bad that you never met with me face to face or engaged in debate. I would have given you utterly persuasive answers!²² What are you afraid of? You are like a dog, barking from behind a fence. Close your eyes and consider your evil inclinations. All the faults and mistakes you accuse me of actually belong to you! Alright, then! If you are a man, go into the street and call people to make holy war!²³ But, in any case, such boldness is not characteristic of you, and you are not capable of such action.

I have said that you will only speak from behind a fence. I am surprised at your stupidity, that you would begin your muddle-headed speech with the words: «In the name of Allah...», «Praise be to Allah...» as if you were reading the Qu'ran. So, for example, you accuse me of believing in the government and of having friendly relations with the state. But my attendance at that meeting²⁴ was a result of your baseness and your hostility [toward me]²⁵. In fact, you even gave them indications that I was the leader of your sect (*firqa*). «I am not a Wahhabist», I told them, making clear the [Hanafite] basis of my beliefs. And when I praised the government, I have done so correctly! Indeed, I have already said they have opened the mosques which had been denied us and had turned into gathering places for unbelievers. The Lord Prophet of Allah deigned to say with pride: «I was born in the epoch of the just ruler». It is possible to render just praise to an unbeliever. As Shah Sa'di wrote²⁶:

²⁰ See note 32 above.

²¹ Here, *suhbat* (*suhba*), a gathering of teachers or 'ulama' for moral education, public debate, spiritual instruction, etc.

²² Literally, «I would have given you answers that would break your teeth».

²³ *Ghazat* (*ghazawat*): war for the faith.

²⁴ Hindustani is referring to being called in and interrogated by the KGB. According to Muhammad-Sadiq Andijani, his last student, during the period from 1986 until the end of his life, Hindustani was questioned several times by the police and the KGB. It is difficult to say exactly which of these episodes Hindustani is referring to.

²⁵ An allusion to the increasingly bitter public disagreements between Hindustani and those he referred to as «Wahhabists».

²⁶ The famous Persian poet Abu 'Abdallah ibn Mushrif Sa'di Shirazi (1184–1262).

Worthy of praise is that time, when
The master of the epoch is Nushirvan²⁷.

That is to say, if the Prophet took pride in the epoch of Nushirvan, then it follows that I should take pride in this epoch.

Now think over what you have written to me. You write: «Having superficially learned (*zahir-i qalb*) the Qur'an²⁸ from beginning to end, in reality you do not believe in it». [You write] all this because you do not know the significance of the Qur'anic concepts of that which is permitted and that which is prohibited (*halal wa-haram*), of that which is prescribed and that which is prohibited.²⁹ «Allah will protect us from the spoliation of our morals and from the sinfulness of our mistakes»*.

You accuse me of a lack of true belief. But know:
To make an unbeliever of someone like me is very difficult,
As there is no belief stronger than mine!

Have you really never heard this *hadith* of Allah's Messenger: «He, who calls one of the faithful an unbeliever, is himself an unbeliever»*. In accordance with this *hadith*, you yourself have become an unbeliever.

You praise the Afghan *mujaheds*, believing that they are waging a true *jihad*. But their *jihad* is the destruction of Muslim mosques, the murder of those who pray, the confiscation of people's property, the murder of women and children. Is this truly *jihad*? This is nothing other than the destruction of holy places and the annihilation of sacred things. In particular, an ancient robe of Allah's Prophet was preserved in Qandahar³⁰ — may Allah bless and preserve it! And they

²⁷ The Sasanid ruler Khusraw I Anushirvan ibn Qubadh (531–579) is depicted in Islamic poetry as an example of the just ruler. His nickname «Nushirvan» became a synonym for «just». Legend has it that the Prophet Muhammad «took pride in Nurshirvan and raised him up».

²⁸ The author of the «accusations» implies a mechanical memorization of *suras*, without deep consideration of «what is commanded in the Holy Book».

²⁹ Hindustani underlined this passage in the original. Evidently, he found this accusation to be particularly unpleasant, given that by this time he had already completed his six-volume annotated translation of the Qur'an into Uzbek.

³⁰ 'Aba: dressing gown, robe. In the majority of Muslim countries, in connection with the development of the cult of saints in Islam, many «sacred objects» (for example, hair from the Prophet's beard, His robes, the Qur'an belonging to the Caliph 'Uthman and so on) are held in special veneration and are even worshipped. This «fetishism» (which is closely connected with so-called «everyday» Islam) was condemned by many clergy.

burned it! Is this really holy *jihad*? No, not by any means! Why did they not accept Najibullah's peace proposals?³¹ Indeed, in the Qur'an it is written: «But if they incline toward peace, make peace with the m»* [Qur'an, 8: 61]. That is, in this *ayat* addressed to [the Prophet] Muhammad, it is said that if the unbelievers are inclined toward peace, then you should work for peace. So, even if you claim that those who live in Afghanistan are unfaithful, the [above-mentioned] command remains unchanged! As it is written [in the Qur'an]:

Strike down for God
Only those who fight with you,
Do not transgress the bounds of what is permitted.
God does not love those who transgress.

Hey, advisor! Exhorting me, you call on me to repent, certain that, in the end, I will regret everything I've done. Sometimes you threaten that, on Judgment Day, I will be rewarded with the wrath of Allah. But how can it be that you interfere in the affairs of Allah! Now tell me, are you completely cleansed of sin? Do you imagine yourself to be the Prophet, as if the end of human affairs [on Judgment Day] has been revealed to you? It would be better if you followed your own advice. Do you, with your pretensions to secret knowledge, consider yourself to be a Muslim? Indeed the Most High God commands: «No one knows that which is concealed except Allah»*. And you constantly threaten me with Allah's wrath. You should be more circumspect; for on whom shall Allah's wrath fall—on you or on me? [As it is written]: «...Wait until Allah shall fulfill His decree»* [Qur'an 9: 24].

At first I suffered a great deal at the hands of the unfaithful, and it is too bad that you do not know about this. If you did, then you would apologize, and

especially the Hanbalites. The latter consider it to be a sign of polytheism (*shirk al-'ibada*, the worship of someone or something besides Allah). Hanbalite theories on the categories of *shirk* have been used by various Islamic religious and political movements during the 20th century, including local Central Asian groups.

³¹ Najibullah became the leader of the People's Democratic Party of Afghanistan in May, 1986. At his initiative, a Supreme Extraordinary Commission on National Reconciliation was created at the beginning of 1997, at which 300 representatives of the warring factions attempted to work toward the normalization of the situation in the country. The Commission developed peace proposals, which for a variety of reasons were rejected by the leaders of the *mojahed*. (Haqiqat-e inqilab-e saur, 12 (67), X.) Judging from Hindustani's comments, he was able to follow developments through sources other than Soviet mass media.

no longer slander and despise me. As God commands: «Indeed, suspiciousness often becomes a sin»*. And as the Lord Prophet of Allah commands: «Think well (*khayran*) of the believer!» It would be better if you followed this *hadith* and correctly interpreted my words.

Your example is like the story of the man who saw Satan in a dream. Satan appeared to be extremely beautiful to him. The man said: «It turns out that you are very beautiful. People do not know this and depict you to be disgusting and horrible». Satan answered: «That is not my image. But do you not understand, that the pen which draws me is in the hands of the enemy?»

At first I did not want to write an answer to you. As it is written: «Silence is the answer for stupidity». But then I thought that silence would appear to be a sign of agreement. Now I will be brief and say to you the following. You accuse me of a lack of belief in the Qur'an and testify that I am unfaithful. With these very words you have moved away from religion. I will not pray for your success. And as you would bring down the wrath of Allah on me, I recite the following prayer (*du'a*) for you:³²

«You will become so impoverished in this world, that it will become an example to people, as it is said:

'We beseech Allah, that He will accept our prayer!
Amin, with the mercy of the Lord Prophet»*.

In conclusion, I will translate this couplet from *Bedil*:³³

One should not remain in ignorance regarding what has been rendered for that, which has been created

The deeds of your hands, in the end, will catch up with you.

Everything that I have searched for, I have found through God. He has not deprived me of hope and has granted all that I asked. First I asked God for assistance in learning the Qur'an by heart. Praise be to Allah, He assisted me! Then, I asked for knowledge. God considered me worthy of mastering it. Then I asked that He grant me the opportunity to complete the *haji*. And for this I was deemed worthy, praise be to Allah! Now, I do not ask God for long life, I pray for my soul and for my esteemed father.

³² *Du'a'*: special prayers with quotations from the Qur'an that are recited by well-known '*ulama*' or shaykhs at the request of individuals for the successful outcome of an enterprise or undertaking. There is also another form of this prayer (*du'a'-i bad*, literally «bad prayer»), invoked specifically to pray for the failure of those affairs deemed to be inconsistent with the norms of the *shari'at*. In this instance, Hindustani's prayer may be considered to be *du'a'-i bad*, which is often the equivalent of a curse.

³³ On *Bedil*, see above.

I have cursed no one³⁴, except Rahmatullah 'Allamah³⁵. For his discourteousness, like yours, was beyond the patience of God. He died young. Now I hope that your³⁶ affairs are resolved for the better. «Allah indeed is mighty, and capable of retribution!»* [Qur'an, 5: 95] And may Allah help us!*

(Translated by *Stephen Hegarty*)

³⁴ Here, literally, «recite *du'a'-i bad*», that is pronounce anathema.

³⁵ On Rahmatullah 'Allamah, see above.

³⁶ For the only time anywhere in this essay, Hindustani uses the second person plural (*shuma*), which is often used in Tajik to refer to two or more people, in addressing his opponents.

РАЗДЕЛ 3.

НАСР АД-ДИН-ДАМУЛЛА ТОЙЧИЕВ

«Alamli dil nidosi. Qo'qon jomesining ochilish shohiyonasi soyasida:
diniy niqob ostidagi munofiqarning habis-harakatlari»

Введение

Ниже представлено предсмертное послание покойного Тойчиева Наср ад-дина-ахуна/Насриддин-ахунда¹ (1936—1990 гг.) с послесловием (комментарием) его младшего брата Фатх ад-дина/Фатхиддина Тойчиева (род. в 1940 г.). Брошюрка издана на средства родственников Наср ад-дина-ахунда в 1990 г. в Коканде тиражом 10 тысяч экземпляров. Она разошлась по всем крупным городам Ферганской долины, и ее можно было увидеть в то время даже на книжных развалах Ташкента.

Причины и цели написания Наср ад-дин-ахунд объясняет в своем послании. Однако сочинение выходит за рамки простого (во многих местах скорее эмоционального) выражения личной обиды человека, которого его же ученики использовали в своих интригах. Как послание, так и его послесловие в достаточной мере отражают некоторые (чаще всего скрытые) аспекты раскола среди мусульман Коканда и отчасти Ферганской долины.

С другой стороны, мы видим наиболее важное поле раскола, в котором шла бескомпромиссная борьба «старых» 'улама'-консерваторов с новым поколением «реформаторов», — это мечети. Напоминаем, что это был самый разгар реформ М. Горбачева, одним из важных последствий которых стало увеличение количества религиозных учреждений и прежде всего мечетей. На первом этапе реисламизации в регионе Центральной Азии всюду стали выступать за возвращение старых мечетей, используемых при советской власти в качестве складских помещений, музеев и даже винных заводов².

¹ Ахунд (сокращенно «ахун») — старший преподаватель высшего конфессионального учебного заведения (дамулла).

² Наиболее символична в этом отношении история соборной мечети и мадраса Мулла-Киргиз в Намангане. Уже в начале 1950-х гг. ее здание использовалось как цех по производству вина, и ее возвращение (под настойчивым давлением

Бесспорно, что мечеть — это не только религиозный, или, скажем, духовный центр мусульман. Это еще и центр общественной жизни, средство влияния на умы и настроения в общине³ и даже своеобразная политическая трибуна. Все эти обстоятельства особенное значение приобрели в момент активизации процесса реисламизации, то есть перед развалом СССР и в самом начале периода независимости (с 1991 г.), когда религиозные авторитеты разных направлений все более настойчиво выступали не только в качестве духовных, но и общественных и даже политических лидеров⁴.

Упомянутые расколы, возникшие в их среде, придают особую остроту как самому процессу реисламизации, так и повсеместной борьбе за открытие старых мечетей и возведение новых⁵. Здесь противостояние часто приобретало форму борьбы за мечети, в основном соборные (джамии), так как мечеть с началом реформ вновь постепенно стала возвращать себе былые функции — влияние на общественное мнение и способность заполнения идеологического и духовного вакуума, ставшего последствием крушения советской моноидеологии (например, через традиционные «проповеди» — *ма'руза*).

Послание Н. Тойчиева частично отражает особый статус имама в мечетях, особенно соборных. В местных условиях еще в средневековье сложилась традиция, согласно которой место имама в мечети превратилось фактически в постоянную должность с фиксированным доходом, получаемым с

мусульман города) во время перестройки было таким же символичным: мечеть становится центром «ваххабитов» города, которых возглавил 'Абдулахад ('Абд ал-Ахад) Барнаев.

³ О значении мечети в качестве независимого источника влияния на общественное мнение в средневековом Самарканде см. в упомянутой выше диссертационной работе А. К. Муминова: «Роль и место 'улама'-ханафитов в жизни городов Центрального Мавараннахра (II–VII/VIII–XIII вв.)». Ташкент: Ташкентский исламский университет, 2003. С. 135–141.

⁴ Самая значительная в этом смысле фигура — это Шайх Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф, который с 1989 до 1991 г. был депутатом Верховного Совета СССР и имел личные контакты с М. Горбачевым (см. подробнее ниже).

⁵ По моим наблюдениям, в течение всего периода реисламизации большинство новых мечетей или *мадраса* в городах Центральной Азии возводятся на старых местах. В этом можно усмотреть стремление не только к духовному, но и, так сказать, к физическому (осязаемому) возрождению общественных, религиозных символов и парадигм прошлого.

добровольных пожертвований (вакф)⁶. Избранный однажды имам, приспособляясь к требованиям основной части общины конкретной мечети (каум), вполне мог рассчитывать на пожизненное имамство, а значит, и постоянный доход с вакфов. После установления власти большевиков и ликвидации вакфных владений всех религиозных учреждений (1927—1929 гг.) доходы мечетей приобрели иные формы. Восстановление части мечетей и создание САДУМ (1943 г.) изменили механизм назначения имамов в мечети. Имамы назначались САДУМ, но с обязательным согласованием с Комитетом по религиозным культам при Кабинете министров республик. Изменилась и система доходов имамов. В мечетях стали выставлять особые ящики (кутича) для добровольных пожертвований (вахсан/ихсан). Собранные суммы передавались (и до сих пор передаются) в Духовное управление мусульман, откуда имамам назначалась фиксированная заработная плата⁷. С того момента когда муфтием стал Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф (1989—1993), положение стало меняться. Прежде всего новый муфтий старался избавиться от мелочной опеки государства и добился того, чтобы конкретная община имела возможность без вмешательства государства выбирать имамов. Это обстоятельство стимулировало представителей «ваххабитов» активизировать борьбу за мечети как за главное средство расширения своего влияния на верующих.

Итак, противостоящие стороны (консерваторы и «ваххабиты») хорошо понимали, что мечети возрождали свой былой статус религиозного и идеологического центра с перспективой превращения в политический инструмент. Именно эти аспекты хорошо просматриваются в представленном сочинении Н. Тойчиева, несмотря на его, казалось бы, очень личный характер с описанием противостояния автора со своими бывшими учениками.

Кроме приведенных замечаний здесь необходимы некоторые комментарии для адекватного понимания отдельных мест текста, где проясняются важные, на наш взгляд, аспекты религиозного раскола в среде 'улама' Фер-

⁶ Это хорошо видно по сохранившимся вакфным документам (вакф-нама), в которых обязательно оговорено условие — выделять имаму 1/10 часть дохода с любых видов пожертвования. См., например, сотни таких видов документов в фонде И-323 Центрального государственного архива (ЦГА) Узбекистана.

⁷ Правда, при такой системе постоянной проблемой было и остается стремление большинства имамов утаить часть пожертвований, которые фактически никак не контролируются. Кроме того, имамы обычно имеют, так сказать, «собственный доход» (фактически основной), то есть добровольные пожертвования от устроителей различных ритуальных собраний и обрядов (джаназа, амр-и ма'руф и др.).

ганской долины. Прежде всего обращаем внимание на некоторые замечания автора и его брата Фатхиддина-кари, в которых имеются намеки на догматический аспект разногласий сторон.

Обратимся к следующим замечаниям автора:

«Когда я произносил речи (ва'э), ссылаясь на (положения) нашего ханафитского мазхаба, ты говорил: "Оставьте, не говорите (согласно) такого-то мазхаба". Если я цитировал или читал что-нибудь из "Мухтасар"⁸, ты говорил: "Зачем нужна книга, которая способствует разногласиям?". А теперь ты говоришь, что, мол, мы все в ханафитском мазхабе».

... «По вашей вере, если Мунаввар-кари идет на "Маулуд" или "Хатм-и Кур'ан"⁹, то, значит, он — питающийся запретным, а вы, употребляющие в пищу дозволенное, вершите такие (скверные) дела?»

Примерно такие же обвинения в том, что вчерашние ученики (и потом оппоненты) Н. Тойчиева «вышли из веры суннитов», мы видим и в комментариях его брата Фатхиддина Тойчиева. Подобные выпады братьев Тойчиевых в адрес оппонентов примечательны тем, что весьма емко (хотя и не очень полно) отражают догматические позиции сторон. Для полной ясности следует иметь в виду то, что большинство местных консерваторов предпочитало и предпочитает придерживаться положений ханафитского мазхаба, обогащенного традицией обычаев и обрядов ('урф ва 'ада[т]). К последним можно отнести перечисленные выше¹⁰ традиции, связанные, например, с зийаратом могил, либо, как упоминает Насриддин-кари, обряды чтений Корана по поводу мусульманских праздников.

Источник влияния на попытки «реформации» местных форм ханафизма, очевидно, следует искать в том круге произведений исламских авторитетов нового времени и в иных формах религиозно-идеологического влияния, которые стали ощущаться еще в советский период (см. подробнее во введении к изданию). И, конечно, в основе влияния — традиционная идея общенсламского интегризма, которая на местной почве обрела форму борьбы за унификацию между мазхабами без акцента на строгом следовании положениям собственного ханафитского мазхаба (это видно из вышеприведенного замечания

⁸ Имеется в виду произведение «ан-Нукайа» («Мухтасар ал-викайа») 'Убайдаллаха ибн Мас'уда ал-Махбуби ал-Бухари (ум. в 747/1346 г.).

⁹ Маулуд — ритуалы и ритуальные угощения, приуроченные к дню рождения Пророка. Хатм-и Кур'ан — ритуал и коллективные угощения, связанные с чтением Корана в связи с различными поводами.

¹⁰ См. раздел 2, введение к изданию текстов М. Хиндустан.

Мухаммад-Раджаба). Однако положения «местного ислама» в той или иной форме были сформулированы в средневековых сочинениях преимущественно теми авторами, у которых, кстати, было местное конфессиональное образование. Очевидно, именно по этим причинам оппонент Н. Тойчева Мухаммад-Раджаб (равно как и его соратники из «ваххабитов») так резко отвергает положения местного «конфессионального ислама», в котором легитимированы его фактическое обособление либо индивидуальность. Однако новое поколение исламистов («ваххабитов») стало рассматривать индивидуальность «местного ислама» как основное препятствие к реальной интеграции «единой исламской уммы». И конечно, старые/новые идеи о догматической и межмазхабной унификации в действительности имели под собой скорее политические цели, которые, как сказано, были сформулированы такими лидерами реформаторов, как Хасан Банна' или Мухаммад 'Абдух/'Абдо.

Тем не менее местные «ваххабиты» вынуждены были учитывать ту религиозную среду (следующую преимущественно за консерваторами), в которой они находились. И именно поэтому они постоянно подчеркивали свою приверженность ханафитскому мазхабу (как это делал Мухаммад-Раджаб-кари), предлагая, однако, очистить его от нежелательных новшеств¹¹. Хорошо понимая, что их позиции еще слабы, «ваххабиты», как это видно из сочинения Н. Тойчева, старались воспользоваться авторитетом старых 'улама', у которых они учились, но со временем стали рассматривать как своих оппонентов.

К моменту, когда борьба за мечеть в Коканде только разворачивалась, прецедент победы в такой борьбе имелся в Андижане. Здесь лидер «ваххабитов» 'Абдували-кари Мирзаев вместе со своими сторонниками захватил соборную мечеть Андижана, которую превратил в центр борьбы с местными консерваторами. Последних возглавлял 'Абдулатиф-кари (один из учеников М. Хиндустани). Такая же примерно ситуация воцарилась в Намангане и Маргилане. Именно поэтому сторонники Мухаммад-Раджаба-кари, очевидно, ощущая слабость своих позиций в Коканде,¹² призва-

¹¹ Этот религиозный пуризм (или нигилизм) в известной мере можно также рассматривать как реакцию на те формы «советского ислама», бытующего среди простых верующих, которые в условиях запретов прошлого смогли сохранить «свой ислам» в виде тех самых «сомнительных» ритуалов (*зийарат* могил «святых», в обрядах на *маулуд* и т. п.).

¹² В этом отношении характерна фраза Мухаммад-Раджаба, сказанная в ответ на предложение выдвинуть параллельно свою кандидатуру в имамы: «Мую кандидатуру народ не примет».

ли на открытии мечети и выборы имама «гостей из Андижана, Намангана и Маргилана», под каковыми, естественно, подразумевались активисты из «ваххабитов» этих городов.

Как и в случае с 'Абдували-кари, для отстаивания своих позиций нужно было пройти через конфликт с представителями старого поколения, рискуя быть обвиненным в предательстве и даже в отступлении от норм шари'ата. Однако, образно говоря, игра стоила свеч: завоевание мечети означало легитимный доступ к общественной трибуне, и, следовательно, появлялась возможность расширить свою аудиторию, усилить влияние и, соответственно, обрести политический вес¹³.

В послании Н. Тойчиева мы видим, насколько остра была эта борьба. Странники «ваххабитов» не стеснялись заниматься рукоприкладством в отношении своих оппонентов. По словам Н. Тойчиева, их не остановил даже почтенный возраст (около ста лет) одного из старейших 'улама' Коканда Мунаввар-кари, попытавшегося во время выборов имама огласить мнение, не совпадающее с призывами «ваххабитов». Более того, Н. Тойчиев говорил, что его жизни тоже угрожала опасность, как это ему открыто заявил сам Мухаммад-Раджаб. Мы зафиксировали и другие случаи избияния имамов из круга консерваторов (по прямому наущению «ваххабитов»), и не только в Коканде, но и в других городах Ферганской долины¹⁴.

Таким образом, естественный постсоветский духовный кризис и максимализм «ваххабитов» перерастали в прямую агрессию, имеющую не только религиозный, но и социальный контекст с перспективой обретения политического нигилизма.

¹³ См.: Babajanov B. Debates over Islam in Contemporary Uzbekistan: A View from Within // St. A. Dudoignon (Ed.) *Devout Societies vs. Impious States? Transmitting Islamic Learning in Russia, Central Asia and China, through the Twentieth Century*. Berlin, 2004. P. 39–60.

¹⁴ Этот случай не был единственным. Позже такие агрессивные методы со стороны «ваххабитов» стали обычной нормой в противостоянии сторон. Во время наших бесед и интервью (2000–2004) мы установили, что в том же Коканде за активную «антиваххабитскую» пропаганду был избит сторонник местных консерваторов Исма'ил-кари (ученик М. Хиндустани), который пролежал в больнице более месяца с серьезными травмами. Более жестокие случаи зафиксированы нами (во время многочисленных интервью) в Намангане. Здесь от имамов-консерваторов и их последователей в форме открытых угроз требовали прекратить обвинения в «ваххабизме» представителей «новой волны» молодых религиозных деятелей. Нами доподлинно установлено, что в конце 1980-х и в самом начале

В представленных здесь посланиях братьев Тойчиевых совершенно не отражена позиция государства в отношении ислама. И это понятно, так как и тот и другой надеялись на публикацию, а потому не желали иметь проблем с государственной цензурой¹⁵. С другой стороны, Тойчиевы были представителями того самого «советского ислама», носители которого в обмен на лояльность и конформизм приучились рассчитывать на ответную лояльность, избегая обсуждения политических проблем, не говоря уж об открытых политических требованиях. Между тем государственные учреждения (идеологические и правоохранные), сформировавшиеся еще в советское время, рассматривали религиозных деятелей и религию скорее как объекты контроля и борьбы. Невиданная и непривычная им общественная активность (явно перераставшая в политическую) поставила перед ними сложнейшую проблему, выраженную в формировании новой системы отношений: государство—религия—общество. Иными словами, религия стала занимать (точнее, возвращать) свое историческое место посредника между обществом и государством. Опираясь на старый опыт в разрешении подобных вопросов, государство принимает сторону конформистского ханафизма. На деле это проявилось в государственном прозелитизме (в пользу консервативных ханафитов) и привело к тому, что любые нестандартные формы религиозного сознания (или образования) были объявлены «ваххабитскими». Для такого своеобразного «ханафитского прозелитизма» были использованы старые инструменты — Духовное управление, контролируемое Государственным комитетом по делам религий, и вновь созданный орган — Служба советника Президента по вопросам религии и международных отношений. Хотя со временем ситуация стала меняться.

1990-х гг. в случаях, когда имамам из круга консерваторов не соглашались на сотрудничество, активисты «ваххабитов» и члены боевых групп «Адалат» с целью нажима и шантажа выкрадывали детей или ближайших родственников «неудобных» имамов. Дело иногда заканчивалось убийством украденных детей. Например, у нынешнего главного имам-хатиба Намангана 'Абд ал-Хайй-кари был украден и убит сын только за то, что имам не согласился сотрудничать с «ваххабитами». Всего в Намангане нами зафиксировано 14 случаев киднеппинга (kidnapping), так сказать, по религиозным мотивам.

¹⁵ В одной из бесед с нами (май 2002 г.) Фатхиддин Тойчиев говорил, что они с братом прекрасно понимали общественную и даже политическую подоплеку активности «ваххабитов». Однако сознательно избежали обсуждения этого вопроса на страницах своих посланий, так как полагали, что вмешательство государства приведет к нежелательным для обеих сторон последствиям.

Однако все эти вопросы — тема новых исследований; часть таких проблем становится предметом анализа, в том числе и на основе письменных источников¹⁶.

Кроме того, нами сделаны некоторые общие замечания по тексту и переводу. Стиль изложения автора довольно прост и приближен к разговорному. Что касается послесловия Фатх ад-дина Тойчиева, то имеющиеся здесь дополнения, точнее сказать, религиозная аргументация, собраны им у других 'улама' Коканда и Андижана¹⁷. И здесь мы тоже видим скорее опору на традиционный для местной среды 'улама' способ аргументации.

При переводе мы старались сохранить оригинальный стиль обоих авторов. Некоторые предложения в силу их громоздкости и трудности восприятия разбивались нами на два или три менее сложных, но без искажения их содержания. В отдельных случаях мы вводили необходимые для адекватного понимания слова, которых нет в оригинальном тексте, выделяя их в круглых скобках.

В послании Фатх ад-дина-кари использован ряд цитат из Священных текстов и религиозных сочинений. Их перевод, как правило, представляет собой скорее пересказ (иногда приблизительный) использованного фрагмента. В таких случаях в комментариях к переводу (в виде сносок) мы предлагаем более точный перевод соответствующих арабских цитат.

Б. М. Бабаджанов

¹⁶ См. упомянутую работу А. Франка и Дж. Маматова. Там же основная библиография вопроса.

¹⁷ Интервью с Тойчиевым Фатх ад-дином (май 2000 г.). Из тех, кто помог ему сделать соответствующие цитаты из богословских сочинений, Ф. Тойчиев назвал Исма'ил-кари, Ибрахим-кари и других.

(TO'YCHIEV NASRIDDIN-DOMULLA)

Alamli dil nidosi. Qo'qon jomesining ochilish shodiyonasi soyasida
diniy niqob ostidagi munofiqlarning pinhona babis-harakatlari

[Qo'qon], 1990 yil

مکتوب دل محزون حاج الحرمین
وارث رسول سید نقلین
والمجاهد فی طاعة ربه والدين
المستغرق فی رحمة رب الكونین
(ملا نصر الدین بن تویجی بای قوقندی)

Bu dil nidosidagi vasiyatni taqdim etishlik bilan kelajak avlodlarga ibrat va bo'lajak shogirdlarga nasihat uchun yozildi.

G'azal:

Bu g'azal ta'mi azizlarga shakardan kam emas
Lekin munofiqlar og'ziga zahardan kam emas
Kim agar tongay haqiqiy do'stidan, ustozidan
El ichida ul kishi oqpadardan kam emas
Kimki beyuzlik xiyoboni aro tutsa makon
Nasli odam bo'lsa ham echkiemardan kam emas.

1990 yil, 1 yanvar ushbu xatni yozuvchi Nasriddin Muhammad, Muhammad-Rajabning ustози, ushbu xatim orqali ikkalamizning oramizdagi bo'lgan ishlarni bildirmoqchiman.

Men To'ychiev Nasriddin ushbu xatim orqali tubandagilarni bildirmoqchiman. O'zlarinigizga ma'lumki, 1989 yil fevral oyi ichida Qo'qon shahar Jome' masjidi ochilgan. Bu masjid ochilmasdan ilgari agar Jome' ochilsa, kim unga imom bo'lar ekan degan fikr odamlar orasida tarqalgan. Shahar va qishloq ahllaridan ba'zi-bir gapga yetuklilari agar Jome' ochilib ketsa sen unga imom bo'lasan, sen bu ishdan bosh tortib yurmagin, deb o'zimga bir necha bor aytishgan. Men bu odamlarga o'zimni bu ishga rozi emasligimni bir necha bor bildirganman.

Muhammad-Rajab kechalari bir necha bor mening oldimga kelib menga aytganki, agar Jome' ochilsa kim unga imom bo'lar ekan deganida, men aytmamanki, bilmasam, kim imom bo'lsa bo'laveradida desam, yo'q bunga bir fikr qilmoq

kerak, dedi. Shunda men aytdimki, bunday bo'lsa, Qo'qon shahridagi imomlikka layoqati bor kishilarning hammasini sanab bersam, bularning birortasi ham imomlikka loyiq emas, deb rad qildi. Shundan keyin Komintern qishlog'ida yashovchi yoshi ulug' Abdulhamid (Velikdagi masjidning imom-xatibi A'zamxon hoji dadalari) amakini ko'rsatsam, bunday bo'lsa A'zamxon hojining o'zlarini olib kelsakchi, dedi. Men shunda aytdimki, avval dadasi imomgarchilik qilish tursin, namozxonlar xizmatini yoshi kattalik jihatidan bajo keltirolmasa, undan keyin A'zamxon hojini olib kelish qochmaydi, dedim. Yana bundan bir necha keyin kelib menga bildirdiki, bu ishga o'zingizdan boshqa sazavor odam yo'q, chunki siz katta ustozlarni ko'rgansiz, odamlardan hech narsa talab qilmaysiz, bu ishlaringizga hamma kishilar amin. Sizga odamlarning e'tiqodlari baland, bu ishdan hadeb ko'p narsalarni bahona qilib bosh tortavermang, bu ham savoblik ishku, Allohga ham xush kelmas, degan gaplar bilan mening roziligimni oldi.

Yana oradan bir-ikki kun o'tgach, Muxtorjon bilan Muhammad-Rajab mening oldimga borib, Jome'ga siz imom bo'lasiz, deb yana taklif qilishdi. Men yana aytdimki, Jome' katta, ulug' joy, mening ilmim oz, desam, Muxtorjon aytdiki, qo'ying bunaqangi gaplaringizni, mana, Jamoliddin qori sizga qaraganda ilmi oz, shu kishi ham imomgarchilik qilyaptiku, deb ikkalalari yana meni ko'ndirdi.

Ertasiga ertalab Ahmadjon aka kelib (hozirgi Jome' taftish raisi), Muhammad-Rajabdan eshitdim, rozi bo'libsiz, juda yaxshi ish bo'libdi, deb minnatdorchiligini bildirdi. Ahmadjon aka bu nomzodni ya'ni sizni hech kimga hozircha bildirmaslik kerak deb, izhor qilishdi. Hech kimga bildirmay turildi. Shunday bo'lsa ham hamma odamlar mening nomzodligimni bilib turgan edilar.

Bir kuni kechqurun Ahmadjon uyimga kelib, yuring Munavvar qori dadaning oldilariga boraylik, sizning nomzodingizni izhor qilaylik, chunki bu kishi o'zlari qori, go'yo Qo'qon oqsoqoli dedi. Bordik, u kishi Nasriddin akamiz Jome' ochilsa, imom bo'ladida, duo qilsinlar, deganda, duo qildilar va aytdilarki, hamma Qo'qon ahlining roziligi shu kishining imom bo'lishida deb ko'pchilik fikrini bildirdilar va menga aytdilarki, bu ishdan yana bosh tortma deb ta'kidlab ham qo'ydilar.

Shundan keyin biz u kishi oldilaridan chiqib ketdik. Yakshanba kuni imom saylovi oldidan 2 kun ilgari, ya'ni juma kuni kechqurun Ahmadjon mening oldimga borib, yakshanba kuni imom saylov qilmoqchimiz, mana Jome' ham ochildi, ruxsat bo'ldi. Endi sizni Jome' masjidiga imom bo'lishlik nomzodligingizni aka-ukalaringiz hamma tarafga ko'pchilik bo'lib tarqatsinlar, biror joy qolmasin. Marg'ilonni ham taklif qilib kelsinlar, biz o'zimiz Namangan bilan Andijanni taklif qilamiz, odamlar juda ko'p bo'lishi kerak, dedi.

Aytganidan ham ziyoda qilindi. Shanba kuni kechasi, ya'ni yakshanbaga o'tar kechasida bir necha mashina bilan shaharning ko'p mahallalariga va ba'zi

qishloqlarga ham borib nomzod o'zgardi, Muhammad-Rajabga ovoz berasizlar, — degan xabar tarqatilgan ekan. Men bu ishlardan aslo xabarim bo'lmagan. Kechasi bilan nima ishlar qilishi lozim bo'lsa qilib bo'linib, majlis tartiblari tuzilib, hamma tarafga o'zining nomzodligini bildirib bo'lib, hech ishdan xabari yo'q kishidek bo'lib, yakshanba kuni (ya'ni imom saylash kuni) ertalab soat 7.00 lar atrofida Muhammad-Rajab bilan o'qishdagi o'rtog'i Muxtorjon birgalikda mening oldimga keldi. Mendan so'radilarki, siz o'zgaruvchan odamsiz, o'z fikringizda turibsizmi, ya'ni nomzodlikdan qaytganingiz yo'qmi, dedi. Men aytdimki, hamma tarafga xabar qilinib bo'lingan bo'lsa, nima ham qilar edim, endi turaveramanda, dedim. Muhammad-Rajab va Muxtorjon taklifi bilan noib imomlikka Ibrohimjon qorini qilmoqchi bo'lgan ekanlar, men unga o'sha kuni ertalab noroziligimni bildirdim. Ibrohimjon u ham menga o'xshash kasalvand, ishga yaramaydi. Adhamjon (Ibrohimjon qorining akasi), Ahmadjon, Muhammadamin, Qosimjon — shulardan birortasi noib bo'lsin desam, bulardan birortasi ham bo'lmaydi, deb ikkalalari ham rad qilishdi.

Muhammad-Rajabdan bir necha bor o'zingni imom bo'lishlik maqsading bormi yoki yo'qmi, deb so'raganimda, aslo niyatimda imom bo'lishlik yo'q deb bildirgan edi. Shunday bo'lsa ham men yana so'radimki, ikkalangdan bittang noib bo'l desam, Muhammad-Rajab bilan Muxtorjon bir-birlariga qarab, Muhammad-Rajab o'z roziligini bildirdi va aytdiki, mening nomzodligimni odamlar qabul qilmaydi, deganida men aytdimki, agar sen rozi bo'lsang, seni 10 kundan keyin o'zim noib qilib olaman, dedim. Shundan keyin ikkalalari mening oldimdan chiqib ketdilar va aytdilarki, Andijandan mehmonlar ko'p keladi, Jome'da peshin namozidan keyinga 30 kg devzira guruchga¹ osh bo'lishi kerak, shuni qildirsangiz, dedi. Ular chiqib ketgandan keyin darrov sabzi to'g'ranglar dedim va qishloqqa borib Nizomiddin ukamga aytdimki, darrov 30 kilo guruchga sarf-xarajat qil, Jome'da osh qilib beraman degan eding, desam, xo'p deb hamma ishlarni yaxshilab bajo keltirdi. Oshni Muhammad-Rajabning odamlariga ko'ngildagidek qilib berdi. Yakshanba kuni Muhammad-Rajabga ovoz berish uchun 300 ga yaqin kishilarni ham yollagan ekan benamozlardan. Bu yollagan kishilarni o'sha kungi peshin namoziga kirmasdan chinor tagidan majlisni kutib o'tirishlarini videoda ko'rish mumkin. Bu 300 kishini yollanganligini Ahmadjon aka uyimda darvoza oldida shaxsan o'zimga aytgan, bulardan ba'zilar og'zini sasitib araq ham ichib kelgan ekan, og'zilaridan araq hidi kelib turganligiga guvohlar ham bor.

Muhammad-Rajab, qara-ya, Jome' masjidiga kimlarni birinchi bo'lib olib kirding imom bo'lishliging uchun?..

¹ Asl matnda: gugunch.

Andijan shahridan Muhammad-Rajabni Jome' masjidiga imom-xatib qilib saylash va tayinlash uchun 200 dan ziyod kishilar kelgan ekan, men bu ishlardan aslo xabarim bo'lmagan. Majlis boshlanishidan oldin bir necha bolalar odamlar orasida yunib ovoz Muhammad-Rajab akamizga beriladi, boshqaga ovoz berilmaydi, deb ham tarqatib yurgan. O'sha kuni soat 12.00 lar atrofida meni Jome'ga jyanim Sadriddin o'z mashinasi bilan olib chiqib keta turib aytdiki, tog'a, imom bo'lib nima qilasiz, qo'ying, chiqmang, men Jome'ga borib, tog'am unamadi, deyman dedi. Men aytdimki, kelin oying (oilam) jyanlaring (farzandlarim) va boshqa tog'alaring ham aslo rozilik bermaganlar, juda ko'p gap o'tib ketdi. Qani chiqaverayinchi, bir gap bo'lib qolar, deb Jome'ga chiqdim.

Men Jome'ga borishim bilan bir kishi kelib aytdiki, nomzod o'zgarib qolibdi, Muhammad-Rajab bo'lar ekan, deganda, men xayron bo'ldim va ichimda aytdimki, ertalab oldimda qanday gaplarni gapirgan ediku, nahotki hozir shunday bo'lsa, deb aslo ishonmadim. Shu vaqtda Muxtorjon oldimdan o'tib qokdi, men undan so'radimki, nima gap, boshqacha gap paydo bo'ldimi? — desam, yelkasini qisib, bilmayman shunaqaga o'xshaydi, — dedi. Men yana xayron bo'lib, bunga ham ishonmadim. Mikrofon atrofini haligi yollangan kishilar, andijanliklar va boshqa Muhammad-Rajabga ovoz beradiganlar o'rab olgan holda majlis boshlandi. Sodiqjon qori mikrofondagi so'zga chiqib, Jome' masjidi tarixi bilan, odamlar bilan tanishtirdi va so'zining oxirida meni shunday bir yamon odamga tashbih qildi. Aytdiki, bir kishi har xil bid'at ishlarni qilib kelib, endilikda bu ishlarni qilmayman, agar Jome'ga imom bo'lsam, deb tavba qilishi, bir kishi dunyodagi hamma yamonliklarni qilib, jon berar g'arg'arasidagi tavbasiga o'xshaydi, buning tavbasi qabul bo'lurmi, yoki bo'lmasmi? — dedi.

Andijanni Yahyo qori so'zga chiqib, Muhammad-Rajabni imom-xatib bo'lishini izhor qildi. Mikrofon atrofidagi shaxslar yakdillik bilan qabul qildi, undan keyin Muhammad-Rajab qo'shnisi G'ulomjon degan yigit so'zga chiqib, Muhammad-Rajabni imom-xatib bo'lishini izhor qildi. Buni haligi ovoz beruvchilar yakdillik bilan qabul qildilar. Men shu vaqt xayron bo'lib nomzodni o'zgargan ekanligini bildim. Ahmadjon aka ham Jome' ochilmasdan ilgari menga aytgan ediki, Jome' ochilsa, majlisda men o'zim so'zga chiqib, odamlarga sizning dehqonligingizni, ilmingizni va fe'llaringizni maqtab xaloiqqa aytaman. Ammo buning o'miga u indamay turdi. Bunday iflosliklardan so'ng shu kaminani oldida o'zini oqlash maqsadida nojoiz voqe'alarni ham bayon qildi. Uning gapi shunday bo'ldi.

Imom saylovi kunidan 2–3 kun o'tgach, men Muhammad-Rajabning uyiga borsam, u mening oldimga chiqdi va meni mashinam ichida menga aytdiki, falon kuni kechqurun men uyimda bo'lmagan edim, mendan gumon qilmaysizlar.

Aslida buni Qo'qon yigitlaridan yigirmatachasi Nasriddin akani aka-ukalari Muhammad-Rajabni qishloqqa olib borib tazyiq o'tkazayapti, bularning qishlog'iga borib tinchitib kelishimiz kerak, deyapti. Men bularni qaytarib turibman, dedi.

Mening aka-ukalarim hozirgacha Muhammad-Rajabga biror marotaba ham qattiq gapirmagan. Muhammad-Rajabni yigitlariga meni aka-ukalarim nima ham qilar ekan, bunchalar suiqasd qiladilar.

Hurmatli birodarlar! Bu fitna va nifoqlarning bo'lishiga Muhammad-Rajabni o'rtog'i Muxtorjon va Muxtorjonning shogirdi Sodiqjon qori va andijanliklarning ham katta hissalar bor. Bu fitna va munofqlikni ko'rib qilgan kishilar munofiqlar haqida kelgan oyatlarni qanday qilib o'qiydilar yo shu oyatlarni tashlab ketarmikan? Jome' ulug' joy, bu fitna va munofqliklarni Jome' ichida o'z ustoziga (ozgina o'qitgan bo'lsa ham) qilib turib, Jome' ostonasiga qanday qo'rqmasdan qadam qo'yadi-ya?!

Men hammamiz hanafiy mazhabimiz deb va'z qilganimda, qo'ying falon mazhabdanmiz deb aytmang deding, «Muxtasar»dan gapirsam, o'qib bersam, bunaqangi ixtilofga sabab bo'ladigan kitobni nima keragi bor, deding. Endilikda esa o'zing hammamiz hanafiy mazhabdanmiz deyapsan, u so'zni qaysi tiling bilan aytyapsan? Seni u fikringdan o'zgarishingga nima majbur qildi yoki mo'min kishida ikki til bo'ladimi?

Muhammad-Rajabga Yahyo qori ham yollangan, yo burilgan yo sotilgan kishi bo'lsa kerak, bo'lmasa soqoliga oq kirgan, shayxi foniylikka yaqinlashgan kishi bir shahardan ikkinchi shaharga borib imom Muhammad-Rajab bo'lsin, noib Muhammad-Sodiq qori bo'lsin deb taklif qilmaydi, aqli bo'ladi-ku! Agar yollangan yo buyurilgan yo sotilgan kishi bo'lmaganda, biz Jome'ni muborakbod qilgani kelganmiz, imom saylash qo'qonliklarning ixtiyorida, biz bunga aralashmaymiz, deb aytar edi.

Muhammad-Rajab men dunyoda sandaqangi munofiqni ham ko'rmadim, senga o'z ustozingni shariatdan tashqari darajada qoralash o'miga boshqa ish qilsang bo'lmasmidi?

Muhammad-Rajab, sen o'qib yurgan vaqtingda hozirgi atrofingdagilarga nafrat ko'zi bilan qarar eding. Hozir bo'lsa shuni teskarisi bo'lsa kerak. Menda senga nisbatan, mo'minlarga nisbatan nima ayb sodir bo'ldi? Menga shuni biktirsang.

Muhammad-Rajab, seni o'qitaturgan davrimda, senga shayxi foniylarga bunday munosabatda bo'lishni, ustozga bunday ishlar qilishni ta'lim bermagan edim-ku. Bunday ishlarni qilishingda ustozing kim, kimdan ta'lim olgansan, bu ishlarda kimga ergashding?!

Muhammad-Rajab, niyatingda imom bo'lishlik shu darajada bor ekan, o'zinga aytsang bo'maydimi? Mening otam qishloqlarda 25 yil imomgarchilik qilgan, men otamning kasbini qilmasam bo'lmaydi deganingda, mendan xolis biror maslahat chiqarmidi. Sen shariatda eng yamon bo'lgan ishga qadam qo'ymasmiding?!

Muhammad-Rajab, o'zlarini maslahatlarining bilan Ahmadjon aka meni kechasi Munavvar qoriga olib bordi va ertasi unga mikrofonni tutdilaring, siz ham gapiring deb. U kishi mikrofondagi o'zlarini fikrlaringni va o'zining ba'zi bir fikrlarini gapirib turgan paytda, sen va Muxtorjon va ba'zi bir munofiqlar boshchiligida qori-yu murattab shayx foni 100 yoshga yaqinlashgan Munavvar qorini shariatdan tashqari darajada xo'rladilaring, hattoki ba'zi bir yoshlarga urdirdilaring yoki sizlarning shariatlarida shu ish joizmi? Sizlarning e'tiqodlarida Munavvar qori mavlud va xatmi Qur'onlarga borib harom yeguvchi-yu, sizlar esa halol yeguvchi? U kishi harom yeb nima qildi, sizlar halol yeb nima ish qildilaring?

Munavvar qori to'g'risidagi gapni meni taklif qilgani uchun aytmoqchi emasman va Sharofiddin akani ham. Alloh borku. Muhammad-Rajab, o'qib yurgan paytingda menda imom bo'lishlik orzusi bormidi yoki yo'qmidi? Katta o'g'lim N. eshigingga borib, dod-faryod qilib yig'ladi-ku dadam imom bo'lmaydi, — deb. Dadamni tinch qo'yinglar, — deb.

Xullas gap shuki sen meni imom bo'lish va bo'lmaslik to'g'risidagi fikrimni bilar eding, lekin sening fikringni bilmas ekanman. Shu gaplarning hammasini falonchiga ham aytсам, buning maqsadi qanday qilib bo'lsa ham o'zi imom bo'lishlik ekan-da, — dedi. Sening bu qilgan hiyla-yu nayranglarini ko'rib turib, ozgina o'qitgan bo'lsam ham — o'sha ozginadan voz kechkim keldi.

Muhammad-Rajab sen hammaga aytyapsanki, men Nasriddin akani Jome'ga imom qilib olib kelib qo'ydim, o'zi aniza yozib chiqib ketdi, u kishining bu yerdan ketishi uchun menda aslo ayb yo'q deydin. Haqiqatda meni Jome'ga imom qilish maqsadida bo'lganda, imom saylov kunidagi ishlarni qilarmiding? Xo'p, imom saylov kunidagi ishni adashib qilding deylik, imom saylov kundan keyin yana uyimga borib, imom saylash kunidagi majlis ixtiyori mendan chiqib ketdi, menda aslo ixtiyor qolmadi, sizning hayotingizni saqlash uchun men nomzodimni qo'ydim, agar qo'ymanimda xunuk ish bo'lar edi, — degan so'zlar bilan uzr aytding. Uzingni ham qabul qildim. Minhojiddin, Fathiddin ukamlar ham seni uzringni ko'rib, qo'ying aka, kechiring, — dedi o'zingni oldingda. Shularning gaplarida nifoq bormidi? Mening ukalarimni o'sha kunlardagi gaplarida aslo hiyla, firib yo'q edi. Alloh o'zi biladi.

Nima bo'lsa bo'ldi, endi mayli qani Jome'ga chiqayinchi, nima bo'lar ekan, — deb chiqdim. Bir jumaga o'tishim bilan katta chinor tagida aytdingki, gaplaringiz yoshlarga ma'qul emas, va'zini menga bering, — deding. U yoshlarning imom saylov kunidagi yoshlarning bo'lsa kerak yoki sening o'zing yolg'onchi yoki sening o'zingga yoqmagani bo'lsa kerak. Sen, Akbarjon aka, mutavalli Ahmadjon akalarni menga xaytkishlading. Alixon, Hamdamxon, Muhammadaminlarni ishga solib, meni yana ko'pchilik ichida xo'rlamoqchi bo'lding. Men bu ishlaringni ko'rib turib, imom

saylov kunidagi xo'rlashingni kamchiligi bor ekan, o'sha kamchilik bajarilishi kerak ekan deb o'ylab qoldim. Endi Jome'ni bo'shatayin, Muhammad-Rajabni o'ziga berayin, Muhammad-Rajabni aytgan uzrlarini, aytgan gaplarini, imom saylash kunidagi majlis ixtiyori Muhammad-Rajabdan chiqib ketganmi-yo'qmi, buni sinash payti keldi, qani sinaychi deb ariza yozib, xufton namozidan keyin katta chinor tagida qorong'ida qo'lingga bersam, hamma gaplaring, ishlarining hiyla-yu nayrang ekanligi bilindi. Hiyla-yu nayrang bo'lmaganda, haqiqiy sodiq bo'lganingda, bu nima qilgan ishing, — deb so'rar eding-da. Anizani olib shoshub qolding-ku.

Xullas, sen meni qo'ng'iroq qilib Jome'ga olib chiqding, Pirmquldan qo'rqqanliging ekan. Uyimda bir necha bor aytgan eding-a, agar siz Jome'ga chiqmasangiz, sizning o'ringizga Pirmqul kelib qoladi, — deb aytgan eding. Bunga guvohlar ham bor. Meni hiyla-yu nayrang bilan olib chiqib, hiyla-yu nayrang bilan yo'qotding. Men Jome'dan ketganimga xafa emasman, lekin Jome' ichida shunchalar hiyla-yu nayranglaringni, o'zingni xalqqa ko'rsatishliging va imom bo'lishing uchun o'z ustozingga qilganingga xafaman.

Muhammad-Rajab, hammamiz ham dunyodan o'tamiz. Sen Allohning oldiga borganingda, Allohga qanday yuzing bilan qaraysan yoki ru'yatga munkirsan.

Muhammad-Rajab, sen dunyoga kelib o'zingni va kishilarni esidan chiqmaydigan bir ish qilding.

Ruhan ezding, hayotimni tugatding!

Muhtaram insofli kitobxon, birodarlar, aziz dinu diyonatu vijdoningizga havola qilamiz, shu marhumning xafaligi ta'ban va shar'an haqmi? Albatta haqdur, chunki obinovvot deb tarbiya qilgan niholi ithamak chiqib qoldi. Adiblar aytgan ekan:

وَمَا أَحْسَنَ مَا نَقَلَهُ سَيِّدِي عِنْدَ الْوَهَّابِ الشُّعْرَانِي فِي الطَّبَقَاتِ عَنْ شَيْخِهِ الْخَوَاصِّ قَالَ
سَمِعْتُ سَيِّدِي إِبْرَاهِيمَ الْمَنْبُولِي يَقُولُ زِيَادَةُ الْعِلْمِ فِي الرَّجُلِ السُّوءِ كَزِيَادَةِ الْمَاءِ فِي أَصُولِ شَجَرَةٍ
الْحَتِّطَلِّ فَكَلَّمَا أَزْدَادَ رِيًّا أَزْدَادَ مَرَارَتُهُ

Imomi Sha'roniyni o'z shayxlaridan naql qilgan so'zlari:

Nima narsa chiroyli qilibdikki, yamon kishida ilmni ko'p bo'lishligi, go'yo itqovunni poyasining tagida ko'paygan suvga o'xshaydi: uning poyasi ostida qancha suv ko'p bo'lsa, shuncha achchiqlik zahari ziyoda bo'ladi.

Keling, buni biz ahli islom dasturi bo'lmish «Qur'oni karim» ga va sunnati Rasul alayhis salomga solishtirib ko'raylik va bu to'g'ridagi din peshvolarimiz so'zlariga murojaat qilaylik va ahli fatvolar fatvolariga quloq solaylik. Avvalambor

betavfiq shogirdlar va behayo ... o'z ustozlari va shar'an otasi bo'lmish Oxun akamizning qilgan ishlariga va qattqlik zamonida o'rgatgan ilmlari evaziga qaytargan yaxshiliklarimi? Va holbuki Alloh taolo o'z kalomida

هَلْ جَزَاءُ الْإِحْسَانِ إِلَّا الْإِحْسَانُ

deb marhamat qiladi, ya'ni ushbu oyati karima surada — «bo'lmaydi yaxshilikni jazosi magar yaxshilik». Ya'ni yaxshilikka yaxshilikdan boshqa narsa bilan jazo berilmaydi, deb biz ahli mo'minlarga ta'lim beradi, yoki bu betavfiqlar bu oyatlarni ko'rishdan ko'zlari ham qalblari kabi ko'r bo'lganmi yo ular bu oyatga munkirmi, yo o'z ustozilaridan xatiblikni tortib olish uchun ishlatgan hiyla-yu makru yolg'on bo'xtonlarini o'z domlasiga hurmat deb biladilarni, va holbuki, Alloh taolo biz ahli islomlarni olimlarni hurmat qilishga da'vat qiladi.

قوله تعالى: وَمَنْ يُعَظِّمْ شَعَائِرَ اللَّهِ فَإِنَّهَا مِنْ تَقْوَى الْقُلُوبِ. ووقوله تعالى: وَمَنْ يُعَظِّمْ حُرْمَاتِ اللَّهِ فَهُوَ خَيْرٌ لَهُ عِندَ رَبِّهِ لِأَنَّ عُلَمَاءَ الدِّينِ مِنْ أَعْظَمِ شَعَائِرِ اللَّهِ إِنْ أَمْرًا مِنْ شَعَائِرِ اللَّهِ عُلَمَاءَ دِينِهِ وَهُمْ مِنْ أَعْظَمِ حُرْمَتِهِ.

Ushbu oyati karimadagi va kalimalarini aksar mufassirinlar — «'ulamo' ad-dinga» tafsir qilibdilar chunki, «'ulamo' ad-din» Allohning yer yuzidagi eng ulug' nishonasidir, chunki ular Allohni tanidilar va boshqalarga amonatdorlik bilan tanitadilar. Siz Muhammad-Rajab (Toshte mir) aytilganidek

لِكُلِّ شَيْءٍ مِنْ أَسْمِهِ نَصِيبٌ

Siz Muhammad-Rajab (Toshte mir) ushbu oyat muqtazosiga muvofiq o'z ustozingizni sizga qilgan yaxshiliklariga ya'ni sizni o'qitdi, dunyo va oxirat ishlarigizda sofdillik, ochiqko'ngillik bilan maslahatgo'ylik qildi. Xullas sen bu qilgan yaxshiliklarga hiyla-yu nayrang, makru yolg'on bilan javob berding.

Axir sizning shioringiz oyatga amal qilish-kul Har holda siz Oxun alayhi-rahmaga ozor berishingiz bilan bu oyati karimaning ostiga doxil ekaningizni inkor qilolmasangiz kerak!

قوله تعالى: وَالَّذِينَ يُؤْتُونَ الْمُؤْمِنِينَ وَالْمُؤْمِنَاتِ بِغَيْرِ مَا اكْتَسَبُوا فَقَدْ احْتَمَلُوا بُهْتَانًا وَإِثْمًا مُبِينًا وَعَنْ أَبِي أَمَامَةَ مَرْفُوعًا: ثَلَاثَةٌ لَا يَسْتَحِقُّهُمْ إِلَّا مُنَافِقٌ ذُو الشَّيْبَةِ فِي الْإِسْلَامِ وَذُو الْعِلْمِ وَإِمَامٌ مُقْسِبًا رَوَاهُ طَبْرَانِيُّ فِي الْكَبِيرِ

Uch toifa odamlarni hech kim xo'rlamaydi. Magar munofiq xo'rlaydi. Islomda pir bo'lganni va olimlarni, odil podsholarni.

وعن عبد الله بن عمر قال قال رسول الله صلى الله عليه وسلم ليس منا من لم يؤقر كبيرنا ولم يرخم صغيرنا ومن لم يعرف لعالمنا حقه رواه الترمذي

Payg'ambarimiz marhamat qilib aytadilar: «Bizni ahli islomdan emas har kim hurmat qilmasa ulug'larimizni, rahm qilmasa yoshlarimizga va tanimasa ulamolarimizni haqqini».

وقال نووي في التبيين وشرح المذهب قال الحافظ أبو القاسم ابن عساكر² إعلم يا أخي إن لحوم العلماء منسومة وعادة الله في هتك أسرار منقصيهم معلومة ومن أطلق لسانه في العلماء ابتلاه الله قبل موته بموت القلوب

'Asokir o'g'li Abulqosim Hofiz aytadilar: ey birodarlar, bilingki, ulamolar go'shti aniq zaharlangandur, ulamolami kamsitib, nuqsonga nisbat berguvchilarni hurmat pardasini yirtib tashlash Allohni odatidanligi aniq ma'lumdir. Albatta har kim o'z tilini ulamolar haqida bo'sh qo'yaversa, muhtalo qiladi. Alloh bunday odamni o'zini o'lmasdan burun qalbining o'lishiga dalil dor.

قيل لرسول الله صلى الله عليه وسلم أقتل المؤمن مؤمينا قال نعم أيرن المؤمن مؤمينا قال نعم أيسرق المؤمن مؤمينا قال نعم أيكذب المؤمن مؤمينا قال أما المؤمن لا يكذب

Aytildi Payg'ambarimizga, mo'min bo'laturib odam o'ldiradimi? Aytidilar: «Ha». [Aytildi]: Mo'min mo'min(ni) bo'laturib zino qiladimi? Aytidilar: «Ha». Mo'min mo'min(ni) bo'laturib o'g'nilik qiladimi? Aytidilar: «Ha». Mo'min mo'min(ni) bo'laturib yolg'on so'zlaydimi? Aytidilar: «Ammo mo'min yolg'on so'zlamaydi», dedilar.

Muhammad-Rajab bugungi kunda jaholat oti se mirib, mubtadiylar maydoni kengaygan paytda Qo'qon mubtadiylari boshlig'i Muhammad-Rajab (ya'ni Toshtemir) biz ahli sunnat va jamoat e'tiqodida turuvchi kishilar sizni bu harakat dastingizni ko'rib, sizni dindor va amonatdor kishi emasligingizda yuqorida bayon qilingan oyat va hadislariga zid harakat qilganingizni ko'rib, sizni dindor kishi e masligingizda hech shubhamiz qolmadi. Keling, bu sizning makkorlik qilmishingizni adiblar va hakimlar aql tarozusi bilan ham tortib ko'raylik.

إذا كانت الإساءة طبعًا لم يملك لها الإنسان دفعًا

Agar bir insonga tabiat bo'lsa yamonlik,
Qodir bo'lolmas endi o'zidan daf etmog'lik.

² Asl matnda: 'asokir.

– deganlaridek, siz ham bu ishingizda ma'zur bo'lsangiz kerak, vagarna Oxun akamizni hayotlik davrida qancha ozor bergan bo'lsangiz ham vafotidan so'ng bezovta qilishdan andisha qilishingiz lozim edi, chunki har narsa tinklarga ozor bersa, o'liklarga ham ozor beradi.

مَا يُؤْذِي الْأَحْيَاءَ يُؤْذِي الْأَمْوَاتِ

Siz Oxun akamizni vafotidan so'ng behayolik bilan yolg'onchi va tuhmatchi deb da'vo qilyapsiz, ya'ni biror kishi shu to'g'risida suol qilsa, siz «Oxunni bu gapi mening haqida hammasi yolg'on va bo'xtan debsiz».

Agar yolg'on va bo'xtan bo'lsa, nima sababdan ko'pchilik o'rtasida bo'lgan ishlarni aytganida rad qilmadilaring. Oxun akamiz o'lsa ham, o'sha majlisdagi odamlar hayot, kerak bo'lsa o'sha uchrashuvdagi lenta ham bor.

قيل لسفيان بن عيينة أيُّ النَّاسِ أَطْوَلُ نَدَامَةً قَالَ أُمَّا فِي الدُّنْيَا فَصَنَائِعُ الْخَيْرِ إِمَّنْ لَا يَشْكُرُهُ

أُمَّا فِي الْآخِرَةِ فَعَالِمٌ مُفْرَطٌ

Aytildi Sufyon ibn 'Uyaynaga «Qaysi odamning nadomati uzun bo'ladi?» Aytidi: «Bu dunyoda yaxshilikni bilmaydigan odamga yaxshilik qilib qo'ygan odamni, ammo oxiratda beamal o'limni».

Oxun akamizning o'z xatlari oxirida «Oh, Rajab senga ko'p yaxshilik qilib, ko'p aziyalar ko'rdim. Oh, Rajab hayotimni yeding», degan nolishlari bo'rin bo'lmasa kerak. O'z shogirdlaridan jaf o'rgan ustozlar tanho Oxun akam emas.

(1) شعر: عِلْمُهُ الرَّمَائِيَّةُ كُلُّ يَوْمٍ قَلَمًا اشْتَدَّ سَاعِدُهُ رَمَائِي

(2) وَكَمْ عِلْمُهُ نَظَمَ الْقَوَائِي قَلَمًا قَالَ قَائِيَةٌ مَجَائِي

(3) يَا سَعْدُ يَا شِيرَازِيَا تَعْلِيمُ مِدَّةَ بَدْرٍ أَدْرَا

يَدُ زَادَ أَكْرَمًا شُودِ نَكْتَهُ زِدَدِ اسْتَادِرَا

1. O'rgatdim unga har kuni o'q otishni,

Vaqtiki bo'ldi mohir, burdi menga o'q otishni.

2. Qanchalar o'rgatdim anga nazmlar qofiyasin,

Vaqtiki nazmgo'y bo'ldi, otdi menga hajvni

3. Ey, Sa'diy (Ey Sheroziy) ta'lim berma asli past zotga,

Asli past zot mullo bo'lsa, ayb otar ustodga.

'Ulamo qiymat bahodur-ki, ularning qiymatini bu xildagi betamizlar tanimaydilar. Ilm bunday nopok tabiatlarga hech ta'sir qilmaydi.

زِيَادَةُ الْعِلْمِ فِي الرَّجُلِ السُّوءِ كَزِيَادَةِ الْمَاءِ فِي أَصْوَلِ شَجَرِ الْحَنْظَلِ قَلَمًا زِدَادًا رِيًّا زِدَادًا

Muhtaram birodarlar, bildikki, bu xildagi axloqlar adiblar aql tarozusida ham ayb toshi bilan tortilar ekan. Keling, endi bu xildagi ustozning haqqini inkor qiluvchilarni ahli fatvolar tarozusi bilan ham tortib ko'raylik-ki, bizlar o'z ibodatimizda bunday zotlar bilan qanday munosabatda bo'lishlikka buyuradi. Avvalam Payg'ambarimiz so'zlari

قال عليه السلام اجعلوا ائمتكم خياركم فرائهم وفدكم بينكم وبين ربكم

Aytadilar Payg'ambarimiz, alayhi-s-salom: «Qilinglar imomlaringni o'z ichlaringizdagi eng yaxshiroqlaringizni, albatta ular sizlarning elchilaringizdurlar, Alloh bilan sizlarning o'rtalaringizdagi».

«Jomi' al-fatovo»da.

العاق على نوعين عاق يجوز الصلاة خلفه وعاق لا يجوز الصلاة خلفه. أما العاق الذي لا تجوز الصلاة خلفه هو الذي يكثر جميع حقوق الأستاذ فيصير كافرًا أو يظهر غيوب الأستاذ عند الناس فلا يجوز الصلاة خلفه أما العاق الذي يجوز الصلاة خلفه هو الذي يكثر من أمر الأستاذ عند استطاعته أو يستخفه فهو فاسق تجوز الصلاة خلفه مع الكراهة وإذا تاب قوتبته مقبولة ثم بعد التوبة تجوز إمامته من غير الكراهة كذا في كنز العباد

Ustodga 'oq bo'luvchilar ikki qism bo'lacilar, bir qismining orqasida namoz o'qish joiz, bir qismining orqasida namoz o'qib bo'lmaydi. Ammo bir 'oqiki, uning orqasida namoz o'qib bo'lmaydi, u shunday shogirdki, inkor qiladi ustozning hamma haqlarini, (ya'ni shariat tomonidan yuklangan haqlarni inkor qiladi). Bas bu suratda kofir bo'ladi. Yo u oshkora qiladi xalq orasida o'z ustozini ayblarini (chunonchi, o'z ustozini yolg'onchi, bo'xtonchi deganga o'xshagan). Bas, joiz emas bunday odamning orqasida namoz o'qimoq. Ammo 'oqiki, uning orqasida namoz joiz bo'ladi, u shunday zotki, inkor qiladi ustozning buyruqlaridan biron buyrug'ini, vaqtiki undan itoat talab qilinsa, o'sha buyruqqa u ustozni beqadr hisoblaydi, bas bunday shogird (betavfiq) fosiqdur, buning orqasida namoz joiz bo'lsada, makruhdir, agar tavba qilsa, tavbasi maqbuldur va imomligi ham bekarohatdur.

«Kanz al-ibod» kitobida ham shunday deyilgan.

قال النبي عليه السلام: اكرموا الأستاذ ولو كان فاسقا

Payg'ambarimiz alayhi-s-salot va-s-salom «Hurmat qilinglar, ey ummatlarim ustozni, agar chandiki fosiq bo'lsa ham», — deganlar («Tanbih al-g'ofilin» kitobidan).

ونيز فرمودند كه: من اهان الأستاذ يكره للسلطان والأمراء أن يقطعوا بسأته في فوائد

الإسلام

³ Asl matnda: ki.

Va buyuradurlar «Favo'id al-islom» kitobida «Agar har kim xo'rlasa va tahqirlasa o'z ustozini, lozim bo'ladi podshoga va amirlarga shunday shogirdning tilini xalq orasida ta'zir uchun kesmoqliklari».

إِذْ عَلِمَ أَنَّ الْعَاقَ هُوَ الَّذِي يُكْفِرُ جَمِيعَ حُقُوقِ الْأَسْتَاذِ قَيْصِيرُ كَافِرًا أَوْ يُظْهِرُ غُيُوبَ الْأَسْتَاذِ

عِنْدَ النَّاسِ فَلَا يَجُوزُ الصَّلَاةُ خَلْفَهُ كَذَا فِي كَشْفِ الْغَوَامِضِ

Bilingki, albatta 'oq o'shal zotki, inkor qiladi u o'z ustozini hamma huquqlarini, bas shu sababdan u kofir bo'ladi yo u oshkora qiladi xalq orasida ustoz ayblarini, bas joyiz bo'lmaydi unga iqtido qilib, orqasida namoz o'qimoq.

(«Kashf al-g'avomiz» kitobidan naql qilindi).

(تَقْدِيمُ التَّلْمِيزِ عَلَى الْأَسْتَاذِ وَآبَتِهِ لَا يَجُوزُ إِلَّا بِرِضَاهُمَا (فِي فِتَاوَى سِرَاجِي))

Shogirdni o'z ustozini va uning o'g'li o'tirgan joydan yuqori o'tib ketishi joiz emas, magar o'zlarini rozilik bersalar («Fatovo-yi sirojiy» kitobidan, ustozning hurmati to'g'risida aytilgan).

وَفِي فِتَاوَى مَحْبُوطٍ وَقَاضِيخَانَ وَمَنْ يُؤْذِي أَسْتَاذَهُ قَوْلًا أَوْ فِعْلًا أَوْ دَلَالَةً فَهُوَ كَفَرٌ وَتَوْبَتُهُ غَيْرُ

مَقْبُولَةٌ

«Fatovo-yi «Muhit» va «Qozixon»da aytibdurlar: «Har kim ozor bersa o'z ustoziga o'z so'zi bilan yo fe'li bilan yo boshqani dalolat qilish bilan, bas u kofirdur, uning tavgasi g'ayri maqbuldur».

وَفِي جَامِعِ الْمُتَفَرِّقَاتِ إِجْحَادُ الْأَسْتَاذِ كُفْرٌ بِالْإِجْمَاعِ لِأَنَّهُ اسْتِخْفَافٌ

«Jomi' al-mutafariqot» degan fatovoda: Ustozning haqqini bilib turib, inkor qilmoq, bi-l-ittifoq kufirdur, chunki bu ahli ilmni, shariat ilmni xo'rliqmoqdur.

الْمُتَعَلِّمُ رَقٌّ مُؤَبَّدٌ وَلَوْ جَعَلَ وَجْهَهُ مِنَ الْأَسْتَاذِ (أَعْرَضَ) قَالُوا لَا يُقْبَلُ تَوْبَتُهُ وَلَا يُعْتَبَرُ بِعَوَالِهِ

وَلَا يُعْمَلُ بِفِتْوَاهُ وَإِمَامَتُهُ وَإِنْ كَانَ مُتَعَبِّدًا وَلَوْ تَبِعَ شَيْئًا لِأَنَّ ذَيْبِحَةَ الْعَاقِ حَرَامٌ عِنْدَ الْكُلِّ لِأَنَّ ذَيْبِحَتَهُ وَذَيْبِحَ الْكَافِرِ سِوَاهُ مُتَوَاهِمَا النَّارُ إِلَّا أَنْ يَرْضَى عَنْهُ الْأَسْتَاذُ فَيَتُوبُ عَنْهُ كَمَا إِذَا اسْلَمَ

الْكَافِرُ عَنْ كُفْرِهِ وَعَلَيْهِ الْفِتْوَى مِنْ جَامِعِ الْمُتَفَرِّقَاتِ

«Jomi' al-mutafariqot» degan fatovo kitobdan keltiribdurlarki, shogird o'z ustoziga abadiy quldir, agar yuz o'g'irsa ustozdan, aytibdurlar ulamolar, bunday shogirdni tavgasi qabul bo'lmaydi, so'ziga e'tibor berilmaydi, bergan fatvosiga amal qilinmaydi. Agar ilmi mufti darajasiga yetgan bo'lsa ham. Va uning imomligiga iqtido qilib ham bo'lmaydi, agar biron jonivorni so'ysa, uning so'ygani so'yig'ini yeb bo'lmaydi, chunki 'oq bo'lgan shogirdning zabihasi haromdur, tamomi ulamolar nazdida. Chunki uning so'yig'i kofirning so'yig'i bilan barobardir.

Boradurgon joylari jahannamdir, magar ustozlari undan rozi bo'lsa va uni uzini qabul qilsa, chunonchi kofir kufrdan qaytib, musulmon bo'lsa, tavbasi qabul bo'lgani kabi, bu fatvo sahihdur.

وفي فتاوى بزازیة: الإستخفاف بالعلم والعلم صفة الله منحة وفضلًا على خيار عباده ليدلوا

خلقهُ على شرعه نيابة عن رُسوله فاستخفافه بهذا يُعلم أنه إلى من يُعزى

Ulamoni kamsitishlik, ulamo bo'lganlari ahlidan bo'lsa, bu ilmni xo'rlash bo'ladi, ilm bo'lsa Allohning sifatlaridandur, Alloh bu sifatni o'z fazli va marhamati bilan o'zi xohlagan yaxshi bandalariga beradi, toinki ulamolalar Allohning payg'ambarlari tomonidan noib bo'lishib, odamlarni Allohning diniga da'vat qilsinlar va ularga haq dinni to'g'ri yo'lini ko'rsatsinlar.

Demak olimni va ustozni xo'rlashlik, to kimni xo'rlashga olib boradi, bu bizga ma'lum.

Mavlono Abdulhayy o'z fatovolarida ayturlarki:

استخفاف علم وتحقير علماء باشد من حيث العلم حكم بگفروش میدهند ورنه در فسق

وفاجر بودن آنکس ومستحق غضب الهی ومستوجب عذاب نینوی وأخروی شدن ان شبهه

نیست سب و شتم و طعن هر مسلم کائنات من کان موجب فسق است چه جایکه سب و شتم علماء

Agar bir odamning ilmni xor tutishi, ulamoni xo'rlashi, ilm ahlidan bo'lsa, fuqarolar bunday odamni kofirga hukm qiladilar. Vagarna uni fosiqligida, fojirligida, Allohning g'azabiga mustahiqligida, dunyoviy va uxroviy azobga loyiqligida hech shubha yo'q. Oddiy bir musulmonning, kim bo'lishidan qat'iy nazar, haqorat qilmoq va dashnom bermoq va ta'na qilmoq, haqorat qiluvchini fosiq bo'lishiga sabab bo'lsa, ulamoni haqorat qilmoq va dashnom bermoqni martabasi qancha deb gumon qilasiz.

Muhtaram dinu diyonatli birodarlar, ushbu fatovolarni biz 12 mo'tabar kitoblardan naql qilib e'tiboringizga havola qildik. Ushbu fatovolar dalolatiga qaraganda, Qo'qon Jome'sining xodimlari orqalarida namoz o'qimoqni nodurustligida shubha qilmasangiz kerak. Muhtaram kitobxonlar, «Jome'ning xodimlari» deganimizda xayron bo'lsangiz kerak, xayron bo'lmang. Chunki Sodiq qori, Bahromjon, Muxtorjonlar Toshte mirning vaziri-a'zami. Oxun akamizning tuzini yeb, tuzlig'iga tupurishda teng, Oxun akaga nohaq ayb toshini otishda sherik. Muxtorjonni hamma ishda Muhammad-Rajabga muvofiq bo'lib, Oxun akamizga zid bo'lishi ta'assubdur.

وكل وقت يفتاق ولا يتباهى إلا قصير ولا يتعصب إلا نخيل

Ta'assub qilmaydi hech kim magar kelgindi.

Takabburtik qilmaydi magar qaddi qisqalar.

Har ishda kelishmoq munofiqlikdur.

Allohga hamdu sano aytib, dunyodagi hamma insonlarning tili bilan dilini bir bo'lishligini Allohdan so'rab, o'sha insonlar qatori mening ham tilim bilan dilimni bir qilgin, deb iltijolar qilib, hamma insonlar oldida qiyomat kunida butun mavjudotning qozisi bo'lgan Allohning oldida javob berishligimni ko'z oldimga keltirib turib, hamma gunohlarning boshi bo'lgan yolg'on so'zlashdan o'zing asragin, deb Allohga iltijolar qilib so'z boshlaguvchi Qo'qon shahrida o'tgan To'ychiev Nasriddin Oxunning o'z ukasi Fathiddindurman. Hurmatli birodarlar, men 50 yoshga kirib, hamma hayotimni akam bilan o'tkazib, akamning xursandchilik va xafachiligida birga bo'lganman. 1950-yildan to hozirgacha ya'ni 1991 yil 11 sentyabrga, vafotiga qadar to'liq bilaman. Akam umrining oxiriga qadar, avval Allohni, undan keyin ota-onasining, so'ngra o'ndan ortiq ustozlarining roziligini istagan holda umr kechirdi va ota-onasining, ustozlarining duolarini oldilar.

Faqat Allohning roziligi uchun ilm o'qidi va boshqalarga bilganini o'rgatdi. Akam vafotidan 18 oy ilgari nohaqlik girdobiga tushdi va shu nohaqlik akamning vafotiga asosiy sabab bo'ldi. Akam doim shu nohaqlik to'g'risida gap borganda, eh uka, dunyo nohaqlikka qurilgan ekan, deb so'zini tamom qilar edi.

Men bu siqilishlarning oqibati yamon bo'lmasa, deb qo'rqib Qo'qon shahridagi ba'zi gapga yetarli kishilarga aytsam, parvo qilmadilar. Shundan keyin bu ishga o'zim kirishib, o'z uyimga 40 kishidan ortiq Qo'qon, Yaypan, Serovo va Poshshopirimdan masjid imomlarini yig'ib, bu yig'ilishga Muhammad-Rajab va Muxtorjonni ham olib keldim. Akam hamma bo'lgan ishlarni yozib qo'yg'an edi. Aytdiki, mana Qo'qon shahrida har xil gaplar yuribdi, mana endi yuzma-yuz turib, bir bo'lgan ishlarni gaplashib olaylik. Mana ro'paramda Muhammad-Rajab, Muxtorjon o'tiribdi, rostini — rost, yolg'onni — yolg'on deydi, deb, xatni o'qiy boshladi. Xat yarmiga bormasdan, atrofdagilar bir-birlariga qarashib, bo'lgan ishlar shariatdan tashqari bo'lgan ekanligiga chidolmadilarmi yoki bo'lgan munofiqliklarni ochilib qolishidan qo'rqdilar yoki shu munofiqliklarni ishtirokchisi ekanmi, xatni o'qishga o'tirganlardan 5 kishi qattiq qarshilik ko'rsatdi. Shunga qaramay «Madrasai Mir» imomi No'monxon to'ra, Serovo va Poshshopirimning imomlari xatni o'qishni taklif qilishdi. Lekin bu 5 kishidan bittasi Muhammad-Rajab bilan Muxtorjonni olib kelishda ishtirok etganidan xijolat bo'lib, qarshilik ko'rsatgan bo'lsa kerak. Xullas, haqiqatni ustidan yana nohaqlik g'olib bo'lib, xatni o'qitmadilar.

Shu joyda agar Muhammad-Rajab va Muxtorjonning vijdoni bo'lganida edi yoki o'qigan oyat-hadislarga amal qilganda, aytar edi, to'xtanglar mo'min-mo'minni oynagi, bizni aybimizni shu ustozimiz aytmasa, kim aytadi, deyar edi. Ikkalalarini ham qalblarini munofiqlik g'ubori bosganligidan bir og'iz indamadilar.

Bu yig'ilishdan keyin akam doim, essiz Islom, essiz haqiqat, qachon haqiqat yuzaga chiqadi, nahotki shunday bo'lsa, deb ko'p achinardi.

Xullas 1990 yil muborak safardan qaytib kelgach, katta orzu umidlar bilan ish boshlash umidida, Xudo xohlasa, mana endi butun umrimni Islom tarbiyasiga, odamlarni to'g'rilikka, rostgo'ylikka chaqirishga tikdim. Endi faqat shogird tarbiya qilaman, degan umidda yurgan paytida ozgina betob bo'lib qoldi, shu betoblik paytida ko'zlariga yosh olib, o'zini o'qitgan shogirdlari Muhammad-Rajab, Muxtorjon va o'z kuyovi Sodiqjon qoridan ko'p ozor topganini yana takror qildi va Bahromjonni ham tilga oldi. Ikki qo'li bilan yuzini ushlab, eh essiz, men dunyoda Rajabga eng ko'p yaxshilikni qildim, eng ko'p ozomi shundan ko'rdim, deb ko'zlarining yoshini qo'li bilan artirdi va menga aytdiki, men tuzuk bo'lsam, uydagi xatni o'zim beraman, tuzuk bo'lmasam, senga amonat, sen berasan, deb vasiyat qildi.

Shundan 2 kun o'tib, Haj tavofiga 60 kun to'lib, 61-kunga o'tar kechasi vijdon azobidan 54 yoshda bandalikni bajo qildilar.

- Agar oqil kishi boy bersa aqlin, katta dahshatdur
- Bu dahshat jonga ofatdur, vale dushmanga rohatdur.

Men bu maktubim orqali akamning vasiyatini bajo qilib, bilganlarimni ozgina aytdim. Bu nidolar har kimning vijdoniga havola. Alloh hammamizning qalbimizni bilguvchidir. Payg'ambarimiz bizlarga hiyla-yu nayrang bilan ish tutishni ta'lim bermaganlar.

Oqqa ko'chiruvchi va ushbu maktubni yig'uvchi Nasriddin Oxunning qalbi vayron bo'lgan ukasi Fathiddin.

[ТЮЙЧИЕВ НАСРИДДИН-ДАМУЛЛА]

Зов опечаленного сердца. Под тенью торжеств открытия Соборной мечети Коканда: о тайных действиях лицемеров, прикрывающихся верой
(Коканд, 1990)

بسم الله الرحمن الرحيم
مكتوب دل محزون حاج الحرمین
وارث رسول سید ثقلین
والمجاهد فی طاعة ربه والدين
المستغرق فی رحمة رب الكونین
(ملا نصر الدين ابن تويحيى باى قوقندى)

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Строки (из) израненного сердца совершившего хаджж к двум священным храмам

Наследника Посланника Господина двух миров,
Проявившего усердие в смирении своему Господу и вере,
Утонувшего в милости Господа двух миров
(Муллы Наср ад-дина ибн Туйчи-байа Куканди).

Представление этого назидания, которое является зовом опечаленного сердца, написано как пример для будущих поколений и как наставление для будущих учеников.

Газель:

Вкус этой газели для добрых (мусульман) не менее сладок, чем сахар,
Но для уст лицемеров подобен вкусу яда,
Тот, кто отвернется от истинного друга или учителя,
Подобен среди народа тому, кого проклял отец,
Тот же, кто устроился в саду,
Подобен козленку, хоть и принадлежит человеческому роду.

Я, пишущий это письмо 1 января 1990 г., Насриддин/Наср ад-дин Мухаммад, был наставником (устаз) Мухаммад-Раджаба и хочу поведать о том, что случилось между нами.

Я, Туйчиев Насриддин, этим своим письмом хочу поведать нижеследующее. Всем вам известно¹, что в течение февраля месяца 1989 г. открылась городская Соборная мечеть города Коканда. До этого среди людей обсуждался вопрос, кто же станет имамом этой мечети. Тогда же некоторые из авторитетных людей города и (окрестных) кишлаков несколько раз повторили мне: «Если эта мечеть откроется, ты станешь ее имамом. Не отказывайся от этого». Я несколько раз давал знать этим людям о том, что я не согласен с этими людьми.

Мухаммад-Раджаб приходил ко мне в течение нескольких вечеров и спрашивал: «Если откроется Соборная мечеть города (Коканда), кто в ней будет имамом?». Я говорил, что не знаю и что это не важно, кто будет имамом. Он отвечал: «Нет, об этом следует подумать». Тогда я перечислял всех почтенных людей Коканда, кто был достоин быть имамом. Но он отверг эти кандидатуры, сказав, что ни один из них не достоин быть имамом. После этого я сказал об Абдулхамиде / 'Абд ал-Хамид, который жил в кишлаке Коминтерн² и который был уже в преклонном возрасте. Он был отцом имама мечети в селении Велик А'зам-хана хаджжи. Тогда он (= Мухаммад-Раджаб) сказал: «А что если мы назначим самого А'зам-хана хаджжи?». Я сказал: «Пусть сначала будет имамом отец (= Абдулхамид). Если из-за почтенного возраста он не сможет исполнять свои обязанности, то после этого можно назначить и А'зам-хана хаджжи». После этого он (= Мухаммад-Раджаб) приходил еще несколько раз и в конце концов сказал: «Кроме вас нет никого более достойного на это дело. Ведь вы учились у знаменитых учителей, вы к людям беспристрастны, и в вас верят все люди. Не отказывайтесь от этого дела и не ищите разные отговорки, ведь это дело тоже богоугодное, и (ваш) отказ может быть неудобным Аллаху». Говоря так, он уговорил меня и получил мое согласие.

Еще через несколько дней Мухтар-джан³ и Мухаммад-Раджаб снова пришли ко мне домой и предложили: «Будьте имамом Соборной мечети». Я снова сказал, что Соборная мечеть — это очень ответственное место и у меня для этого не хватает знаний. Тогда Мухтар-джан сказал: «Оставьте

¹ Это письмо обращено ко всем верующим Коканда.

² Советское название селения Чартут. В настоящее время кишлаку возвращено старое название.

³ Мухтар-джан дамулла (ум. в 2002 г.), ученик 'Абдували-кари Мирзаева. Мухтар-джан дамулла — основатель «ваххабитского» медресе в Коканде. Медресе закрыто властями в 1996 году.

такие разговоры. Вон Джамалиддин/Джамал ад-дин-кари обладает меньшими, чем вы, знаниями и все равно является имамом». Так они оба снова меня уговорили.

На следующий день ко мне пришел Ахмаджан-ака⁴ и сказал мне: «Я слышал от Мухаммад-Раджаба, что вы согласились (быть имамом). Это хорошее дело. Но пока не нужно говорить людям о вашей кандидатуре». Я никому ничего не говорил. Но все-таки люди уже прослышали о моей кандидатуре (в имамы).

Потом, через некоторое время, вечером Ахмаджан пришел ко мне домой и сказал: «Давайте пойдем к Мунаввар-кари⁵, скажем о вашей кандидатуре (на пост имама). Так как этот человек сам кари (= чтец Корана), из уважаемых старейшин Коканда». Мы пошли туда. Этот человек (= Ахмаджан) сказал (Мунаввар-кари): «Желательно, чтобы наш брат Насриддин стал имамом, когда откроется Соборная мечеть, благославите его, пожалуйста». Когда (Ахмаджан) сказал это, (Мунаввар-) кари благославил меня и сказал: «Все люди Коканда согласны на то, чтобы этот человек стал имамом». И потом снова обратился ко мне и сказал: «Не вздумай отказываться (от имамства)».

После этого мы ушли из дома этого человека. В пятницу вечером, за два дня до выборов имама, назначенных на воскресенье, ко мне пришел Ахмаджан и сказал, что они хотят провести выборы имама в воскресенье. Он также сказал мне: «Вот разрешение на открытие Соборной мечети⁶, она уже открылась. Теперь вы можете сказать о том, что вы кандидат в имамы Соборной мечети всем своим родным, близким и знакомым. Желательно, чтобы побольше людей узнало об этом. Пусть их приглашают из Маргелана, а мы пригласим из Намангана и Андижана. Людей должно быть очень много».

Но народу (на выборах) было даже больше, чем он сказал. Тогда, в ночь с субботы на воскресенье, по махалля и кишлакам Коканда и окрестности стали ездить несколько машин с людьми, которые говорили, что имя кандидата (в имамы) изменилось и что надо теперь отдать голоса за Мухаммад-Раджаба. Я об этом тогда не знал. Вечером я занимался подготовительными

⁴ Нынешний член Ревизионной комиссии Соборной мечети (прим. автора).

⁵ Знаменитый кари Коканда, умер в возрасте 98 лет в 1997 году.

⁶ Ахмад-джан имел в виду документ с разрешением на открытие мечети. В то время это разрешение давалось Комитетом по религиозным культурам при Кабинете министров УзССР.

ми делами, порядком собрания. Я также дал знать всем своим близким о том, что моя кандидатура выдвинута (в качестве имама). На следующее утро, примерно в 7.00, в воскресенье, Мухаммад-Раджаб со своим другом Мухтар-джаном приехали ко мне и вели себя так, словно ничего необычного не произошло. И они сказали мне: «Вы человек изменчивый, остались ли вы тверды при своем решении? То есть вы не отказываетесь от своей кандидатуры (на имамство)?». Я сказал: «Всем уже сообщили (о моем решении), и что же теперь я могу сделать? Теперь я стану исполнять (обязанности имама)».

Оказалось также, что Мухаммад-Раджаб и Мухтар-джан в качестве заместителя (на'иб) имама хотели сделать Ибрахим-джана-кари. В то же самое (воскресное) утро я выразил свое недовольство по поводу этой кандидатуры. Так как Ибрахим-джан тоже был, как и я, болезненным человеком и не был пригоден для работы. Я сказал: «Пусть заместителем будет младший брат Ибрахим-джана — Ахмад-джан, или Мухаммад-Амин, либо Касим-джан. Словом, кто-нибудь из них». Однако они оба ответили, что ни один из названных мной людей не подходит.

Я несколько раз напрямую спрашивал у Мухаммад-Раджаба: «Есть ли у тебя желание стать имамом?». Он всегда отвечал, что у него нет никакого желания стать имамом. Несмотря на это, в то (воскресное) утро я спросил у них обоих: «Может, кто-то из вас хочет стать заместителем имама?». Мухаммад-Раджаб и Мухтар-джан переглянулись. Мухаммад-Раджаб выразил свое согласие на это, но сказал: «Мою кандидатуру народ не примет». Тогда я сказал: «Если ты сам согласен, через десять дней после моего назначения я сам тебя возьму себе в качестве заместителя имама». После этого они сказали: «Из Андижана прибудет много гостей⁷. В мечеть привезли 30 килограммов риса (и сказали), что необходимо приготовить плов (аш) и накормить гостей после полуденной молитвы (пешин намаз)». После этого они оба ушли от меня.

После того как они ушли, я распорядился быстро покромсать морковь, а сам поехал в кишлак и сказал своему (младшему) брату Низамиддину: «Купите необходимые продукты к 30 килограммам риса, ты ведь обещал приготовить плов для Соборной мечети». Он согласился, выполнил все необходимое и приготовил прекрасный плов для людей Мухаммад-Раджаба.

⁷ В рукописном варианте автор дописал: «Voqealardan so'ng bilsam, bular 'Abduvalining odamlari bo'lib chiqtilar» — «Как я узнал после (этих) событий, это были люди 'Абдували». Имеется в виду 'Абдували-кари Мирзаев (о нем см. введение к настоящему изданию).

Выяснилось, что Мухаммад-Раджаб, для того чтобы получить голоса, пригласил около 300 человек, которые даже не читали намаз. То, как эти люди в тот день, не заходя в мечеть на полуденную молитву, сидели под чинарами, можно увидеть и на видеопленке⁸. О том, что эти 300 людей были привлечены (Мухаммад-Раджабом), мне лично сказал около ворот моего дома Ахмаджан-ака; оказывается, некоторые из них осквернили свои уста, выпив водки (арак). Есть люди, которые говорили о том, что от тех несло водкой, есть свидетельские показания.

Ах Мухаммад-Раджаб, смотри, кого ты завел в первых рядах в мечеть, для того чтобы стать имамом?

(Потом) выяснилось также, что для поддержки Мухаммад-Раджаба в качестве претендента на имамство из Андижана прибыло более 200 человек. Я обо всем этом не знал. Кроме того, еще до начала собрания в толпе ходили люди и говорили: «Голоса нужно отдавать за Мухаммад-Раджаба, другим голосов не отдавать».

В тот же (воскресный) день в 12.00 за мной приехал на машине мой племянник Садриддин и сказал: «Дядюшка, зачем вам быть имамом? Оставьте это (дело), не выходите сегодня в мечеть. Я скажу, что вы отказались (от имамства)». Я сказал: «Моя жена, дети и другие твои дядюшки тоже категорически не согласились (с моим решением)⁹. (У нас) было много разговоров об этом. Но теперь давай-ка поедем в мечеть, и будь что будет». И я поехал в мечеть.

Как только я прибыл в мечеть, ко мне подошел один человек и сказал: «Имя кандидата изменилось, оказывается, (имамом) будет Мухаммад-Раджаб». Я сильно удивился и, не веря этой новости, сказал сам себе: «С какими словами он приходил ко мне утром, неужели теперь стало по-другому?». В это время рядом проходил Мухтар-джан, и я спросил его: «Что случи-

⁸ Нам этой пленки найти не удалось. По неоднократным свидетельствам участников тех событий (например, Ибрахим-кари) и рассказам людей, видевших эти видеозаписи, в тот день к мечети пришло много немолящихся молодых людей и после полуденной молитвы вошедших в мечеть и крайне агрессивно настаивавших на выборе Мухаммад-Раджаба в качестве имама.

⁹ Младший брат Насриддина-кари — Фатхиддин-кари — пояснил (во время нашего интервью с ним), что они (то есть ближайшие родственники Насриддина) были осведомлены относительно интриг Мухаммад-Раджаба и его окружения. Однако они не хотели говорить правды Насриддину, не желая огорчать его — ведь Мухаммад-Раджаб был одним из близких учеников Насриддина-кари.

лось, что-то изменилось?»). Он пожал плечами и сказал: «Не знаю, кажется, так». Я снова удивился и снова не поверил (услышанному).

Собрание началось, и к этому моменту около микрофона плотно сбилась толпа, в которую входили андижанцы, те самые привлеченные люди с улицы, и другие, кто поддерживал Мухаммад-Раджаба. К микрофону подошел Садик-джан-кари¹⁰ и ознакомил людей с историей Соборной мечети (Коканда). И затем в конце своей речи он стал очень сильно меня поносить и вносить смятение (среди людей), намекая, что я плохой человек. Он спросил (у слушателей): «Если некий человек совершал разные неповолительные новшества (бид'ат) и затем раскаялся, обещав, что не будет их совершать, желая стать имамом Соборной мечети, и если этот человек совершил все плохие дела на свете, раскаиваясь только на смертном одре, можно ли принять раскаяния такого человека или нет?».

(Затем) вышел Йахйя-кари из Андижана¹¹ и порекомендовал сделать имамом Мухаммад-Раджаба. Все, кто собрался вокруг микрофона, поддерживали это единогласно. Затем выступил сосед Мухаммад-Раджаба — молодой парень по имени Гулам-джан. И он порекомендовал Мухаммад-Раджаба в качестве имама. И снова его поддержала эта самая толпа (у микрофона).

Я был поражен (происходящим) и понял, что имя кандидата (на имамство) изменилось. Ахмад-джан-ака еще за несколько дней до открытия Соборной мечети говорил мне, что на ее открытии он скажет собравшемуся народу о том, что я трудолюбивый крестьянин, знаток (религиозных наук), будет хвалить мое поведение. Но вместо этого он стоял и молчал.

После такой новости он (= Ахмад-джан-ака) рассказал этому слуге (= автору) новые небывлицы. Его слова были такими: «Через два-три дня после выборов имама я поехал к Мухаммад-Раджабу домой. Он вышел ко мне и, сев в мою машину, сказал: «Я в такой-то день вечером не был дома. Так что в этом меня не подозревайте»¹².

«На самом деле, — (продолжал Ахмад-джан-ака), — примерно два десятка парней Коканда сказали, что старшие и младшие братья Насриддин-ака¹³ забирают Мухаммад-Раджаба к (себе) в кишлак и оказывают на

¹⁰ Садик-джан-кари (Коканд) — ученик 'Абдували-кари, затем — Мухтар-джана-кари.

¹¹ Ученик и соратник 'Абдували-кари.

¹² То есть в попытках смены кандидата в имамы.

¹³ То есть автора сочинения и кандидата в имамы.

него давление. Поэтому эти парни сказали, что надо поехать туда, в их кишлак, и разобраться с ними¹⁴. Я их до сих пор удерживаю», — сказал он.

Однако до сих пор мои старшие и младшие братья ничего грубого не говорили Мухаммад-Раджабу. И что мои старшие и младшие братья могут сделать Мухаммад-Раджабу, что он так покушается (на меня)?

Дорогие братья! В этих смутах и радорах есть большое участие Мухтар-джана и ученика Мухтар-джана — Садик-джан-кари. Как же эти люди, которые, видя такую смуту и лицемерие, читают айаты (Корана) о смуте и лицемерии или вовсе их не читают? Соборная мечеть — великое место. Как же они не боятся ступить внутри Соборной мечети, организовав под ее сенью заговор против своего учителя (хоть и мало у меня учился)?

Когда я произносил речи (ва'з), ссылаясь на (положения) нашего ханафитского мазхаба, ты говорил: «Оставьте, не говорите (согласно) такого-то мазхаба»¹⁵. Если я цитировал или читал что-нибудь из «Мухтасар»¹⁶, ты говорил: «Зачем нужна книга, которая способствует разногласиям?». А теперь ты говоришь, что, мол, мы все в ханафитском мазхабе. Каким же языком ты смеешь говорить это? Что же тебя заставило отказаться от тех твоих мыслей или у верующего бывает два языка?

К Мухаммад-Раджабу был послан (на помощь) и Йахйя-кари, который либо продался, либо стал перевертышем. А ведь его борода уже поседела. Человек, шейх которого приблизился к смерти, не стал бы ходить из города в город и кричать, чтобы имамом стал Мухаммад-Раджаб, а его заместителем Мухаммад-Садик-кари, если есть у него разум¹⁷. Если бы он не был продажным или намеренно привлеченным человеком, он бы сказал, что мы, дескать, пришли поздравить вас с открытием Соборной мечети, а выбирать имама — дело кокандцев.

¹⁴ То есть с родственниками Насриддин-ахунда.

¹⁵ Автор отражает позицию местных «ваххабитов», которые в большинстве своем ратовали за «безмазхабный ислам», что можно рассматривать как влияние интегрислов. Правда, в местной традиции эти идеи облекались и до сих пор облекаются в форму борьбы за унификацию между мазхабами, без акцента на строгое следование положениям собственного ханафитского мазхаба (см. подробнее во введении к изданию текста раздела 3).

¹⁶ Имеется в виду произведение «ан-Нукайа» («Мухтасар ал-викайа») 'Убайдаллаха ибн Мас'уда ал-Махбуби ал-Бухари (ум. в 747/1346 г.).

¹⁷ Здесь намек на то, что верный ученик согласно местным этическим нормам из вежливости должен предлагать на любое почетное своего учителя.

Эй, Мухаммад-Раджаб, я таких, как ты, считаю не просто лицемерами. Неужели ты не мог сделать ничего другого, кроме как очернять своего учителя, вне шарн'атских правил?

Эй, Мухаммад-Раджаб, когда ты еще учился (у меня), ты с отвращением смотрел на тех, кто тебя сейчас окружает. Теперь, похоже, все наоборот. В чем перед тобой провинился я, в чем провинились верующие? Дай мне знать об этом.

Эй, Мухаммад-Раджаб, когда я обучал тебя, я учил тебя так (почтению) обращаться к покойным шайхам и к своим учителям. Кто твой учитель в таких (низких) делах, у кого же ты (этому) учился, кому же ты следуешь?

Эй, Мухаммад-Раджаб, неужели ты не мог сказать мне о своем таком сильном желании стать имамом? Если бы ты сказал: «Мой отец в кишлаке 25 лет был имамом. Я должен заниматься профессией своего отца», то, может быть, я смог бы искренне тебе что-нибудь посоветовать. И, может быть, тогда ты бы не ступил на самый осуждаемый путь в шарн'ате!¹⁸

Эй, Мухаммад-Раджаб, ведь это по твоему совету и твоих друзей Ахмад-джан-ака повел меня (в субботу) вечером к Мунаввар-кари. А на следующее утро вы ему вручили микрофон, сказав, чтобы и он высказался. Когда он повторял мысли вашей (компании) и свои, то под твоим руководством тебя, Мухтар-джана и кое-кого из (ваших) лицемеров был унижен шайх, достигший почти ста лет, высокостепенный Минаввар-кари, что было против установок шарн'ата. Вы кое-кого из молодых побудили к рукоприкладству по отношению к нему. Что же согласно вашему шарн'ату такие дела уместны?! По вашей вере если Мунаввар-кари идет на «Маулад» или «Хатм-и Кур'ан»¹⁹, то, значит, он, питающийся запретным, а вы, употребляющие в пищу дозволенное, вершите такие (скверные) дела?

Я не хочу говорить по поводу Мунаввар-кари и Шарафиддин-кари только потому, что они предложили меня (на пост имама). Ведь есть (над нами) Аллах. Эй, Мухаммад-Раджаб, когда ты учился у меня, разве у меня было стремление быть имамом? И ведь мой старший сын Н. приходил к твоему порогу и со слезами говорил: «Мой отец не будет имамом. Оставьте в покое моего отца!».

¹⁸ То есть ослушание, неуважение и предательство учителя.

¹⁹ «Маулад» — ритуалы и ритуальные угощения, приуроченные к дню рождения Пророка. «Хатм-и Кур'ан» — ритуал и коллективные угощения, связанные с чтением Корана в связи с различными поводами.

Словом, ты (Мухаммад-Раджаб) прекрасно знал о том, стану или не стану я имамом. Но тогда я знал о твоих намерениях. Кому бы я ни рассказал об этих происшествиях, мне всегда говорят: «Оказывается, его намерение было в том, чтобы самому стать имамом». Видя все эти твои проделки, я хочу отказаться от тебя как от ученика, хотя и недолгое время тебя учил.

Эй, Мухаммад-Раджаб, сейчас ты всем говоришь: «Я сам привел Насриддин-ака в мечеть и сделал его имамом. Он сам написал заявление и ушел. Я не виноват в том, что он (ушел) отсюда». А в действительности, если бы ты захотел, чтобы я стал имамом, разве стал бы делать те дела, которые ты сделал в день выборов имама? Ну, допустим, ты сделал все это в день выборов имама по заблуждению. Но на следующий день после выборов ты пришел ко мне и сказал: «Я потерял контроль над собранием в день выборов имама. Я ничего не смог сделать. Я выдвинул свою кандидатуру только потому, что хотел отвести опасность для вашей жизни. Если бы я не выдвинул свою кандидатуру, могло произойти очень плохое». И такими словами ты попросил прощение. Я принял твоё прощение. Мои младшие братья Минхаджиддин и Фатхиддин, видя твоё раскаяние, сказали мне при тебе: «Оставьте его, брат, простите». Есть ли сомнение в искренности этих слов? В этих словах моих младших братьев нет никакого лицемерия и хитрости. Об этом знает сам Аллах!

Но я сказал себе (после всего): «Что было, то было, пойду-ка я в Соборную мечеть, посмотрим, что там будет». В одну из пятниц ты (Мухаммад-Раджаб) под самой чинарой сказал: «Ваши речи не нравятся молодым. Позвольте мне сделать самому проповедь (ва'з)²⁰. Я подумал, что это те же самые молодые люди, которые были (за тебя) в тот самый день выборов. Либо ты сам врал, и все это не понравилось самому тебе. Ты подстрекал Акбар-джан-ака и мутавалли Ахмад-джан-ака (против меня). Ты хотел вовлечь 'Али-хана, Хамдам-хана и Мухаммад-Амина, чтобы еще больше унижить меня среди большинства людей. Я, видя все эти дела, подумал, что еще не завершились те унижения, которые были в день выборов и что (вы) должны довести их до конца. И я подумал: «Давай-ка я освобожу Соборную (мечеть) для Мухаммад-Раджаба». Потом я сказал себе, что пришла пора проверить, действительно ли искренен Мухаммад-Раджаб, действительно ли это не он контролировал то самое собрание по

²⁰ По-видимому, Насриддин-ахунд был все-таки привлечен в качестве «ва'з-х'ан», то есть чтеца пятничных проповедей.

выбору имама. И поэтому я написал заявление²¹. И когда я отдал это (заявление) тебе после намаза «хуфтан»²² под теми самыми чинарами, я понял, что все твои слова, все твои дела — это хитрость и коварство. Ведь если бы это не было хитростью и коварством и если бы ты был действительно искренним, то ты бы спросил: «Зачем вы это делаете?». Напротив, ты поспешно принял это мое заявление.

Словом, ты, позвонив мне, вызвал меня в Соборную мечеть. Это ты сделал потому, что ты боялся Пирим-кула. Ты несколько раз ездил ко мне домой и говорил: «Если вы не выйдете в мечеть (исполнять свои обязанности), то на это (место) придет Пирим-кул». Этому (разговору) есть свидетели. Таким вот образом с помощью хитрости и коварства ты привел меня в мечеть (заместителем), такими же хитростью и коварством ты выставил меня оттуда. Но я не обижаюсь из-за того, что я ушел с (должности) в Соборной мечети. Но я в обиде из-за того, что ты показал себя с плохой стороны народу своими хитростью и коварством, а для того чтобы стать имамом, ты совершил столько (гнусностей) своему учителю.

Эй, Мухаммад-Раджаб, мы все уйдем из этого мира. Когда ты отправишься к Аллаху, как ты будешь смотреть в лицо Его, тебе будет запретно лицезрение (Аллаха).

Эй, Мухаммад-Раджаб, ты, появившись на этот свет, сделал дело, которое никто не забудет. Ты подавил меня духовно, ты убил меня²³.

О, уважаемый и честный читатель, дорогие братья! Мы взываем к нашей почитаемой религии, к совести. Обида этого покойного (автора) — справедлива ли она с точки зрения естественных норм и с точки зрения *шари'ата*? Конечно, справедлива. Ведь он хотел вырастить прекрасный росток, но вырос сорняк.

(Известны) слова знатоков:

«Из прекрасных речений Саййид 'Абд ал-Ваххаба аш-Ша'рани, приведенных в его "Разрядах" от (имени) его шайха ал-Хавваса, который сказал: я слышал, как говорил Саййид Ибрахим ал-Матбули: "Увеличение знаний в плохом человеке похоже на увеличение воды в корнях растения колоквинт: сколько будет воды под его корнями, настолько горькими будут его плоды"».

²¹ Очевидно, имеется в виду заявление об уходе с поста заместителя имама, который занимал некоторое время Насридин-ахунд.

²² Последняя, пятая молитва.

²³ Здесь завершается текст автора. Ниже приписка его младшего брата, осуществившего издание воспоминаний.

Давайте мы сравним это все также и с путеводителем мусульман Кораном, и с Сунной Пророка, посмотрим на изречения наших богословов и прислушаемся к фетвам (фатава, фатволар) ученых. Прежде всего неискренность ученики и...²⁴ разве можно говорить, что отплатили достойно то, что их учитель Ахунд-ака²⁵, то есть как отец по *шари'ату*, обучал их в такое трудное время²⁶. Однако Всевышний Аллах в своем Коране изволил изречь: (Воздаяние за хорошее — не что другое, кроме благодати)²⁷.

То есть за хорошие деяния наказывают только хорошим наказанием. Ничем другим. То есть вот (мулла Насриддин-ахунд) дал знания этим беспутным. Или когда они видели этот *айят*, их глаза были такими же слепыми, как их сердца? Или они порицатели этого *айята*? Или они считают проявлением почтения использование хитрости, клеветы и обмана к своему учителю? Но дело в том, что Всевышний Аллах призывает нас, мусульман, уважать ученых:

قوله تعالى: وَمَنْ يُعْظَمِ شَعَائِرَ اللَّهِ فَإِنَّهَا مِنْ تَقْوَى الْقُلُوبِ. وقوله تعالى: وَمَنْ يُعْظَمِ حُرْمَاتِ اللَّهِ فَهُوَ خَيْرٌ لَهُ عِنْدَ رَبِّهِ. لِأَنَّ عُلَمَاءَ الدِّينِ مِنْ أَعْظَمِ شَعَائِرِ اللَّهِ إِذِ الْمُرَادُ مِنْ شَعَائِرِ اللَّهِ عُلَمَاءَ دِينِهِ وَهُمْ مِنْ أَعْظَمِ حُرْمَاتِهِ.

Большинство муфассиров (= толкователей Корана) определение 'улама' *ад-дин*²⁸ комментируют в том смысле, что они являются самыми великими ростками Аллаха на земле. Так как они знают Аллаха и дают эти знания другим.

А вы, Мухаммад-Раджаб (Таштемир) подобны изречению:

لِكُلِّ شَيْءٍ مِنْ اسْمِهِ نَصِيبٌ

«Всякой вещи воздается по ее названию»²⁹.

²⁴ В этом месте не прочитано одно слово из-за типографского дефекта.

²⁵ То есть автор вышеизложенного письма-воспоминания.

²⁶ Имеется в виду советское время, когда религиозное обучение было под запретом.

²⁷ «Ар-Рахман», аят 60.

²⁸ Буквально — «знатоки религии».

²⁹ В тексте перевода нет. Здесь намек на фамилию Мухаммад-Раджаба — «Таштемир(ов)», состоящую из двух тюркских слов «Таш» (= камень) и «Темир» (железо). Здесь использован своеобразный традиционный прием (сравнение) для намека на безжалостность и жестокость Мухаммад-Раджаба.

Вы, Мухаммад-Раджаб (Таштемир), соответствуете этому аяту. Ведь ваш учитель сделал для вас много хорошего, то есть обучал вас, учил вас честности и искренности в делах этого мира и в том мире. Словом, ты³⁰ на эти добрые дела ответил хитростью, коварством и обманом.

Ведь ваш основной лозунг следовать во всем аятам! Во всяком случае, вы не сможете возразить, что вы соответствуете вот этому аяту (и изречению), когда вы мучали (Насридина) Ахуна:

قوله تعالى: وَالَّذِينَ يُؤْتُونَ الْمُؤْمِنِينَ وَالْمُؤْمِنَاتِ بغيرِ مَا اكْتَسَبُوا فَقَدِ احْتَمَلُوا بُهْتَانًا وَإِثْمًا مُّبِينًا
«Если кто мучает мусульман и мусульманок без прегрешений, значит, возвысили они клевету и грех»³¹.

قوله تعالى: وَمَنْ يُعْظَمَ شَعَائِرَ اللَّهِ فَإِنَّهَا مِنْ تَقْوَى الْقُلُوبِ. وقوله تعالى: وَمَنْ يُعْظَمَ حُرْمَاتِ اللَّهِ فَهُوَ خَيْرٌ لَهُ عِنْدَ رَبِّهِ. لَأَنَّ عُلَمَاءَ الدِّينِ مِنْ أَكْثَرِ شَعَائِرِ اللَّهِ إِذِ الْمُرَادُ مِنَ شَعَائِرِ اللَّهِ عُلَمَاءَ دِينِهِ وَهُمْ مِنْ أَكْثَرِ حُرْمَاتِهِ.

«Изречение Абу Умама: “Три группы людей не будут мучимы — тех, кого будут мучать лицемеры, старейшины в исламе и справедливые правители”» (из «ал-Кабир» Табарани).

وعن عبد الله بن عمر قال: قال رسول الله صلى الله عليه وسلم ليس منا من لم يؤقر كبيرنا ولم يرخص صغيرنا ومن لم يعرف لعالمنا حقه رواه الترمذي

Сказано от имени ‘Абдаллаха ибн ‘Умара, Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Те, кто не уважает ни наших старейшин, ни наших молодых, не признает прав наших ученых, то они не из нас» (из передачи ат-Тирмизи).

وقال نووي في التبيين وشرح المذهب قال الحافظ أبو القاسم ابن عساكر إن علم يا أخي إن لحوم العلماء مسؤومة وعادة الله في هتك أسرار منقصيهم معلومة ومن أطلق لسانه في العلماء ابتلاه الله قبل موته بموت القلوب

Сказал Навави в своих (сочинениях) «ат-Тибйан» и «Шарх ал-мухаззаб» со слов ал-хафиза Абу-л-Касима ибн ‘Асакира: «О братья, знайте, что мясо ‘улама’ отравлено»³². Совершенно точно известно, что привычка Аллаха состоит в том, что он рвет завесы уважения тех, кто унижает ученых. И того, кто распускает свой язык против улемов, Аллах, прежде чем взять их души, берет сначала их сердца.

³⁰ В тексте обращение к Мухаммад-Раджабу чередуется «вы» на «ты».

³¹ Перевода этого аята в оригинальном тексте нет.

³² В том смысле, что улемов нельзя мучать (буквально — «есть их мясо»).

قيل لرسول الله صلى الله عليه وسلم أيقئل المؤمن مؤمينا قال نعم أيزن المؤمن مؤمينا قال
نعم أيسرق المؤمن مؤمينا قال نعم أيكذب المؤمن مؤمينا قال أما المؤمن لا يكذب

Сказано Посланнику Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: «Убьет ли верующий верующего?»³³. Сказал: «Да». [Сказал:] «Будет ли верующий прелюбодействовать с верующим?» Сказал: «Да». Сказал: «Будет ли верующий воровать у верующего?». Сказал: «Да». Сказал: «Будет ли лгать верующий верующему?». Сказал: «Однако верующий не будет лгать».

Мухаммад-Раджаб, сегодня конь неведения стал жирным, площадь начинающих (ученых) расширилась. Мы, кто остается в вере суннитов (Ахл ас-сунна ва-л-джама^а), видя такие действия главы начинающих Коканда Мухаммад-Раджаба (то есть Таштемира), противоречащие вышеприведенным аятам и хадисам, не считаем вас верующим и порядочным. В этом у нас не осталось никаких сомнений. Давайте взвесим ваши эти коварные деяния на весах разума знающих и мудрых.

إذا كانت الإساءة طبعًا لم يملك لها الإنسان دفعًا

Если кому-то присуща естественная низость,
Не сможет ее уничтожить человек самостоятельно.

Согласно сказанному, вы, может быть, будете прощены за свои такие (плохие) деяния, несмотря на то, что доставляли столько мучений нашему (Насриддину) Ахунду, когда он был жив. Но хотя бы после его смерти нужно было бы постыдиться. Ибо все, что огорчает живых, огорчает и мертвых.

مَا يُؤْذِي الْأَحْيَاءَ يُؤْذِي الْأَمْوَاتِ³⁴

Вы (Мухаммад-Раджаб) даже после смерти нашего брата (Насриддина) Ахунда утверждаете, что он был обманщиком и клеветником. То есть если какой-нибудь человек начинает спрашивать об этих (происшествиях), то вы отвечаете: «Эти слова (Насриддина) Ахунда обо мне — все это ложь и клевета».

Но если все это ложь и клевета, то почему же вы не отвергли все, когда он говорил обо всем этом среди многих людей? Но если даже наш (Насриддин) Ахунд уже умер, то те, кто тогда собрался, еще живы. Есть даже видеозапись этого собрания.

³³ В узбекском тексте: «Убьет ли человек верующего?».

³⁴ «То, что огорчает живых, то огорчает мертвых» (араб.).

قيل لسفيان بن عيينة أي الناس أطول ندامة قال أمّا في الدنيا فصانِعُ الخَيْرِ لِمَنْ لَا يَشْكُرُهُ
أمّا في الآخرة فعالمٌ مُفرطٌ

Сказано Суфйану ибн 'Уйайне: «Страдания какого человека бывают долгими?». Сказал: «Того человека, который совершил добро человеку, не помнящему добро. Однако в Судный день будет страдать ученый, который оставался бездейственным».

Наш (Насриддин) Ахунд ненапрасно взывал в конце своего письма: «Ах (Мухаммад)-Раджаб, я сделал тебе много хорошего, но много страдал от тебя. Ах (Мухаммад)-Раджаб, ты уничтожил мою жизнь». Но не только наш брат (Насриддин) Ахунд пострадал от своих учеников.

(1) شعر: علمته الرماية كل يوم فلما اشتد ساعده رماني

(2) وكَمْ علمته نظم القوي فلما قال قافية هجاني

(3) يَا سَعْدُ يَا شِيرَازِيَا تُعَلِّمُ مَدَهَ بَدْرَآدِرَا

بَدْرَآدِرَا اِگَر مُلَا شُوَد نَكْتِه زَنْدَن اِسْتَاذِرَا

1. Учил я его каждый день стрелять из лука,

Но когда он стал искусным, повернул (лук) на меня.

2. Как (прекрасно) обучал его я искусству рифмы,

Обучившись стихосложению, он стал писать на меня памфлеты.

3. Эй, Са'ди, эй, Ширази, не обучайте подлых,

Став муллой, подлый бросит обвинения в своего учителя.

'Улама' — это уникальные смельчаки, их исключительность не могут понять такие мерзавцы. На таких нечистых мерзавцев ученость не может оказать действие.

زِيَادَةُ العِلْمِ فِي الرَّجُلِ السُّوءِ كَزِيَادَةِ المَاءِ فِي اَصْوَالِ شَجَرِ الحَنْظَلِ فَكُلَّمَا اَزْدَادَ رِيًّا اَزْدَادَ

مَرَارَةً

«Увеличение знаний в плохом человеке похоже на увеличение воды в корнях растения колоквинт: сколько будет воды под его корнями, настолько горькими будут его плоды».

Дорогие братья, мы теперь узнали, что такого рода проступки на весах знатоков и мудрых тоже взвешиваются гирями порицания. Давайте теперь взвесим деяния этих людей, кто отвергает права своих наставников, на весах ученых права (фикх). Это нужно для того, чтобы мы узнали, в каких отношениях быть с такими людьми в наших поклонениях ('ибадат). Сначала (приведем) слова нашего Пророка:

قال عليه السلام إجعلوا أئمتكم خياركم فإنهم وفدكم بينكم وبين ربكم

Пророк — мир ему! — сказал: «Назначайте имамом самого лучшего из вас, они ваши посланники между вами и Аллахом».

В «Джами' ал-фатава» сказано:

على نوعين عاقٍ يجوزُ الصلاة خلفه وعاقٍ لا يجوزُ الصلاة خلفه. أما العاق الذي لا تجوزُ الصلاة خلفه هو الذي ينكرُ جميعَ حقوقِ الأستاذِ فيصيرُ كافرًا أو يظهرُ غيوبَ الأستاذِ عندَ الناسِ فلا يجوزُ الصلاة خلفه أما العاق الذي يجوزُ الصلاة خلفه هو الذي ينكرُ من أمرِ الأستاذِ عندَ استطاعته أو يستخفه فهو فاسقٌ تجوزُ الصلاة خلفه مع الكراهة وإذا تاب فتوبته مقبولة ثم بعد التوبة تجوزُ إمامته من غير الكراهة كذا في كنز العباد

«Те, кто проклят своими учителями, состоят из двух групп. За первую из них читать молитву уместно. За другую группу читать молитву нельзя. Но есть те из проклятых, за которыми нельзя читать молитву, это такие ученики, кто отвергает все права своего учителя³⁵. Значит, читать за таким человеком молитву нельзя. Но есть проклятые (своим учителем), которые отвергли только одно из велений своего учителя, то за такими читать молитву уместно, если они считают своего учителя не вправе давать такие распоряжения. Тогда такой ученик лишь грешник. И чтение намаза за таким человеком хоть и уместно, но порицаемо (макрух). Но если он покается, его раскаяние принимается и его имамство вне отращения».

Это приведено также и в книге «Канз ал-'ибад»³⁶.

قال النبي عليه السلام: أكرموا الأستاذ ولو كان فاسقا

Пророк — мир ему! — сказал: «Уважайте своего наставника, даже если он порочен» (это из книги «Танбих ал-гафилин»³⁷).

ونيز فرمودند كه: مَنْ أَهَانَ الْأَسْتَاذَ يَلْزَمُ لِلسُّلْطَانِ وَالْأَمْرَاءِ أَنْ يَقْطَعُوا لِسَانَهُ فِي فَوَائِدِ الْإِسْلَامِ

И еще повелено в книге «Фава'id ал-ислам»: «Если кто-то будет оскорблять и мучить своего наставника, то падишах или амир обязаны публично наказать такого (ученика) отрезанием языка».

إِغْلَمْ أَنَّ الْعَاقَ هُوَ الَّذِي يُنْكَرُ جَمِيعَ حُقُوقِ الْأَسْتَاذِ فِيصِيرُ كَافِرًا أَوْ يُظْهِرُ غُيُوبَ الْأَسْتَاذِ

عِنْدَ النَّاسِ فَلَا يَجُوزُ الصَّلَاةُ خَلْفَهُ كَذَا فِي كَشْفِ الْغَوَامِضِ

³⁵ В узбекском тексте добавлено: «То есть отвергает с точки зрения требований шари'ата».

³⁶ Полное название сочинения 'Али ибн Ахмада ал-Гури (IX/XV в.) — «Канз ал-'ибад фи шарх ал-аурад».

³⁷ Сочинение Абу-л-Лайса ас-Самарканди (IV/X в.).

«Знайте, непочительный (العاق) — тот, кто отвергает все права своего учителя. И повтому становится он неверным либо оглашает публично вину своего учителя. Значит, нельзя будет за ним читать молитву» (приведено в книге «Кашф ал-гавамид»).

تقديم التلميذ على الأستاذ وأبيه لا يجوز إلا برضاها (في فتاوى سراجي)

«Нельзя садиться выше своего учителя или его сына, если они сами не разрешат это (сделать)» (из книги «Фатава-йи Сираджи»³⁸).

وفي فتاوى محيط وقاضيان ومن يؤذي أستاذه قولاً أو فعلاً أو دلالة فهو كافر وثوبته

غير مقبولة

Это сказано в (сборниках) фетв «Мухит»³⁹ и в (Фатава) «Кадид-хан»⁴⁰, то есть : «Тот кто будет мучить своего учителя словами, поведением либо при посредничестве другого, он неверный. Его покаяния не принимаются».

В (сборнике) фетв «Джами' ал-мутафаррикат» сказано, что невоздаяние воли наставника является неверием по согласному мнению ученых.

(وفي جامع المتفرقات إجحاد الأستاذ كفرًا بالإجماع لأنه استخفاف)

لمنعلم روق مؤيد ولو جعل وجهه من الأستاذ (أعرض) قالوا لا يقبل ثوبته ولا يعتبر لقوله ولا يعمل بفقواه وإمامته وإن كان مقيماً ولو نتج شيئاً لأن ذبيحة العاق حرام عند الكل لأن ذبيحته وذبيح الكافر سواء متواهما النار إلا أن يرضى عنه الأستاذ فيؤوب عنه كما إذا أسلم الكافر عن كفره وعليه الفتوى من جامع المتفرقات

«Ученик своему наставнику раб на всю жизнь. Если отвернется от наставника, то говорят, что его раскаяние не принимается, его мнение и его фетвы игнорируются. Даже если его знания достигнут степени муфтийа, нельзя следовать его имамству. Если он заколет какое-нибудь животное, то нельзя употреблять это в пищу, так как, по мнению всех 'улама', заколотое проклятым учеником (животное) запретно. Место, куда они отправятся, — ад. Если его наставник простит его, его покаяние будет принято, подобно тому, как принимается покаяние неверного. Эта фатва истинна».

³⁸ «Ал-Фатава ас-сираджийа» Сирадж ад-дина ас-Сиджаванди (VI/XII в.), или Сирадж ад-дина 'Али ибн 'Усмана ибн Мухаммада ал-Уши ('Абд ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин. Маджма' ал-ансаб ва-ашджар. Введение, перевод с арабского, персидского и тюркского языков, комментарии, подготовка факсимиле к изданию Ш. Х. Вахидова, А. К. Мумилюва, Б. Б. Аминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 86).

³⁹ «Ал-Мухит аб-бурхани фи фикх ан-ну'мани» Бурхан ад-дина ал-Бухари (ум. около 570/1174 г.)

⁴⁰ «Фатава Кадид-хан» Фахр ад-дина Кадид-хана (ум. в 592/1196 г.).

وفي فتاوى بزازیة: الإستخفاف بالعلم والعلم صفة الله مبخة وقضلا على خيار عباده لیتلوا خلقه على شرعه نیابة عن رسوله فاستخفافه بهذا یعلم أنه إلى من یعود

В (книге) «Фатава-йи баззазйия»⁴¹ (написано): «Унижать ученых – унижать знания. А знания – качество Аллаха. Аллах одаряет знаниями кого пожелает из своих любимых рабов. Ибо ученые – наследники пророков Аллаха и призывают людей к религии Аллаха и указывают им истинную религию и путь».

И всем должно быть понятно, что означает унижать ученых и наставников.

Маулана 'Абд ал-Хайй в своей фетве:

استخفاف علم وتحقیر علماء باشد من حیث العلم حکم بکفرش میدهند ورنه در فاسق و فاجر بودن آنکس ومستحق غضب الهی ومستوجب عذاب دنیوی و آخروی شدن ان شبهه نیست سب و شتم و طعن هر مسلم کائنات من کان موجب فسق است چه جایکه سب و شتم علماء

«Если кто-то унижает знания кого-либо и ученого, то люди должны признать такого человека неверным. Ибо он пребывает в грехе и постыдстве, он под заслуженным гневом Аллаха, и нет сомнения, что он достоин наказания в этом и том мирах. Независимо от положения, оскорблять простого мусульманина и клеветать на его, наказывать – все это приводит к тому, что тот, кто так поступает, несомненно, становится грешником. Но если оскорблять и поносить ученого, то можете себе представить, насколько более тяжек такой проступок».

Дорогие братья по вере! Мы привели эти фетвы из 12 авторитетных сборников и книг и предоставили их вашему вниманию. Если обратиться к аргументам этих фетв, то вы не будете сомневаться в том, что чтение намаза сотрудниками Соборной мечети Коканда неуместно. Дорогие читатели. Вы, наверное, удивляетесь, когда мы говорим «сотрудники Соборной мечети». Не удивляйтесь. Ибо Садик-кари, Бахрам-джан, Мухтар-джан – они главные везири (Мухаммад-Раджаба) Таштемира. Они тоже из тех, кто ел хлеб-соль нашего брата (Насриддина) Ахуна и плюнул на эту соль. Они тоже помогали в бросании камней несправедливости в нашего брата (Насриддина) Ахуна. Особенно удивительно то, что Мухтар-джан был верен во всех делах Мухаммад-Раджабу и был против нашего брата (Насриддина) Ахуна.

وَلَا يَتَعَسَّبُ إِلَّا نَخِيلٌ وَلَا يَتَّبَاهِي إِلَّا قَصِيرٌ وَكُلُّ وِفَاقٍ نِفَاقٌ

Не будет создавать междуусобицы никто, если он не приезжий,

Не будет высокомерным, если он не низкорослый,

Соглашение с каждым делом будет лицемерием!

⁴¹ «Ал-Фатава ал-баззазйия» ал-Кардари (ум. в 827/1424 г.).

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Я восславляю Аллаха, прошу, чтобы у всех людей в этом мире соответствовали их слова и дела, и прошу, чтобы у меня тоже слова и дела не расходились. И когда я представляю себе, что Судья всех тварей божьих — Аллах — в Судный день будет судить наши грехи, то молю о том, чтобы Он уберег нас от начала всех наших грехов — лжи. Этими молитвами начинаю свою речь я, Фатхиддин, — младший брат Туйчиева Насриддина Ахунда. Дорогие братья. Мне исполнилось 50 лет, и я всю свою жизнь был рядом со своим братом и в дни его радостей, и в дни его огорчений. Я узнаю все, что было с ним за это время, то есть начиная с 1950⁴² года и до сегодняшнего дня, 11 сентября 1991-го, — дня его смерти. Эти годы мой брат искал довольства Аллаха, затем своих родителей и затем своих наставников и удостоился молитв своих родителей и наставников.

Он учился (религиозным наукам) ради Аллаха и ради Аллаха давал свои знания другим. За 18 месяцев до смерти мой брат попал в водоворот несправедливости. И эта несправедливость стала причиной смерти моего брата. А когда речь заходила об этой несправедливости, мой брат, рассуждая об этом, всегда завершал свою речь словами: «Эх брат, оказывается, этот мир построен на несправедливости».

Я, опасаясь того, чтобы эти переживания не имели плохие последствия, стал уговаривать некоторых людей в Коканде успокоить (его), но мой брат не успокоился. После этого я сам приступил к делу и позвал более 40 имамов мечетей (селений) Йайпана, Серово и Пашша-Пирима⁴³ и пригласил на эту же встречу Мухаммад-Раджаба и Мухтар-джана. До этого мой брат описал все, что произошло, в письме.

(Мой брат Насриддин Ахунд) сказал: «Сейчас в Коканде ходят разные слухи. Теперь давайте обо всем поговорим начистоту и с глазу на глаз. Вот напротив меня сидят Мухаммад-Раджаб и Мухтар-джан. Давайте теперь отделим правду от лжи». И мой брат начал читать свое письмо. Когда чтение письма не достигло и половины, все сидящие начали переглядываться. То ли от того, что все произошедшее не соответствовало *шари'ату*, то ли из страха, что могло открыться лицемерие некоторых, то ли от того, что кое-кто стал участником этого лицемерия, одним словом, пять человек выступили категорически против того, чтобы письмо (моего брата) продолжали читать. Но из этих пятерых только один был в смятении от того, что именно он привел на это собрание Мухаммад-Раджаба и Мухтар-

⁴² 1950 г. — дата рождения Фатхиддина Туйчиева.

⁴³ Населенные пункты в округе Коканда.

джана. Но несмотря на это, имам мечети «Мадраса-йи Мир» Ну'ман-хан тора, имамы мечетей в Серово и Пашша-Пирим предложили послушать до конца это письмо. Но из этих пятерых возражавших тот, кто привел Мухаммад-Раджаба и Мухтар-джана, был резко против. Словом, снова несправедливость победила справедливость, и письмо не стали читать. Но если бы у Мухаммад-Раджаба и Мухтар-джана была совесть или если бы они следовали тем *айатам* и *хадисам*, которые читали, то они сказали бы: «Постойте, верующий для верующего — это зеркало. Кто же может сказать о наших недостатках, кроме этого нашего наставника?». Но из-за того, что их сердца наполнились лицемерием, они ничего не сказали и сохраняли молчание. После этой встречи мой брат все время сожалел: «Жалко наш ислам, жалко правду. Когда же правда станет явной? Неужели все так и останется?».

Словом, в 1990 году после совершения *хаджжа*, наш брат (Насриддин Ахун) с большой надеждой говорил, что теперь, если будет угодно Богу, посвятит свою жизнь воспитанию на пути ислама, будет призывать людей к справедливости, честности. Он пребывал в надежде воспитывать учеников. Но в это время он немного приболел. Во время этой болезни он всплакнул, вспомнив, как много он пострадал от своих же учеников Мухаммад-Раджаба и Мухтар-джана, а также от своего же зятя Садик-джана. И тогда же он вспомнил недостойное поведение Бахрам-джана. Закрыв лицо ладонями и вытирая слезы, он причитал: «Ах, как жаль, сколько же хорошего я сделал в этом мире (Мухаммад)-Раджабу, и столько же мучений я видел от него». И он сказал мне: «Если я буду жив и здоров, это письмо я передам сам⁴⁴, если нет — это остается твоей обязанностью». Вот так он наставил меня.

Спустя два дня, когда со времени его *хаджжа* прошло 60 дней, в ночь на 61-й день из-за страданий души он умер⁴⁵ в возрасте 54 лет.

Если разумный человек потеряет рассудок,
Этот ужас страшен душе, но на радость врагу.

Я посредством этого письма выполняю наставление своего брата и добавил немного из того, что знал сам. Услышать этот зов сердца — на совести каждого. Аллах знает все, что на сердце у каждого. Наш Пророк не учил нас вершить свои дела с хитростью и коварством.

Переписчик этого письма набело Фатхиддин — брат Насриддин-ахунда, сердце которого было разбито.

(Перевод Б. М. Бабаджанова)

⁴⁴ В смысле «оглашу, опубликую».

⁴⁵ В тексте буквально: «исполнил обязанность раба Божьего».

(NASRIDDIN-DAMULLA TOYCHIEV)

The Call of the Suffering Heart

In the Shadow of the Joyful opening of Qoqan's Friday Mosque. The
Abominable Surreptitious Actions of the Hypocrites [acting] under a
Religious Guise
(Qoqan, 1990)

This was written as an example to future generations and as guidance to future students by offering the legacy of the suffering heart.

Ghazal:

The flavor of this ghazal is nothing less than sugar for the saints
And it is nothing less than poison in the mouths of the hypocrites
He who turns away from his true friend, his teacher,
Is nothing less than a disowned son among the people
Whoever occupies the place of shamelessness
Even if he is a human, is nothing more than a reptile

I, the writer of this letter, Nasdriddin Muhammad, on 1 January 1990, the teacher of Muhammad-Rajab, by means of my letter, want to explain the things that took place between the two of us.

I, Nasriddin Toychiyev, want to explain the following by means of this letter. You yourselves know that the Friday Mosque of the city of Qoqan was opened in February of 1989. Before this mosque was opened, people exchanged opinions about who would be its imam once the Friday Mosque was opened. Some mature-thinking people from among the city and village inhabitants said to me several times, «When the Friday Mosque is opened, you'll be its imam. Don't turn down this job». I told those people several times that I didn't want to be the imam.

Muhammad-Rajab came to me several times at in the evening and asked who would be the imam once the Friday Mosque is opened. When I said that I didn't know, let whomever be the imam, he said no, one should have an opinion about that. I denied that, saying, «If that's so, when I consider all of the people and their worthiness to be imam, none of them is worthy of being imam». After that, when I indicated the maternal uncle of an elderly inhabitant of the village of

Komintern, 'Abdulhamid (the father of A'zam-khan Hajji, the *imam-khatib* in the village of Velik), he said, «If that's the case, let's bring A'zam-khan Hajji himself. At that point I said, «First let his father serve as imam, and if he can't carry out the prayer services because of his advanced age, then we'll be able to take A'zam-khan Hajji». After that he came to me a little later and told me that there was no one besides me worthy of the job, «because you knew the great masters». You aren't asking anything from people. Everyone is certain of your deeds. People are have faith in you. Don't pretend all sorts of things and turn down this job. This is a matter calling for responsibility too», and so they obtained my agreement by saying such things that are unwelcome to God.

After a day or two passed, Mukhtar-jan and Muhammad-Rajab came to me and again proposed that I become imam. When I said once more that the Friday Mosque is a large, a big place, and my learning is limited, Mukhtar-jan then said, «Quit talking like that. Look, Jamaliddin Qari has less learning than you, and he's serving as imam», and the two of them talked me into it.

The next morning Ahmad-jan Aka came (the current chairman of inspections of the Friday Mosque). He said, «I heard from Muhammad-Rajab [that] you agreed. That's a very good thing», and he expressed his gratitude. Ahmad-jan declared that we mustn't reveal the candidate, that is, you, to anyone for now, and it stood without it being revealed to anyone. Even so, everyone found out about my candidacy.

Late one day Ahmad-jan came to my house and said, «Let's go to Munavvar Qari Dada, and let's declare your candidacy, because he is a Qari and a Qoqan elder. We went and when he said, «Our Nasiddin Aka will be the imam when the Friday Mosque, pray for him», he prayed. He expressed a lot of opinions, and said that all of the people in Qoqan would agree that I become imam. And he emphasized that I not turn this job down again.

Afterwards we left that person. Two days before Sunday's election of the imam, that is, on Friday evening, Ahmad-jan came to me and said, «We plan to elect the imam on Sunday. The Friday Mosque has been opened, and it was agreed. Now let your brothers spread the word of your candidacy for imam of the Friday Mosque, and get a lot of people, and not just from one place. Have them invite people from Marghilan, we'll invite people from Namangan and Andijan; there ought to be a lot of people?».

But more was done than just what he said. On Saturday evening, that is, the evening before Sunday, some people went to many of the neighborhoods of the city by car, and switched the candidate, and they spread the news saying, «You'll vote for Muhammad-Rajab». I had no information about these activities at all.

All night, whatever things needed to be done were divided up, an agenda was drawn up, and they made his candidacy known everywhere. Acting like someone unaware of anything, on Sunday (that is, on the day of the election for imam), at around seven o'clock in the morning, Muhammad-Rajab came to me, along with Mukhtar-jan, who had been his classmate. They asked me, «You're a unpredictable person. Did you change your mind? That is, aren't you someone who'll resign his nomination?». I said, «The news has been sent everywhere; if it's so, what would I do? Now I'm letting it stand. Muhammad-Rajab and Mukhtar-jan wanted to invite Ibrahim-jan to be the deputy imam. That morning I expressed my disapproval of that. When I said, «Ibrahim-jan is sickly, like me, and doesn't like to work. Let either Adham-jan (Ibrahim-jan's older brother), Ahmad-jan, Muhammad-Amin, or Qasim-jan be the deputy imam», the two of them refused, and said, «It won't be any of them».

When I asked Muhammad-Rajab several times whether or not he had the intention of becoming the imam, he explained that he had no intention whatsoever of being the imam. When I said, «If that's the case, let one of you two be the deputy imam», Muhammad-Rajab and Mukhtar-jan looked at one another, and Muhammad-Rajab expressed his agreement, and said, «People won't accept my candidacy». I said, «If you agree, I can make you deputy imam after ten days». After that the two of them left me and said, «A lot of guests are coming from Andijan. We need thirty kilos of *devzira* rice to feed them pilaf after the midday prayers. Can you look after that?». Once they had left I said, «Cut up the carrots right away», and I went to the village and told my younger brother Nizamiddin, «Send money right away for thirty kilos of rice. You said you'll prepare the pilaf at the Friday mosque». He said, «Fine», and he did all the work well. He served the pilaf to Muhammad-Rajab's people just like he wanted. On Sunday they had hired nearly three hundred people to vote for Muhammad-Rajab from among the profane. You can see in the video that these people sat and waited for the assembly under the plane tree without going in for the afternoon prayers. Ahmad-jan Aka had told me personally at home by the gate that these three hundred people had been hired. There are also witnesses to the fact that some of them had stinking breath, drank vodka, and that they had the smell of vodka on their breath.

Muhammad-Rajab, look what you did. For the sake of being imam you first brought these sorts of people to the Friday Mosque?

More than two hundred people came from the city of Andijan to elect and designate Muhammad-Rajab imam of the Friday Mosque. I had no knowledge of these actions. Before the meeting was started a few kids circulated among the

people saying, «Votes will be cast for our brother Muhammad-Rajab. Votes won't be cast for anyone else». Around noon on that day my nephew Sadridin picked me up in his car to take me to the Friday Mosque. He said, «Uncle, why do you want to become imam? Forget it, don't go. I'll just say my uncle didn't agree to go to the Friday Mosque». I said, «My family, and my children, and my brothers-in-law were completely against it too; there was a lot of talk about it. But let's go and see what happens», and I left for the Friday Mosque.

When I got to the Friday Mosque someone came and said, «The candidate's been changed. It'll be Muhammad-Rajab». When he had said that I was shocked, and I thought to myself what had been said in front of me yesterday. I couldn't believe it at all, and said, «Now can it really be so?». At that time Mukhtar-jan passed by me, and I asked him, «What's going on? Have things turned out differently?». He shrugged and said, «I don't know. It's the way it is». I was still astonished and didn't believe this. As those people who had been hired and the people from Andijan and the others voting for Muhammad-Rajab were going around the microphone, the meeting was started. Sadiq-jan went up to the microphone to speak and acquainted people with the history of the Friday Mosque, and at the end of the speech he made an allegory to the effect that I was a bad person. He regretted that someone had committed all sorts of innovations, and [I was now saying] that now I would not do such things, if I became imam of the Friday Mosque. He said it was like the repentance of someone who, having done every bad thing in the world, repented on his death bed, and asked whether such repentance be accepted or not?

Yahya Qari from Andijan went up to speak, and declared that Muhammad-Rajab had become the *imam-khatib*. The people around the microphone were unanimous in accepting that. After that Muhammad-Rajab's neighbor, a young man named Ghulam-jan, declared that Muhammad-Rajab had become the *imam-khatib*. The voters accepted it unanimously. I was stunned, and realized that the candidates had been switched. Even before the Friday Mosque had been opened, Ahmad-jan Aka had told me that «when the Friday is opened, I will speak at the assembly and praise the fact that you are a farmer, your learning, and your character to the people». But instead he remained silent. After such malice, he also related very bad stories in order to justify himself in front of me. This was what he said.

Two or three days after the election of the imam, when I had gone to Muhammad-Rajab's house, he came up to me and in my car told me that late one night on such and such a day I hadn't been at home. He said, «Around twenty young men from Qoqan said that Nasridin Aka's brothers were going

to Muhammad-Rajab's village to pressure him. They said we need to go to the village calm them [the brothers] down. I made them turn back». Until now my brothers had not once spoken harshly about Muhammad-Rajab. What would my brothers have done to Muhammad-Rajab's guys? They would have killed [my brothers].

Honored brothers! Muhammad-Rajab's friend Mukhtar-jan, and Mukhtar-jan's student Sadiq-jan Qari, as well as the Andjanis, bear a lot of the responsibility for this sedition and strife, too. Did the people who carried out this sedition and hypocrisy read the Qur'anic verses about the hypocrites, or would they ignore them? The Friday Mosque is a big place, inside the Friday Mosque they carried out that sedition against their own teacher (even if he only taught them a short time), how could they cross the threshold of the Friday Mosque without fear?

When I pledged that we all belong to the Hanafi school of jurisprudence, you said, «Cut it out, don't say we're from such and such a school of jurisprudence. When I speak from the *Mukhtasar*, when I read it, what's the use of a book that is the cause of such conflict?». Now you're saying that we all belong to the Hanafi school of jurisprudence. With which of your tongues are you saying this? What compelled you to change your opinion? Or is it all right for a believer to have two tongues?

For Muhammad-Rajab Yahya Qari is probably someone he hired, or manipulated, or bought. Otherwise he's an old man, approaching eternity, who doesn't just go from one city to another uninvited, and say, «Let Muhammad-Rajab be imam and let Sadiq-jan Qari be the deputy imam». That's the sort of mind he has! If he's not someone who was hired, manipulated, or purchased, he would have said, «We came to make the Friday Mosque right, the election of the imam is according to the will of the people from Qoqan, we're involved in that».

Muhammad-Rajab, on this earth I have never seen such a hypocrite as you. Can you do anything else besides slandering your own teacher to the point of violating Islamic law?

Muhammad-Rajab, when you were studying you would look at those around you with scorn. And now it's probably the opposite. What wrong did I do to you, to the faithful? Please explain that to me.

Muhammad-Rajab, when I was teaching you, I didn't teach you to relate that way to elders, to do such things to a teacher. Who's your teacher in doing such things? From whom did you take such lessons? Who are you following in these deeds?

Muhammad-Rajab, did you have such a desire to become imam? Please can you tell me? When you said, «My father served as imam in a village for twenty-five years. It would not be right if I didn't take my father's profession», you

didn't seek advice from me. Have you not committed the most worst deed in Islamic law?

Muhammad-Rajab, you advised that night that Ahmad-jan Aka hold the microphone for Munavvar Qari, and that he talk too. When at the microphone he expressed your opinions, as well as his own, in violation of Islamic law, under your leadership and that of Mukhtar-jan and some other hypocrites you insulted Munavvar Qari, an old man, a *Qari*, nearly a hundred years of age. You even had them attack some young people. Is such a deed in keeping with your Islamic law? In your belief Munavvar Qari goes to Mawjud and to complete Qur'an recitations, and eats what's illicit, and you eat what's licit. That person ate what's illicit and did what he did, and you ate what's licit. But what have you done?

I don't want to talk about Munavvar Qari because he nominated me, and so did Sharafiddin Aka. God exists. Muhammad-Rajab, when you were studying did I have the yearning to be imam or not? My oldest son, N., was upset with what you did, and came to you. He said, «My dad won't be the imam. Leave my dad alone».

The fact of the matter is you know my view about being or not being imam, I just didn't know your view. When I told all of this to someone, he said, «If his goal was what to do, he himself wanted to be imam». I experienced your tricks and deceptions, even though I had only instructed you a short time. He refused.

Muhammad-Rajab, you're telling everyone, «I'd come to make Nasriddin Aka imam of the Friday Mosque. He himself wrote the request and went away. Since he left that place, I'm not to blame at all. In fact when I had intended to become imam of the Friday Mosque. Didn't you do those things the day of the election for imam? All right, let's say you made a mistake on the day of the election for imam. After the day of the election for imam you came again to my house. You apologized, saying things like, «The need for [having] an assembly on the day of the election had left me. I no longer had any desire at all. I declared my candidacy to protect your life. When you didn't declare your candidacy, it would be an ugly matter». I even accepted your apology. My younger brothers Minhajiddin and Fathiddin heard your apology, and said in front of you, «Big brother, let it go. Forgive him». Is there discord in what they said? There was absolutely no deception or fraud in what my younger brothers said that day. God Himself knows. I said, «Whatever happened, fine. Now, all right, let's go to the Friday Mosque and see what happens». When I went to the Friday Mosque under the big plane tree you said, «What you say isn't acceptable to the young people. Give me your sermon». On the day of the election those young people were probably your young people, or else you yourself are a liar, or

else it was you they probably didn't like. You denigrated Akbar-jan, *mutawalli* Ahmad-jan to me. You put 'Ali-khan, Hamdam-khan, and Muhammad-Amin to work, and you intended to curse me in public. I saw your deeds and on the day of the election your cursing me was a shortcoming. I thought that a shortcoming was being carried out. Now forget the Friday Mosque. Let Muhammad-Rajab have it. The time has come to test Muhammad-Rajab's apologies, the things he said, whether the will of the assembly on the day of the election came from Muhammad-Rajab or not, and I wrote a petition, saying, «Let's verify it». After the evening prayer I gave it to you in the shade of the big plane tree. It was known that everything you'd said and everything you'd done was a fraud and deception. You asked, «It wasn't fraud and deception. You had been truly faithful, what was this thing you did?». You rushed out and took the petition. You even phoned me and went back to the Friday Mosque. You were afraid of Pirimqul. At my house you said several times that if you don't go to the Friday Mosque, Pirimqul will come». There are witnesses to that too. You brought me with deceptions and tricks like that. You destroyed with fraud and deception. When I left the Friday Mosque I wasn't upset. But I am upset because of what you did to your teacher, because you revealed your fraud and deception, [you revealed] yourself to the people, because you wanted to become the imam.

Muhammad-Rajab, all of us will pass from this world. When you go before God, with what face will you look upon God? Or are you denying this Qur'anic verse?

Muhammad-Rajab, you came into this world and you did something that you yourself and other people will not forget.

You crushed me emotionally. You ended my life!

Respected fair-minded readers, brothers, we direct [the question] to our dear religious conscience, «Is the sadness of the late [Nasridin] justified in nature and in Islamic law?». Maybe it is justified, because his plant that he raised as a sweet melon grew up instead to be a type of bitter fruit. The writers have said,

وَمَا أَحْسَنَ مَا نَقَلَهُ سَيِّدِي عَيْدُ الْوَهَّابِ الشُّعْرَانِيُّ فِي الطَّبَقَاتِ عَنْ شَيْخِهِ الْخَوَاصِّ قَالَ
 سَمِعْتُ سَيِّدِي إِبْرَاهِيمَ الْمَثْبُوتِي يَقُولُ زِيَادَةُ الْعِلْمِ فِي الرَّجُلِ السُّوءِ كَزِيَادَةِ الْمَاءِ فِي أَصُولِ شَجَرَةٍ
 الْحَنْظَلِ فَكُلَّمَا أَزْدَادَ رِيًّا أَزْدَادَ مَرَارَتَهُ

Words of Imam as-Sha'rani that he narrated in «at-Tabaqat» from his own shaykhs: What makes a thing beautiful is the fact that a bad person who has much learning is similar to the water that accumulates under the stem of a bitter melon. The more water there is around the stem, the more bitter will its toxicity

be. Come, let's compare this to the Holy Qur'an and the traditions of the Prophet, peace be upon him, which are the instructions for us Muslims, and let's appeal to the words of our spiritual leaders regarding this, and let's heed the *fatwas* of the muftis. First of all, are they the good deeds of the ungrateful students and the shameless [blank] that repaid the actions of our Akhun Aka [Nasriddin], who was their master and their father according to Islamic law, and that repaid the sciences he had taught during difficult times? In fact, in the Qur'an God the Exalted blessed us with the words: *Is there any reward for good, but good?* [Qur'an 55: 60]. That is, this Qur'anic verse [says] there is no reward for good, but good. That is, it teaches the faithful that there is no reward for doing good, except for good. Or were these ingrates blind, as if their eyes and hearts did not sense these verses? Or did they deny these verses. Or did they think that slanders and machinations in order to take the position of *imam-khatib* from their master was a way to respect him? Nevertheless God has called upon Muslims to respect their teachers.

قوله تعالى: وَمَنْ يُعْظَمْ شَعَائِرَ اللَّهِ فَإِنَّهَا مِنْ تَقْوَى الْقُلُوبِ. ووقوله تعالى: وَمَنْ يُعْظَمْ حُرْمَاتِ اللَّهِ فَهُوَ خَيْرٌ لَهُ عِنْدَ رَبِّهِ. لَأَنَّ عُلَمَاءَ الدِّينِ مِنْ أَعْظَمِ شَعَائِرِ اللَّهِ عُلَمَاءَ دِينِهِ وَهُمْ مِنْ أَعْظَمِ حُرْمَاتِهِ.

Most commentators have commented on the words «*sha'a'ir Allah*» and «*hurmat Allah*» that are in the this Qur'anic verse as [applying to] the word «*'ulama' al-Din*» [the scholars of the faith]. This is because the scholars of the faith are the greatest symbol of God on earth, and because they recognize God and make others recognize [Him] by means of transitory nature. Muhammad-Rajab (Tashte mir), as [God] said,

لِكُلِّ شَيْءٍ مِنْ اسْمِهِ نَصِيبٌ

, did they not say, 'The scholars are corrupted.' It is clear that God will punish those who belittle the scholars, point out flaws, and discard the veil of reverence. Of course, whoever criticizes the scholars, God will change his heart before his death.

It was said to our Prophet, 'Having become a believer, will [a believer] become kill someone?' 'Yes.' 'Having become a believer, will a believer commit fornication?' 'Yes.' 'Having become a believer, will a believer steal?' 'Yes.' 'Having become a believer, will a believer say falsehoods?' He said, 'A believer will not say falsehoods.'

Muhammad-Rajab, today, when the name of ignorance has grown and the space of the novices has expanded, we, the people the Sunnis see your plan of action, Muhammad-Rajab, the head of the novices in Qoqan, and we are certain

that you are not a pious or trustworthy person, we see that you go against the Qur'anic verses and hadiths related above, and that you are not a pious person. Come, let's see how the writers and philosophers evaluate your devious actions.

As they say,
If evil is in someone's nature,
He will be incapable of denying himself

You too should apologize in this matter, since you hurt Akhun Aka so much while he was alive, and after his death, after troubling him, you had to honor him, since everything that offends the living will offend the dead as well.

مَا يُؤْذِي الْأَحْيَاءَ يُؤْذِي الْأَمْوَاتِ

After our Akhun Aka's death, you went around shamelessly saying he was a liar and a slanderer. That is, if someone asked about that, you would say, «Everything the Akhun said about men is a lie and a slander».

If it was a lie and a slander, why didn't you refute the things he said in public? Although our Akhun Aka died, the people who were at that assembly are still alive, and if need be, there's even [video] footage of who was at that assembly.

It was said to Sufyan ibn 'Uyayna, «Which of a person's regrets will be longest?». He said, «[The regret] of someone who has done good for the benefit of someone who does not know doing good, or that of a scholar without a position in the afterlife». At the end of one of Akhun Aka's letters [he wrote]: At the end of Akhun Aka's letters laments like «Oh Rajab, having done so much good for you, I've suffered so much. Oh Rajab, you ruined my life», are probably not out of place. Akhun Aka was not the only master who suffered because of his students.

I taught him shooting every day
In time he became skillful, and turned to shooting me

I taught him so much, let the poem be a *qafiya*
In time he became a poet, and hurled satire at me.

O Sa'di, O Shirazi, don't teach a low-down fellow
If a low-down fellow becomes a mulla, place the blame on the teacher.

Scholars have a high value and the such unschooled people don't recognize their value. Study has no effect on such filthy natures.

زِيَادَةُ الْعِلْمِ فِي الرَّجُلِ السُّوءِ كَزِيَادَةِ الْمَاءِ فِي أَصُولِ شَجَرِ الْحَنْظَلِ فَكَلَّمَا ازْدَادَ رِيًّا ازْدَادَ

مَزَارَةٌ

Honored brothers, you know that in the writers' way of thinking such fools are pulled by the stones of blame. Come, let's see how the muftis evaluate those who deny the rights of the teacher. In our worship what relationship to such people is required? First of all the words of our Prophet.

Our Prophet (peace be upon him) said, «Make the best people amongst you your imams, indeed are they not your messengers? They are among you with God».

In the *Jami' al-fatawa*:

Those who curse [their] masters are of two types. Performing the daily prayers behind one group is allowed, and one cannot perform the daily prayers behind the other. For one of their curses is that one cannot perform the daily prayers behind them [i.e. they cannot serve as imams]. They are the sort of student who deny the rights of the teacher (that is, they deny the rights accorded to the teacher by Islamic law). Indeed, in this matter they are infidels. Or they declare in public the faults of their teacher (for example, saying things like their teacher is a liar, or a slanderer). Indeed, performing the daily prayers behind such a person is forbidden. But if his curse is such that performing the daily prayers behind him is all right, he is the sort of person who will reject one specific order from among his teacher's orders, and when obedience toward that order is required of him, and he considers his teacher worthless; indeed is not such a student an (ungrateful and) immoral person? Although performing the daily prayers behind him is permissible, it is discouraged. If he repents, his repentance is acceptable, and his being imam is not blameworthy. (The same thing is said in the book *Kanz al-'ibad*).

Our Prophet (peace be upon him) said, «My community, respect the teacher, otherwise you are immoral». (From the book *Tanbih al-ghafilin*).

And in the book *Fawa'id al-islam* the command, «If anyone insults and outrages their teacher, the king and princes will be required to cut out such a student's tongue as a reprimand among the people».

Be aware that an ingrate is the sort of person who will deny his master all of his rights, and for that reason becomes an infidel, or he declares in public the faults of his teacher. Indeed, it is not permitted to follow him and perform the prayers». (Related from the book *Kashf al-ghawamid*).

A student is not permitted to be higher up than where his teacher and his [teacher's] son are sitting, unless they themselves permit it. (From the book *Fatawa-yi siraji*, said in regard to a teacher's respect).

They say in the fatwa collections «*Muhit*» and the «*Qadi-khan*», «Whoever gives offense to his own teacher, by his speech, or by his action, or by other evidence, is an infidel; his repentance is unacceptable».

In the fatwa collection «*Jami' al-mutafarriqat*» knowing the rights of a teacher and denying them is unanimously unbelief, because to curse scholars is to curse Islamic law.

In the fatwa collection «*Jami' al-mutafarriqat*» they adduce that the student is his teacher's eternal slave. If he turns away from his teacher, they say that scholars will not accept such a student's repentance. Attention will not be paid to what he says, the fatwas he issues will not be put into effect, even if he's reached the rank of mufti. And he will not even be followed in his activities as imam. Even if he milks an animal, what is milked will not be eaten, because livestock belonging to an accursed student is illicit, according to all scholars. This is because what they milk is the same as what an infidel milks. Their destination is Hell, unless his teacher becomes satisfied with him and accepts his apology. For example, it is like when an unbeliever rejects unbelief and becomes a Muslim, and his repentance is accepted. This is a genuine fatwa.

Demeaning the scholars, if they are scholars, is insulting scholarship, and scholarship is one of the qualities of God. God kindly and mercifully gave this quality to his good servants who desired it; let the scholars be the deputies of God's prophets, let them summon people to God's faith, and let them show the straight path of the true faith. In other words, cursing the scholar and the master leads to cursing whomever, this is known to us.

In his own fatwas Mawlana 'Abdullahay says,

If someone insults scholarship or curses scholars, if they are scholars, the legal experts will rule that such a person is an infidel. Therefore there is no doubt that they are in a state of immorality and wickedness, that they are deserving of God's wrath, and worthy of torments in this world and the next. We suspect that for an ordinary Muslim, when cursing, abuse, and harsh criticism is the reason for his immorality, regardless of who he is, such is the degree of cursing and abusing scholars.

Honored brothers in religion, these are the twelve fatwas that we have related from authoritative books and directed to your attention. On the basis of

the proofs in these fatwas, you should have no doubt that it is wrong to perform the daily prayers behind the staff of Qoqan's Friday Mosque. Readers, you are probably surprised that we mean the staff of Qoqan's Friday Mosque. Don't be, because Sadiq Qari, Bahram-jan, and Mukhtar-jan are Tashtemir's prime-ministers. Having eaten Akhun Akam's food is the same as having spit in his food. They are partners in casting the stone of false blame at Akhun Aka. Mukhtar-jan's worthiness of Muhammad-Rajab in every action and his opposition to Akhun Aka is regrettable.

Nobody causes regret but newcomers,
Only small people cause arrogance,
Agreeing in every matter is hypocrisy.

In the Name of God, the Merciful, the Compassionate

I Fathiddin, the younger brother of Toychiyev Nasriddin Akhun, who died in the city of Qoqan, begin by praising God, asking God that all people be united in feeling and speech, and I request that He make me one with those people in feeling and speech. I request that I present myself before all people and before God, who is the judge of all creation on Judgement Day, and that God Himself will save me from lying, which is the greatest of sins. Honored brothers! Having reached the age of fifty years, I spent all my life with my elder brother, and I shared my brother's joy and sadness. From 1950 until now, that is, until the 11th of September 1991, I have known him fully. Until the end of my elder brother's life, he spent his life wanting to please first God, then his parents, and the more than ten of his teachers, and he accepted the prayers of his parents and his teachers.

Only for the sake of God did he engage in scholarship and impart what he knew to others. Eighteen months before his death my elder brother fell into a vortex of injustice, and that injustice was the chief cause of my brother's death. When my brother talked about this injustice, he would always finish by saying, «Little brother, this world was made for injustice».

Although I was afraid and said that maybe the result of their oppression was not bad, when I told trustworthy people in the city, they didn't pay attention. After then I got involved in the matter myself. I assembled at my home more than forty people [and] the imams from the mosques in Qoqan, Yaypan, Serovo, and Pashsha-Pirim. I also invited Muhammad-Rajab and Mukhtar-jan to this meeting. My brother had written down everything that had happened. He said

that all sorts of rumors are flying around the city of Qoqan. He said, «Now let's stand face-to-face and discuss what has taken place». Muhammad-Rajab and Mukhtar-jan sat facing me. He started reading the letter, calling a spade a spade. Before he had got halfway through the letter, those around began looking at one another and five people expressed sharp displeasure with those who were sitting and reading the letter, and [people were asking] «Were they uneasy with being in violation of Islamic law? Were the hypocrites afraid of being uncovered? Was he a accomplice in that hypocrisy?». Despite that, the imam of the Madrasa-i Mir [Mosque] Nu'man-khan Tora and the Serovo and Pashsha-Pirim imams requested that the letters be read. But one of the five people were confused about having participated in bringing Muhammad-Rajab and Mukhtar-jan and expressed his opposition. But injustice was victorious over justice and they did not read the letter.

At that point, if Muhammad-Rajab and Mukhtar-jan had had any sort of conscience, or if they had acted in accordance with the Qur'anic verses and hadiths that had been read, they would have said, «Hold it. The believer is the mirror of the believer. If our master isn't declaring our guilt, who will declare it?». Because both they, and their hearts were covered in the dust of hypocrisy, neither of them said anything. After this meeting my brother was very embittered, constantly saying, «Woe is Islam. Woe is the truth. When will the truth be revealed? Now in 1990, after returning from the hajj, there was a desire to begin working with great hope and anticipation, God willing. But now I devoted my life to Islamic education, and encouraging people to be correct and truthful. Now I will just train a student». And when he had such hopes, he fell ill. During his illness his eyes filled with tears, and he repeated that his own students whom he had taught, Muhammad-Rajab and Mukhtar-jan, and his own son-in-law Sadiq-jan, had greatly hurt him, and he even mentioned Bahram-jan. He put his face in his hands and said, «O alas, I did so much in the world for Rajab, and felt so much pain because of it», and he wiped the tears from his face with both hands. He told me, «If I'm healthy, I'll present the letter that's in the house myself. If not, I'll entrust it to you. I'll give it to you», and he made that his testament. Two days passed after that, he fulfilled sixty days for the hajj pilgrimage, and on the evening before the sixty-first, he from the suffering of his conscience, he completed his service [to God] at the age of fifty-four.

If a wise man loses, his intellect is a horror.

This horror is a catastrophe for the soul, but a pleasure for his enemy.

I have fulfilled my brother's testament by means of my letter, and I have said what I know. These summons are an indication to the conscience. God knows all of our hearts. Our Prophet did not teach us to do business fraudulently and deceitfully.

Fathiddin, the younger brother of the grief-stricken Nasriddin Akhun, who was subjected to ingratitude and who wrote this letter.

(Translated by *Allen Frank*)

РАЗДЕЛ 4. ШАЙХ МУХАММАД-САДИК МУХАММАД-ЙУСУФ

О разногласиях

Введение

Из всех 'улама' нашего региона наиболее полную богословскую характеристику разногласий, возникших в местной религиозной среде, представил Шайх Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф в предлагаемом ниже сочинении «О разногласиях». Автор непосредственно столкнулся с этой проблемой, будучи еще муфтием САДУМ (затем муфтием Управления мусульман Узбекистана в 1989–1993 гг.). Известно, что едва ли не с первого дня вступления в должность муфтия Шайх Мухаммад-Садик приложил значительные усилия для примирения оппонентов. В мае 1990 г. ему удалось собрать представителей сторон на курултай в САДУМ и настоять на издании совместной «мировой фетвы» (Сулах фатваси). Однако преодолеть раскол не удалось. Более того, «центристская» позиция муфтия не устраивала ни одну из сторон, что стало отрицательно сказываться на его рейтинге¹.

Первое издание сочинения «О разногласиях» было осуществлено в 1995 г.², затем с незначительными поправками издано повторно (Ташкент: Мовероннахр, 2001). Однако к черновым наброскам по этой теме автор приступил в 1990 г. (то есть еще в советское время), став непосредственным свидетелем тех проблем, которые нашли отражение в его публикации (см. ниже). Именно поэтому мы включили ее в состав настоящего издания, посвященного в целом опубликованным и неопубликованным сочинениям

¹ См. об этом: Бабаджанов Б. Среднеазиатское духовное управление (САДУМ): предыстория и последствия его распада // Многомерные границы Центральной Азии. Вып. 2. М.: Московский центр Карнеги. С. 55–69.

² Дата и место издания не указаны. Дату издания назвал сам Шайх Мухаммад-Садик во время одной из наших бесед (2002 г.). Пользуясь случаем, искренне благодарю Шайха Мухаммад-Садику Мухаммад-Йусуфа за ответы на некоторые вопросы и пояснения к его сочинению.

советского времени, так или иначе имеющим отношение к дискуссиям 'улама'.

Судя по нашим интервью и частным беседам, у религиозных интеллектуалов представляемая работа Шайха Мухаммад-Садика в большинстве случаев вызвала живой интерес. Однако, как это часто случается, в настоящее время участники продолжающихся дискуссий (из «консерваторов» и их оппонентов) вновь стараются найти уязвимые места в изложенных аргументах автора, «центристскую» позицию которого стороны оценивают как уступку либо как неопределенность его собственной позиции.

Тем не менее автор точно определяет и признает доминирующее место ханафитского мазхаба в религиозных традициях местных мусульман. Хотя здесь заметен несколько упрощенный взгляд на историю сложения локальных форм бытования ислама и историю формирования ханафитского мазхаба, что объясняется спецификой читательской аудитории.

Среди прочих достоинств сочинения, уже отмеченных нами в предыдущих публикациях³, хотелось бы вновь обратить внимание на другие преимущества «взгляда изнутри», который предложил Шайх Мухаммад-Садик. Например, автор точно определил влияние на местное «реформаторское» движение идеологий религиозно-политических партий арабского мира через тех студентов, которые учились в вузах страны (см. подробнее во введении к изданию: религиозные тексты советского времени). С другой стороны, Шайх Мухаммад-Садик говорит и о резко отрицательной реакции местных консерваторов, расцениваемой автором как ответ на нападки «ваххабитов». Эти нападки прежде всего касались утверждения о том, что местные ханафиты-консерваторы заменили предписания следовать Корану и Сунне на «верность традициям мазхаба».

Именно по этим причинам в своем сочинении Шайх Мухаммад-Садик отреагировал на претензии «молодых мулл» («ваххабитов» или «неоваххабитов»), которые под влиянием идеологии зарубежных фундаменталистов подвергали сомнению положения ханафитского мазхаба (как и некоторых других мазхабов), в частности, в том, что они не основаны на Коране и Сунне Пророка. Это прежде всего касалось ритуалов, вокруг форм которых и начались разногласия. Богословские аргументы сторон подробно проанализированы в представленном ниже сочинении. Автор убедительно доказывает, что большинство разбираемых им проблем догматического характера стали предметом противоречий вследствие утраты верующими, в

³ См. указанную выше статью: Babajanov. Debates over Islam in Contemporary Uzbekistan. P. 42–45.

той или иной степени, своих религиозных обычаев, восприятия знакомых им форм ритуалов (согласно ханафитскому *мазхабу*) как единственно правильных и «истинно исламских». Отсюда, по мнению Шайх Мухаммад-Садика, и возникло неприятие тех форм ритуалов, которые легитимированы в других *мазхабах*. Эти факторы повлияли на позиции обеих сторон.

В целом все эти проблемы, как справедливо полагает автор, связаны с последствиями атеистической политики, неготовностью богословов к «религиозному буму», с влиянием «извне», неумением спорить с молодым поколением «реформаторов». А самое главное — это результат нетерпимости дискутирующих сторон и общей безграмотности их последователей. В более широком смысле, на наш взгляд, можно говорить и об утрате среди большинства местных богословов (особенно в среде «неоваххабитов») культуры внутриконфессиональных дискуссий, которые приняли форму агрессивных нападок одних и крайне нетерпимой реакции других.

Именно эта непростая ситуация, возникшая в местной религиозной среде, заставила автора «взяться за перо» и предложить свой анализ и путь разрешения существующих проблем.

Далее Шайх Мухаммад-Садик вновь обращается к обширному догматическому анализу основных предметов дискуссий, разбирая взаимные притязания сторон и стараясь доказать принципиально одинаковую легитимность их аргументов, которые издавна выведены на основе Корана и Сунны учеными *мазхабов*.

К наблюдениям автора хотелось бы добавить, что причины дискуссий, на наш взгляд, кроются не только в догматических особенностях *мазхабов* и некоторой утрате традиционной внутриконфессиональной терпимости членов местной общины, они в основном касаются формы ритуалов и, как было показано выше, по своей сути более глубоки. Здесь хотелось бы выделить еще один их аспект, исходящий из социальной роли ритуала и его восприятия среди мусульман в советское и постсоветское время⁴. Исламский ренессанс в большинстве случаев выражался в форме возрождения ритуальных обязанностей, как сказано, в традиционных и знакомых формах, издавна принятых в местной *умме*, и преимущественно на основе ханафитских предписаний. Ритуалам и их формам (прежде всего молитве — *салат/намаз*) отводится особое место. Возможно, поэтому им суждено было сыграть как

⁴ Нижеследующие выводы отчасти можно приложить к мусульманским обществам и в других странах. Однако следует иметь в виду известную консервативность «местного ислама», развитие которого было прервано и по-своему «законсервировано» в советский период.

бы двойную роль — и как интегратора, и как дезинтегратора общины одновременно. В первом случае следует иметь в виду, что в молитве (намаз, салат) заложен мощный потенциал ритуальной и внутриконфессиональной интеграции, переходящей в интеграцию социальную. Что касается второго фактора, т. е. дезинтегрирующей роли возрождавшихся ритуалов, то здесь уместно напомнить следующие обстоятельства. Как сказано, исламская община (умма) сплочена прежде всего собственно ритуалом, формы которого выработаны в *мазхабах* издавна. Между тем если иметь в виду замечание Шайха Мухаммад-Садика, что традиционное (консервативное) восприятие в местной общине ханафитских ритуалов признавалось единственно правильным, то любое «нововведение» в них расценивалось большинством как нарушение ритуальной интеграции (в данном случае нарушение единообразия молитвенных движений и поз). А это, в свою очередь, приводило и до сих пор приводит к некоторой деструкции социального единства даже в пределах одной группы (каум), посещающей одну мечеть. Именно поэтому отход от принятых «правильных ритуалов» (либо попытки изменить их) воспринимался и воспринимается большинством местных ханафитских «улама» и их последователями как дерзкий вызов общине, ее единству. Таким образом, споры среди местных мусульман по поводу «правильных» и «неправильных» ритуалов имели и до сих пор имеют социальный контекст.

Однако Шайх Мухаммад-Садик вслед за многими современными мусульманскими учеными (например, Шайхом Рамаданом ал-Бути), вновь подтверждая легитимность мазхабных особенностей, старается доказать, что они не могут быть основанием для разногласий. Напротив, обыгрывая смысл общего названия суннитов («Люди Сунны и согласия»), он стремится призвать к тому самому «согласию», без которого ислам дискредитируется, а мусульмане теряют единство. Речь фактически идет о внутриконфессиональной терпимости — самой актуальной проблеме современного ислама, особенно на постсоветском пространстве. Автор считает, что для преодоления разногласий необходимо «крепко придерживаться того пути, который прошел испытание временем». Здесь имеются в виду положения ханафитского *мазхаба*, ставшие для местных мусульман традиционными в их религиозной жизни.

С другой стороны, отстаивая положения ханафитского *мазхаба*, Шайх Мухаммад-Садик тем не менее видит еще один выход из permanently возникающих межмазхабных дискуссий и соответствующих проблем в поиске межмазхабного согласия, без акцента на внешние ритуальные различия. Это очень напоминает идеи интегризма, доминировавшие в реформатор-

ском движении исламского мира в XX в. Похожее кредо Шайх Мухаммад-Садик повторяет в аннотациях практически всех своих публикаций последних лет.

«Наш лозунг: на основе мазхаба⁵ Ахли Сунна ва-л-джама'а стремиться к чистым религиозным догмам ('акида), чистому Исламу, изучать Коран и Сунну и исполнять их (предписания), распространять исламское просвещение, следовать за праведными предками — великими муджтахидами, укреплять нашу (взаимную) терпимость и братство. (Стремиться) уничтожить религиозную безграмотность, остановить разногласия и расколы, уничтожить фанатизм, новшества и суеверия»⁶.

Хотелось бы обратиться еще к одному аспекту публикуемого сочинения. Автор предлагает свою классификацию дискутирующих сторон, разделяя их на три группы. К первой группе он относит тех 'улама', «кто твердо придерживается старых устоев в ритуалах» (по нашей условной классификации — «консерваторов»). Их оппонентов, то есть вторую группу («ваххабитов»), автор назвал упрощенным первоначальным именем, распространенным среди простых верующих, — «молодые муллы» (йаш муллавачча-лар)⁷. И, наконец, Шайх Мухаммад-Садик в качестве третьей группы выделяет 'улама', кто, как он пишет, «вел свою деятельность на основе официального разрешения»⁸. Их еще называли «давлат муллалари» (государственные муллы)».

Такое разделение религиозной элиты страны и региона, очевидно, основано на устоявшейся официальной классификации, принятой в среде тех 'улама', кто претендовал на «центристскую», или беспристрастную, позицию, особенно в разгоревшихся спорах «консерваторов» и «ваххабитов». К этому кругу «беспристрастных 'улама'» автор, очевидно, относил и себя. Однако следует иметь в виду, что большинство этих самых 'улама', кто старался отстраниться от дискуссий и доказать независимость своих суждений, сами

⁵ Так в тексте.

⁶ «Ahlī sunna va jamo'a mazhabini asosida pok aqiyda va musaffo Islomga intilish, Qur'on va sunnatni o'rganib amal qilish, islomiy ma'rifat taratish, salafi solih—ulug' mujtahidlarga ergashish, kengbag'irlik va birodarlik ruhini tarqatish. Diniy savodsizlikni tugatish, ixtilof va firqachilikga barham berish, muta'assiblik va bid'at-xurofatlikni yo'qotish».

⁷ Молодые муллавачча. Последний термин образован от старого таджикского мулла-бача — молодой мулла.

⁸ Автор имеет в виду 'улама' и имамов мечетей, входящих в состав Духовного управления.

занимали должности в системе САДУМ. Кроме того, они в той или иной степени были вовлечены в дискуссии. Это прежде всего касается и самого автора, много лет проработавшего в этой системе и только в последние годы действующего в качестве независимого 'алима'. По крайней мере, повторяем, что такого рода классификации, возникшие в действительности в недрах советской атеистической школы религиоведения и исламоведения, не отражают сути расколов, проходивших вне зависимости от статуса (официального или неофициального) самих диспутантов (см. подробнее в предисловии к настоящему изданию).

Авторский стиль в представленном сочинении имеет несколько упрощенную форму, т. к. рассчитан на широкую публику. Отсюда — простой и понятный слог, без излишних усложнений, представленный в виде коротких предложений. В тексте очень мало грамматических и стилистических ошибок, что, надо сказать, довольно редкое явление для такого рода литературы, издаваемой в Узбекистане. Очевидно, сказывается личный опыт автора в составлении религиозных сочинений.

Некоторые абзацы и предложения перевода сопровождаются дополнительными комментариями для прояснения тех мест в тексте, которые могут быть понятны только осведомленной аудитории.

Некоторые аяты Корана в оригинале даны без ссылок. В этих случаях мы вносили соответствующие ссылки и сноски.

Надеемся, что предлагаемое сочинение окажется полезным для тех читателей, кого интересует динамика религиозной ситуации в Узбекистане и Центральной Азии.

Б. М. Бабаджанов

⁹ Бабаджанов Б., Хамид(ов) М.-А. Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2003. С. 47–51.

ШАЙХ МУХАММАД-САДИК МУХАММАД-ЙУСУФ

О разногласиях

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Предисловие

Да будет слава Всевышнему Аллаху, который наставлял Своих верующих рабов в Своей вечной до Судного дня книге — Великом Коране: «Не препирайтесь, а то ослабеете, и ваша сила уйдет»¹.

وَلَا تَكُونُوا كَالَّذِينَ تَفَرَّقُوا وَاخْتَلَفُوا مِنْ بَعْدِ مَا جَاءَهُمُ الْبَيِّنَاتُ وَأُولَٰئِكَ لَهُمْ عَذَابٌ عَظِيمٌ

Да будет наше восславление любимому нашему Пророку, Преславному Мухаммаду (да благословит его Аллах и приветствует!), который, обращаясь к своей общине, сказал: «Не враждуйте, и пусть ваши сердца вновь не наполнятся враждой».

Да будет доволен Аллах великими асхабами Пророка, которые с готовностью внимали и следовали наставлениям Своего Господа и своего Пророка, избегая вредных разногласий.

Да помилует Всевышний Аллах праведных улемов, которые самоотверженно служили своей религии и отводили мусульман от разногласий.

Дорогие и уважаемые братья по вере! Обращаюсь к вам, почтенные мои, с целью поговорить с вами по поводу одной проблемы, которая давно тревожит нас, отнимая у нас покой, омрачая душу, рана сердца. Эту цель я собирался воплотить давно, однако в силу разного рода обстоятельств приходилось откладывать это важное дело. Кажется, теперь пришло время, ибо Всевышний Аллах Сам вложил в сердце желание воплотить в жизнь упомянутую цель. И мы приступили к этому делу, взывая к Создателю, чтобы все дела завершились благополучно, и просим помощи и поддержки у Всевышнего Аллаха.

¹ Коран, 8:46. В переводе цитат из Корана и хадисов мы постарались сохранить оригинальный авторский стиль вместо принятого цитирования академических переводов.

Дорогие братья по вере! Вы, наверное, с самого начала уже догадались какова наша цель? Да, мы поставили себе целью открыто поговорить с вами, дорогие мои, о возникших среди [наших] мусульман разногласиях. Ибо — тысяча сожалений! — как только возникла эта проблема, она доставила множество страданий мусульманам.

Еще вчера, когда безбожники истязали нас, мы терпели и молчали². Теперь, когда у нас благодаря милости Всевышнего Аллаха появилась возможность свободно исполнять наши ритуалы ('ибадат), именно в вопросах ритуала среди нас появились разногласия, и мы начинаем скандалить друг с другом. Мы поднимаем скандалы даже в мечетях, опозорившись и перед иноверцами, и перед безбожниками. Не секрет, что в некоторых местах это дело оказалось настолько серьезным, что привело к плачевным результатам. По нашему мнению, самое плохое в том, что среди простых людей о нашей религии распространяются отрицательные впечатления благодаря неуместным притязаниям некоторых лиц из нашей же среды. К сожалению, в современном мире, когда хотя бы понять что-то о религии, люди судят о ней только по действиям [некоторых] религиозных деятелей. Поэтому очевидно, что те, кто, рассуждая о другой религии, будут говорить: «Вот это те, кто притязает на то, чтобы называть себя настоящими мусульманами. Значит, мусульманство такое». Однако нужно очень много времени, чтобы объяснить, что существует огромная разница между исламом и теми, кто притязает называть себя мусульманином.

Разъяснить эти вопросы представителям другой веры или даже безбожникам относительно легко. Достаточно им привести два-три примера и показать, что ислам — это одно, а те, кто делает дела, противоречащие исламу, — другое. Даже если они не поймут, то ничего страшного. Однако очень трудно что-то разъяснить тем, кто притязает называть себя мусульманином, но при этом делает дела, противоречащие исламу. Так как среди нас появилась самая плохая вещь — противостояние. Чего только ни было ради этого противостояния: взаимные оскорбления, клевета, огорчения. Каждый старался доказать, что именно он прав, и так далее. Однако только сатана существует без надежды. Мусульмане никогда, ни при каких обстоятельствах не перестают сохранять надежду. Всевышний Аллах в Великом Коране повелел не переставать надеяться на Его милость. Например, хорошо известно, что если мусульмане постигнут какую-нибудь истину, они обязаны тот час следовать ей. Вот такие рассуждения побудили вашего покорного слугу взяться за перо.

² Имеется в виду период советской атеистической политики.

Мы далеки от того, чтобы обвинять кого-либо в произошедших событиях. Для того чтобы обвинять кого-то и выносить о них решение, у нас нет ни права, ни желания, ни даже обязанности. В конце концов причиной возникшей ненормальной ситуации, отвратительных событий и их тяжких последствий стала наша [религиозная] безграмотность. Именно наша отдаленность от ислама, разногласия в вопросах религии, отсутствие приличных знаний в религиозных науках стали основными причинами наших страданий. По этим же причинам выпали различные беды и испытания на долю нашей родины.

Взгляд в прошлое

Благодаря различным обстоятельствам наш народ отдалился от религии. Отдалившись от религии, народ испытал множество бед и тягот. Из-за того что наш народ отдалился от религии, он стал отсталым, слабым и в конце концов стал жертвой колонизации. Наш народ, отдалившись от религии, стал затем жертвой безбожников. Став жертвой безбожников, часть народа тоже стала безбожниками. Именно с их помощью атеисты старались, чтобы от религии у нас в стране не осталось и следа. Эти безбожники разрушили мечети, убивали улемов, творили неслыханные варварские дела. Их цель была одна — уничтожить ислам.

Но даже в те времена среди нашего народа были такие, кто, словно уголек в руках, сохранили нашу религию. Это было так, как сказано в хадисе нашего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), если сохраняешь уголек, обжигашь руки, если хочешь сохранить руки, теряешь уголек. Нам стоит гордиться, если из нашего народа находились такие, кто, словно уголек, сохраняли религию. Да, эти наши почтенные, не боясь притеснений безбожников, смело, смотря смерти в лицо, сохранили нашу религию.

Конечно, в тех условиях не могло быть и речи о полном освоении религиозных наук. Можно было считать значительным делом, если кто-нибудь кое-как заучивал несколько аятов (Корана) и изловчался читать предписанные молитвы. Всякий, кто хотел научиться нашей религии, делал это скрытно, у такого учителя, которого найдет, и под религией понимал только то, чему был обучен. Научиться большому не было возможности. Мы не забыли о тех временах, когда даже говорить о религии среди народа считалось преступлением. Связей с другим мусульманским миром не было. Мы не ездили к ним, они не ездили к нам.

И то, что среди нашего народа было очень мало тех, кто придерживался религиозных предписаний, держал пост, читал молитвы, — это горькая прав-

да. И то, что даже эти немногие с огромным трудом научились читать молитвы и держать пост, — это тоже горькая правда. Они сумели обучиться этим предписаниям лишь в тех формах, которые устоялись у нас. Это были предписания мазхаба Ханафийа. Наш народ следовал этому мазхабу в ритуалах и предписаниях *шари'ата* фактически с момента, как уверовал [в ислам]. По истечении веков, несмотря на разные обстоятельства, положения Великого Корана и Сунны Пророка, приспособленные нашими улемами-муджтахидами для простого народа посредством разрешения вопросов *фикха*, стали восприниматься как основы ислама. Особенно в периоды, когда наша религия наталкивалась на противодействия безбожников, а изучение основ религии затруднялось, сокращенные практические пособия по *фикху* и основанные на них уроки были весьма полезны.

По названным и другим причинам наш народ хоть и знал о существовании других трех признанных мазхабов, но ничего не знал об их установках. И это естественное положение. Ведь трудно ожидать что-то другое от народа в области религии, который дошел до того, что не знал даже формулы символа веры (калима-йи таййиба). Но как бы там ни было, та часть нашего народа, которая сохранила религию и, подобно большинству мусульман, придерживаясь ханафитского мазхаба, была единодушна и соответственно степени своих знаний исполняла религиозные предписания. В целом наш народ подобно множеству мусульман познавал мусульманский *шари'ат* через ханафитские установки и через них вводил его в собственную жизнь.

Что касается вопросов догматики ('акида), то мусульмане нашей республики подобно мусульманам, следующим четырем признанным мазхабам в *фикхе*, тоже всегда следовали установкам «Людей Сунны и согласия»³. Наши имамы-муджтахиды единодушно и твердо придерживались тех догм, которые были выведены из Великого Корана и Сунны Пророка. Ни у кого ничего другого не было даже в мыслях.

В области духовного воспитания были известны такие суфийские братства, как Накшбандийа или Кадирийа⁴. Наши люди получали духовное воспитание у шайхов этих тарикатов. В этих вопросах тоже не было никаких противоречий и скандалов.

³ *Ахл ас-сунна ва-л-джама'* («Люди Сунны и согласия») — собирательное название суннитов.

⁴ Накшбандийа — «новый» эпоним тариката Х'аджаган (основатель — 'Абд ал-Халик Гудждувани), образованный от прозвища знаменитого шайха и реформатора этого братства Баха' ад-дина Накшбанда (ум. в 1389 г.). Кадирийа — суфийское братство, основанное 'Абд ал-Кадиром ал-Джилани/Гилани (1077—1166).

Как и когда возникли нынешние разногласия

Какое-то время спустя⁵ некоторые молодые люди приступили к изучению основ нашей религии. Они росли в особенных условиях⁶. И коль скоро они росли в другое время и в других условиях, было естественным то, что они обладали своеобразным способом мышления. Они стали общаться с некоторыми молодыми мусульманами, обучавшимися у нас, и стали читать [завозимую ими] новую литературу⁷, которая производила на них большое впечатление. Эти студенты-мусульмане, конечно же, не были знатоками религии, являлись лишь членами различных общественных, идеологических и прочих движений. Они говорили об основах религии своим новым друзьям — жителям нашей страны, но не с позиции ханафитского фикха, а с точки зрения той организации или течения, к которым принадлежали сами. И книги, привозимые этими студентами, были большой новостью для наших молодых людей. Обычно такие книги написаны для известных сообществ и с совершенно определенной целью. Но они не могут подойти для других условий, в других странах и для других народов. У нас не смогли понять этих тонких вопросов, и никто не старался их понять. Кроме того, у тех, кто понимал эту ситуацию, не было возможности открыто разъяснить что-либо. Изучать ислам было практически полностью запрещено, и обучение велось тайно. Всем понятно, что в таких условиях невозможно было [богословам] контролировать, кто, как и чему обучается.

Таким образом, среди народа стали появляться новые идеи, новые разговоры. И естественно, что возникли опровержения (радийа) на эти новые идеи. Стали возникать также споры по некоторым вопросам и идеям между старым поколением улемов и молодежью. Дискуссии начались с таких вопросов: «Можно ли, читая Коран, посвятить богоугодность (саваб) этого дела кому-либо? Можно ли встречать стоя [уважаемого] человека, входящего в помещение, или следует его приветствовать сидя?». Постепенно круг дискутируемых вопросов увеличивался. Позже⁸ возникли и стали возрастать скан-

⁵ Автор имеет в виду 60–70-е годы XX столетия.

⁶ То есть в условиях советского времени.

⁷ Имеется в виду религиозная литература, издаваемая в арабских или других мусульманских странах ханбалитского, шафи'итского или ваххабитского толка. Насколько известно, те же студенты привозили с собой популярную тогда литературу, издаваемую исламскими религиозно-политическими партиями.

⁸ То есть примерно конец 1970-х гг.

дальние споры и взаимные обвинения: «Ты фанатик!» — «А ты — такой-то!». К лидерам противостоящих групп стали присоединяться и их ученики. Распространялись такие слухи: «Вон тот человек прочитал такую-то книгу и стал муллою, а вон тот человек прочитал эдакую книгу и стал муллою».

И без того малочисленное собрание улемов нашего народа разделилось на три группы. Первую группу составляли те улемы, кто твердо придерживался старых устоев в ритуалах. Вторую группу называли «Йаш муллаваччалар»⁹. Третья группа — те улемы, кто вел свою деятельность на основе официального разрешения¹⁰. Их еще называли «дават муллалари» (государственные муллы). Все три группы имели свои особенности.

Начало нового всплеска равногласий

Потом начались годы перестройки. Были подняты такие вопросы, как свобода совести, свобода религиозного вероисповедания. Постепенно появились возможности строить мечети, легализовать религиозное обучение, издавать религиозную литературу и т. д. К нам стали приезжать мусульмане из-за рубежа. Точно так же некоторые мусульмане из наших стран стали посещать другие мусульманские страны. Самое важное то, что наш народ стал в массовом порядке изучать основы религии. Но это обучение шло совершенно беспорядочно, бессистемно и без подготовки. Хотя другой возможности не было.

В результате возникла очень неприглядная ситуация. Были люди, желающие обучаться, но не хватало учителей. Желающих учиться было много, но не хватало учебников. Были мечети, но не хватало имамов. Такое положение привело к тому, что тот, кто не имел соответствующих знаний, становился учителем, книги, которые не могли быть учебниками, использовались в качестве таковых, а имамами становились люди, не достойные такого звания. Очень скоро выяснилось, что такое положение не приведет ни к чему хорошему. «Учителя» с низким уровнем знаний, почерпнутыми из соответствующей низкопробной литературы, стали дискутировать со своими оппонентами, основываясь на идеях, заимствованных из тех же книг. Не понимая, что следует ограничивать круг дискутирующих только посвященными знатоками, они стали вовлекать в споры и скандалы своих учеников.

⁹ Молодые муллавачча. Последний термин образован от старого таджикского мулла-бача — молодой мулла.

¹⁰ Автор имеет в виду 'улама' и имамов мечетей, входящих в состав Духовного управления.

Таким образом, самые незначительные вопросы стали причиной грандиозного и обширного скандала. Не остались в стороне от этого и те имамы, знания которых были сомнительного уровня. Они тоже с вдохновением вторгались в конфликт.

А прибывающие из-за рубежа мусульмане были словно соль на рану. Не все, конечно. Если говорить честно, среди прибывавших к нам зарубежных мусульман попадались хорошие и ученые улемы. Они прекрасно понимали нашу ситуацию и давали очень полезные советы. Но таких было мало, и они, имея множество дел в своих странах, быстро возвращались обратно. Оставались здесь те господа, кто, воспользовавшись удобной ситуацией, искал легкой наживы, становясь представителями различных обществ и организаций. Среди них было немало и тех, кто раньше учился в бывшем СССР. Все эти господа в своих странах были обладателями очень средних знаний, а, прибыв к нам, становились «выдающимися» учеными, словно бы знающими все [наперед] до Судного дня. Эти господа, став в мгновение ока выдающимися профессорами, старались поразить восприимчивую и неопытную молодежь своими чужестранными манерами, одеждой и, самое главное, религиозными воззрениями своей страны. Это были люди, которым не было дела до установок *мазхаба*, ритуалов, истории и других обычаев той страны, где они были гостями. Если даже они служили религии, то, естественно, продвигали религиозные взгляды той группы или сообщества, к которым они относились и на чьи деньги существовали. Таким образом, те, кто прибывал к нам из-за рубежа, привозили с собой [новые] разногласия и скандалы. Эти полуграмотные представители зарубежных стран очень постарались усилить упомянутые старые скандалы.

В противоречие местным обычаям и ритуалам они стали по-другому читать молитвы, произносить громко *Аминь* после чтения суры *ал-Фатиха* [Коран, 1], поднимали высоко руки — перед и после выполнения ритуального поклона (*руку'*), что-то нашептывали, стоя за имамом. Местные мусульмане спрашивали их об этих отклонениях от привычных для них норм. Эти горе-учителя отвечали: «Мы следуем Сунне нашего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!). Эти положения, о которых вы спрашиваете, упомянуты в таких-то, таких-то *хадисах*. К сожалению, вы не следуете Сунне Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! У вас исполняется то, что сказал Абу Ханифа»¹¹.

¹¹ Имеется в виду основатель (эпоним) ханафитского *мазхаба* ан-Ну'ман ибн Сабит ал-Куфи, ал-Имам ал-А'зам (Абу Ханифа, 699—767).

Говоря так, они продолжали настаивать в том же духе, стараясь разъяснить, что такое Сунна и что необходимо для того, чтобы ей следовать. Затем они говорили, что ханафитский мазхаб вреден. Окружающим такие речи были в новинку и потому казались привлекательными. Постепенно им стали следовать некоторые местные мусульмане. Остальные мусульмане преклонного возраста были недовольны таким положением дел. Для них было неприемлемым отказываться от способов молитв, которым следовали их предки, и следовать тому, что говорили эти господа, отсутствовавшие длинные бороды и облачившиеся в длинные белые одежды. Вместе с этим большинство наших мусульман не могли достаточно аргументированно объяснить, что их способ чтения молитв — это именно Сунна нашего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!). Они этому не были обучены. В результате всем стало казаться, что следовать мазхабу — это одно, а следовать Корану и Сунне — другое. Взаимные претензии превращались в бурные споры, а споры — в скандалы. В конце концов оппоненты пришли к такой вражде, что даже рассказывать об этом нет желания.

Как сказано выше, мы не стремимся ни отыскать виновного, ни описать произошедшие события, ни даже полностью их проанализировать, называя причины. Наша цель одна: по мере возможности показать, что разногласия, скандалы и вражда среди мусульман — недопустимое явление. Однако такое положение не избавляет нас от необходимости спросить себя: так кто же выиграл от этих неуместных противоречий?

Давайте подумаем об этом беспристрастно. Кто имел выгоду от того, что между мусульманами возникла вражда? Враги ислама! А сами мусульмане от этих противоречий имели только вред.

Было ли новостью то, что между нашими мусульманами возникли разногласия? Нет! Ничего нового в этом не было! Точно такие же разногласия возникали и прежде. Тогда богословы общины мусульман, договорившись, решили, что в целях предотвращения противоречий нужно следовать уставкам того мазхаба, которого придерживается основная масса людей. А люди, уставшие от разного рода противоречий, с радостью приняли это решение, и тогда возникла Община согласия. Раз это было так, то зачем снова повторять одну и ту же ошибку?!

Все упомянутые проблемы когда-то привели к тому, что разногласия и вражда между мусульманами вызвали даже вооруженные столкновения. Этими вопросами богословы вынуждены были заняться очень серьезно, вплоть до того, что они внесены в наши книги по догматике.

А теперь, с вашего разрешения, мы приведем фрагмент из самой авторитетной книги среди «Людей Сунны и согласия» — «Шарх-и 'акида-йи тахавийа»¹².

Виды разногласий и противоречий

Знайте, что разногласия бывают двух видов:

1. Разногласия по поводу возможной формы одной и той же вещи.
2. Разногласия по поводу приемлемости одной какой-то вещи.

Разногласия по поводу возможной формы одной и той же вещи означают то, что противоречивые предметы или дела — оба имеют право на существование, так как они предусмотрены в *шари'ате*. Этому примеры таковы:

«Когда между двумя сподвижниками Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) произошли разногласия в способе чтения Корана, Пророк сказал, что они оба правы»¹³.

В *шари'ате* предусмотрены разные по качеству [ритуальные действия]: *азан* и *икама*,¹⁴ время молитвенного поклона (*сахв садждаси*) или произнесения формулы *шахада*, дополнительная молитва типа *хауф*, *такбир* во время праздничной молитвы *'Ид* или во время заупокойной молитвы (*джаназа*). Эти и подобные вещи предусмотрены [в *шари'ате*], но в разных видах.

Враждовать из-за таких разногласий запретно (*харам*). Однако мы являемся свидетелями того, что из-за подобных разногласий в общине мусульман появляются скандалы. Например, во время *икама* нужно ли произносить формулы призыва на молитву четное количество раз или нечетное? Нужно ли произносить *Аминь* [после суры *ал-Фатиха*] вслух или про себя? Вражда по этим вопросам — и есть запретное дело. В этот же [первый] вид разногласий входят разные виды аргументов, разные обозначения [одних и тех же] вещей.

Таким образом, в силу неведения (*джахалат*) или из желания подавить [оппонента] восхваляются чьи-то аргументы или дела и порицаются слова и дела других.

¹² Ваш покорный слуга имел счастье переложить эту книгу на наш [узбекский] язык. Мы молимся за то, чтобы это было полезно нашему народу (прим. автора).

¹³ Приведено [в «ас-Сахихе»] *ал-Бухари* (прим. автора).

¹⁴ *Азан* — призыв на молитву, состоящий в разных *мазхабах* из разного количества формул (обычно — семь); *икама* — второй призыв на молитву, состоящий из тех же формул.

В разногласиях же по поводу приемлемости одной какой-то вещи из двух аргументов или дел одно бывает истинным, другое — заблуждением. Различить их [по справедливости] довольно сложное дело. В разногласия по поводу одной и той же вещи входят, например, такие [вопросы], как утверждение о единстве Аллаха, о реальном существовании наказания страданием после смерти, о вознесении Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) духом или телом и тому подобное.

Если же иногда возникают разногласия первого вида, то есть разногласия по поводу возможной формы одной и той же вещи, где порицается та сторона, которая [из-за этого] подавляет вторую. Если же обе стороны не подавляют друг друга, то в Великом Коране обе стороны восхваляются.

Во время одного из походов на неверных мусульмане не пришли к согласию относительно деревьев финика, которые стали прикрытием для противника. Часть [мусульман] стали срезать деревья, часть воздержалась от этого. Появился вопрос — кто поступил правильно, а кто нет? Тогда Всевышний Аллах ниспослал такой *айат*:

«Если вы срезали или оставили финики, то сделали это с дозволения Аллаха».

Точно так же наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) во время боя с Бани Курайза дозволил отодвинуть срок чтения предвечерней молитвы до того времени, пока не дойдут до селения Бани Курайза (это приведено в «ас-Сахихе» ал-Бухари).¹⁵

¹⁵ Во время битвы у рва [626 г.] против Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) выступило племя иудеев Бани Курайза, которые до этого заключили мир с Пророком, но нарушили его условия, присоединяясь к партиям многобожников. Сам бой окончился ничем, и обе стороны отошли на свои территории. Тогда [архангел] Джабра'ил явился к нашему Пророку (да благословит его Аллах и приветствует!) и передал ему повеление Аллаха — наказать племя Бани Курайза. Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) тотчас собрал своих сподвижников и, отправившись в поход, повелел: «Пусть никто не читает предвечернюю молитву нигде, кроме как в селе Бани Курайза». Время намаза пришло, когда мусульмане были в пути. Часть сподвижников продолжила путь, сказав, что Пророк велел читать предвечернюю молитву только в Бани Курайза и что следует ее читать только там. Другая часть сподвижников сказала, что такими словами Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) хотел нас только поторопить. Они решили прочитать молитву и снова быстро продолжить путь. Потом возник вопрос, какая же часть сподвижников поступила правильно. Этот вопрос был задан Пророку (да благословит его Аллах и приветствует!). Тот сказал, что обе стороны поступили правильно (прим. автора).

Однако в разногласиях второго вида, то есть по поводу приемлемости одной какой-то вещи, только действия и слова одной из сторон будут одобрены. Другая сторона будет иметь порицание. Ибо сказано в Коране: «Однако они пришли к разногласию. Значит, кто-то из них уверовал, кто-то стал неверным».

И еще сказано в Коране: «Обе эти враждующие стороны враждовали пред своим Господом. Значит, тем, кто был неверным, сшита одежда из огня адова».

Основные разногласия мусульман, относящиеся к первому виду [разногласий]

«Разногласия в общине мусульман, часто приводящие к стремлению удовлетворить свои мирские потребности, к вражде, взаимной ненависти относятся к первому виду разногласий. Враждующие группы не ведают, что обе они правы, но бывают несправедливы друг к другу. Более того, они полагают, что их разногласия относятся ко второму виду. А это становится причиной взаимных притеснений и излишней агрессии»¹⁶.

По нашему мнению, нет нужды комментировать написанное около 650 лет назад в «Шарх-и 'акида-йи тахавийа», все и так ясно. Однако мы полагаем, что будет бесполезно сделать некоторые заметки.

В приведенном нами отрывке речь идет о том, что разные формы идей и действий не должны приводить к взаимным притеснениям, так как упомянутая книга включает в себя догматические положения мусульман из «Людей Сунны и согласия». А известные четыре мазхаба и есть из этой самой догматической школы. Следовательно, некоторые различия в формах мазхабов — неспредосудительное дело. Более того, если эти различия свободны от скандалов и взаимных претензий, это вполне естественное дело. В исполнении того или иного положения в каждом мазхабе старались отыскать лучший путь, не нарушая установок шарх'ата. Этот способ сейчас именуется такими терминами, как «разнообразие мнений», «дружеское соревнование». Почему же получается так, что другие, используя наши методы, двигаются вперед, а мы превращаем наши положительные стороны в скандалы?

Итак, разное решение вопросов фикха в пределах мазхабов, которые признаны согласным мнением факихов (иджма'), отнюдь неплохое дело.

¹⁶ Конец цитаты (прим. автора). Взятые в кавычки — цитата из Шарх-и 'акида-йи тахавийа.

А в пределах одного мазхаба разногласиям вообще не остается места. Если это так, то откуда наши разногласия? Наши разногласия оттого, что мы отказываемся от положений мазхаба Ханафийа. Именно таков призыв тех, кто, как описано выше, прибыл к нам из-за рубежа. Они нашли самое прекрасное оправдание своим притязаниям, говоря, что следуют Корану и Сунне. Этот прекрасный лозунг на самом деле намекает на то, что те, кто не соглашается с этим положением, оказываются против следования Корану и Сунне. Давайте теперь попробуем разобрать эти аргументы.

Во-первых. Если мы, согласуясь с притязаниями выверять свои действия по Корану и Сунне, будем следовать некоему ханафитскому предписанию, считаемому в этом мазхабе Сунной (например, будем произносить *Аминь* не про себя, а вслух, громко), то не окажется ли так, что мы фактически будем следовать шафи'итскому мазхабу? Так как именно в этом мазхабе *Аминь* произносится вслух. И в таком случае разве можно, оставаясь в ханафитском мазхабе, исполнять что-то, исходя из установок шафи'итского мазхаба?

Во-вторых. Мы можем отвергнуть это предположение и, отказавшись от всех мазхабов, следовать, например, хадисам. Тогда противоположная сторона наверняка спросит вас: «А где вы нашли этот хадис?». Мы ответим, что нашли его у такого-то мухаддиса. На это наши оппоненты скажут: «Тогда вы следуете этому мухаддису». И так [спор] будет до бесконечности.

В-третьих. Вернемся к нашему примеру о способе произнесения *Аминь*. Утверждая, что произнесение *Аминь* про себя (как это принято в ханафитском мазхабе) не соответствует Сунне, разве мы не отвергаем несколько истинных хадисов? Так как в ханафитском мазхабе посредством ссылок на достоверные хадисы доказано, что произнесение *Аминь* про себя и есть Сунна. Но если мы признаем, что оба способа произнесения есть Сунна, то с какой целью поднимался этот вопрос среди ханафитов?

В-четвертых. Те, кто в ханафитском мазхабе, приводят аргументы из Корана в пользу предпочтительности произнесения *Аминь* про себя. Так почему же, претендуя на следование Корану и Сунне, отвергаются аргументы ханафитского мазхаба?

Вопросы подобного рода будут возникать один за другим. Однако их следует глубоко и не спеша обдумывать. Прежде чем призывать к чему-либо, хорошо было бы подумать, есть ли основания для нашего призыва и соответствуем ли мы сами нашим призывам. Очень важно поразмышлять над этими и другими подобными вопросами.

И прежде чем обвинять других в ошибках, следует хорошенько проанализировать аргументы обвиняемой вами стороны, которая выполняет те или иные действия либо произносит те или иные слова. В то время как мы говорим, что вот, мол, мы следуем только Корану и Сунне, то может оказаться так, что наши оппоненты следуют всему этому более точно и правильно.

Теперь давайте посмотрим на это с другой стороны. Спросим себя: стояли ли те вопросы, по которым наши мусульмане пришли к разногласиям, того противостояния и разногласий, что мы имеем?

Если мы изучим все эти вопросы (например, громкое произнесение *Аминь*, поднятие рук перед *руку*¹⁷, чтение молитв позади имама), которые стали причиной наших противоречий, переросших в конфликт, то самое большее — они окажутся действиями, предписанными Сунной¹⁸. Но не [характеризуемые] ни как *фард*¹⁹, ни как *ваджиб*²⁰. По решениям *фикха* человек, следующий Сунне, совершает богоугодное дело, а кто не следует, тот не становится грешником. Ведь во всех тех упомянутых делах, которые опозорили нас, никто [из нас] не отвергал Сунны, а только лишь следовал одному из путей предписанных действий.

Да и к тому же те, кто придерживается ханафитского *мазхаба*, на протяжении многих поколений произносят *Аминь* про себя, соглашаясь с решением своих ханафитских улемов, объявивших такое положение Сунной и основывавшихся на одном *айате* и нескольких *хадисах*.

Некоторые из нас [мусульман], обойдя положения богословско-правовых школ в *фикхе* и пытаясь самостоятельно выносить решения из Корана и Сунны, объявили: «Произносить *Аминь* вслух, громко предпочтительнее, те, кто не делает этого, впадают в ошибку». Некоторые из нас во время больших собраний [на молитвах] даже старались нарочно произнести *Аминь* громко, крайне огорчая окружающих²¹. Некоторые из нас посылали своих

¹⁷ То есть перед поясным поклоном во время молитвы.

¹⁸ Сунна — образ жизни Пророка (мир Ему!), выведенная в основном из *хадисов*.

¹⁹ Здесь — обязательные предписания, основанные на Коране.

²⁰ Предписания, исходящие из Корана и Сунны.

²¹ Следует иметь в виду, что в каждом *мазхабе* ритуально-догматические установки достаточно строго регламентированы. Отсюда особо педантичное (и в определенном смысле даже ревнивое) отношение в *мазхабах* к самому незначительному отклонению от регламента. Так, например, известно, что ритуальную основу ислама как социально-интеграционной системы составляют коллективные молитвы (*салат*, *намаз*), во время которых единообразные ритуальные действия, движе-

учеников в разные мечети, прилагали много стараний для того, чтобы обострить противоречия. Результат был ожидаем. Противоречия между нами увеличивались. Мы стали друг друга оскорблять, усилились взаимная вражда, скандалы и другие подобные неприятные вещи.

Ну и какие же результаты мы теперь имеем из-за того, что, потрясая весь мир, понапрасну постарались изменить некоторые [привычные] действия при омовениях или иные действия, предписанные Сунной? А результатом стало то, что мы впали в разногласия, приведшие к скандалам, взаимным оскорблениям и прочим недостойным поступкам.

По нашему *шари'ату* такие разногласия запретны. С соответствующим решением (*хукм*) мы ознакомились выше в отрывке из книги «Шарх-и 'акида-йи тахавийа». Если считать запретное деяние дозволенным, это есть признак неверия, выводящего [мусульманина] из общины. А продолжать свои разногласия, зная, что они запретны, — это великий грех. В этом вопросе никто [из богословов] не вступал в противоречия. Ибо считать дозволенным такое запретное дело, то есть порождение разногласий среди мусульман, — это великий грех, который много раз отмечен в *айатах* Великого Корана и в священных преданиях (*хадислар*) нашего Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! Мы полагаем, что человеку, который имеет склонность следовать Корану и Сунне, знать о некоторых из этих повелений вполне достаточно, чтобы потом всю жизнь не приближаться к подобным разногласиям.

Некоторые *айаты* о разногласиях

Теперь давайте ознакомимся с некоторыми *айатами* из Великого Корана о разногласиях.

Первый *айат*: Всевышний Аллах в суре «Ал 'Имран» [3] повелел:

وَاعْتَصِمُوا بِحَبْلِ اللَّهِ جَمِيعًا وَلَا تَفَرُّواْ وَادْكُرُواْ اللَّهَ عَلَيْهِمْ إِذْ كُنْتُمْ أَعْدَاءً قَالَتْ بَيْنَ قُلُوبِكُمْ فَأَصْبَحْتُمْ بِنِعْمَتِهِ إِخْوَانًا وَكُنْتُمْ عَلَىٰ شَفَا حُفْرَةٍ مِّنَ النَّارِ فَأَنْقَذَكُم مِّنْهَا كَذَلِكَ يُبَيِّنُ اللَّهُ لَكُمْ آيَاتِهِ لَعَلَّكُمْ تُهْتَدُونَ²².

ния, позы и, как мы видим, определенные возгласы, создают особый вид сплоченности и солидарности. В этом смысле любой незначительный отход от них (регламентированный, например, в другом *мазхабе*) порождает некий дискомфорт для остальных молящихся и даже видимость дерзкого вызова конкретной общине, что создавало и создает конфликтную ситуацию.

²² Коран, 3: 103.

То есть: «Держитесь крепко за вервь Аллаха и не разделяйтесь. И вспомните о милости, дарованной вам Аллахом. Одно время вы были врагами, довольно, Он сблизил ваши сердца. По Его милости вы стали братьями. Вы были на краю огненной пропасти, Он спас вас оттуда. Так Аллах разъясняет вам свои знамения (айат). Может быть, найдете прямой путь» (103 айат).

В этом великом айате под словами «вервь Аллаха» подразумеваются Великий Коран и религия Ислам. Подобно человеку, кто, боясь свалиться в огненную пропасть, держится крепко за веревку и тем самым спасает себя, такой же единственный способ не свалиться на дно ада — крепко держаться за Великий Коран и за религию Ислам. И не разделяться.

Этот великий айат — лозунг для объединения мусульманского мира. Но всякое единение произойдет с уничтожением разделения. Именно поэтому в этом великом айате за повелением к единению следует предостережение — «И не разделяйтесь».

Вначале звучит призыв к единению, и затем предупреждение от разделения. Из этого видно, насколько важное это дело.

Наши муфассиры²³ о причинах ниспослания этого айата рассказывают такое предание: «Один иудей по имени Шас ибн Кайс увидел однажды, как арабы племен Аус и Хазрадж созвали собрание и мирно беседовали. Так, проходя мимо них, он был сильно удивлен, так как еще во времена неведения (джахилийя)²⁴ они были врагами, а теперь дружески беседовали. Он с раздражением подумал: «Если они объединятся, мы рядом с ними жить не сможем». Тогда он подозвал одного мальчика из иудеев и повелел ему: «Иди к этим арабам и напони им о дне Бу'ас²⁵ и прочитай про это такие-то стихи». Тот мальчик из иудеев сделал все, как велел Шас. Тогда те собравшиеся [арабы] сразу стали спорить и скандалить. Затем стали кричать «К оружию! К оружию!»».

Когда известие об этом дошло до Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! — он собрал всех присутствовавших при нем соратников (мухаджирлар)²⁶ и помощников (ансар) и обратился к ним: «Даже

²³ Муфассир — толкователь Корана.

²⁴ То есть до того, как эти племена приняли ислам.

²⁵ Бу'ас — день, в который племена Аус и Хазрадж столкнулись в бою. Победителями оказалось племя Аус (прим. автора).

²⁶ Мухаджиры — те мекканские соратники Пророка, кто совершил с ним вынужденное переселение из Мекки в Йасриб (Медина, 622 г.).

тогда, когда я еще среди вас, когда Аллах одарил вас своей милостью и укротил все ваши дела, вершимые во времена вашего неведения, когда Он привнес в вашу среду дружбу, неужели после всего этого вы вернетесь к неведению?».

Тогда те люди поняли, что невольно последовали за врагом и послушали наущения сатаны. Они бросили свое оружие, прослезились и стали братски обниматься. Они вернулись к себе с Посланником Аллаха — да благословит его Аллах и приветствует! Именно тогда и был ниспослан процитированный выше аят.

Значит, наставления, оглашенные в этом аяте, обращены ко всем мусульманам.

Давайте теперь изучим продолжение этого аята. Здесь Всевышний Аллах взывает: **«И вспомните о милости, дарованной вам Аллахом. Одно время вы были врагами, довольно, Он сблизил ваши сердца».**

Да, это именно так. Ислам — это великая милость Всевышнего Аллаха, которую Он даровал своим рабам. Благодаря этой милости враги стали друзьями. Только Ислам может сдружить сердца, наполненные [до этого] враждой. И только те станут истинными братьями, кто крепко держится за вервь Всевышнего Аллаха — Ислам.

«По Его милости вы стали братьями».

Если бы не было великой милости Аллаха — [религии] Ислам, то люди не смогли бы стать друг другу искренними друзьями.

«Вы были на краю огненной пропасти, Он спас вас оттуда. Так Аллах разъясняет вам свои знамения (аят). Может быть, найдете прямой путь».

То есть до того, как вы приняли Ислам, вы пребывали в разногласиях, вражде и войне. Словом, во всех своих делах были во власти неведения, то есть были на краю пропасти. Если бы вы продолжали в таком же духе, наверняка вас постигла бы катастрофа. А Всевышний Аллах, одарив вас своей милостью, то есть религией Ислам, уберег от падения в огненную пропасть.

Поистине Ислам — это божественное руководство на пути объединения враждующих, примирение воюющих, превращающее врагов в друзей.

Всем известно, что божественное — это совершенное. И если те, кто притязает на то, что он исповедует Ислам, но при этом вступает на путь разногласий, порождают скандалы, враждуют, то вина на них самих.

Второй аят: Всевышний Аллах в суре «ал-Анфал» [8], наставляя мусульман, сказал:

وَأَطِيعُوا اللَّهَ وَرَسُولَهُ وَلَا تَتَّزِعُوا فَتَنَهُمْ وَتَذْهَبَ رِيحُكُمْ وَأَصْبِرُوا إِنَّ اللَّهَ مَعَ الصَّابِرِينَ

То есть: «Повинуйтесь Аллаху и Его Посланнику. Не препирайтесь, а то ослабеете и ваша сила уйдет. И терпите. Аллах, конечно, с терпеливыми» (46 аят).

Чем больше мусульмане повинуются Всевышнему Аллаху и Его Посланнику (да благословит его Аллах и приветствует!), тем большим будет их успех. О последствиях неповиновения Всевышнему Аллаху и Его Посланнику говорится в продолжении аята:

«Не препирайтесь, а то ослабеете и ваша сила уйдет».

Прав Всевышний Аллах. Из истории ислама хорошо известно о том, что все поражения мусульман происходили только в том случае, если они вступали в противоречия и внутренние распри. В связи с этим я хотел бы ограничиться только упоминанием слов из выступления знаменитого улема нашего времени ал-Газали (да помилует его Аллах!) на одной из научных конференций, проходившей в Алжире в городе Ситиф. Тогда этот ученый, в частности, сказал:

«Всевышний Аллах дал мне возможность хорошо изучить историю Ислама. Сегодня я могу сказать, что в достаточной мере изучил историю Ислама. Клянусь Аллахом, со времени сражения при [горе] Ухуд²⁷ до сего часа мусульмане не терпели поражения от внешних врагов. Сколько бы поражений ни терпели мусульмане, они проигрывали только благодаря взаимным противоречиям и внутренним распрям».

В конце этого великого аята Всевышний Аллах говорит: **«И терпите. Аллах, конечно, с терпеливыми».**

Следовательно, для преодоления взаимных противоречий необходимо терпение (сабр)²⁸. А отсутствие терпения становится причиной того, что между мусульманами возникают разного рода противоречия, скандалы и столкновения. Всевышний Аллах с терпеливыми. Он оберегает их от всяких несправедливых вещей. А те, кто нетерпелив и несдержан, оказываются в пучине противоречий и распрей.

²⁷ Речь идет о событиях 3/625 г., когда мекканцы дали сражение мусульманам при горе Ухуд. Мусульмане, несмотря на большие потери, выстояли.

²⁸ Смысл коранического термина «сабр», конечно, значительно шире, чем светское значение русского слова «терпение». В широком смысле «сабр» означает сдержанность (в смысле сдерживания своих плотских наклонностей и эмоций), терпение перед невзгодами, страх перед Аллахом и т. п.

Третий аят: Всевышний Аллах в суре «ар-Рум» [30] наставляет мусульман:

وَلَا تَكُونُوا مِنَ الْمُشْرِكِينَ مِنَ الَّذِينَ فَرَّقُوا دِينَهُمْ وَكَانُوا شِيَعًا كُلُّ حِزْبٍ بِمَا لَدَيْهِمْ فَرِحُونَ

То есть: «... И не будьте из числа многобожников. Не будьте из тех, кто разделили свою религию и стали отдельными группами, каждая из которых радуется тому, что есть у нее» (31–32 аяты).

Следовательно, раскол в религии признан делом многобожников. Разделяться на группы, порождать противоречия, спорить и скандалить — все это тоже дело многобожников. Довольство каждой партии тем, что у нее имеется, и признание того, что остальные [верующие] ниже, — тоже дело многобожников. Значит, всякий, кто начинает противоречия и поднимает распри, вершит деяние, присущее многобожникам.

Четвертый аят: Всевышний Аллах, наставляя нашего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), сказал в суре «ал-Ан'ам» [6]:

إِنَّ الَّذِينَ فَرَّقُوا دِينَهُمْ وَكَانُوا شِيَعًا لَسْتَ مِنْهُمْ فِي شَيْءٍ إِنَّمَا أَمْرُهُمْ إِلَى اللَّهِ ثُمَّ يُنَبِّئُهُم بِمَا كَانُوا يَفْعَلُونَ

То есть: «Ты не из тех, кто разделили свою религию и сами разделились на группы. Их дело к Аллаху. Потом Он сообщит им, что они делали» (159 аят).

В этом великом аяте Всевышний Аллах считает, что путь, ведущий к расколам, созданиям групп и разногласиям, не верный и не соответствует тому прямому пути, которым шествовал наш Пророк, — да благословит его Аллах и приветствует!

Пятый аят: Всевышний Аллах в суре «Ал 'Имран» [3], ставя нам в пример «Людей Писания», сказал:

وَمَا اخْتَلَفَ الَّذِينَ أَوْثَرُوا فِي الْكِتَابِ إِلَّا مِنْ بَعْدِ مَا جَاءَهُمُ الْعِلْمُ بَعِيًا بَيْنَهُمْ

То есть: «... И впали в разногласия те, кому было дано Писание, пришло знание, только после того, как пришла к ним зависть» (19 аят).

Значит, основная причина разногласий — взаимная зависть. Что же теперь, мы должны следовать за иноверцами того времени, которые дошли до катастрофы из-за взаимной зависти?

Шестой аят: Всевышний Аллах в суре «Ал 'Имран» [3], наставляя нас, мусульман, сказал:

وَلَا تَكُونُوا كَالَّذِينَ تَفَرَّقُوا وَاخْتَلَفُوا مِنْ بَعْدِ مَا جَاءَهُمُ الْبَيِّنَاتُ وَأُولَئِكَ لَهُمْ عَذَابٌ عَظِيمٌ

То есть: «Не будьте подобны тем, кто разделился и впал в разногласия после того, как пришли ясные знамения» (105 аят).

Да, мы должны открыть свои глаза, исправить себя сами. Не впасть бы нам в великие мучения из-за того, что даже после ниспослания через нашу религию Ислам ясных знамений мы вновь будем разделяться, впадать в разногласия, спорить и скандалить.

Некоторые достоверные хадисы²⁹ о разногласиях

Теперь давайте кратко познакомимся с некоторыми достоверными хадисами, дошедшими до нас от нашего Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! — и гласящими, что разногласия вредны.

Первый хадис. В переданном Имамом Муслимом достоверном хадисе наш Пророк — да благословит его Аллах и приветствует! — сказал:

وَلَا تَخْتَلَفُوا فَتَخْتَلِفَ قُلُوبُكُمْ

«Не впадайте в разногласия, чтобы ваши сердца не впали в раздоры».

Мы должны отвратиться от того, от чего предупреждал нас наш Пророк, — да благословит его Аллах и приветствует! Но как же это понимать — этот Избранный отвергает нас от разногласий, а мы впадаем в противоречия?! В этом достоверном хадисе особенно отмечаются отрицательные последствия противоречий. Речь идет о раздоре и разладе сердец.

Да, это может быть так: после того как два-три раза произойдут разногласия и под их влиянием сердца станут полны раздора, то такие люди никогда не смогут преодолеть ссоры, скандалы и столкновения — да отвратит Аллах от нас эту беду!

Второй хадис. В хадисе, переданном мухаддисом³⁰ 'Абдаллахом ибн 'Амром (да будет им доволен Аллах!), сказано следующее:

أَنَّ عَبْدَ اللَّهِ ابْنَ عُمَرَ قَالَ: هَجَرْتُ إِلَى رَسُولِ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ يَوْمًا قَالَ فَسَمِعَ أَصْوَاتَ رَجُلَيْنِ اخْتَلَفَا فِي آيَةِ فُخْرَجَ عَلَيْنَا رَسُولُ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ يُعْرِفُ فِي وَجْهِهِ الْغَضَبَ فَقَالَ: إِنَّمَا هَذَا مَنْ كَانَ قَبْلَكُمْ بَاخْتِلَافِهِمْ فِي الْكِتَابِ

²⁹ Хадисы (новость, известие, рассказ) — предания о действиях и словах Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! На хадисах основана Сунна, и они являются вторым после Корана источником мусульманского права.

³⁰ Мухаддис — собиратель и передатчик хадисов.

То есть: «Когда однажды в жаркие дни я отправился к Пророку (да благословит его Аллах и приветствует!), то там я услышал голоса двух людей, спорящих по поводу одного аята [Корана]. В это время вышел сам Посланник Аллаха. На его лице угадывался гнев. И тогда этот Избранный сказал: “Несомненно, и те, кто был до вас и спорил о Писании, теперь сгинули”».

Совершенно ненасправно наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) так разгневался, услышав разногласия двух своих сподвижников (асхабов) по поводу одного аята. Ведь они, сами того не подозревая, повторяли самую большую ошибку истории — это разногласия по поводу [толкования] Божественного Писания. Оказывается, прежние общины сгинули из-за своих препирательств относительно толкований Божественного Писания. Продолжая наши препирательства, повторим ли и мы ошибки этих общин?!

Третий хадис. В предании от Имама ал-Бухари³¹ ‘Абдаллах ибн ‘Аббас рассказывает:

سَمِعْتُ رَجُلًا قَرَأَ آيَةَ سَمِعْتُ مِنَ النَّبِيِّ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ خَلَفَهَا فَأَخَذْتُ بِيَدِهِ فَأَتَيْتُ بِهِ رَسُولَ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ فَقَالَ كِلَاكُمَا مَخْسِينٌ قَالَ شِعْبَةُ أَطْلَعَهُ قَالَ لَا تَخْتَلَفُوا فَإِنَّ مِنْ كَانَ قَبْلَكُمْ اخْتَلَفُوا فَهَلَكُوا

«Однажды я услышал, что некий человек читает один из аятов [Корана] иначе, чем это слышал я. Схватив того человека за руку, я привел его к Посланнику Аллаха — да благословит его Аллах и приветствует! И Он сказал: “Вы оба правы. Думаю, что это Шу’ба (да будет доволен им Аллах!) никогда не препирался. Он скавал, что все, кто был до вас, впадали в разногласия”».

Значит, в нашей религии есть некоторые вещи, которые можно исполнять двояко. ‘Абдаллах ибн ‘Аббас читал некий аят на один манер, а тот, другой сподвижник (да будет доволен им Аллах!), — по-другому. Появилось разногласие, и они пошли к Посланнику Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!), чтобы рассудить, кто же прав. Тот Избранный сказал, что они оба правы. Однако попутно он также настойчиво внушил, что в таких вопросах совершенно не следует впадать в разногласия.

Вот, дорогие мои, мы изучили некоторые аяты и хадисы, доказывающие то, что мусульманам запретно (харам) впадать в разногласия и предписано (ваджиб) никогда не препираться между собой по таким вопросам.

³¹ Имеется в виду один из достоверных сборников хадисов «ал-Джами’ ас-сахих» Мухаммада ибн Исма’ила ал-Джу’фи ал-Бухари (810–870).

Ну а теперь по совести давайте-ка зададим себе [некоторые] вопросы. Где же наши призывы следовать Корану и Сунне и где же наше реальное следование им? Можно ли назвать следованием Корану и Сунне, когда мы поднимаем разногласия по вышеупомянутым вопросам, если и исполнение и неисполнение их приемлемо в Сунне?

Именно поэтому наши улемы говорили: прежде чем начинать какое-либо дело или призывы, нужно тщательно изучить их и, убедившись, что от них не будет вреда, приступать к их воплощению.

Это все оттого, что мы не знаем о велениях нашей религии, в частности, о том, что мы поднимаем разногласия и опускаемся до запретного (харам) вокруг действий, исполнение которых богоугодно (саваб), а неисполнение не возбраняемо — и эти [оба] действия соответствуют Сунне. Отчего же мы под лозунгом следования Корану и Сунне крепко держимся за мелкие и неактуальные вопросы, поднимая разногласия, и не следуем одному из самых важных повелений и предписаний в Коране и Сунне — о единстве всех мусульман!?

А теперь давайте положим на весы все вопросы, по которым вышли разногласия, и изучим, как их анализировали наши улемы.

Что предпочтительнее — произносить *Аминь* про себя или громко?

Мы не ошибемся, если скажем, что вынесенный в этот заголовок вопрос — самый популярный в возникших разногласиях. Конечно, у нас³² в такой формулировке он не ставился. То есть вопрос ставился «или — или»: либо нужно произносить при молитвах *Аминь* громко либо про себя. На самом деле ученые — основатели наших мазахбов, муджтахиды — единогласно решили, что во время молитвы произнесение *Аминь* после суры ал-*Фатиха* — есть Сунна. Однако относительно произнесения *Аминь* громко или про себя они придерживались двух путей.

Некоторые из них, например, улемы мазахбов Шафи'ийа и Ханбалия, говорили, что предпочтительнее произносить *Аминь* громко.

Другая группа наших улемов, в частности, ученые мазахбов Ханафийа и Маликийя, говорили, что предпочтительнее произносить *Аминь* про себя.

Все дело в том, что в преданиях нашего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) на приемлемость обоих этих действий нашлись

³² Напоминаем, что имеется в виду Узбекистан. Однако сходная ситуация в ритуальных вопросах наблюдалась во всем регионе, а теперь, насколько нам известно, и среди мусульман Российской Федерации.

доказательства. Впоследствии обе стороны для обоснования своего предпочтения привели свои доказательства и выразили свое отношение по поводу аргументов другой стороны. Знаем мы все сейчас аргументы или нет, неизвестно. Однако известно другое — то, что мы именно по этим вопросам впали в разногласия. Но даже теперь, когда все [неприятности] случились, мы надеемся, что будет польза от нашей попытки понять, что же произошло, прося помощи у Аллаха!

Но до того как мы приступим к этой теме, нам следует оговориться. Ваш покорный слуга выражает свое почтение и тем, кто, как и мы, во время молитв, следуя велениям нашего *мазхаба* [Ханафи́я], произносит *Аминь* про себя, и тем, кто, читая молитвы, произносит *Аминь* громко. В частности, мы выражаем глубокое почтение тем праведным улемам, кто проявил усердие (*иджтихад*)³³ в разрешении этого вопроса.

Автор совершенно далек от намерения выразить несправедливое мнение об этих улемах и высказать неуместные слова в их адрес. Ибо если их *иджтихад* был истинным, то они заслужили две доли воздаяния, если неверным, то одну долю воздаяния. Воздавать должное почтение ушедшим от нас, в частности упокоившимся улемам, наша обязанность.

Аргументы утверждающих предпочтительность произнесения *Аминь* громко и их обсуждение

Теперь приведем аргументы тех, кто утверждает, что следует произносить *Аминь* громко после чтения *суры ал-Фатиха*. Как упомянуто выше, это те знаменитые улемы, кто придерживается *мазхабов* Шафи́и и Ханбали́я. В наших древних книгах они упоминают этот вопрос именно в таком духе. И если мы воспользуемся их терминами, то сможем разрешить и противоположные мнения остальных.

Первый аргумент. Имам ал-Бухари передает предание от Абу Хурайры (да будет доволен им Аллах!):

عَنْ أَبِي هُرَيْرَةَ أَنَّ رَسُولَ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ قَالَ الْإِمَامُ (غَيْرِ الْمَغْضُوبِ عَلَيْهِمْ وَلَا الضَّالِّينَ) فَقُولُوا آمِينَ فَإِنَّهُ مِنْ وَاثِقٍ قَوْلُهُ قَوْلَ الْمَلَائِكَةِ غَيْرَ لَهُ مَا تَقَدَّمَ مِنْ تَلْبِئِهِ

³³ *Иджтихад* (араб. «усердие», «старание») — деятельность улема в изучении и вынесении решения по богословско-правовым вопросам. Оно включает в себя систему аргументов и метода, используемого конкретным улемом (*муджтахидом*) для вынесения соответствующего решения.

То есть: «Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) произносил *Аминь* после слов *Гайр ал-магдуб 'алайхим ва ла-д-даллин*³⁴. Ибо тот, у кого этот возглас совпадет с возгласом ангелов, тому будут прощены прошлые грехи».

Шафи'иты и ханбалиты и их сторонники говорят, что в этом хадисе наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) повелел нам повторять вслед за имамом слово *Аминь*, и поэтому они считают необходимым это делать.

А ханафиты и маликиты, которые считают, что надо произносить *Аминь* про себя, признают необходимость этого [действия], и именно поэтому, как они говорят, они произносят это слово [за имамом]. Но они также говорят, что в этом хадисе нет утверждения о том, что следует произносить *Аминь* вслух! Поэтому они призывают [к своим оппонентам] — вы не сможете приводить этот хадис как аргумент для доказательства произнесения *Аминь* вслух.

Да, действительно, это хадис может быть аргументом обеим сторонам.

Второй аргумент. Имам Муслим передает длинный хадис от имени Абу Муса ал-Аш'ари (да будет доволен им Аллах!), в котором, в частности, говорится:

إِنَّ رَسُولَ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ خَطَبَنَا فَبَيَّنَ لَنَا مَسْنَنًا وَعَلَّمَنَا صَلَاتَنَا فَقَالَ إِذَا صَلَّيْتُمْ

فَأَقِيمُوا صُفُوفَكُمْ ثُمَّ لِيُؤْمَكُمْ أَحْتَكُمُ فَإِذَا كَبَّرَ فَكَبِّرُوا وَإِذَا قَالَ (غَيْرِ الْمَغْضُوبِ عَلَيْهِمْ وَلَا

الضَّالِّينَ) فَقَالُوا آمِينَ يُحِبُّكُمْ اللَّهُ

«Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) наставлял нас, разъяснил нам нашу сунну, научил нас нашим молитвам и сказал: «Когда читаете молитву, становитесь в ряд, пусть один из вас будет вам имамом³⁵. Когда он произнесёт *Гайр ал-магдуб 'алайхим ва ла-д-даллин*, вы должны произнести *Аминь*. Тогда Аллах одобрит это»».

Комментируя этот хадис, стороны повторяют аргументы [приведенного выше] первого хадиса. Но в результате становится ясно, что здесь не констатируется, что надо произносить [*Аминь*] громко. На самом деле, здесь нет прямого утверждения того, что следует произносить [*Аминь*] в голос, и более обоснованными выглядят утверждения тех, кто предпочитает произносить [*Аминь*] про себя.

³⁴ То есть последней фразы суры «ал-Фатиха», читаемой во время молитвы.

³⁵ Под словом «имам» здесь подразумевается руководитель повседневной молитвы общины.

Приводятся еще несколько подобных преданий. В них смысл тот же, хотя фразы имеют несколько иную форму.

Те, кто утверждает, что произнесение *Аминь* громко предпочтительнее, упоминают еще и другой хадис, в котором приводится способ произнесения *Аминь* нашим Пророком — да благословит его Аллах и приветствует!

Третий аргумент. В этом предании, приведенном хадисом Абу Бишром ад-Давалиби от имени Ва'ила ибн Худжра ал-Хадрами (да будет доволен им Аллах!), говорится:

رَأَيْتُ رَسُولَ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ حِينَ فَرَغَ مِنَ الصَّلَاةِ حَتَّى رَأَيْتُ خَذَهُ مِنْ هَذَا
الجانبِ وَمِنْ هَذَا الجانبِ وَقَرَأَ (غَيْرَ الْمَعْضُوبِ عَلَيْهِمْ وَلَا الضَّالِّينَ) فَقَالَ: آمِينَ يَمُدُّ بِهِمَا صَوْتَهُ
مَا أَرَاهُ إِلَّا يُعَلِّمُنَا

«Я видел после молитвы нашего Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! Я видел Его лицо с правой и с левой стороны. Этот Избранный, прочитав *Гайр ал-магдуб 'алайхим ва ла-д-даллин*, протяжно произнес *Аминь*. Думаю, что он сделал это для того, чтобы наставить нас».

Противоположная сторона³⁶ утверждает, что в этом и подобном хадисах речь идет только о способе произнесения нашим Пророком (да благословит его Аллах и приветствует!) слова *Аминь* во время молитвы имама. А это, в свою очередь, не может быть основанием для того, чтобы стоящие за имамом молящиеся тоже произносили *Аминь* громко. К тому же в этом хадисе говорится, что Пророк произносил его протяжно, но не громко. Обычное произнесение имамом слова *Аминь*, слышимое в первых рядах молящихся, не означает, что это слово должно быть произнесено громко. Ведь совершенно твердо установлено то, что, как это дошло до нас из истинных преданий, во время полуденной молитвы наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) читал некоторые *айаты* тихо и так, что это слышали только стоящие рядом в первых рядах.

Далее. В других преданиях, приведенных у Имама Ахмада, Абу Давуда ат-Тайалиси, Абу Йа'ла ал-Маусли, Имама ад-Даракутни и Имама ал-Хакима, есть выражение в том смысле, что, когда Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) доходил до слов *Гайр ал-магдуб 'алайхим ва ла-д-даллин*, он произносил *Аминь*, понизив голос. Значит, во время той молитвы нужно было читать [*суру ал-Фатиха*], повысив голос. И затем наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!), завершив чтение *ал-Фатиха* и

³⁶ То есть те, кто придерживается мнения, что *Аминь* следует произносить не вслух.

понижив голос, произнес *Аминь* так, что это могли слышать только те, кто был в первых рядах молящихся. К тому же Ва'ил ибн Худжр ал-Хадрами (да будет доволен им Аллах!) говорит, что Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) если и произнес *Аминь* [вслух], то только для того, чтобы обучить нас. Эти слова доказывают, что слово *Аминь* было произнесено вслух для того, чтобы обучить их [правилам] молитвы. Ведь Ва'ил ибн Худжр ал-Хадрами (да будет доволен им Аллах!) был одним из высокопоставленных людей Йемена. Услышав известие о нашем Пророке (да благословит его Аллах и приветствует!), он прибыл в лучезарную Медину к этому Избранному. Приняв Ислам, он целую неделю учился у нашего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), в частности, обучался правилам молитв, и затем вернулся к себе на родину. Вот в связи с этим он изложил все, что слышал и видел тогда.

А самое главное, как это было упомянуто выше, если наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) и произносил *Аминь* вслух, он делал это, будучи имамом. И поэтому ханафиты говорят: «Какое это имеет отношение к тому, что остальные молящиеся произносят громко *Аминь*?»

Видимо, поэтому в наше время те, кто не приводит упомянутые аргументы в своих спорах, возражают: «Зачем нужен *фикх*³⁷, если есть *Сунна*?».

Саййид Сабик в своей книге «*Фикх ас-сунна*» пишет следующее:

«Произнесение молящимся *Аминь* после суры ал-*Фатиха* — есть *Сунна*. В громкой (джахрийа) молитве произносят *Аминь* громко, в тихой произносят про себя. Ну'айм ал-Муджмир передавал, как он читал молитву за спиной Абу Хурайфа: «Он произнес *Бисми-л-Лах ар-Рахман ар-Рахим*, затем прочитал суру ал-*Фатиха*, и, когда дошел до слов *ва ля-д-далли*, он произнес *Аминь*»».

Один из таких же ученых-мухаддисов, как Саййид Сабик, — Насир ал-дин Албани, оспаривая это, говорит, что это предание неверно истолковано, так как в нем не сказано, что произносить *Аминь* надо в голос. Может быть, передатчик, стоя в передних рядах, слышал слово *Аминь*, произнесенное вполголоса.

И еще Саййид Сабик говорит: «Когда Ибн аз-Зубайр³⁸ и те, кто был с ним, произносили *Аминь*, в мечети слышался громкий голос».

³⁷ *Фикх* (араб. *фикх* — глубокое понимание, знание) — доктрина о нормах и правилах поведения мусульман, мусульманское право в широком смысле. В тексте речь идет об одной из норм *фикха* — ал-*ибадат*, регулирующей исполнение правил культа и ритуала.

³⁸ Один из сподвижников Пророка.

В ответ Насир ад-дин Албани пишет:

«Тем, кто следует этому (преданию), других доказательств произнесения *Аминь* вслух нет. Но это (предание) доказательством быть не может, так как оно не восходит к Пророку — да благословит его Аллах и приветствует! О том, что Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) громко произносил *Аминь*, существует множество хадисов. Но ни в одном из них не сказано, что Его сподвижники, стоя за ним (во время молитвы), произносили *Аминь* вслух».

Шайх Насир ад-дин Албани в продолжение этого пишет, что Имам аш-Шафи'и в последующем признал, что произнесение слова *Аминь* про себя предпочтительнее, и сам написал об этом в своей книге «ал-Умм»³⁹.

То есть Имам аш-Шафи'[и], крупнейший авторитет в области хадисоведения, утверждавший, что слово *Аминь* следует произносить вслух, ознакомившись с другими аргументами, отказался от своего первоначального убеждения.

Особенно хотим отметить, что наши ученые мухаддисы показали, насколько недостоверны (да'иф)⁴⁰ те хадисы, в которых утверждается предпочтительность произнесения слова *Аминь* вслух.

Несмотря на то, что мы представили все эти аргументы несколько сжато, наши древние ученые в свое время привели и проанализировали их очень подробно. Даже в тех случаях, когда в текстах передатчики (хадисов) казались одинаково достоверными, они старались выяснить, кто из них более достоин доверия. Те, кто имеет возможность, могут сами обратиться к соответствующим сочинениям.

Аргументы тех, кто доказывает предпочтительность произнесения *Аминь* про себя

О том, что эти аргументы приводятся преимущественно ханафитами, сказано выше. Теперь рассмотрим их более подробно. Прежде всего мы должны отметить, что ученые-ханафиты не стремились только к тому, чтобы люди следовали за ними. В поиске каждого решения они старались опираться на Коран и Сунну. Точнее, они старались довести до простых

³⁹ Имеется в виду семитомное произведение эпонима — основателя шафи'итского мазхаба Имама аш-Шафи'и (полное имя — Абу 'Абдаллах Мухаммад ибн Идрис; 767—820) «Китаб ал-умм», — дополненное и перекомпонованное его учениками и последователями.

⁴⁰ Буквально — «слабы».

верующих все, что извлекали из Корана и Сунны. Мы можем убедиться в этом из приведенных ниже примеров.

Первый аргумент. Слово *Аминь* обозначает благожелательное прошение (*ду'а'*). Буквально — «прими», то есть «прими мольбу, прошение». Как следует произносить *ду'а'*, Всевышний Аллах сказал в суре ал-А'раф [7]:

ادْعُوا رَبَّكُمْ تَضَرُّعًا وَخُفْيَةً إِنَّهُ لَا يُحِبُّ الْمُعْتَدِينَ

«Молите вашего Господа со смирением и в тайне! Поистине, он не любит преступающих» (55 аят).

Согласно этому (аяту), мы должны произносить *Аминь* про себя.

Второй аргумент. Всем известно, что слово *Аминь* — не из Корана. Кроме того, это и не арабское слово. А выражение *А'уз би-л-Лох мин аш-Шайтан ар-раджим* взято из Корана. И Всевышний Аллах обязал произносить эту фразу вслух перед чтением Корана. Тем не менее во время молитв мы ее произносим про себя. Если это так, то почему же слово *Аминь* мы должны произносить вслух?

Третий аргумент. Имам Абу Давуд и другие мухаддисы передавали предание от имени Хасана (да будет доволен им Аллах!):

أَنَّ سَمُورَةَ بْنَ جَنْدُبٍ وَعِمْرَانَ بْنَ حُصَيْنٍ نَذَاكِرًا فَحَدَّثَ سَمُورَةُ بْنُ جَنْدُبٍ أَنَّهُ حَفِظَ عَنْ رَسُولِ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ سَكْتَيْنِ سَكْتَةٌ إِذَا كَثُرَ وَ سَكْتَةٌ إِذَا فَرَّغَ مِنْ قِرَاءَةِ (غَيْرِ الْمَغْضُوبِ عَلَيْهِمْ وَ لَا الضَّالِّينَ) فَحَفِظَ ذَلِكَ سَمُورَةُ وَ انْكَرَ عَلَيْهِ عِمْرَانُ بْنُ حُصَيْنٍ فَكَتَبَا فِي ذَلِكَ إِلَى أَبِي بِنِ كَعْبٍ فَكَانَ فِي كِتَابِهِ إِلَيْهِمَا — أَوْ فِي رَدِّهِ عَلَيْهِمَا — أَنَّ سَمُورَةَ فَذُ حَفِظَ

То есть: «Самура ибн Джундуб и 'Имран ибн Хусайн (да будет доволен ими обоими Аллах!) предавались воспоминаниям. Самура ибн Джундуб (да будет доволен им Аллах!) сказал, что от Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) он запомнил и научился двум молчаливым паузам: во время произнесения священного *такбира*⁴¹ и после произнесения *Гайр ал-магдуб 'алайхим ва ла-д-даллин*. 'Имран ибн Хусайн (да будет доволен им Аллах!) отверг это. Тогда они вдвоем написали Убаййу ибн Ка'бу — да будет доволен им Аллах! В ответе им сказано: «Поистине, Самура все запомнил»».

Значит, Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) и после *такбир*, и после завершения чтения сурь ал-Фатиха делал краткие

⁴¹ Произнесение слов «Аллах акбар!» («Аллах велик!») перед началом молитвы.

молчаливые паузы. Значит, вот в таких диспутах сподвижники Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) подтверждали именно эти положения.

Ханафитские ученые для подтверждения своего пути приводят еще несколько подобных преданий.

Четвертый аргумент. Предание от Абу Ва'ила (да будет доволен им Аллах!):

كَانَ عَلِيٌّ وَعَبْدُ اللَّهِ لَا يَجْهَرَانِي بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَلَا بِالْتَّعْوِيزِ وَلَا بِالتَّامِينِ

«'Али⁴² и 'Абдаллах не произносили вслух слова *Бисми-л-Ллах ар-Рахман ар-Рахим, А'уз би-л-Ллах ... и Аминь*» (Предание от ат-Табарани).

Считается весьма сильным аргументом то, что 'Али и 'Абдаллах ибн Мас'уд — очень грамотные постоянные сподвижники Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) — произносили слово *Аминь* про себя. В другом предании говорится, что 'Умар (да будет доволен им Аллах!)⁴³ при чтении молитв произносил *Аминь* также про себя.

Ханафитские ученые приводили другие подобные предания, но от имени других сподвижников.

Пятый аргумент. Молитва считается самым знаменитым из поклонений (Аллаху). Наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) постоянно читал пятикратную молитву с общиной со дня ее введения (среди мусульман). Все молитвы этого Избранного (да благословит его Аллах и приветствует!) с большим вниманием слушали тысячи верующих. И если бы этот человек предпочел громкое произнесение слова *Аминь*, он бы об этом ясно сказал, и тогда ни у кого не осталось бы никаких сомнений. И не сложилось бы такой ситуации, при которой нет других аргументов, кроме тех, что в моменты, когда этот Избранный, исполняя обязанности имама, произносил «Аминь» так, что слышали первые ряды молящихся; и тем более, нет аргументов, что в подражание имаму должно произносить *Аминь* вслух.

Дорогой читатель! Мы привели в очень кратком виде аргументы древних ученых по поводу предпочтений в произнесении слова *Аминь* вслух или про себя. А также мы привели мнения по этому поводу еще двух ученых — наших современников. Теперь совершенно естественно возника-

⁴² 'Али ибн Аби Талиб (ум. в 40/661 г.) — четвертый праведный халиф (656–661).

⁴³ 'Умар ибн ал-Хаттаб ал-Фарук (ум. в 23/644 г.) — второй праведный халиф (634–644).

ет вопрос: стоило ли вновь поднимать эту проблему, некогда так тщательно исследованную и решенную? Да, в самом деле, когда на общественные дискуссии выносятся какой-либо вопрос без его досконального изучения, возникают вот такие неприятные ситуации.

Для подтверждения этой мысли позвольте остановиться еще на одном вопросе и проанализировать его.

Вопрос о поднимании рук до и после *руку'*⁴⁴

Всем нам хорошо известно, что и этот вопрос стал предметом многих споров. До этого все следовало установкам ханафитского мазхаба и не поднимали рук (во время молитв), кроме произнесения священного *такбира*. Все молящиеся спокойно совершали свои молитвы.

Но затем, как было сказано выше, появились такие, кто стал отвергать мнения основателей и последователей мазхабов, наших великих *муджахидов* и стал призывать остальных к следованию Корану и Сунне. Они стали устраивать дискуссии, утверждая, что Корану и Сунне противоречат те, кто не поднимает рук до и после *руку'*. Для подтверждения своих мыслей они приводили аргументы из священных *хадисов*. Вот именно они ощущали себя героями, которые будто бы нашли ошибки в тысячелетней истории Ислама, в действиях миллионов «заблудших» последователей ханафитского мазхаба. Послушать чьи-нибудь наставления они не хотели. Тех, кто выступал против них, они обвиняли в отказе следовать Корану и Сунне. Но при этом они даже не задумывались, соответствуют ли Корану и Сунне их собственные действия.

На самом деле, те из нас, кто поднимал эти вопросы, возродили наши старые разногласия, разбередив тысячатрехсотлетнюю старую рану. Вопрос о поднимании рук до и после *руку'* самым первым возбудил Имам аш-Шафи'и, родившийся в 150 году *хиджры*/767–68 г., а также его современник Имам Ахмад (ибн) Ханбал — да помилует их обонх Аллах! Они привели те же *хадисы* и рассказы (и даже больше), которые приводили наши удалые молодчики⁴⁵. Однако разница между ними состоит в следующем: наши праведные предки никогда не обвиняли своих оппонентов в отказе от следования Корану и Сунне, как это делают некоторые наши

⁴⁴ *Руку'* — поясной поклон во время молитвы, совершаемый после чтения *ал-Фатиха* (либо другой короткой суры Корана).

⁴⁵ Имеются в виду упомянутые инициаторы перемены некоторых ритуальных поз.

современники. Более того, они уважали оппонентов как единоверцев, которые в своих действиях, установленных путем *иджитхада*, по-своему следуют Корану и Сунне. И если бы у нас были знания об этом, у нас не возникло бы таких противоречий. Тысяча сожалений, у нас не было ни знаний, ни решимости признать свою безграмотность.

Так давайте же в целях устранения нашего неведения в этом вопросе и для того, чтобы не повторять наших ошибок, попробуем провести научный анализ, который, я надеюсь, убедит многих.

Аргументы тех, кто за поднимание рук до и после *руку'*, и их обсуждение

Во главе списка тех, кто призывает следовать этому ритуальному действию, стоят знаменитости из наших четырех *мазахобов* — шафи'иты и ханбалиты. Для обоснования своих идей они приводят в качестве аргументов несколько хадисов.

Первый аргумент. У Имама ал-Бухари и Имама Муслима приведено предание от Ибн 'Умара:

عَنْ ابْنِ عُمَرَ أَنَّ رَسُولَ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ كَانَ يَرْفَعُ يَدَيْهِ حَذْوَ مَنْكِبَيْهِ إِذَا افْتَتِحَ الصَّلَاةُ وَإِذَا كَبَّرَ لِلرُّكُوعِ وَإِذَا رَفَعَ رَأْسَهُ مِنَ الرُّكُوعِ رَفَعَهُمَا كَذَلِكَ أَيْضًا وَقَالَ سَمِعَ اللَّهُ لِمَنْ حَمِدَهُ رَبَّنَا لَكَ الْحَمْدُ

«Посланик Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!), начиная молитву, поднимал обе руки на уровень своих плеч и произносил *такбир*. Затем, когда произносил *такбир* во время *руку'* и когда поднимал голову после *руку'*, снова точно так же поднимал обе руки и произносил: *Сами' Аллах ли-ман хамдаха, Раббана ва лака-л-хамд*».

Шафи'иты и ханбалиты говорят, что в этом хадисе ясно видно, что поднимание рук до и после *руку'* — есть Сунна Пророка — да благословит его Аллах и приветствует!

Второй аргумент. У Имама ал-Бухари приведено предание от имени Нафи' (да будет доволен им Аллах!):

أَنَّ ابْنَ عُمَرَ رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُمْ كَانَ إِذَا رَأَى رَجُلًا لَا يَرْفَعُ يَدَيْهِ إِذَا رَكَعَ وَإِذَا رَفَعَ رِمَاءَهُ بِالْحَصْنِ

«Ибн 'Умар (да будет доволен им Аллах!) бросал камень в того, кто не поднимал рук до и после *руку'*».

Это предание схоже с вышеприведенным. Шафи'иты и ханбалиты говорят, что из этого предания ясно видно, как 'Абдаллах ибн 'Умар (да будет доволен им Аллах!) не только сам следовал этому повелению, но и старался подчинить ему других (мусульман).

На самом деле ханафитские улемы говорят: «Мы хорошо знаем, что предания, приведенные вами, существуют и что эти аргументы сильны. Однако прежде чем следовать этим хадисам и рассказам, мы глубоко изучили другие хадисы и пришли к другому решению. Давайте для начала обсудим хадис от имени 'Абдаллаха ибн 'Умара, да будет доволен им Аллах!».

В предании, приведенном у Имама ат-Тахави, у Имама Ибн Аби Шайба и у Имама ал-Байхаки, есть слова Муджахиды (да будет доволен им Аллах!):

صَلَّيْتُ خَلْفَ ابْنِ عُمَرَ، فَلَمْ يَرْفَعْ يَدَيْهِ إِلَّا فِي التَّكْبِيرِ الْأُولَى مِنَ الصَّلَاةِ

«Я читал молитву, стоя за ['Абдаллахом] ибн 'Умаром. Он не поднимал рук после первого *такбира* молитвы».

Если мы изучим приведенные первые два предания вместе с третьим, станет ясно, что первоначальное [правило] поднятия рук до и после *руку'* было отменено (наسخ). То есть [община] некоторое время следовала этому повелению, затем это действие было остановлено.

'Абдаллах ибн 'Умар (да будет доволен им Аллах!) видел, как наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) поднимал руки до и после *руку'*. Поэтому он следовал этому правилу и призывал исполнять его других. Но потом, когда это правило было отменено, он перестал делать это. И вы, уважаемые ханбалиты, шафи'иты и близкие к ним [последователи], и мы⁴⁶ согласились когда-то в том, что если асхабы⁴⁷ предпринимали когда-то действие, противоречащее достоверному преданию, исходящему от [одного из] них, то мы все принимаем не предание, а само действие. Ведь асхабы никогда не противоречили по поводу того действия, которое было в предании, но затем не было отменено. В частности, 'Абдаллах ибн 'Умар (да будет доволен им Аллах!) был таким асхабом, который во всем следовал Пророку — да благословит его Аллах и приветствует! Хорошо известно также, что он в точности следовал тем действиям Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), которым следовать было не обязатель-

⁴⁶ То есть ханафиты (от имени которых говорит автор) и близкие к ним по ритуалу группы.

⁴⁷ То есть последователи Пророка.

но. И такой человек никогда бы не делал противного тому действию, которое было решительно отменено. То есть он не отказался бы от того, чтобы не поднимать рук до и после *руку'*.

Третий аргумент. В предании, дошедшем от 'Али ибн Аби Талиба (да будет доволен им Аллах!) и приведенном в произведениях «ас-Сунан» Имама Давуда, Имама ат-Тирмизи, Имама ан-Наса'и, Имама Ибн Маджа, а также в сочинениях «*Раф' ал-йадайн фи-с-салат*» Имама ал-Бухари и «*Мушкил ал-асар*» Имама ат-Тахави сказано:

عَنْ عَلِيِّ بْنِ أَبِي طَالِبٍ رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُ عَنْ رَسُولِ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ أَنَّهُ كَانَ إِذَا قَامَ إِلَى الصَّلَاةِ الْمَكْتُوبَةِ كَبَّرَ وَرَفَعَ يَدَيْهِ حَتَّى مَنَکَبَيْهِ وَیَصْنَعُ مِثْلَ ذَلِكَ إِذَا قَضَى قِرَاءَتَهُ وَارَادَ أَنْ یَرْکَعُ وَیَصْنَعُهُ إِذَا رَفَعَ مِنَ الرُّکُوعِ وَلَا یَرْفَعُ يَدَيْهِ فِي شَيْءٍ مِنْ صَلَاتِهِ وَهُوَ قَاعِدٌ وَإِذَا قَامَ مِنَ السُّجُودِ رَفَعَ يَدَيْهِ كَذَلِكَ وَكَبَّرَ

То есть: «Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) вставал на предписанную молитву и, читая *такбир*, поднимал обе руки на уровень плеч. Это же он делал после завершения чтения [ал-Фатиха] во время *руку'* и после того, как поднимал голову после *руку'*. [Затем] он не поднимал рук во время молитвы. Когда же завершив две *саджда*⁴⁸, он снова поднимал обе руки, возглашая *такбир*».

Ответ на этот аргумент шафи'итов и ханбалитов таков. Мы хорошо знаем, что это предание достоверно. Однако есть предание, в котором тот же 'Али ибн Аби Талиб (да будет доволен им Аллах!) совершал действие, противоположное описанному. Было бы уместнее вынести окончательное решение, учитывая следующее.

Имам ат-Тахави и Имам Ибн Аби Шайба передают предание, дошедшее от отца 'Асима ибн Кулайба:

أَنَّ عَلِيًّا رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُ كَانَ يَرْفَعُ يَدَيْهِ فِي أَوَّلِ تَكْبِيرَةٍ مِنَ الصَّلَاةِ ثُمَّ لَا يَرْفَعُ بَعْدَ

То есть: «'Али (да будет доволен им Аллах!) поднимал обе руки только во время первого *такбира* молитвы. Затем он не поднимал их».

В другом предании, переданном Имамом Абу Бакром ибн Аби Шайба от Абу Исхака, сказано:

كَانَ أَصْحَابُ عَبْدِ اللَّهِ (هُوَ ابْنُ مَسْعُودٍ) وَأَصْحَابُ عَلِيٍّ لَا يَرْفَعُونَ أَيْدِيَهُمْ إِلَّا فِي اقْتِبَاحِ

الصَّلَاةِ

⁴⁸ Земной поклон (на коленях) во время молитвы с касанием лба земли.

То есть: «Сподвижники 'Абдаллаха (он Ибн Мас'уд) и 'Али поднимали обе руки только в начале молитвы».

И это показывает нам, что правило поднимания рук до и после *руку'* действовало некоторое время и потом было отменено. Ведь в противном случае такой великий последователь, как 'Али (да будет доволен им Аллах!), не стал бы совершать действий, противоречащих действиям Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! 'Али (да будет доволен им Аллах!) обучал своих асхабов младшего поколения и *таби'янов*⁴⁹ не поднимать рук до и после *руку'*. Ведь такое дело не может произойти само по себе.

Кроме того, в одной фразе процитированного выше хадиса («... Когда же завершив две *саджда*, он снова поднимал обе руки, возглашая *такбир*»), который приводится как аргумент шафи'итами и ханбалитами, есть серьезное противоречие против них же самих. Ведь они не говорят, что, поднимаясь с *саджда*, надо поднимать руки. Возникает справедливый вопрос: «Почему же вы, следуя одной части хадиса, не следуете другой его части?».

О том, что должно поднимать руки после *саджда* и во время других ритуальных поз, сказано и в других хадисах. И это, кстати, является доказательством того, что подобные действия были сначала предписаны и затем отменены. Выходит, что ханафиты проанализировали все эти предания целиком, тогда как шафи'иты и ханбалиты приняли их частично.

Подобным образом ханафиты находят опровержения на каждый аргумент противоположной стороны.

Теперь мы ограничимся приведенными примерами и рассмотрим несколько преданий о том, как этот вопрос обсуждали в древности.

Имам ат-Тахави привел предание, в котором ал-Мутира (да будет доволен им Аллах!) говорится следующее:

قُلْتُ لِإِبْرَاهِيمَ: حَدِيثٌ وَابِلٌ أَنَّهُ رَأَى النَّبِيَّ صَلَّى اللهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ يَرْفَعُ يَدَيْهِ إِذَا افْتَتَحَ الصَّلَاةَ
وَإِذَا رَكَعَ وَإِذَا رَفَعَ رَأْسَهُ مِنَ الرُّكُوعِ؟ فَقَالَ: إِنْ كَانَ وَابِلٌ رَأَاهُ مَرَّةً فَقَدْ رَأَاهُ عَبْدُ اللهِ خَمْسِينَ مَرَّةً
لَا يَفْعَلُ ذَلِكَ

То есть: «Я спросил у Ибрахима, что он скажет по поводу хадиса от имени Ва'ила, который говорил, что видел, как Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) поднимал руки, начиная молитву, до и после *руку'*? Тогда он (Ибрахим) сказал: "Если Ва'ил видел это действие того Ибрахима дважды, 'Абдаллах видел пятьдесят раз, когда (Пророк) не делал этого"».

⁴⁹ То есть последователи асхабов.

Из этого видно, что те, кто придерживался правила — поднимать руки до и после *руку'*, приводили в качестве аргумента хадис от имени Ва'ила ибн Худжра — да будет доволен им Аллах! И когда этот хадис был сказан одному из великих последователей асхабов Ибрахиму ан-Наха'и (да будет доволен им Аллах!), он, опровергая это утверждение, в ответ привел хадис от имени 'Абдаллаха ибн Мас'уда — да будет доволен им Аллах! При этом он (Ибрахим) в целях разрешить вопрос — какому из этих хадисов уместнее следовать, постарался изучить положение передатчиков (рави, мн. число — руват) этих хадисов. Хорошо известно, что когда Ва'ил ибн Худжр (да будет доволен им Аллах!) уверовал, он находился при Пророке (да благословит его Аллах и приветствует!) только одну неделю. После того как он научился молитве, он вернулся к себе на родину и больше Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) не видел. Кроме того, Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) обучал его для того, чтобы тот имел представление о ритуале.

Между тем 'Абдаллах ибн Мас'уд (да будет доволен им Аллах!), говоривший, что Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) не поднимал рук до и после *руку'*, был в числе самых первых уверовавших асхабов. С тех пор он постоянно пребывал подле Пророка — да благословит его Аллах и приветствует! И, естественно, он знал намного больше, чем Ва'ил ибн Худжр.

Теперь второй пример. Имам ал-Хариси в своей книге «ал-Муснад» приводит переданный от имени Суфйана ибн 'Уйайна (да будет доволен им Аллах!) такой диалог, состоявшийся между Имамом Абу Ханифой и Имамом ал-Ауза'и. Оба имама встретились в лавке для продажи пшеницы в Мекке. Ал-Ауза'и спросил у Абу Ханифы:

— Почему вы не поднимаете рук до и после *руку'*?

Тот ответил:

— Так как по этому поводу ничего достоверного (сахих) от Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) до нас не дошло.

— Как это нет «ничего достоверного»? Ведь до меня дошло от аз-Зухри, тому от Салима, который слышал от отца, который видел, как Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) поднимал обе руки перед молитвой до и после *руку'*.

Тогда Абу Ханифа сказал:

— До нас же дошло от Хаммада, который передавал хадис от (имени) Ибрахима, который слышал от 'Алкамы и от ал-Асвада, которые слышали от 'Абдаллаха ибн Мас'уда (да будет доволен ими Аллах!), что Посланник

Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) не поднимал рук, кроме как перед началом молитвы.

Ал-Ауза'и сказал:

— Странно, я тебе говорю о предании, дошедшем от аз-Зухри, а он передавал от Салима, а тот — от Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), а ты говоришь, что Хаммад передавал хадис от Ибрахима?

Абу Ханифа сказал на это:

— Хаммад обладал более глубокими познаниями, чем аз-Зухри. Ибрахим был более глубок в познаниях, чем Салим. ('Абдаллах) Ибн 'Умар, хоть и обладал достоинствами асхабов, в области фикха 'Алкама не уступал ему. И у ал-Асвада предостаточно достоинств. 'Абдаллах ибн Мас'уд обладал большими достоинствами в фикхе и чтении (Корана). Он обладает всеми правами асхаба. С детского возраста он постоянно находился при Пророке — да благословит его Аллах и приветствует! Он более предпочтителен, чем 'Абдаллах ибн 'Умар.

И тогда ал-Ауза'и умолк.

Значит, Абу Ханифа (да помилует его Аллах!) и его последователи извлекали все шари'атские установки не откуда-нибудь, а из Корана и Сунны. Они обсуждали даже такие специфические вопросы, которые избегали обсуждать ученые других мазахабов.

Аргументы ханафитов

Ханафитские ученые в упомянутом выше вопросе не ограничивались только дискуссией и отвержением (*раджийа*) аргументов противоположной стороны и старались также привести веские доводы для подтверждения своих решений.

Первый аргумент. Имам Муслим приводит предание от имени Джабира ибн Самура (да будет доволен им Аллах!):

عَنْ جَابِرِ بْنِ سَمُورَةَ رَضِيَ اللهُ عَنْهُ قَالَ خَرَجَ عَلَيْنَا رَسُولُ اللهِ صَلَّى اللهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ فَقَالَ

مَا لِي أَرَأَيْكُمْ رَأَيْتُمْ كَأَنَّهَا أَتْنَابُ خَيْلٍ شَمْسٍ؟ اسْكُلُوا فِي الصَّلَاةِ

То есть: «Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) вышел к нам и сказал: "Отчего во время молитвы я вижу ваши руки поднятыми, словно хвосты диких лошадей?" Стойте спокойно во время молитвы"».

Известно, что, когда молитва только-только стала предписанным [ритуалом], она не была такой полной, как теперь. Были какие-то случаи повыше-

ния голоса, движения. Наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) воспитывал людей и постепенно поправлял их. В этом отношении до нас дошло много преданий из наших сборников хадисов. Из вышеприведенного хадиса по поводу исследуемого нами вопроса видно, что поднимание рук, существовавшее ранее, было затем отменено. Некоторые асхабы, не ведая, что поднимание и опускание рук до и после *руку'* было отменено, продолжали это делать. Увидевший это Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!), вышел к ним и произнес вышеупомянутый хадис.

Второй аргумент. Имам ат-Тирмизи передает предание от 'Алкама:

عَنْ عَلْقَمَةَ قَالَ: قَالَ عَبْدُ اللَّهِ بْنُ مَسْعُودٍ أَلَا أُصَلِّي بِكُمْ صَلَاةَ رَسُولِ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَ

سَلَّمَ فَصَلَّى فَلَمْ يَرْفَعْ يَدَيْهِ إِلَّا فِي أَوَّلِ مَرَّةٍ

То есть: «'Абдаллах ибн Мас'уд спросил: "Показать вам, как Посланик Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) читал молитву?" И прочитал ее, не подняв рук, кроме первого раза».

Само собой разумеется, что все предупреждения и действия таких людей исполняются совершенно точно. А кем был 'Абдаллах ибн Мас'уд (да будет доволен им Аллах!), нам всем хорошо известно. Он всегда находился при Пророке (да благословит его Аллах и приветствует!) с тех пор, когда тот начал пророческую миссию. Он был из таких асхабов, кто обладал хорошими знаниями и передал множество хадисов.

В этом же смысле был передан хадис Имамом ан-Наса'и.

Третий аргумент. Имам ат-Тахави передает предание от ал-Асвада (да будет доволен ими Аллах!):

رَأَيْتُ عُمَرَ بْنَ الْخَطَّابِ يَرْفَعُ يَدَيْهِ فِي أَوَّلِ كَثِيرَةٍ ثُمَّ لَا يَعُودُ

То есть: «Я видел 'Умара ибн ал-Хаттаба поднимающим руки в начале *такбира*, затем он их не поднимал».

Четвертый аргумент. Имам Ибн Аби Шайба передает предание от имени ал-Асвада:

صَلَّيْتُ مَعَ عُمَرَ فَلَمْ يَرْفَعْ يَدَيْهِ فِي شَيْءٍ مِنْ صَلَاتِهِ إِلَّا حِينَ افْتَتِحَ الصَّلَاةُ وَرَأَيْتُ الشَّعْبِيَّ

وَإِبْرَاهِيمَ وَ أَبَا إِسْحَاقَ لَا يَرْفَعُونَ أَيْدِيَهُمْ إِلَّا حِينَ يَفْتَتِحُونَ الصَّلَاةَ

То есть: «Я читал молитву вместе с 'Умаром⁵⁰. Он не поднимал рук, кроме как перед началом молитвы. Я также не видел, чтобы аш-Ша'би, Ибрахим и Абу Исхак поднимали руки [во время молитвы], кроме начала молитвы».

⁵⁰ То есть когда обязанности имама исполнял второй праведный халиф 'Умар ибн ал-Хаттаб ал-Фарук.

Пятый аргумент. Имам ал-Байхаки передает предание от имени Ибн Мас'уда (да будет доволен им Аллах!):

صَلَّيْتُ خَلْفَ النَّبِيِّ صَلَّى اللهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ وَأَبِي بَكْرٍ وَعُمَرَ فَلَمْ يَرْفَعُوا أَيْدِيَهُمْ إِلَّا عِنْدَ اقْتِضَاءِ

الصَّلَاةِ

То есть: «Я читал молитвы, стоя за Пророком (да благословит его Аллах и приветствует!), Абу Бакром и Умаром. Они не поднимали рук, кроме как перед началом молитвы.

Шестой аргумент. Имам ат-Тахави передает предание от Абу Бакра ибн 'Аййаша:

مَا رَأَيْتُ فُقَيْهًا قَطُّ يَفْعَلُهُ يَرْفَعُ يَدَيْهِ فِي غَيْرِ التَّكْبِيرَةِ الْأُولَى

То есть: «Я не видел ни одного факиха, который поднимал бы руки после первого такбира».

Седьмой аргумент. Молитва — важное и великое ритуальное деяние, пятькратно исполняемое каждый день у всех на глазах. На протяжении многих лет большое количество людей особенно внимательно следили за каждой молитвой Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) и учились на этом. И то, что существуют разные мнения по поводу того, поднимать ли руки до и после *руку'*, само по себе порождает сомнения относительно этого действия. А это еще раз доказывает, что действия ханафитов верны⁵¹.

Восьмой аргумент. Ханафиты хорошо знают, что о предписанности поднимания рук до и после *руку'* имеется много преданий, судя по некоторым сведениям, переданных через пятьдесят великих асхабов. Однако несмотря на это, они отмечают, что могло быть и упразднение прежних правил. Ведь всем известно, что упраздненные правила не определяются достоверностью или недостоверностью и не зависят от количества преданий. Известно также, что как бы ни был силен хадис, достоверность его не выше аятов Корана. Тем не менее и некоторые аяты Корана были упразднены (мансух).

Девятый аргумент. Предположим, ханафитские ученые с целью привести еще какой-нибудь разумный довод и для (полного) обсуждения этого вопроса временно отказались от тех аргументов, что поднимание рук было упразднено. Они говорят: «Предположим, что упразднения этого действия

⁵¹ То есть решение, выведенное на основе тщательного анализа и сопоставления всех данных и преданий.

не было». Тогда, согласно общему правилу, если хадисы противоречат друг другу, за основу берется то действие, которому следовали асхабы. Но если и действия асхабов были противоречивыми, снова возвращаются к суждению по аналогии (кийас). И если в этом вопросе вернуться к суждению по аналогии, то на самом деле во время молитвы рекомендуется сохранять молчание и не прибегать к лишним движениям. Поднимание же рук во время молитвы — излишнее действие. Поднимание же рук при *такбире* — действие перед молитвой, но не во время нее.

Именно на этом положении мы просим у уважаемого читателя позволения завершить обращение к разным аргументам, потому что, привлекая дополнительные доводы, мы можем еще долгое время продолжать наш разговор.

Заключение

Как мы видим, совершенно неуместны и ложны претензии в том, что в мазхабе Ханафийа не следуют хадисам, в частности, в способе произнесения слова *Аминь* или в вопросе поднимания рук до и после *руку'*. Напротив, мы вместе изучили, что ханафиты по сравнению с другими глубже и доскональнее изучили хадисы и в точности следует им. Но надо отметить, что ханафиты уважают и последователей других мазхабов.

До сего момента шафи'иты и ханбалиты поднимают руки во время молитв, а ханафиты и маликиты не поднимают их. Тем не менее все спокойно читают свои молитвы. Но среди нас появились полутрамотные люди, которые, едва-едва заучив несколько аятов и переводов двух-трех хадисов, стали бросать камни в основателей нашего мазхаба. Наши мусульмане были обвинены (ими) в том, что они не следуют Корану и Сунне. Вопросы, которые должны были остаться (для обсуждения) в кругу улемов, были вынесены на обсуждение в среду простых верующих, фактически только-только начинающих познавать основы Ислама. В результате открылся путь к разногласиям, а на головы мусульман свалилось множество бед.

Дорогие братья по вере! Выше мы обсудили только два вопроса, ставших причиной нынешних противоречий. Но подобных вопросов много. Кроме того, возникают новые. Это положение может усугубляться и дальше. Так как среди нас все еще появляются люди, кто говорит, что следование мазхабам приводит к разногласиям, и, мол, мы оставим мазхабы и будем следовать Корану и Сунне. На самом деле, они, отвергая ханафитский мазхаб, следуют другому мазхабу. Они полагают, что некоторые вопросы пра-

вильно решены только в таком-то мазхабе и что все остальные верующие заблуждаются. Именно поэтому они обвиняют таких же братьев-мусульман в том, что те предались новшествам (бид'а), в том, что те не следуют Корану и Сунне и т. д. Приведем только один пример, чтобы подтвердить все это.

Протирание шеи (масх) во время ритуального очищения (тахарат)

Как-то раз я спросил у моего приятеля о том, как идет знакомство с религиозными предписаниями среди простых верующих. Он ответил мне:

— Все шло хорошо, но появились разногласия, и многие простые мусульмане оказались в смятении.

— Скажите, какой из последних вопросов, приведших простых мусульман в смятение? — спросил я, чтобы лучше узнать о проблеме.

— Например, до сих пор все считали, что протирание шеи (масх) во время ритуального очищения (тахарат) — одобряемое дело (мустахабб). И в книжках, которые читают простые мусульмане, написано так же. Но вот вновь появившиеся молодые люди уверяют, что это — новшество (бид'ат). Остальные верующие не знают, что теперь делать, и впали в смятение. И спросить не у кого, как же все-таки должно быть, — сказал мой знакомый.

— Когда вам говорят подобные вещи, нужно сразу спрашивать, какие у них аргументы и доказательства. А вы не поинтересовались, почему это протирание шеи есть новшество? — задал я вопрос.

— Мне сказали, что по поводу протирания шеи нет указаний ни в Коране, ни в хадисах. А всякое действие, которого нет в Коране и хадисах, по их словам, и есть новшество, — ответил мой собеседник.

Внешне совершенно мелкий вопрос смутил очень многих верующих. Так как группа мусульман, объявившая, что протирание шеи во время ритуального очищения — новшество, не ограничилась только подобными замечаниями. Часть из них не остановилась перед тем, чтобы продолжить список «обвинений»: протирание шеи во время ритуального очищения есть новшество, всякое новшество — заблуждение, всякое заблуждение — ад⁵². И все задавали себе вопрос: если протирание шеи во время ритуального очищения есть новшество и так далее по списку, то каково же теперь положение тех, кто это делает, и их отцов и дедов, кто это делал раньше?

⁵² Сокращенная цитата из хадиса.

Если бы речь шла действительно о новшестве, то, согласно смыслу процитированного хадиса, можно было бы присоединиться к тому, что сказано. Но все дело в том, что к сказанному мы присоединиться не можем. Ведь речь идет о том, что действие, на протяжении 13 столетий одобряемое (мустахабб) учеными-муджтахидами одного из самых крупных в мусульманском сообществе мазхаба Ханафи́я, теперь вдруг объявляется новшеством.

Дорогой читатель! Давайте спросим у ханафитских ученых, почему же они сочли протирание шеи во время ритуального очищения одобряемым действием. Ведь не могли же они призывать мусульман к исполнению недозволенного новшества вот уже 13 столетий?!

На это у нас будет такой ответ.

Для начала да спасет нас Аллах от того, чтобы призывать людей к тому, чего у нас нет в шари'ате. Мы никогда и никого не призывали к новшествам. Мы объявляем решения только опираясь на шари'атский источник. По поводу одобряемости протирания шеи во время ритуального очищения у нас есть следующие аргументы.

Первый аргумент. В предании Имама Ахмада ибн Ханбала, а тому — от Лайса, которому (это) дошло от Талха ибн Мусаррифа, а ему — от отца, а тому — от деда, сказано:

أَنَّ رَأَى رَسُولَ اللَّهِ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ يَمْسَحُ بِرَأْسِهِ حَتَّى يَبْلُغَ الْقَدَالَ وَمَا يَلِيهِ مِنْ مَقَامٍ

الرُّأْسِ

То есть: «Поистине, он видел, как Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) протирал шею спереди и сзади».

Второй аргумент. В достоверном предании Абу-л-Хасана Фариса от имени Ибн 'Умара (да будет доволен им Аллах!) приведены слова нашего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!):

مَنْ تَوَضَّأَ وَ مَسَحَ بِيَدَيْهِ عَلَى عُنُقِهِ وَقِيَ الْغُلَّ يَوْمَ الْقِيَامَةِ

То есть: «Тот, кто, совершая ритуальное омовение, протрет двумя руками шею, избавится от тревоги в Судный день».

Третий аргумент. Имам Базаар привел предание, дошедшее от Ва'ила ибн Худжра (да будет доволен им Аллах!), в котором, в частности, говорится:

ثُمَّ مَسَحَ عَلَى رَأْسِهِ ثَلَاثًا، وَ ظَاهِرَ أُذُنَيْهِ ثَلَاثًا وَ ظَاهِرَ رَقَبَتَيْهِ

То есть: «... затем, [во время омовения, Пророк] протер трижды голову, трижды наружные части ушей и заднюю часть шеи».

Имеется множество других преданий, заключающих в себе тот же смысл. Так что же еще надо? И в чем же вина ханафитов, если дискутирующая сторона не смогла найти тех же хадисов, что и мы? Так стоит ли из-за этого обвинять ханафитов в недопустимых новшествах?

Выше мы обсудили в качестве примера только три вопроса, которые опять становятся предметом разногласий. Не представляет никакого труда точно так же обсудить и остальные спорные вопросы. Но наша цель — не споры, а желание положить конец раздорам. Не надо беречь старые раны, а надо стойко придерживаться того пути, который прошел испытание временем. Вот тогда можно будет преодолеть наши разногласия.

И все должны понять, что в целях предотвращения смуты нам категорически запрещено вновь поднимать те вопросы, которые уже стали предметом *иджтихада*⁵³ в пределах *мазхабов* и решение которых основано на Коране и Сунне⁵⁴. Те, кто игнорирует этот запрет, желают только посмотреть, чьи же доводы сильнее. Ладно, если кто-то из них, достигнув высоких степеней в (богословской) науке, в том или ином вопросе сможет сравнить аргументы *мазхабов* и суметь разобрать сильные и несильные из них, вынесет какое-нибудь решение (фатва) для себя. Но ему должно быть запретно выносить это решение на обсуждение в среду большинства простых верующих, вводя их, таким образом, в смятение.

Именно по этой причине порицают (*мазаммат*) всех тех, кто, нарушив эти правила, допускал разногласия. Даже стараясь быть беспристрастными в этом нашем споре, некоторым может показаться, будто мы склонны поддерживать какую-либо из сторон, что, на самом деле, тоже исходит из этих же правил.

⁵³ *Иджтихад* (от араб. «старание», «усердствование») — изучение улемом богословско-правового комплекса вопросов (в том числе и ритуальных) и вынесение им своего решения на основе, по возможности, полного использования всех имеющих отношение к разбираемым вопросам предписаний и разработок прежних авторитетов. Примерно в XII в. улемы 4 *мазхабов* пришли к выводу о том, что к концу IX в. полностью сложились основные суннитские *мазхабы* в исламе (*Ахл ас-сунна ва-л-джама'а*) и «ворота *иджтихада* закрылись». Уточнялись только второстепенные вопросы в пределах *мазхабов* и отдельные частные вопросы (*иджтихад фи-л-мазхаб ва-л-маса'ил*).

⁵⁴ Имеется в виду запрет в суннитском *мазхабе* вновь поднимать вопросы, которые могут привести к повторному «открытию ворот *иджтихада*» (см. предыдущее примечание).

Все наши беды от того, что у нас слабые знания. Мы знаем очень мало. Но притязаем на многое. На все наши скудные знания мы с упорным фанатизмом смотрим так, словно кроме них ничего нет. А существующий помимо этого океан знаний мы совершенно игнорируем. И в результате мы сталкиваемся с теми бедами, которые пали на наши головы.

Современные выдающиеся улемы все эти вещи называют «культурой одной книги и аудиокассеты». Действительно, прочитав одну какую-нибудь и неизвестно как попавшую к нам в руки книгу, мы действуем так, словно в ней сосредоточены все знания мира. И потом, послушав 3–4 аудиокассеты с совершенно бестолково изложенными религиозными вопросами, мы делаем вывод, что три четверти мусульман — неверные или многобожники.

К этой культуре «одной книги и аудиокассеты» относятся те из нас, кто сегодня отвергает то, что уже почти тысячу триста лет почитают и берегут мусульмане, то есть четыре *мазхаба* в *фикхе*, те, кто обливает эти *мазхабы* грязью, считая себя *муджтахидами*.

Мы сейчас далеки от мысли навязать ученый спор о том, что *мазхабы* в *фикхе* — непреложная истина. Ведь если наши заблудшие братья готовы были бы принять такой спор, мы бы сейчас не оказались в таком неприятном положении. И если бы они, прежде чем отвергать *мазхабы* в *фикхе*, изучили бы дискуссии наших праведных ученых прошлого, возможно, у нас не возникло таких проблем. Эти наши братья в своем опасном неприятии *мазхабов* в *фикхе* поверили совершенно чужим нам людям. В частности, они стали следовать⁵⁵ за теми суетливыми людьми, прибывшими к нам из-за рубежа и именующими себя разными диковинными названиями. Они не стали прислушиваться к мнению остальных (мусульман). Именно поэтому мы сочли необходимым привести современные документы и фетвы о *мазхабах*.

Современные документы и фатва о законности *мазхабов* в *фикхе*

Обратимся к решению Академии исламского *фикха*, входящей в состав самой почитаемой исламской организации «Рабитат ал-'алам ал-ислами», расположенной в Священной Мекке. Но прежде чем мы это сделаем, отдельно отметим, что председателем «Рабита» и одновременно главным муфтием Академии исламского *фикха* и Саудовской Аравии является Шайх 'Абд ал-'Азиз ибн Баз, работающий со своими последователями. Ведь многие из тех, кто отвергает *мазхабы*, притязают на то, что являются после-

⁵⁵ В тексте буквально — «взялись за подол».

дователями этих людей. Мы надеемся, что из приводимых ниже документов станет ясно, насколько основательны эти притязания.

Решение девятое

О решении по поводу расхождений между мазхабами фикха и фанатичности к мазхабам, принятом на десятом ежегодном собрании Академии исламского фикха, проходившего в 1408/1987—88 году

Слава Единому Аллаху! Благословение нашему господину и Пророку Мухаммаду, последнему из пророков — да благословит его Аллах и приветствует! И затем.

Академия исламского фикха при «Рабитат ал-'алам ал-ислами» на своем десятом ежегодном собрании, проходившем в Священной Мекке с субботы 24 сафара 1408 г. х. (17 октября 1987 г.) по среду 28 сафара 1408 г. х. (21 октября 1987 г.), рассмотрела давно волнующий нас вопрос о расхождениях в вопросах фикха между мазхабами, о случаях, когда представители некоторых мазхабов, выходя за пределы добрых отношений, допускают обвинения в адрес других мазхабов, их улемов и последователей. Собрание рассмотрело имеющее место в умах и настроениях современной молодежи представление о расхождениях между мазхабами. Большинство из этих (молодых) людей не знают основ методологии и не понимают смысла этих проблем. В результате эти заблудшие сами, сбивающиеся с пути остальных, ставят вопрос таким образом: если исламский шар'ат един, если его источники — Великий Коран и Сунна Пророка неизменны, то почему установки мазхабов расходятся, почему они не объединятся и мусульмане не следуют одному шар'атскому мазхабу?

Кроме того, собрание рассмотрело также вопросы о фанатизме, процветающем внутри мазхабов, из-за которого возникают проблемы. Это касается, в частности, появившихся сейчас новых, далеких от истины направлений, претендующих начать новый иджтихад, предъявляющих претензии другим существующим и принятым издавна исламской общиной мазхабам и их богословам и таким образом сеющих смуту между людьми.

Собрание, рассмотрев названные проблемы, изучив их причины и последствия, приводящие к противостоянию и смутам, предложило в качестве памятки обеим сторонам — и вводящим в заблуждение, и фанатикам — нижеследующее заявление.

Во-первых, в мусульманских странах существуют два вида расхождений между мазхабами:

- в вопросах догматов ('акиды);
- в религиозно-правовых вопросах (фикх).

Первый вид относится к вопросам догм веры. Это расхождение — большая беда в истории ислама. Оно принесло много проблем мусульманским странам, разрушило единство и внесло раскол в ряды верующих. Это явление достойно сожаления и никаким образом не предписано исламом. Исламская община должна объединиться под сенью «Людей Сунны и согласия» (Ахл ас-Сунна ва-л-джама'а), которая отражает идеи и мысли первоизданного ислама времени Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) и периода первых праведных халифов. По этому поводу сам Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) изволил сказать: «Вам следует придерживаться моей Сунны и Сунны праведных халифов. Придерживайтесь их твердо».

Второй вид относится к расхождениям по некоторым вопросам между мазхабами. Сложению такого положения есть ряд научных причин. Прежде всего в этом следует усмотреть великую мудрость Всевышнего Аллаха, который милосердие предоставил своим рабам право извлекать разнообразные решения, основываясь на шари'атских аргументах. Кроме того, такое положение — это счастье и богатство в области фикха-юриспруденции, потому что оно предоставляет исламской общине широкие возможности в решении вопросов, касающихся религии и шари'ата. Только при этом можно не ограничиваться в применении шари'ата. Напротив, если в некоторых случаях и в какие-то времена общине будет тесно в пределах одного из мазхабов, она может найти больший простор и облегченное решение в другом мазхабе. Это может относиться к вопросам поклонения Аллаху (ал-'ибадат), социально-межличностных норм (ал-му'амалат)⁵⁶ или же к семейным отношениям, уголовным делам и другим сферам жизни общества.

Расхождения между мазхабами второго вида — расхождения в вопросах фикха. Они не являются ни недостатком нашей религии, ни противостоянием в ней. Без таких расхождений не могло быть дальнейшего, более глубокого познания основ ислама. И вполне естественно, что между общинами, обладающими своими собственными правилами иджтихада и методами фикха, есть такие расхождения.

Если мы будем исходить из исторической действительности, то еще раз убедимся, что возникновение их вполне закономерно. Ведь используемые достоверные аргументы заключают в себе разные смыслы. К тому же аргумент не может

⁵⁶ Ал-му'амалат — часть фикха-юриспруденции, регулирующей отношения между людьми, государством и т. п.

охватить все вероятные случаи⁵⁷. Как говорили наши великие ученые (да помилует их всех Аллах!), аргументы ограничены, случаи не ограничены. А раз это так, то значит, при появлении новых ситуаций и проблем для вынесения и распространения по ним какого-либо решения (хукм) нужно будет обратиться к суждениям по аналогии (кйяс), направить свое внимание на недостатки прежних решений, проклястия их авторов — знатоков шарі'ата — и на общие цели собственно шарі'ата. И вполне естественно, что понимание определенной ситуации у разных улемов может не совпадать, равно как и их предпочтения перед вариантами возможных решений, которые также могут быть разными. Но каждый из этих улемов имеет целью найти истину. Следовательно, тот из них, кто найдет точное решение, получит две доли⁵⁸, а кто ошибочное — одну. Именно в такой ситуации появляется простор (для решений) и пропадает ограниченность.

Что же может быть плохого в этих вариациях мазхабов?! Как было прояснено выше, это только положительное явление и благость. В действительности это великая милость Аллаха, ниспосланная своим верующим рабам. Вместе с тем — это огромное богатство и превосходство в области права, чем исламская община может только гордиться. Однако те, кто уже заразился заблуждениями, стараются доказать некоторым молодым мусульманам, в частности тем, кто учился и учится за рубежом⁵⁹, используя их слабые знания исламской культуры, что будто бы расхождения в фикхе равны расхождениям в вопросах веры. Эти люди не различают упомянутые два вида расхождений и утверждают, что в шарі'ате имеются противоречия. На самом деле это не так.

Во-вторых. Что касается групп, которые призывают отвергнуть мазхабы, принуждают мусульман следовать по пути нового иджтихада, предъявляют претензии мазхабам и их имамам, мы заявляем следующее: в преимуществах мазхабов и их имамов есть одно крайне тревожное обстоятельство. Оно предписывает отказ от нечистоплотных методов, которые вводят верующих в заблуждение, порождают между ними разногласия. Сейчас мы особенно нуждаемся в объединении и согласии, которые помогут нам устоять перед опасными происками врагов ислама.

Да будут множество благословений и приветствий Аллаху, нашему господину Мухаммаду, его семейству и асхабам! Слава Господу миров Аллаху!⁶⁰

⁵⁷ То есть случаи из Сунны.

⁵⁸ То есть в Судный день.

⁵⁹ Видимо, подразумеваются молодые люди, обучающиеся в немусульманских странах, например, в Европе.

⁶⁰ Документ переведен (с арабского) из «Сборника Академии исламского фикха» (прим. автора).

Конечно, после знакомства с этим заявлением самой авторитетной в мире исламской организации — Академии исламского *фикха* — у каждого истинного мусульманина не должно остаться никаких сомнений по поводу законности *мазхабов* и необходимости почтительного к ним отношения. Можно было бы этим и закончить нашу беседу.

Однако те, кто отвергает *мазхабы* и продолжает бросать камни в ученых *мазхабов*, могут сказать: «Этот документ написан десять лет назад⁶¹. К тому же, под этим документом наряду с шайхом Ибн Базом и его соратниками свои подписи поставили и некоторые фанатичные приверженцы *мазхабов*. А это значит, что документ теряет свою силу». Это обстоятельство вновь заставляет нас несколько отодвинуть наше заключительное слово.

Для убедительности предоставим вашему вниманию некоторые фетвы, выпущенные в конце 1997 г. христианского летосчисления и подписанные Ибн Базом и его соратниками.

Из фетвы 3897

Шестой вопрос:

— Каково решение о расхождениях между четырьмя имамами?⁶²

Слава Единому Аллаху. Благословения и приветствия Его Посланнику, семье и асхабам.

Ответ:

— *Расхождения между четырьмя имамами связано с расхождениями в их знаниях и понимании вопросов. Те из них, кто нашел правильное решение, — им две доли, кто ошибся — одна. Ал-Ауза'и, Суфйан ас-Саури, Исхак ибн Рахвайх и другие мусульманские ученые тоже из таких.*

Воздержание — от Аллаха! Благословения и приветствия нашему Пророку, Его семье и асхабам!

Постоянный Комитет по фетвам и дискуссиям:

Абд ал-'Азиз ибн 'Абдаллах ибн Баз — председатель,

'Абд ар-Раззак 'Ариф — заместитель председателя,

⁶¹ Срок написания документа определен временем написания книги, то есть в 1997 году.

⁶² Имеются в виду четыре имама — эпонима четырех *мазхабов*.

'Абдаллах ибн Гидаййан — член комиссии,

'Абдаллах ибн Ка'уд — член комиссии.

Из фетвы 4272

Четвертый вопрос:

— Мы видим, что каждый имам противоречит всем, кроме себя. Часто расхождения и противоречия между ними приводят к тому, что многие оставляют свои молитвы. Мы ждем точного и ясного ответа по этой проблеме. Следовать ли нам одному из мазхабов? Как нам привести в соответствие мазхабы, чтобы все было приемлемо?

Слава Единому Аллаху. Благословения и приветствия его Посланнику, семье и асхабам.

Ответ:

— Расхождения между четырьмя имамами мазхабов упираются в разветвления фикха (фуру'), в отношении в мазхабах к одним и тем же хадисам как к достоверным и как недостоверным, или же происходят оттого, что до некоторых имамов мазхабов отдельные хадисы дошли (через передатчиков), а до других не дошли.

Однако мусульманину предписано почитать всех (четырех) имамов. Каждый из них — муджтахид. Они искали только истину в своих обращениях к вопросам фикха. Тем из них, кто нашел правильное решение, — две доли: одну за иджтихад, другую за правильное решение. А кто не нашел правильного решения получит одну долю — за свой иджтихад.

Что касается вопроса о следовании одному из четырех имамов. Тому, кто способен сам установить истину из их аргументов, предписано это делать. У кого нет такой возможности, тот должен следовать кому-нибудь из надежных знатоков своего окружения. Расхождения в ответвлениях фикха не должны быть препятствием тому, чтобы все читали молитву в одном месте. Напротив, мусульманам предписывается чтение молитв, стоя друг за другом. Асхабы хоть и расходились по некоторым вопросам (ритуала), но читали молитву, стоя друг за другом. Их последователи и те, кто был рядом с ними, делали так же.

Воздержание — от Аллаха! Благословения и приветствия нашему Пророку, его семье и асхабам!

Постоянный Комитет по фетвам и дискуссиям:

'Абд ал-'Азиз ибн 'Абдаллах ибн Баз — председатель,

'Абд ар-Раззак 'Афифи — заместитель председателя,

'Абдаллах ибн Гидайян — член комиссии,

'Абдаллах ибн Ка'уд — член комиссии⁶³.

Здесь придется сделать короткое пояснение. Во второй фетве выражение «... кто способен сам установить истину из их аргументов...» относится к тому, кто достиг степени *муджтахид*. По единогласному мнению всех современных улемов, сейчас нет таких, кто достиг степени *иджтихада*.

Вот теперь, возможно, все стало ясно. Но после знакомства с этими документами, естественно, появляется несколько вопросов. Так за кем же следуют те из нас, кто отвергает *мазхабы*? На чем основана их деятельность? Какое же они имеют право проявлять неучтивость по отношению к основателям *мазхабов*? И если они утверждают, что следуют шайху Ибн Базу и его соратникам, то почему же они не исполняют решений вышеприведенных фетв?

На самом деле, у нас не было намерения так затягивать разговор, обращаясь к разногласиям между *мазхабами*. Более подробно мы частично поднимали эти вопросы в своих книгах, таких как «Ислам мусаффаиги йолида» («На пути чистоты ислама»), «Хадис ва хайат» («Хадисы и жизнь») и в других наших статьях и выступлениях. Если даст Аллах, мы надеемся, что у нас будет возможность обсудить все вышеизложенное более подробно. Но поскольку эти вопросы становятся основными в нынешних разногласиях, мы сочли возможным еще раз прояснить их.

Извлечем урок из истории

Дорогие мои собратья по вере! Мы, мусульмане, должны хорошо изучить историю нашей общины и нашей нации, чтобы из этого извлечь полезные нам уроки. В частности, мы не должны повторять той ошибки, которая уже имела место. Одно из таких явлений, сеющих смуту среди верующих, — это наши разногласия. Если мы обратимся к нашей истории, то увидим, что они приводили нас всегда к тяжким последствиям.

⁶³ Извлечение с переводом из сборника (№ 51) *Маджаллат ал-бухус ал-исламия* (прим. автора).

Человек, который хорошо знает историю ислама, сильно сожалеет, когда видит нынешние разногласия и происходящие из-за этого смуты, ибо все это — повторение прошедших событий.

Если мы продолжим обозревать нашу древнюю историю, то увидим, что мусульманская община предписывала строго следовать одному из *мазхабов*, чтобы прекратить взаимные раздоры. Община признала правомерными все четыре *мазхаба*, потому что все не могут быть одинаковыми и не могут думать одинаково. Но вместе с тем община настаивала на взаимном уважении представителей разных *мазхабов* и объявила запретным их взаимное препирательство.

Наши почтенные предки, исходя из условий своего времени, закрыли двери *иджтихада*, в частности, опасаясь правителей-тиранов, которые могли подчинить своим желаниям положения *шари'ата*. И поэтому все условилось, что каждый следует определенному *мазхабу*. Весь мусульманский мир с радостью воспринял такие решения.

Причины отдаления людей от *фикха*

Однако со временем все вышеописанные положительные договоренности были попорчены. Вместо уважения к другим *мазхабам* многие становились фанатиками своих *мазхабов*. В результате между последователями различных *мазхабов* появились разногласия, препирательства и другие неприятные вещи. Несмотря на то, что это положение продолжалось недолго, противники *мазхабов* используют такие скандальные истории в качестве основного своего аргумента.

Однако неуместная фанатичная приверженность к *мазхабам* на этом не закончилась. Некоторые указания об *иджтихаде* наших праведных ученых прошлого тоже стали предметом фанатичной приверженности. Но названное выше согласное решение *улемов* прошлого не действовало в нужное время, хотя оно было принято только для того, чтобы избежать положения, когда тираны-правители могли бы превратить в свою игрушку полуграмотных *мулл*, готовых на все ради того, чтобы понравиться правителю. Указание о том, что некоторые вопросы методов (*фикха*) и основные положения *иджтихада* неприкосновенны, было истолковано в том смысле, что все написанное в книгах по *фикху* невыблемо. В результате с течением времени вопросы *фикха* были законсервированы в том виде, в каком дошли до нас со времен средневековья. С изменением времени, местных условий и действующих сил совершенно бездейственным остался огромный фактор в

жизни общины, в которой тоже появлялись новые проблемы, требующие своего решения. В связи с сложившимся положением даже те, кто годами учился по нашим книгам по *фикху*, уже не могли совершенно свободно понимать того, что там написано. Люди, боясь порицаний, не решались заменять в старых книгах по *фикху* устаревшие и вышедшие из употребления слова, не пытаясь даже найти им синонимы.

Сейчас почти во всех исламских науках ощущается дух времени. Создано и создается множество произведений по *тафсиру*, *хадисам*, *сира*, *хадисоведческой литературе*, *кораническим* и другим исламским наукам. В этих книгах читатель находит ответы на все свои вопросы. Для привлечения его внимания они написаны с использованием всех современных средств.

Но ничего подобного мы не можем сказать о книгах по *фикху*, если не иметь в виду крайне упрощенных попыток решения мелких вопросов. В результате многовекового застоя в этой выдающейся области мусульманской науки у людей наблюдается как бы самоотстранение от *фикха*. И это ведь естественно. Человек, ищущий ответы на вопросы современности и обратившийся к книгам по *фикху*, видит в них только каноны прошлых веков. Неужели мы, сохраняя исключительное почтение к ученым прошлого и оберегая их наследие как зеницу ока, не можем обратиться к их *иджтихад*у и решить наши современные проблемы сами? Можно же, например, переиздать наши старые книги, переложив их на современный язык.

Ваш покорный слуга несколько лет тому назад в одной из своих статей слегка коснулся этой темы. Тогда некоторые богословы поставили вопрос: а не является ли это притязанием на степень *муджтахидов*? Я тогда им объяснил, что совершенно далек от этой мысли. И теперь из моих бесед и споров со многими улемами я вижу, что эта мысль все больше и больше поддерживается ими. Некоторые люди даже написали книги о том, что уже необходимо новое отношение к *фикху*. Мы надеемся, что в будущем к *фикху* появится такой же интерес, как в далеком прошлом.

Значит, возникновение разногласий в религиозных вопросах не исходило по инициативе только одной стороны (дискутирующей). Не будет ошибкой, если мы скажем, что те, кто старался фанатично придерживаться *фикха*, несколько превысили границы, и это тоже послужило почвой для возникновения разногласий. Возможно, что такое положение тоже отчасти стало причиной того, что верующие, особенно нынешняя молодежь, несколько отдалились от занятий *фикхом*. Но если человек не знает чего-то, то ему трудно следовать тому, чего он не знает. Возможно также, что люди, критикующие *фикх*, делают это оттого, что очень далеки от него и не понимают

его сути. Достоинно горького сожаления то, что *фикх* — эта та наука, которая способна и должна решить все проблемы мусульман с точки зрения *шари'ата*. Но сегодня, как это ни прискорбно, она отстает от жизни. Именно это положение способствует тому, что сейчас *фикх* используют в своих интересах некоторые правители и полуграмотные муллы.

Что делать?

Имея в виду множество вопросов и факторов, оставшихся за пределами этой книги, следует плодотворно и на научной основе воспользоваться великим наследием ученых прошлого и довести это наследие до современных мусульман в духе времени. И тогда, если угодно Аллаху, будет сделан значительный шаг в том, чтобы положить конец всем спорам вокруг *фикха*.

В целом мусульмане должны прилагать все возможные усилия для поднятия собственного религиозного образования. Ученые-богословы должны печься о том, чтобы быть всегда рядом с мусульманами, уберегать их от взаимных раздоров и разногласий. Но если окажется так, что появятся разные мнения по одним и тем же вопросам, следует обсудить и решить эти вопросы только в кругу ученых, не вынося их на широкую аудиторию, а потом объявлять о согласном решении остальному большинству. Если говорить коротко, мы все должны дружно выступать против разногласий, словно мы — одно тело, одна душа. Мы обязаны поставить барьеры на каждой дорожке, ведущей к противоречиям и разногласиям.

И каждый мусульманин должен следовать *айату* Аллаха: «Конечно, мусульмане — братья. Довольно, сотворите мир между двумя своими братьями». Следует крепить дружеские связи между всеми братьями по вере. И каждому мусульманину, если он узнает, что два его собрата по вере впали в разногласия, следует тотчас же примирить их».

Уважаемые братья по вере! Мы должны твердо усвоить, что источник всех наших неудач — это наши разногласия.

Всевышний и Преславный Аллах, наставляя своих верующих рабов, не напрасно сказал в своем Вечном Руководстве — Великом Коране: «**Не препирайтесь, а то ослабеете, и ваша сила уйдет**». Да, истину говорит Великий Аллах. Разногласия приводят мусульман к упадку, ослабляют их. Если мы не хотим утратить нашу силу, мы не должны вступать в разногласия.

Наш Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!) сказал нам, своей общине: «Не вступайте в разногласия. Все, кто был до вас и вступал

в разногласия, сгнули». Поэтому, если мы не хотим сгнать подобно тем пропавшим общинам, мы не должны вступать в разногласия.

Все свое время, знания, умственные способности и силы, которые мы тратим на взаимные препирательства, давайте потратим на нашу веру, на то, чтобы исполнять ее требования и показать ее с лучшей стороны всем остальным.

Прежде чем поставить точку после этих скромных строк, хотим выразить надежду, что мусульманская община, милостью Аллаха преодолевавшая множество трудностей, преодолест их и теперь.

Аллах с нами! Аллах с общиной мусульман! И последняя наша молитва — слава Аллаху — Господу миров!

Использованные источники

1. Великий Коран.
2. 'Абд ар-Рахман ибн Мухаммад ал-Калибули Шайхи-зада. Маджма' ан-нахр фи шарх мултака ал-абхур. Байрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 1989.
3. 'Абдаллах ибн Бахрам ад-Дарими. Сунан ад-Дарими [б. м.; б. г.].
4. 'Абдаллах ибн Махмуд ал-Маусия. Ал-Ихтияр ли-та'лиа ал-мухтар. Байрут: Дар ал-аркам [б. г.].
5. 'Ала' ад-дин Мас'уд ал-Касани. Бада'и' ас-сана'и' фи тартиб аш-шара'и'. Байрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 1997.
6. 'Али Мухаммад ал-Кари. Миркат ал-мафатих шарх мишкат ал-масабих. Байрут: Дар их'я' ат-турас ал-'араби [б. г.].
7. 'Али Мухаммад ал-Кари. Ан-Нукайа мин шарх мухтасар ал-викайа. Казань: Издательство Императорского университета, 1908.
8. Ахмад ибн Мухаммад ат-Тахави. Шарх ма'ани ал-асар. Байрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 1987.
9. Ахмад ибн Хаджар ал-'Аскалани. Фатх ал-барн шарх Сахих ал-Бухари. Ат-Таб'а ал-ула. Ал-Кахира: Дар ар-райан ли-т-турас, 1986.
10. Ахмад ибн Ханбал. Муснад ал-имам Ахмад ибн Ханбал. Ат-Таб'а ас-санийа. Байрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 1978.
11. Ахмад ибн Шу'айб ан-Наса'и. Сахих сунан ан-Наса'и. Ар-Рийад: Мактабат ат-тарбийа ал-'арабийа ли-дувал ал-Халидж, 1988.
12. Бадр ад-дин ал-'Айни. Умдат ал-кари шарх Сахих ал-Бухари [б. м.; б. г.].
13. Джалал ад-дин ас-Суйути. Танвир ал-хавалик шарх 'ала Муватта' Малик. Ал-Кахира: Дар их'я' кутуб ал-'арабийа [б. г.].
14. Зафар Ахмад ал-'Усмани ат-Тахави. И'ла' ас-сунан. Карачи: Идарат ал-Кур'ан ва-л-'улум ал-исламийа, 1415/1995—96.

15. 'Имад ад-дин Исма'ил ибн Касир. Тафсир ал-Кур'ан ал-'азим. Ал-Кахира: Дар ихйа' ал-кутуб ал-'арабийя [б. г.].
16. Малик ибн Анас ал-Асбахи. Муватта' ал-имам Малик. Байрут: Дар ан-нафа'ис, 1987.
17. Муслим ибн ал-Хадждадж ал-Кушайри. Сахих Муслим. Байрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийя [б. г.].
18. Мухаммад 'Али ас-Сабунн. Рава'и' ал-байан тафсир аят ал-ахкам мин ал-Кур'ан. Байрут: Дар ихйа' ат-турас ал-'араби [б. г.].
19. Мухаммад 'Али ас-Сайис. Тафсир аят ал-ахкам [б. м.; б. г.].
20. Мухаммад ибн Аби Бақр ар-Рази. Мухтар ас-сихах. Ал-Кахира: ал-Хай'а ал-мисрийя ал-'амма ли-л-кутуб, 1976.
21. Мухаммад ибн 'Иса ат-Тирмизи. Сунан ат-Тирмизи. Байрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийя, 1987.
22. Мухаммад ибн Исма'ил ал-Бухари. Сахих ал-Бухари. Ташкент, 1973.
23. Мухаммад ибн Йазид ал-Казвини. Сунан Ибн Маджа. Байрут: Дар ихйа' ат-турас ал-'араби, 1975.
24. Мухаммад Йусуф ал-Банури. Ма'ариф ас-сунан шарх сунан ат-Тирмизи. Карачи: ал-Мактаба ал-банурийя [б. г.].
25. Мухаммад ал-Мубаракфури. Тухфат ал-Ахвази би-шарх Джамии' ат-Тирмизи. Байрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийя [б. г.].
26. Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф. Тафсир-и хилал [б. м.; б. г.].
27. Мухаммад Фу'ад 'Абд ал-Баки. Ал-Му'дjam ал-муфахрас ли-алфаз ал-Кур'ан ал-Карим. Ал-Кахира: Дар ал-кутуб ал-мисрийя, 1945.
28. Сулайман ибн ал-Аш'ас ас-Сиджистани. Сунан Аби Давуд. Макка: Дар ал-баз [б. г.].
29. Шах Валийаллах ад-Дихлавн. Худжжат Аллах ал-балига. Лахур: ал-Мактаба ас-салафийя [б. г.].

(Перевод Б. М. Бабаджанова)

Указатель имен

- 'Абд ал-'Азиз ибн 'Абдаллах ибн Баа, шайх 238, 242—244
- 'Абд ал-'Азиз Мансур, шайх 59*¹, 60
- 'Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани 167
- 'Абд ал-Джаббар 'Азимов 59
- 'Абд ал-Кадир ал-Джилани/Гилани 200
- 'Абд ал-Кадир ибн Бирди-Мурад Хафиз-кухаки аш-Шаши (Мурадов) 95
- 'Абд ар-Раззак-хан, афганский консул 75, 80
- 'Абд ар-Раззак 'Афифи 243, 244
- 'Абд ас-Самад, мулла 59
- 'Абд ал-Хайй-кари 141, 174
- 'Абд ал-Хамид II, султан 58
- 'Абд ал-Хамид Турсунов 61
- 'Абдаллах ал-Лахури ал-Хинди 84
- 'Абдаллах ибн 'Аббас, сподвижник Пророка 216
- 'Абдаллах ибн 'Амр, сподвижник Пророка 215
- 'Абдаллах ибн Гидайян 243, 244
- 'Абдаллах ибн Ка'уд 243, 244
- 'Абдаллах ибн Мас'уд, сподвижник Пророка 224, 229—233
- 'Абдаллах ибн 'Умар, сподвижник Пророка 169, 227, 281
- 'Абдували-кари Мирзаев 20, 21, 24, 25, 27, 48*, 100, 101, 103, 139, 140, 159*, 161*, 163,
- 'Абдулатиф-кари Касимов 26, 31, 51*, 97, 139
- 'Абдулахад/'Абд ал-Ахад Барнаев 136*
- 'Абдулла Насыров 58*
- Абдулхамид/'Абд-ал-Хамид 159
- Абу Бакр, сподвижник Пророка 233
- Абу Бакр ибн 'Аййаш 233
- Абу Бакр ибн Аби Шайба 228, 232
- Абу Бишр ад-Давалиби, хафиз 220
- Абу Ва'ил 224
- Абу Давуд 248
- Абу Давуд ат-Тайалиси 220, 223
- Абу Зарр ал-Гифари, сподвижник Пророка 77
- Абу Идрис ал-Хаулани 77
- Абу Исхак 232
- Абу Йа'ла ал-Маусили 220
- Абу Муса ал-Аш'ари, сподвижник Пророка 219
- Абу Наср Мубашшир ат-Тарази, саййид 59
- Абу Умама 169
- Абу Ханифа, см. ан-Ну'ман ибн Сабит
- Абу Хурайра, сподвижник Пророка 221, 218
- Абу-л-'Ала' ал-Маудуди 22
- Абу-л-Касим ибн 'Асакир 169
- Абу-л-Лайс ас-Самарканди 172*
- Абу-л-Футух ат-Тавуси 84
- 'Ади ибн Раби'а ал-Мухалхил 89
- А'зам-хан-х'аджа 159
- 'Азар/'Айзар 88
- Акбар-джан-ака 166

¹ Звездочкой отмечены слова, встречающиеся в примечаниях.

- 'Али аз-Захири, шайх, сочинитель
касид 74
- 'Али ибн Аби Талиб 91, 110, 224,
228, 229
- 'Али ибн Ахмад ал-Гури 172*
- 'Али-хан 166
- 'Алкама, учитель Ибрахима ан-На-
ха'и 230—232
- 'Алкама ибн Ваккас ал-Лайси 85
- 'Амир ад-Духйан 89
- 'Амир ибн аз-Зарб ал-'Удвани 89
- 'Амир ибн ат-Туфайл, древнеараб-
ский герой 91
- 'Амр ибн Вадд 91
- 'Амр ал-Кина 90
- 'Амр ибн Ма'дикариб аз-Забиди 88
- ал-'Асали, семейство 58
- ал-Асвад 231, 232
- 'Асим ибн Кулайб, сын передатчика
хадисов 228
- ал-Ауза'и, имам 230, 242
- 'Ауф ибн Мухлим аш-Шайбани 91
- Ахмад-джан, мутавалли 160—163, 165,
166
- Ахмад ибн Са'ил, амир 111
- Ахмад ибн Ханбал, имам 220, 225,
236
- Ахунд-ака, см. Насриддин Тойчиев
- Баба Йусуф ал-Харави 84
- Бабаханов, см. Зияутдин Бабаханов
- Баззар, имам 236
- ал-Байхаки 226—228, 233
- Бакр ибн Ва'ил 89
- ал-Баррак ибн Рухан 90
- Бахрам-джан 174, 176
- Беннигсен А. 10, 11
- Бистам ибн Кайс 89
- Бистам ибн Кайс ибн Мас'уд 90
- Буран, дочь ал-Хасана ибн Вахба,
супруга ал-Ма'муна 88
- Бурхан ад-дин ал-Бухари 173
- Ва'ил ибн Худжр ал-Хадрами 220,
221, 230, 236
- Васнев, см. Хакимджан-кари
ал-Газаали, современный ученый 213
- Галиб ибн Муса'ид 112
- Горбачев М. 7, 102, 103, 119*, 135,
136
- Гулам-джан, сосед Мухаммад-Рад-
жаба 163
- ад-Даракутни, имам 220
- Дамдам, древнеарабский герой 91
- Давуд, имам 228
- ДеУиз Д. 10
- Джабир ибн Самура, сподвижник
Пророка 231
- Джамал ад-дин ал-Афгани 18
- Джамал-ходжа-ишан 59
- Джамалиддин/Джамал ад-дин-кари
160
- Джабра'ил, архангел 206*
- Дийа' ад-дин ибн Ишан Баба-хан,
см. Зияутдин Бабаханов
- Дукчи Ишан, см. Мухаммад-'Али
(Мадали) ибн Мухаммад-Сабир
- аз-Забих 87
- Зайд ибн Мухалхил ан-Набхани 91
- Зайд ал-Кина ибн Бадр ал-Фазари 90
- Зайн ад-дин-кари 59
- Зал 91
- Зийадов Ш. Ю. 61
- Зияутдин Бабаханов, муфтий САДУМ
11, 14, 20, 23, 59, 61

- аз-Зубайр ибн ал-'Авам 88
аз-Зухри 230, 231
'Ибадн, студент МГИМО 22
Ибн 'Абд ал-Ваххаб, см. Мухаммад ибн 'Абд ал-Ваххаб
Ибн Баз, см. 'Абд ал-'Азиз ибн 'Абдаллах ибн Баз
Ибн Зубайр 221
Ибн Маджа, имам 228
Ибн Марйам, см. Христос
Ибн Мас'уд, см. 'Абдаллах ибн Мас'уд
Ибрахим, пророк 87*
Ибрахим ал-Курани 84
Ибрахим-джан-кари 142*, 161, 162*
Ибрахим ал-Матбули 167
Ибрахим ан-Наха'и 230, 231
'Имран ибн Хусайн 223
Исма'ил ибн Ибрахим, коранический персонаж 87
Исма'ил ибн Касир, 'Имад ад-дин 46
Исма'ил-кари Куканди 102*, 122, 140*, 142
Исхак ибн Ибрахим, коранический персонаж 87
Исхак ибн Рахвайх 40, 242
Ишан Бабахан 'Абд ал-Маджидханов, муфтий САДУМ 61*
Йасир, брат царя Хайбар 89
Йахйа ибн 'Имад ал-Хутталани 84
Йахйа ибн Са'ид ал-Ансари 84
Йахйа-кари 163, 164
Йунус ибн Матта, пророк 87
Йунус Хакимджанов, мулла 59, 60*
Йусуф ал-Кардави, современный богослов 28*, 29
Ка'б ибн Мама ал-Ийади 91
ал-Ка'ка ибн 'Амр ат-Тамими 89
Каландари Садриддин, член ПИВТ 24
ал-Кардари, ханафитский автор 174*
Касим ал-'Иджли, Абу Дулаф, амир 91
Кисрай ал-мулук, см. Хосров Ануширван
Кулайб ибн Раби'а 89
Кутб ад-дин ан-Нахравани 84
Ма'адд ибн 'Аднан 89
ал-Маазаруни 84
Ма'кил ал-Хаджжал 90
Маннан Румузи/Рамзи, улем-коммунист 59
Марийа 73
Марйам бинт 'Имран 88
Мархаб ал-Йахуди, царь Хайбара 89
Масрур ибн Муса'ид, амир 111
Матта (Матфей), отец пророка Йунуса 87
ал-Маудуди, см. Абу-л-'Ала' ал-Маудуди
Махмуд Гази, султан 112
Минхаджиддин, брат Насриддина Тойчисева 166
Мирзаев, см. 'Абдували-кари ал-Мутира 229
Муджахид, сподвижник Пророка 227
Мунаввар-кари, участник церемоний «Маулуд» и «Хатм-и Кур'ан» 138, 140, 160, 165
Мусайлима ал-Каазаб 110
Муса ибн 'Имран, пророк 87

- Муслим ибн ал-Хаджжадж ал-Кушайри ан-Нисабури, имам 76–78, 92, 95, 215, 219, 226, 231
- Мухаммад, Пророк 13, 20, 22, 72, 75, 77, 78, 81–83, 86, 88, 108, 109, 117, 118, 122–124, 168, 171, 172, 176, 192, 196, 197, 200, 203–206, 211, 214–217, 219, 220–222, 224, 226, 227, 230–233, 236, 239, 242, 244, 248
- Мухаммад 'Абдух/'Абдо 139
- Мухаммад-'Али, султан Египта 112
- Мухаммад-'Али (Мадали) ибн Мухаммад-Сабир 119, 120
- Мухаммад-Амин 166, 161
- Мухаммад Аслам-хан, сардар, афганский консул 79
- Мухаммад ибн 'Абд ал-Вахаб 24*, 47*, 99, 108–110, 112
- Мухаммад ибн 'Али ас-Сануси 84
- Мухаммад ибн Ибрахим ат-Тайми 84, 85
- Мухаммад ибн Идрис аш-Шафи'и 222*, 225
- Мухаммад ибн Исма'ил ал-Джу'фи ал-Бухари, имам 12, 14*, 72–74, 80, 83, 84, 92, 205, 206, 216*, 218
- Мухаммад ибн Йусуф ал-Фирабри 84
- Мухаммад ибн Са'уд, амир селения ал-Дир'ийа 110–111
- Мухаммад ибн Сулайман ал-Курди 109
- Мухаммад ибн Шадбахт ал-Фаргани 84
- Мухаммад-Раджаб Таштемиров, кари 139, 140, 158–171, 174–176
- Мухаммад-Садик Андиджани 122*
- Мухаммад-Садик-кари Касимов 31, 102*
- Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф 9*, 11*, 21*, 23, 28, 30, 31, 61*, 102*, 136*, 137, 165, 191–195, 197
- Мухаммад Хайат-и Синди [ал-] Ханафи 108
- Мухаммаджан Хиндустанни 17, 20, 21, 24, 26–28, 44*, 50*, 96, 97–103, 108, 117*, 118, 119*, 122, 123, 125, 138–140
- Мухтар-джан 159, 161–165, 174–176
- ан-На'ама, см. Харис ибн Залим ал-Мурри
- Набих ибн ал-Хаджжадж ал-Джу-махи 88
- Навави, имам 169
- Наджибуллах, лидер НДПА 123
- ан-Наса'и, имам 228, 232
- Насир ад-дин Албани 221, 222
- Насриддин/Наср ад-дин-ахунд Тойчиев 109, 135–137, 139–141, 158, 159, 162–168, 170, 171, 174, 176
- Нафи', сподвижник Пророка 226
- Низамиддин, брат Насриддина Тойчиева 161
- Николай Романов II, царь 120
- Ну'айм ал-Муджмир 221
- Ну'ман-хан Тора, имам мечети 176
- ан-Ну'ман ибн Сабит ал-Куфи, ал-Имам ал-А'зам Абу Ханифа 203, 230, 231
- Нуширван, см. Хосров I Ануширван
- Пирим-кул, претендент на имамство 167

- Раби'а ибн Зайд ал-Мукаддам 89
 Рамадан ал-Бути, шайх 28*, 194
 Рахимджанов Д. О. 31, 61
 Рахматуллах 'Аллама 20, 21*, 24, 25, 27*, 125
 Рустамов, см. Мухаммаджан Хиндустани
 Са'д ал-Мансур, см. Са'д ибн Аби Ваккас
 Са'д ибн Аби Ваккас 88, 90
 Са'ди Ширази, Абу 'Абдаллах ибн Мушриф, шайх 122
 Садик-джан-кари 163, 164, 174, 176
 Садриддин, племянник Насриддина Тойчиева 162
 Са'ид ибн Мухаммад аш-Шами ат-Тараблуси, Шами-дамулла 14, 19, 57–61, 72, 75*, 79*, 80*
 Саййид 'Абдаллах Нури 21
 Саййид Кутб 21*, 22
 Саййид Сабик 221, 223
 Сайф ар-Рахман, афганский кади ал-'аскар 75
 Салимов М. 58*
 Са'уд ибн Са'ид, амир 110
 Сталин 102, 117*
 Сулайк ибн Сулка, джахилийский поэт 90
 Сулайман ал-Курди 108
 Сулайман ибн 'Абд-ал-Ваххаб, брат основателя ваххабизма 108, 109
 Сулайман ибн Давуд, пророк 87
 Салим III, султан 112, 122, 230, 231
 Сум'ан, апостол 88
 Суфйан 84
 Суфйан ибн 'Уйайна, имам 171, 230
 Суфйан ас-Саури, имам 242
 ат-Табарани, имам 224
 ат-Таййиби 82
 Талха ибн Мусарриф, передатчик хадиса 236
 ат-Тахави, имам 227–229, 233
 ат-Тирмизи, имам 109, 228, 232
 Тойчиев, см. Наср ад-дин-ахун/Насриддин-ахун и Фатх ад-дин/Фатхиддин-кари
 Туган, древний герой 91
 'Убайдаллах ибн Мас'уд ал-Махбуби ал-Бухари 138*, 164*
 'Умар ибн ал-Хаттаб ал-Фарук 85, 224, 232, 233
 'Урва ибн ал-Вард ал-'Абси 89
 'Усайли, см. 'Асали
 'Усман, халиф 123*
 'Утайба ибн ал-Харис ибн Шихаб ал-Йарбу'и 91
 Файсал ал-Филастини 21*
 Фалих ибн Мухаммад аз-Захири, учитель Шами-дамуллы 84
 Фарис ал-Йахмум, см. Хассан ат-Та'и
 Фарис ан-Наджжам, см. Сулайк ибн Сулка
 Фарис ибн 'Умар, Абу-л-Хасан 236
 Фатх ад-дин/Фатхиддин-кари Тойчиев 31, 135, 138, 141, 142, 162, 166, 175, 176
 Фахр ад-дин Кадихан, ханафитский факих 173*
 ал-Хаввас, шайх 167
 Хаджиб ибн Зурара ат-Тамими 90
 Хадрат 'Али, см. 'Али ибн Аби Талиб

- ал-Хаким, имам 220
Хакимджан-кари Васиев 25, 27
Хакимджанов, Максуд-'Али 60*
Хакимджанов, Йунус, см. Йунус
Хакимджанов
Халид ибн ал-Валид ал-Махзуми,
военачальник 91
Хамдам-хан 166
Хамза ибн 'Абд ал-Мутталиб, дядя
Пророка 90
Хаммад ибн Аби Сулайман, учитель
Абу Ханифы 230, 231
Харис ибн 'Убайд, герой джахилий-
ского периода 90, 91*
Харис ибн Залим ал-Мурри 91
ал-Хариси, имам 230
Хасан ал-Банна' 21, 139
Хассан ат-Та'и 89
ал-Хатиб ат-Табризи, автор 14
Хизан, древний герой 90
Хиндустани, см. Мухаммаджан Хин-
дустани
Хосров I Ануширван, сын Кубада 90,
103, 122*
Христос 87, 88
ал-Хумайди 84
Шами-дамулла, см. Са'ид ибн Му-
хаммад
Шамсиддин-хан Бабаханов, муфтий
САДУМ 61*
Шарафиддин-кари 165
Шас ибн Кайс 211
аш-Шафи'и, см. Мухаммад ибн
Идрис
Шах-Икрам Шах-Исламов, ученик
Шами-дамуллы 60
Шах-Мурад (Ма'сум)-хан 16
Шу'ба, сподвижник Пророка 216

Указатель названий сочинений

- «Аламли дил нидаси. Кокан джаме-сининг ачилаш шадийанаси сайа-сида: диний никаб астидаги муна-фикларнинг хабис-харакатлари» Наср ад-дин-дамулла Тойчиева 135, 143
- «Джами' ал-мутафаррикат» 173
- «Джами' ал-фатава» 172
- «ал-Джами' ас-сахих» Муслима ибн ал-Хаджжаджа ал-Кушайри ан-Нисабури 58, 76, 78
- «ал-Джами' ас-сахих» Мухаммада ибн Исма'ила ал-Бухари 14, 58, 72-76, 78, 80, 83-86, 92-95*, 205, 206, 216*
- «ал-Джаухара ал-фариди» Са'ида ибн Мухаммада аш-Шаами 60, 72*, 80
- «ал-Джумал ал-муфида фи шарх ал-джаухара ал-фариди» Са'ида ибн Мухаммада аш-Шаами 59*, 60, 95
- «аз-Зухдийат» Са'ида ибн Мухаммада аш-Шаами 60
- «Ислам мусаффаалиги йоида» Мухаммад-Садика Мухаммад-Йусуфа 244
- «Ислам икки от арасида» анонимного автора 101*
- [История ваххабитов] Мухаммад-жана Хиндустанни 108
- «Ихтилафлар хакида», см. «О разногласиях»
- «ал-Кабир» ат-Табарани 169
- «Канз ал-'ибад фи шарх ал-аурад» 'Али ибн Ахмада ал-Гури 172
- «ал-Касида ал-джами'а ал-фариди» Са'ида ибн Мухаммад аш-Шаами 60
- «ал-Касида фи ахл аш-Шаш, см. «ал-Касида ал-джами'а ал-фариди»
- «Кашф ал-гавамид» 173
- «Кашф ал-шубахат 'ан Халик ал-ард ва-с-самават» Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба 109
- «Китаб ал-умм» Мухаммада ибн Идриса аш-Шафи'и 222*
- «Маджаллат ал-бухус ал-исламиийа», сборник 244*
- «Мишкат ал-масабих» ал-Хатиба ат-Табризи 14
- «ал-Муснад» 'Абдаллаха ас-Субазмуни ал-Хариси 230
- «ал-Мухит ал-бурхани фи-л-фикх ан-ну'мани» Бурхан ад-дина ал-Кабирани ал-Бухари 173
- «Мухтасар ал-викайа», см. «ан-Нукайа»
- «Мушкил ал-асар» ат-Тахави 228
- «Несколько уроков ислама» Саййида Кутба 22*
- «ан-Нукайа» 'Убайдаллаха ибн Мас'уда ал-Махбуби ал-Бухари 138, 164
- «О разногласиях» («Ихтилафлар хакида») Мухаммад-Садика Мухаммад-Йусуфа 21, 30, 191, 197
- «Основы ислама» ал-Маудуди 22*

- [Ответы вносящим недопустимые новшества в религию] Мухаммаджана Хиндустани 99, 117
- «ар-Ра'ийа» Са'ида ибн Мухаммада аш-Шами 80
- «ар-Ра'ийа ал-кубра», см. «ал-'Укуд ад-дуррийа»
- «ар-Рисала фи асхаб ал-Кахф» Са'ида ибн Мухаммад аш-Шами 60
- «Раф' ал-йадайн фи-с-салат» Мухаммада ибн Исма'ила ал-Бухари 228
- «ас-Сахих», см. «ал-Джами' ас-сахих»
- «Сборник Академии исламского фикха» 242*
- «ас-Сунан», произведения ат-Тирмизи, Давуда, ан-Наса'и, Ибн Маджа 228
- «Танбих ал-гафилин» Абу-л-Лайса ас-Самарканди 172
- «Тафсир ал-Фуркан» 'Абдували Мирзаева 100*
- «Тафсир ал-хилал» Мухаммад-Садика Мухаммад-Йусуфа 29
- «ат-Тибйан» ан-Навави 169
- «ал-'Укуд ад-дуррийа» Са'ида ибн Мухаммада аш-Шами 80
- «Фава'id ал-ислам» 172
- «Фатава Кади-хан» Фахр ад-дина ал-Узганди 173
- «Фатава-йи базвазийа» Хафиз ад-дина ал-Кардари 174
- «Фатава-йи Сираджи» 173
- «Фи эилаал ал-Кур'ан» Саййида Кутба 21
- «Фикх ас-сунна» Саййида Сабика 221
- «Хадис ва хайат» Мухаммад-Садика Мухаммад-Йусуфа 244
- «Шарх ал-мухаазаб» ан-Навави 169
- «Шарх-и 'Акида-йи Тахавийа» Мухаммад-Садика Мухаммад-Йусуфа 205, 207, 210

Указатель географических названий

- Алжир 213
 'Алидж (Римал 'Алидж) 73, 94
 Андижан 21*, 25*, 26—27*, 102*, 120,
 160, 162, 163
 Аравийский полуостров 87
 Аравия 19
 'Ауф, долина 91
 Афганистан 23—24, 58, 75, 79, 124
 Бадр 88
 Ближний/Средний Восток 23
 Бухара 12, 15, 73, 92
 Великобритания 58, 59
 Восточный Туркестан 58
 ад-'Дахна' 73, 94
 Дигриз (Дегрез), квартал в г. Таш-
 кенте 74
 ад-Дир'ийа, селение 110, 111
 Европа 241
 Египет 21, 30, 112, 139—140, 142, 161
 Западная Европа 23
 Зу Кар 90
 Ирак 83
 Иран 23—25, 58
 Индостанский полуостров 22
 Индия 58, 83
 Йайпан 175
 Йасриб 211
 Йемен 83, 112, 221
 ал-Кадисийа 88
 Казахстан 5, 6
 Кандахар 123
 Кара-суу 27*, 51*
 Каракалпакстан 59
 Кашгар 14, 58, 120
 Китай/ас-Син 83
 Коканд 102*, 135, 139, 140, 142, 158—
 160, 163, 170, 174—175
 Кыргызстан 25*, 27
 Линан, гора 88
 Малая Азия 112
 Маргилан 25, 120, 139, 140, 160
 Мархамат 121
 Медина 108, 109, 211, 221
 Мекка 108—112, 211, 238—239
 Минг-типа 120, 121
 Москва 121
 Мулла-Киргиз, медресе 135*
 Наманган 135*, 139—141, 160
 Неджд 108—111
 Османская империя 19, 58
 Ош 25*, 27*, 120
 Пакистан 30
 Палестина 21, 88
 Пашша-Пирим, селение 175, 176
 Пекин/Баджин 58, 59, 83
 Персидский залив 87
 Поволжье 15
 Российская империя 15, 17
 Российская Федерация 217*
 Самарканд 12, 13, 92, 136
 Саудовская Аравия 30, 37, 99, 238
 Серово 175, 176
 Сирия 21, 83
 Ситиф 213
 СССР 10, 21, 23, 24*, 103, 136, 203
 Стамбул 112*

-
Таджикистан 24–25*	Хайбар 89
Ташкент 17, 19, 21, 23*, 59, 136	Хартанг 13, 73, 92
Тур Сина', гора 88	Хиджаз 83, 89*, 112
Турткуль 59	Хорезм 58
Узбекистан 6, 25*, 27, 102, 196, 217*	Чартут 159*
Узбекская ССР 21	аш-Шаш 72, 74, 76, 83
'Уман 87	Центральная/Средняя Азия 6–9,
12–14, 17, 19, 20, 23, 28–30, 100,
135–136, 196
Ухуд 213	
Ферганская долина 23*, 58, 119*, 135,
137–138, 140	Южный Таджикистан 23

Указатель предметный

- 'аба 123*
 адаб 73
 'адат 20, 23, 36*
 азан 205
 ал-Азхар, университет 58
 айат 26, 81, 82, 85, 109, 124, 164, 168,
 170, 196, 199, 209, 210, 211, 212, 213,
 214, 215, 216, 220, 233, 234, 247
 'акида 200, 240
 'акика 20
 Аминь 203, 205, 208, 209, 217–224,
 234
 амр-и ма'руф 26*
 арбаб ал-иса'а 76
 асанид 80, 84, 85
 асхабы 22, 229*
 атеизм, атеизация 22, 100*
 аулия' 20, 83
 ахл ас-са'ада 82
 «Ахл ас-сунна ва-л-джама'а» 170,
 194, 195, 200, 207, 240
 «Ахл ал-хадис/ахл-и хадис» 12, 13, 25
 «Ахл-и Кур'ан» 25
 ахун/ахунд 135*
 байт 74, 86, 94, 125
 басмачи 18
 безмазхабный ислам 12, 164*
 бид'ат 24, 30
 ва'э-х'ан 166*
 ваххабизм, ваххабия, ваххабитский 19,
 24*, 28, 58, 98, 99, 103, 108, 117, 122,
 136, 137, 139, 140, 164*, 192, 195,
 201
 вахй 85
 восточный факультет ТашГУ 60*
 гайр-и дин 16
 дам салмак 97
 ад-Дастурханийа, медресе 74
 демократия 22
 день Бу'ас 211
 джадидизм, джадидист 17, 18, 30
 джахил 205
 джинн 77, 87
 джихад 18, 22, 118, 120, 123
 ду'а'-и бад 28, 125
 Евангелие 88
 зийарат (пелигримаж) 20, 97
 западный империализм 22
 зикр 15, 30, 74
 Зу-л-Факар 88
 'ибадат 171, 198, 221
 'ид 205
 иджава 83
 иджтихад 145, 146, 218, 226, 239–
 240, 241, 244,
 изн 83
 иштирар, см. халат ал-иштирар, ишти-
 рари халат
 иштирари халат 18*, 27
 икама 205
 'илм 75, 76
 империализм 22
 Институт востоковедения АН РУз
 60*
 интегретский 22, 23
 исламизм 19
 исламский социализм 18, 57, 59

- ислах 15
 иснад 13
 истифта' 26
 «ал-Ихван ал-Муслимун» 21— 22
 кадимийа 16
 кадирийа 200
 казийский суд 18
 каррамиты 12
 касида 61, 72—75, 79, 80, 86, 94—95
 кафийа 73
 КГБ 122*
 кийас 33, 39
 красный мулла 11, 18
 колониализм 22
 коммунизм 22
 консерватизм 28
 Коран 21, 26—27, 30, 78, 81, 82, 86—
 87, 92, 97—98, 100—102, 109—110,
 117, 121—124, 160, 164—165, 168,
 192—193, 195—197, 199,—201,
 203—211, 215—217, 222—223,
 225—226, 231, 233—235, 237, 239,
 247
 Коран 'Усмана 123*
 Купол ислама, эгипет Бухары 73, 92
 «Люди Сунны и согласия», см. «Ахл
 ас-сунна ва-л-джама'а»
 маджлис 76
 мадраса 74, 79
 Мадраса-йи Мир, мечеть и медресе
 176
 мазар 74, 97
 махаб 12, 28—29, 98, 102, 109, 192,
 195, 200, 203—204, 207—208, 210,
 217—218, 226, 234, 237—245
 маликиты 34, 219
 маулул 20, 165
 махалла 74
 махаллинский мулла 8*
 Московский государственный инсти-
 тут международных отношений
 (МГИМО) 22
 му'амалат 240
 мубтади' 99
 муджадидийа 25, 30—31
 муджахид 125
 му'джива 88
 муджтахид 19, 42, 125, 217
 мулла 26
 мулла-бача 195, 202*
 мута'ассибчилик 28
 муфассир 211
 муфти 11, 14, 23, 30
 мухаддис 16, 23, 82, 215, 222—223
 мухажир 211
 накл 80
 Накшбандийа 30, 200
 Накшбандийа-Муджадидийа 15
 Народно-демократическая партия
 Афганистана 123
 неисламские обычаи 11, 36*
 неоваххабиты 99, 101, 103, 141, 164,
 192
 обновители 24
 официальный ваххабит 11
 официальный ислам 10
 официальный мулла/клерикал 10
 параллельный ислам 10, 11
 Партия исламского возрождения
 Таджикистана 24
 Партия исламской молодежи Тад-
 жикистана 24

- притеснители 93
 протоханафитский 12
 «Рабитат ал-'алам ал-ислами», организация 238, 239
 ра'й 30, 101
 рак'ат 78
 раскольники 98, 108–110
 рафиди 110
 реформатор 25
 реформатор-фундаменталист 21, 22
 реформаторство 10
 ривайа 73, 75
 риджал ал-иснад 83
 рук'а 26, 49*, 97*
 руку' 209
 саваб 78
 салат ат-таравих 78
 салафитская идея 25
 салафиты, салафитский 123
 санад 13, 80, 83
 святые 97
 советский ислам 10, 19
 советологическая исламология 10
 Среднеазиатское духовное управление мусульман 7, 10, 11, 23, 28, 30, 58, 61, 137, 191, 196
 Сунна 13, 29, 30, 75, 76, 81, 82, 92, 93, 98, 168, 192, 193, 195, 200, 203, 204, 208, 209, 210, 215, 217, 221, 222, 223, 225, 226, 231, 234, 235, 237, 239
 суннат той 26
 сунниты 4, 194
 суфизм, суфийский 15, 30
 таби'ин 229
 «Таблиги джама'ат» 31
 таваккул 26, 49*
 таджид 15
 такбир 223, 232
 такйя 18*
 таклид 26
 тарика 81
 тафсир 78, 246
 тахарат 235
 терроризм 19
 Тора (ат-Таурат) 87
 'улама' 7–9, 11–29, 74, 78–80, 83, 92, 98–102, 104, 108–109, 111, 117, 121, 136–137, 141–142, 168, 171, 173, 191–193, 195, 202
 'улама'-консерватор 11, 16, 135
 'улама'ас-сунна 75
 умма 12, 75–77, 83, 194
 Управление мусульман Узбекистана 23, 30
 'урф 11, 20, 36*
 'урф ва-'адат 25, 30
 ученые-муджтахиды 236
 факих 233
 фана' 86
 фард 209
 «ал-Фатиха», сура Корана 97, 103, 203, 205, 217–219, 220–221, 223, 225, 228
 фетва/фатва (мн. ч. фетавы) 59, 168, 173, 237, 243–247
 фикх 14, 171, 207, 209, 231, 238–241, 243
 фикх мукарин 12
 фикх-юриспруденция 240
 фундаментализм, фундаменталистский 19, 23
 фуру 'ал-фикх 16
 хадис 13, 14, 16, 59, 72, 75, 77, 78, 80–83, 85, 93–95, 100–102, 117, 123,

- 203, 208, 215–216, 219–220, 222,
225–227, 229–237, 247
- хадисоведение 14
- калат ал-идтирар 18
- халифа 82
- халифат 12, 22
- ханака 74
- ханафитский мазхаб, ханафийа 72, 101,
102, 138–139, 164, 192–193, 200,
204, 208–209, 217–218, 234, 236
- ханафитский фикх 201
- ханафиты, ханафитский 12, 14, 24, 122,
137, 209, 219, 224, 227, 233–234,
237
- ханбалиты, ханбалитский 109, 123, 201,
219, 226–229,
- ханифийа 72
- харам 205, 216–217
- хатм ал-Кур'ан 78
- хиджра 83, 85
- «Хизб ат-тахрир ал-ислами» 31
- хийал 17
- худжра 20, 25, 29, 96, 108
- хукм 210, 241
- «чистый ислам» 11
- шари'ат, шариатский 7, 16–17, 75, 82,
83, 85, 93, 98, 165, 167–168, 200,
205, 207, 210, 236, 240, 245, 247
- шафи'иты, шафи'итский 13, 201, 219,
226–229, 234
- шафи'итский мазхаб, шафи'ийа 217,
218, 222, 239

Указатель этнонимов

арабы 211	раби'а 90
аус 211	сайинды 13
афганцы 75, 79—80	тогуз-гуз 75
бақр 90	торки 75, 80
бани курайза 206	тюрко-монголы 80
бани тамим 108	тюрки-узбеки 74
бану-л-ахрар, персы 90	уйгуры 75
нуден 211	хазрадж 211
ма'адд 89	шайбан 89
персы 90	

ТҮЙІН

Кітапта кеңес заманында ортаазиялық ғұламалардың жазған бес шығармасы алғашқы рет ғылыми көпшілік назарына ұсынылып отыр. Бұл шығармалар олардың көзқарастарындағы қайшылықтар мен бөлінушіліктерді, пікірталас жүргізілген мәселелерді көрсетеді. Шығармалар араб, тәжік және өзбек тілдерінде жазылған. Түпнұсқа мәтіндер орыс және ағылшын тілдеріне аудармамен, комментарий, көрсеткіштермен жабдықталған.

SUMMARY

In the present volume five tracts compiled among Soviet-era religious scholars are being published here for the first time. They reflect the conflicts and disputes that took place among these scholars, and reveal the issues that they debated. These tracts were compiled in the Arabic, Tajik, and Uzbek languages. The original texts are provided along with English and/or Russian translations, commentary, and indices.

CONTENTS

PREFACE (by M. Kh. Abuseitova)	5
INTRODUCTION: Religious Texts of the Soviet Era	32
TEXTS	
Chapter 1. Sa'id ibn Muhammad al-'Asali at-Tarablusi ash-Shami ad-Dimashqi (Shami-damulla). «al-Jumal al-Mufida fi Sharh al-Jawhara al-Farida»	
Introduction	57
Arabic text	62
Russian translation	72
Chapter 2. Muhammad-jan Hindustani. Two Tracts on Disputes	
Introduction	96
Tajik text [History of the Wahhabites]	105
Russian translation	108
Tajik text [Answers to Those Who Are Introducing Inadmissible Innovations into Religion]	113
Russian translation	117
English translation	126
Chapter 3. Nasriddin-damulla Toychiyev. «Alamli Dil Nidosi. Qo'qon Jomesining Ochilish Shodiyonasi Soyasida: Diniy Niqob Ostidagi Munofiqlarning Habis-Harakatlari»	
Introduction	135
Uzbek text	143
Russian translation	158
English translation	177
Chapter 4. Shaykh Muhammad-Sadiq Muhammad-Yusuf. «On Disputes»	
Introduction	191
Russian Translation	197
Index of Personal Names	250
Titles Index	256
Index of Places	258
Subject Index	260
Ethnic Names	264
Summary	265

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (М. Х. Абусентова)	5
ВВЕДЕНИЕ: религиозные тексты советского времени	7
ТЕКСТЫ	
Раздел 1. Са'ид ибн Мухаммад ал-'Асали ат-Тараблуси аш-Шами ад-Димашки (Шами-дамулла). «ал-Джумал ал-муфида фи шарх ал-джаухара ал-фарида»	
Введение	57
Текст на арабском языке	62
Перевод на русский язык	72
Раздел 2. Мухаммаджан Хиндустани. Два трактата о диспутах	
Введение	96
Текст на таджикском языке [История ваххабитов]	105
Перевод на русский язык	108
Текст на таджикском языке [Ответы вносящим недопустимые новшества в религию]	113
Перевод на русский язык	117
Перевод на английский язык	126
Раздел 3. Насриддин-дамулла Тойчиев. «Alamli dii nidosi. Qo'qon jomesining ochulish shodiyonaai soyasida: diniy niqob ostidagi munofiqarning habis-harakatlari»	
Введение	135
Текст на узбекском языке	143
Перевод на русский язык	158
Перевод на английский язык	177
Раздел 4. Шайх Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф. «О разногласиях»	
Введение	191
Перевод на русский язык	197
Указатель имен	250
Указатель названий сочинений	256
Указатель географических названий	258
Указатель предметный	260
Указатель этнонимов	264
Туйин	265
Summary	265

Д 48 Диспуты мусульманских религиозных авторитетов в Центральной Азии в XX веке: критические задания и исследования источников. Издатели: Б. М. Бабаджанов, А. К. Муминов, А. фон Кюгельген. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 272 с.

ISBN 9965-798-25-7

В книге публикуются сочинения мусульманских интеллектуалов советского периода, найденные в частных архивах. Тексты представлены в оригиналах на арабском, таджикском, узбекском и в переводах на русский и английский языки. Эти первоисточники имеют важное значение для адекватного понимания феномена «советский ислам» в Центральной Азии. В них отражены диспуты и расколы среди местных 'улам', нередко приобретающие острый политический характер. Эта полемика и в настоящее время имеет своеобразное продолжение в движении за «безмахабный ислам».

Ретроспекция исторических порывов «очищения ислама и мусульман» раскрывает механизм того, каким образом создаются благоприятные условия и почва для распространения и последующего временного успеха идеологий религиозно-политических групп, чьи действия принято характеризовать как фундаментализм, экстремизм, исламизм и терроризм.

Данная книга будет представлять интерес для востоковедов, историков, политологов, а также станет полезным источником информации для широкого круга читателей.

Д $\frac{0403000000}{00(05)-07}$

ББК 86.2

ISBN 9965-798-25-7

ПРОЕКТ:

Диспуты мусульманских религиозных авторитетов в Центральной Азии
(XIX—XX вв.):
критические издания и исследования источников

Том III

Disputes on Muslim Authorities in Central Asia (19th—20th Centuries):
Critical Editions and Source Studies

Volume III

Редакционная коллегия издания:

М. Х. Абусентова,
Анке фон Кюгельген, Б. М. Бабаджанов,
А. К. Муминов, Аллен Франк

Научное издание

**ДИСПУТЫ МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ АВТОРИТЕТОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XX ВЕКЕ:
КРИТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Б. М. Бабаджанов, А. К. Муминов, А. фон Кюгельген

*Редактор Н. М. Галкина
Корректор Н. Леонова
Дизайнер К. К. Карпун
Компьютерная верстка Е. А. Немировской*

Подписано в печать 25.01.07. Формат 60x90¹/₁₆
Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 17.9. Усл. п. л. 17.0.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство ТОО «Дайк-Пресс»,
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.
Тел.: 261-28-35, 261-32-75

Директор Б. А. Казгулов

Типография ТОО «Print-S»
050032, г. Алматы, ул. Ибрагимова, 1.